Индекс 70822

♦ ♦ ♦ ♦ "Н А У К А" ♦ ♦ ♦ ♦

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*
Агрохимия
Азия и Африка сегодня
Акустический журнал*
Алгебра и анализ
Астрономический вестник*
Астрономический журнал*
Биологические мембраны*
Биология внутренних вод*
Биология моря*
Биоорганическая химия*
Биофизика*
Биохимия*
Ботанический журнал
Вестник РАН*
Вестник древней истории
Вестник Южного научного центра
Водные ресурсы*
Вопросы истории естествознания и техники
Вопросы ихтиологии*
Вопросы философии
Вопросы языкознания
Восток
Вулканология и сейсмология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*
Генетика*
Геология рудных месторождений*
Геомагнетизм и аэрономия*
Геоморфология
Геотектоника*
Геохимия*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология
Государство и право
Дефектоскопия*
Дискретная математика
Дифференциальные уравнения*
Доклады Академии наук*
Журнал аналитической химии*
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
Журнал вычислительной математики и математической физики*
Журнал неорганической химии*
Журнал общей биологии
Журнал общей химии*
Журнал органической химии*
Журнал прикладной химии*
Журнал технической физики*
Журнал физической химии*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*
Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Записки Российского минералогического общества
Земля и Вселенная
Зоологический журнал
Известия РАН. Механика жидкости и газа*
Известия РАН. Механика твердого тела*
Известия РАН. Серия биологическая*
Известия РАН. Серия географическая
Известия РАН. Серия литературы и языка
Известия РАН. Серия математическая
Известия РАН. Серия физическая*
Известия РАН. Теория и системы управления*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*
Известия РАН. Энергетика
Известия русского географического общества
Исследование Земли из космоса
Кинетика и катализ*
Коллоидный журнал*
Координационная химия*
Космические исследования*
Кристаллография*
Латинская Америка
Лесоведение
Лёд и Снег
Литология и полезные ископаемые*
Математические заметки*
Математический сборник
Математическое моделирование
Микология и фитопатология
Микробиология*
Микроэлектроника*
Мировая экономика и международные отношения
Молекулярная биология*
Наука в России
Научное приборостроение
Нейрохимия*
Неорганические материалы*
Нефтехимия*
Новая и новейшая история
Общественные науки и современность
Общество и экономика
Океанология*
Онтогенез*
Оптика и спектроскопия*
Палеонтологический журнал*
Паразитология
Петрология*
Письма в Астрономический журнал*
Письма в Журнал технической физики*
Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Поверхность*
Почвоведение*
Приборы и техника эксперимента*
Прикладная биохимия и микробиология*
Прикладная математика и механика
Природа
Проблемы Дальнего Востока
Проблемы машиностроения и надежности машин*
Проблемы передачи информации*
Программирование*
Психологический журнал
Радиационная биология. Радиоэкология
Радиотехника и электроника*
Радиохимия*
Расплавы
Растительные ресурсы
Российская археология
Российская история
Российский иммунологический журнал
Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Русская литература
Русская речь
Сенсорные системы
Славяноведение
Социологические исследования
Стратиграфия. Геологическая корреляция*
США. Канада. Экономика - политика - культура
Теоретическая и математическая физика
Теоретические основы химической технологии*
Теория вероятностей и ее применение
Теплофизика высоких температур*
Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Успехи математических наук
Успехи современной биологии
Успехи физиологических наук
Физика Земли*
Физика и техника полупроводников*
Физика и химия стекла*
Физика металлов и металловедение*
Физика плазмы*
Физика твердого тела*
Физикохимия поверхности и защита материалов*
Физиология растений*
Физиология человека*
Функциональный анализ и его применение
Химическая физика*
Химия высоких энергий*
Химия твердого топлива*
Цитология*
Человек
Экология*
Экономика и математические методы
Электрохимия*
Энергия, экономика, техника, экология
Этнографическое обозрение
Энтомологическое обозрение*
Ядерная физика*

** Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке*

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2015, № 4

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 4 • 2015

ISSN 0869-6063

Номер 4 **Октябрь–Ноябрь–Декабрь 2015**

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.naukaran.ru

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2015

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

© Российская академия наук, 2015
© Редколлегия журнала “Российская археология” (составитель), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2015

Изобразительная и символическая деятельность: новые материалы и методы исследования (к 50-летию Е.Г. Дэвлет)

Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал)
Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е. 5

Петроглифы в низовьях реки Выг: проблемы хронологии и периодизации
Лобанова Н.В. 16

Дольмены станицы Царской: красные пигменты как продукт производста и потребления
Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Калинин П.И., Алексеев А.О., Богомолов Е.С. 34

Культурно-исторический контекст археологического комплекса Гобустан
Фараджева М.Н. 50

Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм)
Король Г.Г. 64

Новгород Великий в древнерусском контексте (к 60-летию П.Г. Гайдукова)

Металлические оправы стеклянных зеркал: техника изготовления и химический состав сплавов
Ениосова Н.В., Рыбина Е.А. 78

Амулеты с усадеб Ярышевой улицы Троицкого раскопа
Покровская Л.В., Тянина Е.А. 89

Усадьба Ж Федоровского раскопа в конце XI – первой половине XII в.
Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. 101

Стенка в южной апсиде собора Пантелеймонова монастыря и алтарные преграды приделов новгородских храмов XII в.
Седов Вл.В. 113

Ранняя застройка Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)
Фараджева Н.Н. 123

Средневековая Русь: археология, история, культура (К 70-летию А.В. Чернецова)

К проблеме изобразительных мотивов в славянском язычестве
Петрухин В.Я. 134

Граффити храма Покрова Богородицы на Нерли
Медынцева А.А. 141

Импортные стеклянные сосуды из раскопок во Владимире в 2007 г.
Кузина И.Н. 149

Рязанские ополья: динамика и характер колонизации в XII–XV вв.
Стрикалов И.Ю. 158

Некоторые археологические факты времен нашествия Батыя
Иванченко Л.И., Моця А.П. 172

Кто был владельцем серебряной чаши из Микулина городища – “князь Великий Георгий” или “кнез Влькь Георгий”?
Турилов А.А. 180

Культовые памятники Ростиславля Рязанского в контексте христианских древностей Рязанской земли
Коваль В.Ю. 185

Печать константинопольского патриарха Афанасия из переславского Спасо-Преображенского собора
Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Седов Вл.В., Бейлекчи В.В. 196

Хроника

К юбилею Екатерины Георгиевны Дэвлет
Миклашевич Е.А., Редакция журнала «Российская археология» 203

К 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова
Коллектив Института археологии РАН, Редакция журнала “Российская археология” 204

К юбилею Алексея Владимировича Чернецова
Петрухин В.Я., Турилов А.А., Стрикалов И.Ю. 206

CONTENTS

No. 4, 2015

Imitative and symbolic activity: new materials and research methods (50th anniversary of E.G. Devlet)

Radiocarbon dates of Upper Paleolithic layers of Kapova cave (the Southern Urals)
Zhitenev V.S., Pakhunov A.S., Margarian A., Soldatova T.E. 5

Petroglyphs in the lower reaches of Vyg river: questions of chronology and periodization
Lobanova N.V. 16

Dolmens near stanitsa Tsarskaya: red pigments as the product of production and consumption
Trifonov V.A., Shishlina N.I., Kalinin P.I., Alekseev A.O., Bogomolov E.S. 34

Cultural-historical context of archaeological complex of Gobustan
Faradjova M.N. 50

Cultural influences in Central Asia and adfacent territories at the turn of the 1st–2nd millennia AD (on the materials of small toreutics)
Korol G.G. 64

Novgorod Velikiy in Ancient Rus context (60th anniversary of P.G. Gaidukov)

Metal cases of the glass mirrors: production technique and chemical composition of alloys
Eniosova N.V., Rybina I.A. 78

Amulets from the Yaryshev street manors of the Troitskiy excavation site
Pokrovskaia L.V., Tianina E.A. 89

Townsplot G at the Fyodorovskiy excavation site at the end of the 11th – the first half of the 12th c.
Dubrovin G.E., Tarabardina O.A. 101

The wall of southern apse of the Panteleimon Monastery and the choir screen of the side-altar of the Novgorod temples of the 12th c.
Sedov Vl.V. 113

Early construction of Liudin and Nerevskiy konets of medieval Novgorod (on the materials of Nerevskiy and Troitskiy excavation sites)
Faradzheva N.N. 123

Medieval Rus: archaeology, history, culture (70th anniversary of A.V. Chernetsov)

To the problem of the pictorial motifs in Slavic paganism
Petrukhin V.Ya. 134

Graffiti from the Church of the Intercession of the Holy Virgin on the Nerl River
Medyntseva A.A. 141

Import glass vessels from the excavation sites in Vladimir in 2007
Kuzina I.N. 149

Ryazan high plains: dynamics and the character of colonization in 12–15 cc.
Strikalov I.Yu. 158

Some archaeological facts from the time of the Baty-Khan invasion
Ivanchenko L.I., Motsia A.P. 172

Who was the owner of the silver bowl from the fortified settlement Mikulino, "the Prince George the Great" or "kniaz Velikii Georgii"?
Turilov A.A. 180

Cult sites of Rostislavl Ryazanskiy in the context of Christian antiquities of Ryazan land
Koval V.Yu. 185

The seal of Patriarch Athanasius of Constantinople from the Cathedral of the Transfiguration of the Saviour in Pereslavl-Zaleskiy
Makarov N.A., Gaidukov P.G., Sedov Vl.V., Bejlekchi V.V. 196

Chronicle

The anniversary of Ekaterina Georgievna Devlet
Miklashevich I.A., The editorial board of the journal "Russian Archaeology" 203

60th anniversary of Piotr Grigorievich Gaidukov
The Institute of Archaeology RAS personnel. The editorial board of the journal "Russian Archaeology" 204

The anniversary of Aleksei Vladimirovich Chernetsov
Petrukhin V.I., Turilov A.A., Strikalov I.Yu. 206

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 5–15

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (К 50-ЛЕТИЮ Е.Г. ДЭВЛЕТ)

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

© 2015 г. В.С. Житенев*, А.С. Пахунов**
А. Маргарян*, Т.Е. Солдатова***

** Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*
*** Институт археологии РАН, Москва (science@pakhunov.com)*
**** Копенгагенский университет, Музей естественной истории Дании*

В статье представлен обзор всех имеющихся на сегодняшний день радиоуглеродных дат из позднеплейстоценовых слоев Каповой пещеры (Южный Урал, Россия). Впервые публикуются две новые калиброванные даты, полученные по костям из шурфа в Купольном зале, где исследуется многослойный пункт посещения в верхнепалеолитическое время. Имеющиеся данные позволяют достаточно уверенно говорить об использовании пещеры в интервале от 13900 до 16710 л.н. Дата 28050 ± 250 (AAR-20983), судя по стратиграфическому положению отобранного образца, удревнена, возможно, вследствие резервуарного эффекта. Также проанализированы полученные ранее результаты по составу красок и выделена группа рисунков с высоким содержанием в красках аморфного углерода. Данный факт – необходимое условие проведения датирования рисунков, что позволит напрямую сопоставить время их создания и посещения пещеры.

Ключевые слова: верхний палеолит, Капова пещера, радиоуглеродное датирование, AMS-датирование, неразрушающие методы исследования.

Капова пещера (Шульган-Таш) расположена в Бурзянском р-не Республики Башкортостан на территории Государственного природного заповедника “Шульган-Таш”. Вход находится в 150 м к северо-востоку от правого берега р. Белая. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех гипсометрических уровнях (этажах), нижний из которых занят речкой Подземный Шульган.

Первые палеоантропологические находки были сделаны в 1760 г. при первом же осмотре пещеры академической экспедицией П.И. Рычкова, когда в Купольном зале Каповой пещеры была найдена “сухая человеческая голова” – по всей видимости, череп человека. В 1896 г. экспедицией в составе Д. Соколова, Ф. Симона, И. Заневского был обнаружен еще один череп (Житенев, 2011. С. 464, 465).

С 1960 г., после открытия в 1959 г. А.В. Рюминым настенных красочных изображений палеолитического возраста, начались систематические археологические исследования, проводившиеся в разные годы О.Н. Бадером (1965), В.Е. Щелинским (1996), Т.И. Щербаковой (2005), В.Г. Котовым (2014). В настоящее время полевые исследования Каповой пещеры выполняет Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством одного из авторов.

В результате работ О.Н. Бадера 1960–1978 гг. были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натеков настенные изображения в залах среднего (Купольный, Знаков, Хаоса) и верхнего (Рисунков) ярусов (Бадер, 1965). В пещере кроме единственного рисунка зооантропоморфа представлены зооморфные образы (мамонты, лошади, носорог, бизон) и геометрические знаки. В шурфах и раскопах зафиксированы единичные свидетельства деятельности человека в эпоху верхнего палеолита (Бадер, 1962).

В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В.Е. Щелинский (1996). Одним из важнейших результатов работ стало открытие в зале Знаков рядом с настенными рисунками палеолитического культурного слоя. По древесному углю из культурного слоя были получены следующие даты: 14680±150 л.н. (ЛЕ-3443), 13930±300 л.н.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования верхнепалеолитических слоев в Купольном зале Каповой пещеры

Адрес образца	Материал	Лабораторный индекс и номер	^{14}C-дата, л.н. (BP)	1σ (68.2 %) календарный возраст, кал. л.н. (cal BP)	2σ (95.4%) календарный возраст, кал. л.н. (cal BP)	Содержание коллагена	pMC (% современного радиоуглерода)	δ^{13}C (одновременный двойной напуск)
Капова пещера, зал Купольный, шурф 1, кв. Е-7, гор. 6	Кость	AAR-20982	15235±70	16649–16464	16735–16376	0.011	15.01±0.13	–19.13±0.05
Капова пещера, зал Купольный, шурф 1, кв. Е-7, гор. 4	Кость	AAR-20983	28050±250	30258–29514	30732–29367	0.035	3.05±0.1	–18.71±0.05

Примечание. Для калибровки использовалась программа OxCal v4.2.3 и атмосферная кривая IntCal13 (Ramsey, 2009; Reimer et al., 2013).

(ГИН-4853), 15050±100 л.н. (KN-5022), 16010±100 л.н. (KN-5023) (Ščelinskij, Širokov, 1999. С. 73). Чрезвычайно значимой находкой в культурном слое стала небольшая “глыба” известняка, “на которой сохранился фрагмент (длиной около 15 см) небольшого красочного изображения (возможно, мамонта), близкого некоторым изображениям на стенах пещеры” (Щелинский, 1996. С. 15). Таким образом, место расположения культурного слоя, сходство цвета настенных рисунков с цветом минеральной краски и фрагмента изображения на “глыбе” позволили “прямо увязывать” обнаруженный верхнепалеолитический культурный слой “с живописью святилища и считать эти два явления в определенной мере синхронными и связанными между собой” (Щелинский, 1996. С. 15). В культурном слое на площади 68 м^2 были обнаружены очаги и золистые пятна, каменные орудия и микродебитаж, единичные костяные орудия, глиняная жировая лампа, украшения из бивня (?), раковин моллюсков и камня, значительное количество охры, древесный тлен и уголь, остеологические материалы (Щелинский, 1996. С. 12–15; Ščelinskij, Širokov, 1999. С. 65–83).

В 2004–2005 гг. в зале Рисунков работала экспедиция под руководством Т.И. Щербаковой (Щербакова, Щелинский, 2005; Щербакова, 2007). Основные исследования проводились под Восточным (зачистка шурфа О.Н. Бадера) и Западным панно (прирезка к шурфу О.Н. Бадера). Были зафиксированы расколотый известняк, кость животного, охра, остатки древесного угля, по которому в радиоуглеродной лаборатории ВСЕГЕИ получена дата 15100±1300 л.н. (RGI-505) (Котов, 2014. С. 122).

С 2008 по 2011 г. археологические исследования в Каповой пещере проводила экспедиция Института истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН под руководством В.Г. Котова (2014). Одним из пунктов работ был первый уступ Каскадной галереи (Балкон). В шурфе и раскопе зафиксировано несколько горизонтов посещения позднеплейстоценового возраста. Культурные остатки шурфа 1 представлены изделиями и отходами производства из камня, охрой и древесным углем, по которому для двух условных горизонтов получены радиоуглеродные даты: 13900±190 л.н. (Ki-15568) и 16710±800 л.н. (Ki-15967) (Котов, 2014. С. 123).

С 2008 г. по настоящее время комплексные исследования в Каповой пещере продолжает Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ. Основные работы проводятся в залах Купольный, Хаоса и Рисунков (Пахунов и др., 2014; Пахунов, Житенев, 2015). В Купольном зале выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как позднеплейстоценового, так и голоценового возраста (Житенев, 2012а, б; 2014а–в). В шурфе 1 в Западной нише Купольного зала в пачке позднеплейстоценовых отложений на сегодняшний день зафиксировано девять горизонтов посещений с культурными остатками (каменные изделия и отходы производства, украшения, орнаментированные кости, охра, фрагменты кальцинированных костей, древесный уголь и др.) эпохи верхнего палеолита, демонстрирующими неоднократность посещения пунктов с настенными изображениями.

В 2014 г. в Центре AMS радиоуглеродного датирования Института физики и астрономии Орхусского университета (Дания; международный индекс

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного датирования верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры

Адрес образца	^{14}C-дата, л.н. (BP)	Номер и индекс	Материал	Источник
Зал Рисунков, шурф у Западного панно	15 100±1300	RGI-505	Древесный уголь	Котов, 2014. С. 122
Первый уступ Каскадной галереи (Балкон), шурф 1, условный гор. 5	13 900±190	Ki-15568	”	Котов, 2014. С. 123
Первый уступ Каскадной галереи (Балкон), шурф 1, условный гор. 3	16 710±800	Ki-15967	”	Котов, 2014. С. 123
Зал Купольный, шурф 1, кв. Е-7, гор. 6, гл. –82…–87	15 235±70	AAR-20982	Кость	Настоящая статья, табл. 1
Зал Купольный, шурф 1, кв. Е-7, гор. 4, гл. –64/65… –68/69	28 050±250	AAR-20983	Кость	Настоящая статья, табл. 1
Зал Знаков, раскоп	14 680±150	ЛЕ-3443	Древесный уголь	Ščelinskij , Širokov, 1999. С. 73
”	13 930±300	ГИН-4853	”	”
”	15 050±100	KN-5022	”	”
”	16 010±100	KN-5023	”	”

лаборатории – AAR) получены две новые даты по двум фрагментам костей из двух верхнепалеолитических горизонтов посещения, зафиксированных в шурфе 1 Купольного зала (табл. 1).

Следует особенно подчеркнуть не только ясное положение *in situ* 4 и 6-го культурных горизонтов, но и их залегание в разных литологических слоях. Факт того, что образец, по которому получена более молодая дата, стратиграфически был расположен ниже более древнего образца, требует осмысления. Этому можно найти несколько объяснений, однако до получения новых результатов датирования этих слоев стоит воздержаться от интерпретаций. Очевидно, что дата 28050±250 л.н. (AAR-20983) удревнена. Тем не менее она не может быть отринута абсолютно, особенно учитывая количество выявленных верхнепалеолитических горизонтов посещения и глубину их залегания в шурфе 1 Купольного зала Каповой пещеры.

Таким образом, на сегодняшний день для позднеплейстоценовых слоев разных пунктов распространения верхнепалеолитических культурных остатков Каповой пещеры известно девять дат (табл. 2).

Если оставить без рассмотрения (возможно) удревненную дату 28050±250 л.н. (AAR-20983) из 4-го горизонта посещения шурфа 1 Купольного зала, то основной массив дат из культурных слоев верхнего яруса (зал Рисунков) и среднего яруса (залы Купольный и Знаков) пещеры, как и первого уступа Каскадной галереи, располагается в промежутке около 14–16 тыс. л.н. Такой возраст соответствует представлениям об особенностях художественного ансамбля и каменной индустрии Каповой пещеры (см., например: Бадер, 1965. С. 20; Щербакова, 1986; Щелинский, 1997. С. 34; Нехорошев, Гиря, 2004. С. 34, 35; Павлов, 2009). Наличие археологически зафиксированной неоднократности посещения ряда пунктов хорошо согласовывается и с определенной гетерогенностью внутри имеющегося набора дат.

О допустимости удревнения времени начала функционирования святилища в Каповой пещере можно будет говорить после проведения комплексного естественно-научного исследования нижних горизонтов посещения в шурфе 1 Купольного зала и увеличения массива дат по разным пунктам распространения верхнепалеолитических остатков основных залов и галерей памятника.

Появление возможности получения прямых дат для наскальных изображений связано с разработкой метода AMS-датирования и, как следствие, со снижением необходимой навески образца краски. К настоящему времени даты получены для ряда изображений как из пещер Франции и Испании (Lorblanchet et al., 1990; Valladas et al., 1992; Clottes et al., 1995; Valladas et al., 2001; Valladas, 2003; Cuzange et al., 2007), так и с памятников под открытым небом Австралии (McDonald et al., 2014), Аргентины (Hedges et al., 1998), Испании (Steelman et al., 2005), Конго (Heimlich et al., 2013), ЮАР (Bonneau et al., 2011) и др. Важно отметить работу по датирова-

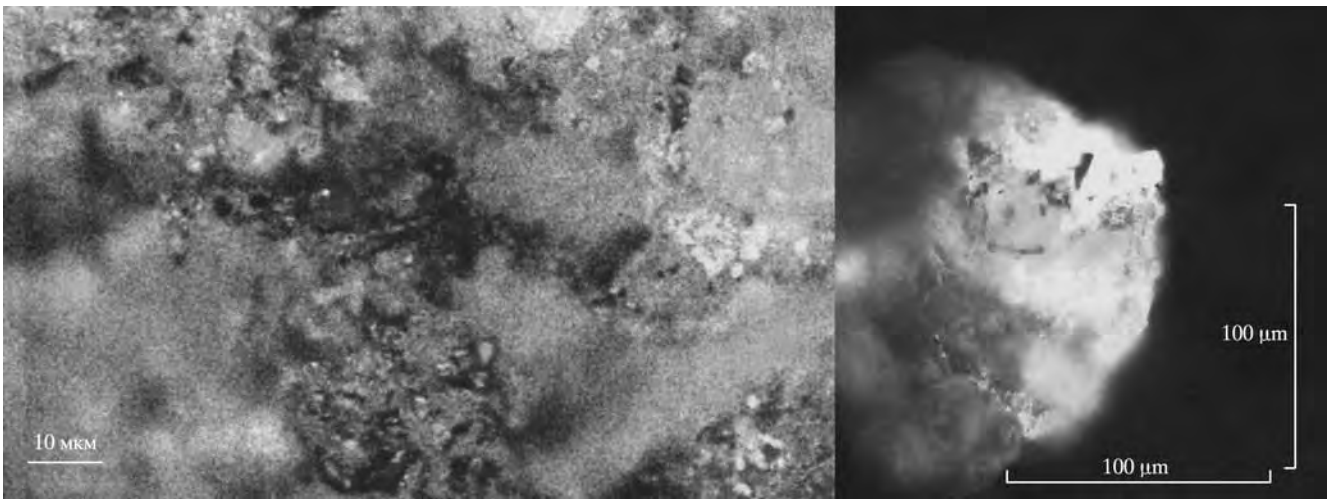


Рис. 1. Микроснимки фрагментов образца PS99 (место отбора образца см. на рис. 2, *2*).

Рис. 2. Изображение лошади из зала Хаоса и зала Рисунков в видимом свете (*1, 3*) и отраженных инфракрасных лучах (*2, 4*). *4* – невидимость изображения *3* в инфракрасном свете подтверждает отсутствие углерода в составе краски с этого рисунка и невозможность его использования для датирования.

нию одного из рисунков в Игнатьевской пещере (Steelman et al., 2002; Широков, 2006), но потенциал исследований отечественных памятников далеко не исчерпан (Дэвлет, 2002).

В указанных работах проводился анализ черных рисунков, выполненных углем. Попытка датирования образца красной краски без предварительного исследования ее состава не привела к успеху

(Steelman et al., 2005. P. 384). Для определения принципиальной возможности использования для датирования красной краски с рисунков из зала Хаоса Каповой пещеры и составления рекомендаций по отбору образцов проанализирован массив полученных ранее данных о составе пигментов, а также в течение полевого сезона 2014 г. проведена фотосъемка видимой люминесценции и в отраженных инфракрасных (ИК) лучах 10 рисунков. Методика фотосъемки в ИК-диапазоне описана ранее (Пахунов и др., 2014. С. 7). Для возбуждения видимой люминесценции использован портативный светодиодный источник с максимумом испускания при 365 нм с целью блокирования отраженных ультрафиолетовых лучей – фильтр B+W 486.

В Каповой пещере рисунки в основном выполнены красной краской разных оттенков. Установлено, что один из рецептов приготовления краски предполагал добавление к красной охре угля. Присутствие крупных (до 15 мкм) частиц угля зафиксировано в микропробах красочных слоев при микроскопическом анализе (рис. 1), а также с использованием метода рамановской спектроскопии (Pakhunov et al., 2014). Данную рецептуру можно обнаружить неразрушающим методом – с использованием съемки в отраженных инфракрасных лучах. Присутствие угля обусловливает значительное поглощение краской инфракрасного излучения (рис. 2, *1, 3*).

Одна из проблем при отборе и анализе образцов, предназначенных для датирования, – загрязнение углеродсодержащими материалами (Hedges et al., 1998. P. 41). Загрязнение поверхности стен Каповой пещеры отчетливо проявляется при визуальном осмотре – расчищенные реставраторами участки, а также зоны, покрытые нитевидными кристаллами кальцита, растущими в настоящее время, выделяются на фоне темных поверхностей стен. Использование свечного освещения внутренних пространств пещеры описывается уже в первых исследованиях (Рычков, 1760. С. 210; Лепехин, 1772. С. 82), а большое число остатков берестяных факелов регулярно обнаруживается между камнями в зале Хаоса во время поисковых работ. Ввиду особенностей микроклимата пещеры продукты горения оседали на поверхностях стен, имеющих положительный уклон.

Загрязнение красочных слоев изображений в зале Рисунков произошло при нанесении вандальных надписей. По результатам рамановской спектроскопии в некоторых образцах красных красок из зала Рисунков был обнаружен уголь (Пахунов и др., 2014. С. 12. Табл. 3). В то же время на снимках в отраженных инфракрасных лучах данные рисунки не были выявлены, например изображение лошади из зала Рисунков (рис. 2, *2, 4*). Это можно объяснить малым количеством частиц угля на поверхности стены, источником которых были вандальные надписи, выполненные по данным рисункам.

Для оценки степени загрязнения сажей рисунков, раскрытых при реставрации, была использована фотосъемка видимой люминесценции. Пробные снимки позволили установить, что интенсивность люминесценции кальцита обратно пропорциональна концентрации частиц угля на поверхности стены. Так, на панно “Лошади и знаки” в зале Знаков выявлено несколько областей, связанных с историей его обнаружения и реставрации. Панно было раскрыто преимущественно в 1976–1978 гг. (Бадер, 1979) на локальном участке, границы которого соответствуют правой и левой границам кадра (рис. 3). Ввиду толщины слоя кальцита остался нераскрытым участок 1; участок 2 по причине опасности повреждения красочного слоя не был раскрыт до конца; на участке 3 слой кальцита был снят лишь частично. Выделяющиеся за счет большей яркости участки 4–6 относятся к реставрационным расчисткам 2008 г. (Сергиеня, Черемисин, 2008. С. 6, 7) и главным образом связаны с меньшей интенсивностью люминесценции мелкокристаллического кальцита, образующегося на поверхности рисунка в настоящее время в сравнении с кальцитом с параллельно-шестоватой структурой, сформировавшим слой толщиной в несколько сантиметров непосредственно на поверхности рисунков, а не с загрязнением раскрытой поверхности. В то же время в образцах новообразовавшегося кальцита встречаются отдельные частицы сажи.

Присутствие в краске угля можно зафиксировать не только путем съемки рисунков в ближнем ИК-диапазоне, но и напрямую с использованием портативных анализаторов. При отборе образцов для датирования с рисунков черного цвета в пещере Руффиньяк (Дордонь, Франция) проводился их сравнительный анализ с целью выявления красок, содержащих уголь, а не соединения марганца. Для этого применялись рамановская спектроскопия, рентгенофлуоресцентный анализ, а также съемка в средневолновом ИК-диапазоне (Beck et al., 2013). Также возможно использование портативных приборов, совмещающих рентгенофлуоресцентный и рентгенофазовый анализы (Beck et al., 2014). В отличие от таких микродеструктивных методов, как лазерно-искровая эмиссионная спектрометрия (Bruder et al., 2007), использование указанных методов не приводит к изменениям в химическом составе исследуемых веществ, поэтому они также применяются для лабораторного анализа состава отобранных для AMS-датирования образцов

Рис. 3. Зал Хаоса, изображение лошади (см. рис. 2, *1*). Фотография видимой люминесценции. Участки 1–3 – не раскрытые до конца натечные образования. Участки 4–6 – места проведения расчисток в 2008 г. Фото: А.С. Пахунов, 2015.

(Hedges et al., 1998. P. 37; Bonneau et al., 2011. P. 420).

При анализе образцов с рисунков были обнаружены добавки угля, но не соединений марганца (Пахунов и др., 2014. С. 10, 12. Табл. 1, 3). Благодаря этому можно исключить проведение элементного анализа из необходимых процедур в рамках предварительного исследования перед отбором образцов для датирования.

Таким образом, обнаружение красных пигментов с большим содержанием угля позволяет рассматривать перспективу их AMS-датирования. Для определения участков изображений, оптимальных для отбора образцов, необходимо и достаточно проведение съемки в ИК-диапазоне, микроскопии и анализа с использованием портативного рамановского спектрометра, позволяющего эффективно определять присутствие углеродсодержащих материалов *in situ* (Lahlil et al., 2012. P. 1639; Iriarte et al., 2013. P. 1561; Hernanz et al., 2014. P. 1641). Также в намеченной для отбора образца области необходимо проводить локальную расчистку без использования растворителей, что позволит удалить поверхностные загрязнения и уменьшить количество кальцита в пробе.

Выражаем искреннюю признательность Э. Виллерслеву за помощь и участие в изучении Каповой пещеры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00277.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1962 г. Альбом // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2515а.

Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 48 с.

Бадер О.Н. Новые работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // АО. 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 157–158.

Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 239 с.

Житенев В.С. Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2011. С. 462–477.

Житенев В.С. Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012а. С. 155–178.

Житенев В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012б. Вып. 227. С. 304–313.

Житенев В.С. Археологический контекст открытия палеоантропологических материалов в пачке голоценовых напластований Каповой пещеры // Вестн. Моск. ун-та. Серия XXIII: Антропология. 2014а. № 2. С. 114–121.

Житенев В.С. Настенные изображения животных и охотничья добыча на памятниках верхнего палеолита Южного Урала // Тр. истор. ф-та СПбГУ. 2014б. №. 18. С. 310–319.

Житенев В.С. Остатки верхнепалеолитических предметов органической природы из Каповой пещеры // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014в. Т. 156, кн. 3. С. 19–24.

Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Тр. истор. ф-та СПбГУ. 2014. № 18. С. 120–141.

Лепехин И.И. Дневныя записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства в 1770 г. Ч. 2. СПб.: Изд-во при Имп. АН, 1772. 338 с.

Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 12–35.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 46 с.

Пахунов А.С., Житенев В.С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // Время первых художников. Археология и культурная антропология. СПб.: Высшая антропологическая школа, 2015 (Stratum plus; № 1). С. 125–135.

Пахунов А.С., Житенев В.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4. С. 4–15.

Рычков П.И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, март 1760. СПб.: Имп. АН, 1760. С. 195–220.

Сергиеня В.В., Черемисин Д.М. Отчет о реставрационно-исследовательских работах по палеолитическим рисункам пещеры Шульган-Таш (Капова пещера). М.: Межобл. научно-реставрац. худож. управление, 2008. 43 с.

Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // РА. 2006. № 2. С. 99–105.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: ИИЯЛИ Уфим. НЦ РАН, 1996. 30 с.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Уфа: ИИЯЛИ Уфим. НЦ РАН, 1997. С. 29–38.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л.: ЛОИА ИА АН СССР, 1986. 25 с.

Щербакова Т.И. Работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // АО 2005 г. М.: Наука, 2007. С. 403–404.

Щербакова Т.И., Щелинский В.Е. Возобновление работ в пещере Шульган-таш (Каповой) // АО 2004 г. М.: Наука, 2005. С. 345–351.

Beck L., Genty D., Lahlil S., Lebon M., Tereygeol F., Vignaud C., Reiche I., Lambert E., Valladas H., Kaltnecker E., Plassard F., Menu M., Paillet P. Non-destructive portable analytical techniques for carbon in situ screening before sampling for dating prehistoric rock paintings // Radiocarbon. 2013. V. 55, № 2. P. 436–444.

Beck L., Rousselière H., Castaing J., Duran A., Lebon M., Moignard B., Plassard F. First use of portable system coupling X-ray diffraction and X-ray fluorescence for in-situ analysis of prehistoric rock art // Talanta. 2014. V. 129. P. 459–464.

Bonneau A., Brock F., Higham T., Pearce D.G., Pollard A.M. An improved pretreatment protocol for radiocarbon dating black pigments in San rock art // Radiocarbon. 2011. V. 53, № 3. P. 419–428.

Bruder R., Menut D., Detalle V. Effects of LIBS Measurement Parameters on Wall Paintings Pigments Alteration and Detection // Lasers in the Conservation of Artworks: proceedings of the Intern. Conf. Lacona VI (2005). Berlin: Springer Verlag, 2007. P. 367–375.

Clottes J., Chauvet J.M., Brunel-Deschamps E., Hillaire C., Daugas J.P., Arnold M., Cachier H., Evin J., Fortin P., Oberlin C., Tisnerat N., Valladas H. Les peintures paleolithiques de la Grotte Chauvet-Pont d'Arc, a Vallon-Pont-d'Arc (Ardeche, France): datations directes et indirectes par la methode du radiocarbone // Comptes rendus de l'Académie des sciences. Série 2: Sciences de la terre et des planètes. 1995. V. 320, № 11. P. 1133–1140.

Cuzange M.T., Delqu-Kolic E., Grootes P.M., Higham T., Kaltnecker E., Nadeau M.J., Oberlin C., Paterne M., van der Plicht J., Ramsey C.B., Valladas H., Clottes J., Geneste J.M. Radiocarbon intercomparison program for Chauvet Cave // Radiocarbon. 2007. V. 49, № 2. P. 339–347.

Hedges R.E., Ramsey C.B., Van Klinken G.J., Pettitt P.B., Nielsen-Marsh C., Etchegoyen A., Fernandez Niello J.D., Boschin M.T., Llamazares A.M. Methodological issues in the ^{14}C dating of rock paintings // Radiocarbon. 1998. V. 40, № 1. P. 35–44.

Heimlich G., Richardin P., Gandolfo N., Laval E., Menu M. First direct radiocarbon dating of the lower Congo rock art (Democratic Republic of the Congo) // Radiocarbon. 2013. V. 55, № 2–3. P. 1383–1390.

Hernanz A., Ruiz-López J.F., Madariaga J.M., Gavrilenko E., Maguregui M., Fdez-Ortiz de Vallejuelo S., Martínez-

Arkarazo I., Alloza-Izquierdo R., Baldellou-Martínez V., Viñas-Vallverdú R., Rubio i Mora A., Pitarch A., Giakoumaki A. Spectroscopic characterisation of crusts interstratified with prehistoric paintings preserved in open-air rock art shelters // J. of Raman Spectroscopy. 2014. V. 45, № 11–12. P. 1236–1243.

Iriarte M., Hernanz A., Ruiz-López J.F., Martín S. μ-Raman spectroscopy of prehistoric paintings from the Abrigo Remacha rock shelter (Villaseca, Segovia, Spain) // J. of Raman Spectroscopy. 2013. V. 44, № 11. P. 1557–1562.

Lahlil S., Lebon M., Beck L., Rousselière H., Vignaud C., Reiche I., Menu M., Paillet P., Plassard F. The first in situ micro-Raman spectroscopic analysis of prehistoric cave art of Rouffignac St-Cernin, France // J. of Raman Spectroscopy. 2012. V. 43, № 11. P. 1637–1643.

Lorblanchet M., Labeau M., Vernet J.L., Fitte P., Valladas H., Cachier H., Arnold M. Palaeolithic pigments in the Quercy, France // Rock Art Research. 1990. V. 7, № 1. P. 4–20.

McDonald J., Steelman K.L., Veth P., Mackey J., Loewen J., Thurber C.R., Guilderson T.P. Results from the first intensive dating program for pigment art in the Australian arid zone: insights into recent social complexity // J. of Archaeological Sc. 2014. V. 46. P. 195–204.

Pakhunov A.S., Brandt N.N., Chikishev A.Y. Raman Microscopy and IR Imaging of the Palaeolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia // The Conservation of Subterranean Cultural Heritage. L.: CRC Press, 2014. P. 275–280.

Ramsey C.B. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. V. 51, №. 1. P. 337–360.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards L.R., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott M.E., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. V. 55, №. 4. P. 1869–1887.

Ščelinskij V.E., Širokov V.N. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 S.

Steelman K., Ramírez F., Valcarce R., Guilderson T., Rowe M. Direct radiocarbon dating of megalithic paints from north-west Iberia // Antiquity. 2005. V. 79, № 304. P. 379–389.

Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna // Antiquity. 2002. V. 76, № 292. P. 341–348.

Valladas H. Direct radiocarbon dating of prehistoric cave paintings by accelerator mass spectrometry // Measurement Science and Technology. 2003. V. 14, № 9. P. 1487–1492.

Valladas H., Cachier H., Maurice P., de Quirost F.B., Clottes J., Valdes V.C., Uzquiano P., Arnold M. Direct radiocarbon dates for prehistoric paintings at the Altamira, El Castillo and Niaux caves // Nature. 1992. V. 357, № 6373. P. 68–70.

Valladas H., Tisnerat-Laborde N., Cachier H., Arnold M., De Quiros F.B., Cabrera-Valdes V., Clottes J., Courtin J., Fortea-Pérez J.J., Gonzáles-Sainz C., Moure-Romanillo A. Radiocarbon AMS dates for Paleolithic cave paintings // Radiocarbon. 2001. V. 43, № 2. V.B. P. 977–986.

RADIOCARBON DATES OF UPPER PALEOLITHIC LAYERS OF KAPOVA CAVE (THE SOUTHERN URALS)

Vladislav S. Zhitenev*, Aleksander S. Pakhunov, Ashot Margarian***, Taisia E. Soldatova***

** Lomonosov Moscow State University*
(macober@mail.ru; staiss@yandex.ru)
*** Institute of Archaeology RAS, Moscow (science@pakhunov.com)*
**** University of Copenhagen, Natural History Museum of Denmark*
(ashotmarg2004@gmail.com)

The article presents a review of all the available radiocarbon dates from the Late Pleistocene layers of the Kapova Cave (the Southern Urals, Russia). Two new calibrated dates based on the bones from the test-pit in the Dome Hall are being published for the first time, where the multilayer item of the visiting in the Higher Paleolithic period is being analyzed. The data allows claiming that the cave was used in the intervals from 13900 to 16710 years ago. The date 28050±250 (AAR-20983) according to the stratigraphic position of the selected sample, aged, probably, as a consequence of the reservoir effect. The results received earlier were analyzed on the colors' composition and the group of pictures was distinguished with high content of the amorphous carbon in the colors. The fact is a necessary term for carrying out the dating of the pictures which will allow comparing explicitly the time of their creation and the visiting of the Cave.

Key words: Upper Paleolithic, the Kapova Cave, radiocarbon date, AMS-date, nondestructive diagnostics.

REFERENCES

Bader O.N., 1962. Otchet o rabotakh Ural'skoy paleoliticheskoy ekspeditsii v 1962 g. Al'bom [Report on the works of the Ural Paleolithic expedition on 1962. Album]. *Arkhiv IA RAN [Archive IA RAS]*, R-1, № 2515a (unpublished).

Bader O.N., 1965. Kapovaya peshchera. Paleoliticheskaya zhivopis' [Kapova cave. Paleolithic Art]. Moscow: Nauka. 48 p.

Bader O.N., 1979. Novye raboty v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoy) [New works in the cave Shulgan-Tash (Kapova)]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 g. [Archaeological discoveries, 1978]*. Moscow: Nauka, pp. 157–158.

Beck L., Genty D., Lahlil S., Lebon M., Tereygeol F., Vignaud C., Reiche I., Lambert E., Valladas H., Kaltnecker E., Plassard F., Menu M., Paillet P., 2013. Non-destructive portable analytical techniques for carbon in situ screening before sampling for dating prehistoric rock paintings. *Radiocarbon*, vol. 55, no. 2, pp. 436–444.

Beck L., Rousselière H., Castaing J., Duran A., Lebon M., Moignard B., Plassard F., 2014. First use of portable system coupling X-ray diffraction and X-ray fluorescence for in-situ analysis of prehistoric rock art. *Talanta*, 129, pp. 459–464.

Bonneau A., Brock F., Higham T., Pearce D.G., Pollard A.M., 2011. An improved pretreatment protocol for radiocarbon dating black pigments in San rock art. *Radiocarbon*, vol. 53, no. 3, pp. 419–428.

Bruder R., Menut D., Detalle V., 2007. Effects of LIBS Measurement Parameters on Wall Paintings Pigments Alteration and Detection. *Lasers in the Conservation of Artworks: proceed. of the Intern. Conf. Lacona VI (2005)*. Berlin: Springer Verlag, pp. 367–375.

Clottes J., Chauvet J.M., Brunel-Deschamps E., Hillaire C., Daugas J.P., Arnold M., Cachier H., Evin J., Fortin P., Oberlin C., Tisnerat N., Valladas H., 1995. Les peintures paleolithiques de la Grotte Chauvet-Pont d'Arc, a Vallon-Pont-d'Arc (Ardeche, France): datations directes et indirectes par la methode du radiocarbone. *Comptes rendus de l'Académie des sciences. Série 2. Sciences de la terre et des planètes*, vol. 320, no. 11, pp. 1133–1140.

Cuzange M.T., Delqu-Kolic E., Grootes P.M., Higham T., Kaltnecker E., Nadeau M.J., Oberlin C., Paterne M., van der Plicht J., Ramsey C.B., Valladas H., Clottes J., Geneste J.M., 2007. Radiocarbon intercomparison program for Chauvet Cave. *Radiocarbon*, vol. 49, no. 2, pp. 339–347.

Devlet E.G., 2002. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva: izuchenie, sokhranenie, ispol'zovanie [Sites of the rock art: study, preservation and use]. Moscow: Nauchnyy mir. 239 p.

Hedges R.E., Ramsey C.B., Van Klinken G.J., Pettitt P.B., Nielsen-Marsh C., Etchegoyen A., Fernandez Niello J.D., Boschin M.T., Llamazares A.M., 1998. Methodological issues in the ^{14}C dating of rock paintings. *Radiocarbon*, vol. 40, no. 1, pp. 35–44.

Heimlich G., Richardin P., Gandolfo N., Laval E., Menu M., 2013. First direct radiocarbon dating of the lower Congo rock art (Democratic Republic of the Congo). *Radiocarbon*, vol. 55, no. 2–3, pp. 1383–1390.

Hernanz A., Ruiz-López J.F., Madariaga J.M., Gavrilenko E., Maguregui M., Fdez-Ortiz de Vallejuelo S., Martínez-Arkarazo I., Alloza-Izquierdo R., Baldellou-Martínez V., Viñas-Vallverdú R., Rubio i Mora A., Pitarch A., Giakoumaki A., 2014. Spectroscopic characterisation of crusts interstratified with prehistoric paintings preserved in open-air rock art shelters. *J. of Raman Spectroscopy*, vol. 45, no. 11–12, pp. 1236–1243.

Iriarte M., Hernanz A., Ruiz-López J.F., Martín S., 2013. μ-Raman spectroscopy of prehistoric paintings from the Abrigo Remacha rock shelter (Villaseca, Segovia, Spain). *J. of Raman Spectroscopy*, vol. 44, no. 11, pp. 1557–1562.

Kotov V.G., 2014. Issledovaniya mnogosloynoy paleoliticheskoy stoyanki v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Studies of the multilayer Paleolithic settlement in the cave of Shulgan-Tash (Kapova)]. *Tr. istorich. f-ta SPb. gos. univ. [Transactions of the hist. fac. of the SPb State Univ.]*, 18, pp. 120–141.

Lahlil S., Lebon M., Beck L., Rousselière H., Vignaud C., Reiche I., Menu M., Paillet P., Plassard F., 2012. The first in situ micro-Raman spectroscopic analysis of prehistoric cave art of Rouffignac St-Cernin, France. *J. of Raman Spectroscopy*, vol. 43, no. 11, pp. 1637–1643.

Lepekhin I.I., 1772. Dnevnyya zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad"yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskago gosudarstva v 1770 g. [The historical notes on travelling to different Provinces of the Russian State in 1770 of Dr. and assistant professor of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin], 2. SPb.: Izd-vo pri Imperat. AN. 338 p.

Lorblanchet M., Labeau M., Vernet J.L., Fitte P., Valladas H., Cachier H., Arnold M., 1990. Palaeolithic pigments in the Quercy, France. *Rock Art Research*, vol. 7, no. 1, pp. 4–20.

McDonald J., Steelman K.L., Veth P., Mackey J., Loewen J., Thurber C.R., Guilderson T.P., 2014. Results from the first intensive dating program for pigment art in the Australian arid zone: insights into recent social complexity. *J. of Archaeological Science*, 46, pp. 195–204.

Nekhoroshev P.E., Girya E.Yu., 2004. Nekotorye itogi issledovaniy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki v peshchere Kul'yurt-Tamak (Yuzhnyy Ural) [Some results of the study of Higher Paleolithic settlement in the Cave Kuliurt-Tamak (the Southern Urals)]. *Ufimskiy arkheol. vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]*, 5. Ufa: Gilem, pp. 12–35.

Pakhunov A.C., Zhitenev V.C., 2015. Rezul'taty estestvennonauchnykh issledovaniy skopleniya krasochnoy massy: novye dannye o retsepture izgotovleniya krasok v Kapovoy peshchere [Results of the scientific studies of the concentration of the colorific mass: new data

about the compound of the color production in the Kapova Cave]. *Vremya pervykh khudozhnikov [First Artists Period. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya]*. SPb.: Vysshaya antropol. shkola, pp. 125–135. (Stratum plus, № 1).

Pakhunov A.S., Brandt N.N., Chikishev A.Y., 2014. Raman Microscopy and IR Imaging of the Palaeolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia. *The Conservation of Subterranean Cultural Heritage*. L.: CRC Press, pp. 275–280.

Pakhunov A.S., Zhitenev V.S., Brandt N.N., Chikishev A.Yu., 2014. Predvaritel'nye rezul'taty kompleksnogo issledovaniya krasochnykh pigmentov nastennykh izobrazheniy Kapovoy peshchery [Preliminary results of the complex study of the colorific pigments of the cave images of the Kapova Cave]. *Vestn. arkheologii, antropologii i etnografii [Archaeological, Anthropological and Ethnographical Bulletin]*, 4, pp. 4–15.

Pavlov P.Yu., 2009. Paleolit severo-vostoka Evropy: avtoref. diss. … d-ra istorich. nauk [The Paleolithic Age of the Northern-Eastern Europe: author's abstract … Dr. of Historical Sciences]. SPb.: IIMK RAN, 46 p.

Ramsey C.B., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, vol. 51, no. 1, pp. 337–360.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards L.R., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott M.E., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 55, no. 4, pp. 1869–1887.

Rychkov P.I., 1760. Opisanie peshchery, nakhodyashcheysya v Orenburgskoy gubernii pri reke Beloy, kotoraya iz vsekh peshcher, v Bashkirii nakhodyashchikhsya, za slavnuyu i naibol'shuyu pochitaetsya [Description of the Cave situated in Orenburg Province near Belaya River, which among all the caves in Bashkiria located, is worshiped as glorious and the biggest]. *Ezhemesyachnye sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie, mart 1760 [Monthly works and translations, which serve for use and pleasure. March, 1760]*. SPb.: Imperat. AN, pp. 195–220.

Ščelinskij V.E., Širokov V.N., 1999. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke. 171 p.

Sergienya V.V., Cheremisin D.M., 2008. Otchet o restavratsionno-issledovatel'skikh rabotakh po paleoliticheskim risunkam peshchery Shul'gan-Tash (Kapova peshchera) [Report on the restoration and research works on the Paleolithic pictures of the Shulgan-Tash Cave (the Kapova Cave)]. Moscow: Mezhobl. nauchno-restavrats. khudozh. upravlenie. 43 p.

Shchelinskiy V.E., 1996. Nekotorye itogi i zadachi issledovaniy peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Some results and tasks of the study of the Shulgan-Tash Cave (the Kapova Cave)]. Ufa: IIYL Ufim. NTs RAN. 30 p.

Shchelinskiy V.E., 1997. Paleogeograficheskaya sreda i arkheologicheskiy kompleks verkhnepaleoliticheskogo svyatilishcha peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Paleographic environment and archaeological complex of the Higher Paleolithic sanctuary, Shulgan-Tash (the Kapova Cave)]. *Peshchernyy paleolit Urala [Cave Paleolithic Age of the Urals]*. Ufa: IIYL Ufim. NTs RAN, pp. 29–38.

Shcherbakova T.I., 1986. Paleolit Yuzhnogo i Srednego Urala: avtoref. dis. … kand. Istor. nauk [The Paleolithic of the Southern and Middle Urals: author's abstract… candid. of the Histor. Sciences]. Leningrad: LOIA IA AN SSSR, 25 p.

Shcherbakova T.I., 2007. Raboty v peshchere Shul'gan-Tash (Kapovoy) [Works in the Shulgan-Tash Cave (the Kapova Cave)]. *AO 2005 g. [Archaeological discoveries, 2005]*. Moscow: Nauka, pp. 403–404.

Shcherbakova T.I., Shchelinskiy V.E., 2005. Vozobnovlenie rabot v peshchere Shul'gan-tash (Kapovoy) [The renewal of the works in the Shulgan-Tash Cave]. *AO 2004 g. [Archaeological discoveries, 2004]*. Moscow: Nauka, pp. 345–351.

Shirokov V.N., 2006. Problema vozrasta nastennykh izobrazheniy Ignatievskoy peshchery v svyazi s pervymi radiouglerodnymi datirovkami krasochnogo pigmenta [The question of age of the cave pictures of the Ignatjevo Cave in connection with the first radiocarbon dates of the colorific pigments]. *RA [RA]*, 2, pp. 99–105.

Steelman K., Ramírez F., Valcarce R., Guilderson T., Rowe M., 2005. Direct radiocarbon dating of megalithic paints from north-west Iberia. *Antiquity*, vol. 79, no. 304, pp. 379–389.

Steelman K.L., Rowe M.W., Shirokov V.N., Southon J.R., 2002. Radiocarbon dates for pictographs in Ignatievskaya Cave, Russia: Holocene age for supposed Pleistocene fauna. *Antiquity*, vol. 76, no. 292, pp. 341–348.

Valladas H., 2003. Direct radiocarbon dating of prehistoric cave paintings by accelerator mass spectrometry. *Measurement Science and Technology*, vol. 14, no. 9, pp. 1487–1492.

Valladas H., Cachier H., Maurice P., de Quirost F.B., Clottes J., Valdes V.C., Uzquiano P., Arnold M., 1992. Direct radiocarbon dates for prehistoric paintings at the Altamira, El Castillo and Niaux caves. *Nature*, vol. 357, no. 6373, pp. 68–70.

Valladas H., Tisnerat-Laborde N., Cachier H., Arnold M., De Quiros F.B., Cabrera-Valdes V., Clottes J., Courtin J., Fortea-Pérez J.J., Gonzáles-Sainz C., Moure-Romanillo A., 2001. Radiocarbon AMS dates for Paleolithic cave paintings. *Radiocarbon*, vol. 43, no. 2, vol. B, pp. 977–986.

Zhitenev V.S., 2011. Antropologicheskie materialy iz yuzhno-ural'skikh peshchernykh pamyatnikov s nastennymi izobrazheniyami: k postanovke problemy [Anthropological materials from the Southern Urals cave sites with cave pictures: to the definition of the problem]. *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy: sb. v chest' 60-letiya Kh.A. Amirkhanova [The Paleolithic Age and Mesolithic Age of the Eastern Europe: collected papers in honor of the 60th anniversary of Kh. A. Amirkhanov]*. K.N. Gavrilov, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 462–477.

Zhitenev V.S., 2012a. Kapova peshchera – mnogosloynyy pamyatnik arkheologii: predvaritel'noe soobshchenie [The Kapova Cave is a multilayer archaeological site: preliminary note]. *Pervobytnye drevnosti Evrazii: K 60-letiyu A.N. Sorokina [Prehistoric antiquities of Eurasia: to the 60th anniversary of A.N. Sorokin]*. Moscow: IA RAN, pp. 155–178.

Zhitenev V.S., 2012b. Novye issledovaniya svidetel'stv khudozhestvennoy deyatel'nosti v Kapovoy peshchere [New studies of the evidence of the artistic activity in the Kapova Cave]. *KSIA [BCIA]*, 227, pp. 304–313.

Zhitenev V.S., 2014a. Arkheologicheskiy kontekst otkrytiya paleoantropologicheskikh materialov v pachke golotsenovykh naplastovaniy Kapovoy peshchery [Archaeological context of the find of the the Kapova Cave paleoanthropological materials in the bunch of Holocene stratum of the Kapova Cave]. *Vestn. Mosk. univ. Seriya XXIII. Antropologiya [MSU Vestnik. Series 23. Anthropology]*, 2, pp. 114–121.

Zhitenev V.S., 2014b. Nastennye izobrazheniya zhivotnykh i okhotnich'ya dobycha na pamyatnikakh verkhnego paleolita Yuzhnogo Urala [Cave images of animals and a hunter's bag on the sites of the Paleolithic Age of the Southern Urals]. *Trudy istorich. f-ta SPb. gos. univ. [Transactions of the hist. fac. of the SPb State Univ.]*, 18, pp. 310–319.

Zhitenev V.S., 2014v. Ostatki verkhnepaleoliticheskikh predmetov organicheskoy prirody iz Kapovoy peshchery [The remains of the Higher Paleolithic organic natural items from the Kapova Cave]. *Uchenye zapiski Kazan. univ. Seriya Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Kazan State University. Series, Humanitarian Sciences]*, t. 156, kn. 3, pp. 19–24.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 16–33

ПЕТРОГЛИФЫ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ВЫГ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

© 2015 г. Н.В. Лобанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск (hopelob@yandex.ru)

Основная цель статьи – обосновать хронологические рамки петроглифов в низовьях р. Выг (Юго-Западное Беломорье) на основе комплексного анализа современных археологических, геологических и палеогеографических сведений. Автором предпринята попытка выяснить ход эволюции и основные тенденции развития наскального искусства, уделено также внимание вопросу о явно прослеживаемой связи между создателями наскальных полотен Белого моря и Онежского озера на определенном этапе.

Ключевые слова: низовья р. Выг, Беломорские петроглифы, группы Залавруга, Бесовы Следки, Ерпин Пудас, археологические памятники в окрестностях петроглифов, хронология и периодизация наскальных изображений.

Беломорские петроглифы – один из важнейших в Северной Европе пунктов древнего наскального искусства, ставший известным еще с конца 20-х годов XX в. (Равдоникас, 1938; Линевский, 1939; Савватеев, 1970). Один из наиболее важных и все еще дискуссионных вопросов – их хронология и периодизация. Автором недавно высказана точка зрения по поводу наиболее вероятного возраста и этапов развития Онежского комплекса петроглифов (Лобанова, 2014а, б), данная статья продолжает тему.

На сегодняшний день в низовьях р. Выг выявлено около 3400 отдельных изображений (Лобанова, 2013). Они расположены на прибрежных гладких скалах больших и малых островов на высоте от 14 до 20 м над уровнем моря (табл. 1), сгруппированы в крупные комплексы, насчитывающие до 2 тыс. фигур (Залавруга), средние – 100–370 фигур (Бесовы Следки I, Ерпин Пудас III, Золотец I) и небольшие скопления с числом фигур от 3 до 32 (на маленьких безымянных островках) (рис. 1; табл. 1). К сожалению, не все петроглифы сохранились до наших дней вследствие как техногенных, так и природных факторов (Лобанова, 2007, 2009). Но в целом петроглифы Беломорья имеют довольно высокую степень сохранности.

Появление наскального искусства в низовьях р. Выг далеко не случайно. Именно здесь в прибрежной зоне находятся гладкие, горизонтальные или с небольшим наклоном к воде, иногда очень обширные массивы кристаллических отложений – гранитов и гранито-гнейсов. Изображения на них выбивались с помощью, возможно, кварцевых орудий[1] способом пикетажа на глубину от 1 до 3.5 мм. Чаще всего они небольшие (20–40 см), в единичных случаях длиной почти 3 м (олени), но есть и очень маленькие – размером менее 1 см (следы животных и людей). Выбивки разнообразны по тематике, отличаются яркими художественными достоинствами, наличием выразительных многофигурных сцен. Доминируют лодки, лесные и морские животные, люди, следы животных и людей. Особый интерес вызывают батальные сюжеты, сцены охоты на лесных зверей, птиц и морских животных с участием людей (то пеших, то лыжников, то гребцов в лодке), которые сражаются, охотятся, пляшут. Удивительно обилие следов – человеческих, звериных, от лыжных палок, а также орудий труда и оружия (луки, стрелы, копья, гарпуны). Можно полагать, что в древности в этом месте находился долговременный и мощный центр духовной жизни приморского населения, где в теплое время года происходили значимые для общества события. Традиция выбивать на скалах изображения существовала в Беломорье в течение столетий. Большинство образов создавалось по определенным канонам, выработанным в процессе освоения скальных полотен.

[1] На соседних с петроглифами стоянках, а также в русле реки под скалой Бесовы Следки обнаружено немало кварцевых отбойников с клиновидным рабочим краем. С помощью двух из них Ю.А. Савватеевым был проведен эксперимент по выбивке петроглифа, который показал реальную возможность использования подобных инструментов для создания наскальных полотен (1970. С. 94, 95).

Таблица 1. Беломорские петроглифы: высота расположения, статистические данные

Наименование групп и скоплений петроглифов	Высота над уровнем моря (м)	Разница в высоте размещения фигур (м)	Число фигур
Ерпин Пудас I	17.5–17.75	0.25	32
Ерпин Пудас II	18.1–18.3	0.2	7
Ерпин Пудас III	19.5–20	0.5	114
Ерпин Пудас IV	19.2–19.6	0.4	29
Бесовы Следки I	19.5–20	0.5	397
Бесовы Следки II	19–19.5	0.5	71
Бесовы Следки III	19	0	3
Скопление 1 (о. Б. Малинин, южная часть)	15.6–15.7	0.11	8
Скопление 2:1 (о. Безымянный 1)	14.9–15.1	0.2	18
Скопление 2:2 (о. Безымянный 1)	14.5	0	2
Скопление 3 (о. Безымянный 2, северная часть)	15.3–16.5	1.2	26
Скопление 4:1 (о. Безымянный 2, южная часть)	16.3	0	3
Скопление 4:2 (о. Безымянный 2, южная часть)	16.93	0	12
Золотец I	14.63–15.75	1.12	101
Старая Залавруга	14–15	1	590
Новая Залавруга, группа I	15.5–15.8	0.3	56
Новая Залавруга, группа II	16–16.2	0.2	65
Новая Залавруга, группа III	16	0	16
Новая Залавруга, группа IV	15.6–15.8	0.2	424
Новая Залавруга, группа V	15.2–15.4	0.2	16
Новая Залавруга, группа VI	16–16.2	0.2	106
Новая Залавруга, группа VII	16.1–16.3	0.2	22
Новая Залавруга, группа VIII	15.8–16	0.2	118
Новая Залавруга, группа IX	16–16.4	0.4	64
Новая Залавруга, группа X	15.5–16	0.6	95
Новая Залавруга, группа XI	15.4–16	0.6	69
Новая Залавруга, группа XII	14.5–15.10	0.6	130
Новая Залавруга, группа XIII	14.8–15	0.35	105
Новая Залавруга, группа XIV	14.6–15	0.55	139
Новая Залавруга, группа XV	14.6–15.10	0.5	125
Новая Залавруга, группа XVI	15.5	0	27
Новая Залавруга, группа XVII	15.6–16	0.4	97
Новая Залавруга, группа XVIII	16.4	0	27
Новая Залавруга, группа XIX	16.2–16.25	0.05	13
Новая Залавруга, группа XX	16–16.3	0.3	122
Новая Залавруга, группа XXI	16–16.2	0.2	24
Новая Залавруга, группа XXII	16–16.1	0.1	32
Новая Залавруга, группа XXIII	15.7–15.8	0.1	12
Новая Залавруга, группа XXIV	16–16.2	0.2	15
Новая Залавруга, группа XXV	14.7–15.2	0.5	55
Новая Залавруга, группа XXVI	15.6–15.8	0.2	13
Новая Залавруга, группа XXVII	15.1–15.2	0.1	9
Новая Залавруга, группа XXVIII	15.7	0	8
Всего 3420			

История открытия и полевого документирования петроглифов низовьев р. Выг насчитывает без малого 90 лет. Первая информация была собрана и опубликована в конце 1930-х годов (Равдоникас, 1938; Линевский, 1939), позже, после впечатляющих открытий, сделанных карельскими исследователями на Залавруге, существенно дополнена (Савватеев, 1970). В первое десятилетие нынешнего века произошел количественный и качественный скачок: открыты новые группы, существенно увеличилось число фигур в известных группах, появились новые сюжеты, уточены сведения о ранее выявленных изображениях – их конфигурации, техники исполнения, идентификации и т.д. (Лобанова, 2004, 2007, 2010, 2014б). Применялись новые методы поиска и документирования, учитывавшие особенности расположения, состояние скальной поверхности и выбивок на ней. В результате число петроглифов увеличилось почти на треть.

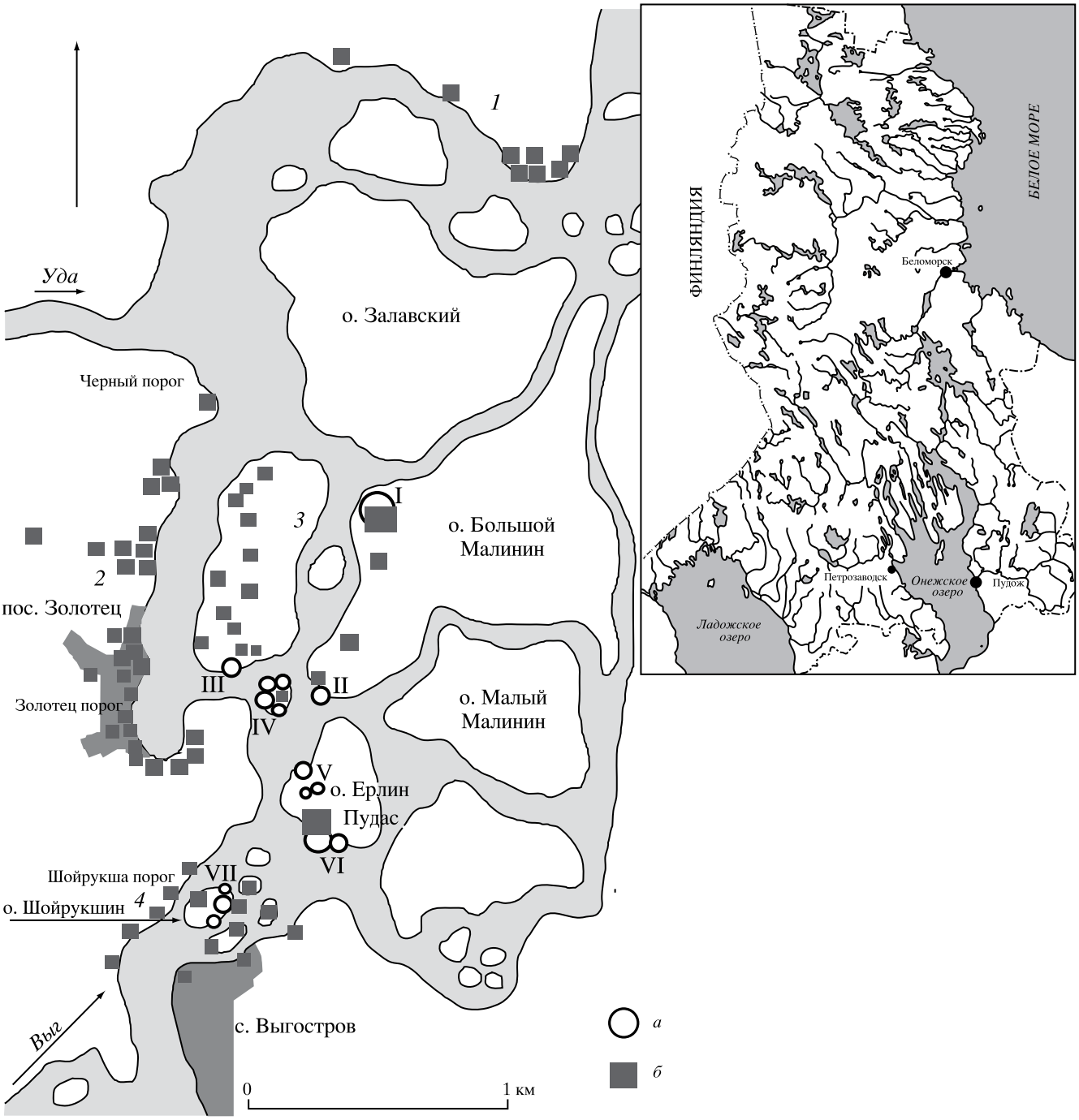


Рис. 1. Схема расположения петроглифов (I–VII) и стоянок разных эпох (1–4) в низовьях р. Выг. I – Залавруга; II – группа 1 (юго-западная оконечность о. Б. Малинин); III – Золотец 1; IV – группы 2–4 (Безымянные о-ва); V, VI – Ерпин Пудас I, II и III, IV; VII – Бесовы Следки I–III; 1 – у ж/д ст. Горелый Мост; 2 – окрестности пос. Золотец; 3 – Залавруга; у с. Выгостров и на о. Ерпин Пудас. Условные обозначения: *а* – петроглифы; *б* – стоянки. Врезка – карта Карелии с обозначением мест расположения петроглифов.

Вопрос о времени существования наскального искусства в низовьях р. Выг не вызывал серьезных споров и разногласий в научной среде, особенно после работ Ю.А. Савватеева и Э.И. Девятовой (Девятова, 1976; Савватеев, 1977; Савватеев и др., 1978). Проведенные ими в 1960-е годы археологические, геолого-геоморфологические и палеогеографические исследования позволили выявить трансгрессивно-регрессивные стадии в развитии Белого моря и связать определенные группы археологических памятников (стоянок и поселений) с соответствующими им береговыми уровнями в

долине р. Выг. Было получено 29 дат (табл. 1) по ^{14}C, абсолютное большинство которых (24) относится к эпохе неолита – энеолита (Савватеев, 1977. С. 290, 291; Тимофеев и др., 2004. С. 101). Опираясь на все эти данные, исследователи выделили два наиболее благоприятных периода для создания наскальных полотен – в атлантическое (5.4–4.8 тыс. л.н.) и суббореальное (4.3–3.7-3.8 тыс. л.н.) время (Девятова, 1976. С. 99-101). По мнению Ю.А. Савватеева, основная часть наскальных полотен создана населением культуры ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики, но некоторые изображения появились намного позже – в эпоху культуры асбестовой и пористой керамики (Савватеев, 1996. С. 144).

Таким образом, общее время функционирования наскального искусства оценивалось им в 2 тыс. лет (IV–III тыс. до н.э.). Самыми древними (не только в Беломорье, но и в Карелии в целом) исследователь считает петроглифы Бесовы Следки, на завершающей стадии создана Старая Залавруга (Савватеев, 1996. С. 140–145). Основанием для подобного вывода послужили в первую очередь высотные данные и характер изображений. Низко расположенные над уровнем моря изображения связывались с эпохой позднего энеолита, а занимающие наиболее высокие гипсометрические отметки появились раньше – в неолите – раннем энеолите. Эволюция наскального искусства шла от простых статичных форм в сторону усложнения и тщательной детализации фигур, создания многофигурных повествовательных композиций (Савватеев, 1970. С. 46).

В недавних публикациях по данной теме также поддерживается мнение об исключительной роли высотного расположения петроглифов Беломорья над уровнем моря для определения времени их создания и функционирования (Жульников, 2006, 2010; Janik, 2010). В работах А.М. Жульникова приведены уточненные (но не полные) данные о хронологии нижневыгских стоянок, но внятная аргументация своей точки зрения автором не предложена. Общие рамки существования памятников наскального творчества определяются от начала IV до конца III тыс. до н.э., правда, с небольшим перерывом во второй четверти III тыс. до н.э. вследствие похолодания (Жульников, 2010. С. 68, 69). Выделены следующие этапы, каждый из них связан с определенным типом древностей: 1) IV тыс. до н.э. (средний неолит, ямочно-гребенчатая керамика); 2) первая четверть III тыс. до н.э. (поздний неолит, ромбо-ямочная керамика); 3) середина – вторая половина III тыс. до н.э. (энеолит, пористая ямочно-гребенчатая и асбестовая посуда). Автором намечена и периодизация наскального искусства, в целом совпадающая с точкой зрения Ю.А. Савватеева (Жульников, 2006. С. 12; 2010. С. 68). Утверждается, что петроглифы Старой и Новой Залавруги имеют изобразительные и хронологические различия и оставлены разным населением. Новая Залавруга появилась в эпоху неолита, а Старая Залавруга (с учетом ее более низкого высотного расположения) создана значительно позже, уже в иной изобразительной манере, что, возможно, связано с появлением новых охотничьих традиций. Автор говорит о “новой яркой вспышке наскального творчества” в энеолитическое время (Жульников, 2010. С. 69), однако, на этом позднем этапе появилась всего пара десятков изображений: цепочки оленей с рогами и длинные лодки с большим числом гребцов. Данное предположение не может не вызывать серьезных возражений.

Петроглифы Старой Залавруги расположены на высоте 14–15 м над уровнем моря, такие же высотные отметки характерны и для некоторых групп Новой Залавруги (XII–XV, XXVII) и др. пунктов, где нет похожих образов оленей и лодок. Наблюдается большой перепад высотных отметок между взаимосвязанными изображениями на одной плоскости (табл. 1). Так, в группе XV Новой Залавруги извивающаяся линия реки длиной более 3 м тянется сверху вниз, охватывая весь полуметровый высотный диапазон наскального полотна. Есть и другие скопления петроглифов, выбитые на крутых склонах одновременно с разницей в высоте между самой низкой и самой высокой фигурой 1.1–1.2 м (скопление 3 на Безымянном островке, группа Золотец I).

Говорить о разности изобразительных традиций на Залавруге тоже не приходится: всюду повторяются одни и те же сюжеты (за очень редким исключением), едина и техника выбивки. Различия проявляются в том, что в группе Старой Залавруги позднее прочих появляются три фигуры очень крупных размеров, но и они стилистически выдержаны в прежних канонах (Лобанова, 2007). Единство репертуара, стилистики и технических приемов свидетельствует о существовании петроглифов Залавруги на протяжении, возможно, нескольких сотен лет в одну и ту же эпоху, их создатели принадлежали к близкой культурной среде. Отметим также, что А.М. Жульников явно путает северного тундрового и северного лесного оленей и соответственно районы, из которых вслед за животными могло продвинуться население, внесшее свой вклад в развитие местной петроглифической традиции (2006. С. 121; 2010. С. 68). На самом деле в атлантическое время (Лобанова, 2008. Табл. 1) и почти до сегодняшнего дня на территории Карелии обитал лесной (или финский) северный олень,

который заметно крупнее тундрового подвида, с длиной тела около 2.5 м. Именно такие животные (длиной 2.5–2.7 м, т.е. чуть больше натуральной величины) выбиты на центральной скале Старой Залавруги.

В другой статье (Janik, 2010) сделана еще одна попытка уточнить абсолютную и относительную датировки петроглифов р. Выг на основе данных геологии, геоморфологии, палеогеографии и давно устаревших археологических сведений из публикаций 1970-х годов. Автор, опираясь главным образом на материалы Залавруги (высоту расположения наскальных полотен, дат по ^{14}C) и сопоставляя их с другими группами изображений, полагает, что можно получить точные даты о возрасте петроглифов, поскольку любые изменения уровня воды сказывалось на их размещении. На этом основании построена относительная хронология групп петроглифов Беломорья, выделены последовательные фазы (всего семь) в заполнении скал Залавруги, количество фигур и господствующие сюжеты в каждой из них. По мнению исследовательницы, петроглифическая традиция на Залавруге началась 4000–5000 л.н. (с учетом двух радиоуглеродных дат из поселения Залавруга I), а завершилась ранее 3600–3700 л.н. (время трансгрессивной стадии Белого моря, в результате которой скалы оказались под водой).

Отметим, что поставленная в упомянутой статье проблема рассмотрена формально и однобоко, выводы далеко не в полной мере согласуются с последними данными о древней природной среде в Прибеломорье (Елина и др., 2000), во многом противоречат они и современным представлениям о хронологии древностей Карелии (Косменко, 2003; Лобанова, 2004). Многие факты, в частности, наличие предметов материальной культуры совершенно разного времени в одном и том же месте, говорят о том, что возможности для остановок и проживания населения, а также для появления наскального искусства здесь складывались практически в любое время начиная с середины атлантического времени (табл. 2). Теоретически скальные плоскости в низовьях р. Выг могли использоваться для создания выбивок с неолита и до сегодняшнего дня. Следовательно, гипсометрические отметки не могут играть большой роли для хронологии и периодизации археологических памятников, а особенно петроглифов. Для выяснения природного и культурного контекста памятников наскального искусства рассмотрим более детально данные о древней природной среде и археологических памятниках Юго-Западного Прибеломорья.

К настоящему времени получена достаточно полная и достоверная информация о динамике и хронологии климата и растительности, колебаниях уровня Белого моря, изменении его береговой линии в течение голоцена (Девятова, 1976; Елина и др., 2000; Демидов и др., 2001; Шелехова, Лаврова, 2008, 2011). Изменения природной среды в послеледниковье шли более или менее синхронно на огромной территории Северо-Запада России (Kul'kova et al., 2001). Нижнее течение р. Выг – это часть Прибеломорской морской абразионно-аккумулятивной и болотной равнины в подзоне северной тайги с приморским, сильно террасированным и заболоченным типом ландшафта. Рельеф отличается исключительно плоской равнинной поверхностью – полого-террасовидной, поднимающейся к западу от береговой линии моря. Отметки исключительно редко превышают 50 м. Береговые образования хорошо выражены абразионными уступами и аккумулятивными валами высотой 2–4 м. Морские и озерно-ледниковые отложения представлены песками, супесями, глинами и суглинками, причем часто наблюдается их переслаивание. В пределах равнин обычны выступы коренных пород, друмлины, озы. Вдоль уреза воды расположена система мощных порогов, широкий пояс обнаженных коренных пород. Многочисленные острова и мелкие островки в дельте р. Выг отделены неширокими протоками и ручьями. Это своеобразная экологическая ниша на фоне обширной низменности, открывающая выход к морю. Заметные изменения с тех пор произошли во всем комплексе природных условий: в структуре и динамике лесов, составе фауны, уровне водоемов и т.д.

После деградации ледника в течение приблизительно 10 тыс. лет море отступало. Но этот процесс не был равномерным и последовательным, он осложнялся неоднократными трансгрессивными явлениями. Самой масштабной и длительной была бореальная трансгрессия. После нее началось повсеместное образование торфяников. В среднеголоценовый климатический оптимум здесь распространялась средняя и смешанная с южной тайга, в Прибеломорской низменности наблюдалось широкое развитие болот. В растительном покрове середины и второй половины периода в низовьях р. Выг доминировали береза и сосна с примесью термофильных пород – вяза, дуба, липы, лещины (Елина и др., 2005. С. 183). С началом суббореала произошло заметное ухудшение природно-климатических условий, стали исчезать широколиственные породы и соответствующие виды трав и кустарников. Эта фаза сопровождалась глобальным похолоданием в течение 4800–4500 л.н. Скорее всего рубеж атлантикума–суббореала, ознаменовавшийся контрастной сменой в природных комплексах, можно считать неким рубежом, который повлек за собой

Таблица 2. Археологические памятники в низовьях р. Выг

Наименование памятника	Вскрытая площадь (м^2)	Высотные отметки над уровнем моря (м)	Даты по ^{14}C (л.н.)	Этапы заселения (по типам керамики)
Бесовы Следки I	144	20.9–21	–	Неолит, энеолит
Бесовы Следки II	204	20.9–21.4	–	Неолит, энеолит, р.ж.в.
Бесовы Следки III	288	20.4–21.6	–	Неолит, энеолит, р.ж.в., средневековье
Бесовы Следки IIIа	128	20.9–21.3	–	Неолит, энеолит, р.ж.в.
Бесовы Следки (русло р. Выг)	44	–0.5–1.2 ниже дна реки	5430±50 (ГИН-129) 5180±60 (ТА-522) 5000±60 (ТА-431) 4495±60 (ТА-471)	Неолит, энеолит, бронза, р.ж.в.
Бесовы Следки (Святилище)	61	22	–	Неолит, энеолит
Выгостров IV	40	19.4	–	Неолит
Остров Шойрукшин	312	21.5	–	Неолит, энеолит, р.ж.в.
Порог Шойрукша	72	20.8	–	Неолит, энеолит
Ерпин Пудас I	481	21.5–23.7	6510±120 (ТА-344) 5990±100 (ТА-799) 5860±100 (ТА-472) 5825±80 (ТА-413) 5460±80 (ТА-800) 5240±50 (ТА-795) 2040±60 (ТА-412) 1090±50 (ТА-473)	Неолит, энеолит, р.ж.в., средневековье
Ерпин Пудас II	12	20	–	Неолит, энеолит, р.ж.в., средневековье
Ерпин Пудас III	16	20	–	Неолит, энеолит
Ерпин Пудас IV	16	21	–	Неолит, энеолит
Выгостров II (Лисья Гора)	20	20.5–21.2	–	Неолит
Золотец I (Волок)	280	16.5–23.7	–	Неолит, энеолит, р.ж.в.
Золотец II	16	24–26	–	Неолит, энеолит
Золотец V	116	12.7	–	Энеолит, р.ж.в., средневековье
Золотец VI	526	17.4–18.8	3780±150 (ТА-801) 3785±100 (ТА-394) 4150±80 (ТА-793) 4620±60 (ТА-391) 5160±15 (ТА-421)	Неолит, энеолит, р.ж.в., средневековье
Золотец VII	110	14.2	–	Энеолит, средневековье
Золотец VIII	180	12.6–13.1	–	Энеолит, бронза, р.ж.в.
Золотец IX	44	14.6–16	–	Энеолит, р.ж.в., Новое время

Таблица 2. (Окончание)

Наименование памятника	Вскрытая площадь (м^2)	Высотные отметки над уровнем моря (м)	Даты по ^{14}C (л.н.)	Этапы заселения (по типам керамики)
Золотец X	135	14.4–15.5	3300±60 (ТА-390)	Энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье
Золотец XI	252	16.4–17.4	3990±60 (ТА-789)	Неолит, энеолит
Золотец XV	24	14	–	Энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье
Золотец XVI	32	14.5–16	–	Энеолит
Золотец XX	76	18.4–19.5	3670±80 (ТА-792)	Неолит, энеолит
Золотец XXI	сборы	21.6–22	–	Неолит, энеолит
Золотец XXII	28	22–23	–	Неолит, энеолит
Залавруга I	4132	15–16.7	4010±70 (ГИН-130) 4775±70 (ТА-393)	Неолит, энеолит
Залавруга II	104	17.5–18.3	–	Неолит, энеолит
Залавруга III	116	20.2–20.8	–	Неолит, энеолит
Залавруга IV	688	19.4–20	3700±100 (ТА-797) 3700±100 (ТА-791) 3810±50 (ТА-994) 3800±50 (ТА-794) 4430± 80 (ТА-392)	Неолит, энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье
Залавруга XV	4 (?)	16	–	Энеолит
Залавруга XVI	64	16	–	Энеолит
Безымянный Остров I	8	17.5	–	Энеолит
Горелый Мост II	112	10	–	Энеолит, бронза, р.ж.в.
Горелый Мост III	428	7.5–10	–	Энеолит, бронза
Горелый Мост IV	260	7.5–8.5	–	Неолит (2 фр. керамики), энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье
Горелый Мост V	332	9–10	–	Энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье
Горелый Мост VI	1288	9–10	–	Энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье, Новое время
Горелый Мост VII	420	11.5	–	Энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье, Новое время
Горелый Мост VIII	508	9.5	–	Неолит (1 фр. керамики), энеолит, бронза, р.ж.в., средневековье, Новое время

изменения во многих сторонах жизни населения Прибеломорской низменности.

В среднеатлантическое время Белое море находилось в стадии регрессии (уровень моря был около 15–17 м) с максимумом 5700 л.н. (Елина и др., 2000. С. 212. Рис. 100), по данным Э.И. Девятовой, – 5.4 тыс. л.н. Стоянка этого времени найдена под основным культурным слоем на поселении Золотец VI (Девятова, 1976. С. 98). Регрессия завершилась 5000–4900 л.н., затем началась трансгрессивная стадия (4900–4700 л.н. или 4800–4300), когда уровень стоял на отметках 20–24 м. Около 4000 л.н. в Белом море началась суббореальная регрессия. В промежутке 2000–1800 л.н. произошла очередная кратковременная трансгрессия. Около 1800 л.н. уровень моря упал, русло реки

приобрело современные очертания. Похожая ситуация прослежена в бассейнах Онежского озера, Западной Двины и Ловати (Девятова, 1986, 1988; Kul'kova et al., 2001).

Таким образом, исследователями установлены основные вехи в изменении природно-климатической обстановки в Прибеломорье, описаны процессы ритмического чередования синхронно протекавших фаз похолодания и увлажнения, потепления и сухости, что приводило к соответствующим изменениям уровней водоема и мест расположения поселений. Несмотря на некоторые несовпадения, в частности, при датировке периодов сухости и увлажнения климата, схема развития природной среды соответствует археологическим наблюдениям. Опираясь на палеогеографические и археологические сведения, попытаемся очертить общие временные рамки бытования памятников наскального искусства.

К настоящему времени по берегам и на островах, часто вблизи порогов, в разветвленной дельте р. Выг выявлено и исследовано более 90 поселений, стоянок и местонахождений от эпохи неолита до позднего средневековья (Савватеев, 1977; Археологические…, 2007; Амелина, 2007)[2]. Они занимают площадь около 5 км^2, образуя пять более или менее обособленных групп на высоте 7.5–24 м над современным уровнем моря (Савватеев, 1977). В достаточной степени раскопанных памятников в районе Беломорских петроглифов (от 120 до 4132 м^2) не более 24, в том числе Залавруга I, IV, Ерпин Пудас I, Золотец VI, Горелый Мост V–VIII (рис. 1; табл. 2). Жилые сооружения здесь не выявлены, чаще всего представлены сезонные стоянки с перемешанным разновременным инвентарем. Культурные напластования (0.4–1 м) некоторых стоянок насыщены находками, остатками кострищ, очагов, хозяйственных ям.

В низовьях р. Выг широко представлены комплексы среднего и позднего этапов неолита и слабо ранненеолитические. Мезолитические памятники пока не известны, что, возможно, связано с отсутствием здесь удобных террас. Неолитические находки обнаружены на 26 памятниках из 41 (табл. 2), они залегают на высоте от 15 до 24 м над уровнем моря, чаще всего на высоте 20-21 м. В двух случаях зафиксировано нахождение единичных фрагментов неолитической ямочно-гребенчатой керамики на очень низких гипсометрических отметках – 8.5 и 9.5 м, что, возможно, указывает на более сложный, чем представляется, характер природных процессов в данном районе. Большинство предметов этого времени найдены на островах Шойрукшин и Ерпин Пудас, а также на материке у порогов Шойрукша и Золотец (табл. 2, пункты 1–4, 6, 8, 9, 15). Среди них небольшие комплексы керамики раннего этапа неолита – сперрингс (рис. 2, *1–3, 8*) и сяряиснием (рис. 2, *4–7*), гораздо более представительны материалы среднего (тонкостенная ямочная и ямочно-гребенчатая керамика) этапа неолита (рис. 2, *9–19*; 3, *8–12*). Последние (в том числе развалы сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией) обнаружены в самом русле р. Выг (Савватеев, 1977. С. 40–47), в слое речного ила под скалой с петроглифами Бесовы Следки (рис. 3, *1–3, 13–15, 19, 20*).

Поздненеолитическое время отражают еще более многочисленные коллекции с ромбо- и кругло-ямочной керамикой (рис. 4), собранные при раскопках стоянок как вблизи мест расположения петроглифов, так и на удалении от них (табл. 2, пункты 5, 6, 8–13, 30–32). На юго-западных возвышенных участках стоянки Залавруга I, культурный слой которой перекрывал многие группы петроглифов, в раскопах 1960-х и в 1997 г. (за пределами наскальных полотен) обнаружены фрагменты ромбо-ямочной керамики от семи сосудов без следов водной эрозии[3] (рис. 4, *17, 20–22*). Находки указывают на кратковременные посещения этого места людьми и скорее всего имеют отношение к петроглифам (Тарасов, Мурашкин, 2002). Не исключено, что какая-то часть материалов позднего неолита могла быть размыта вследствие суббореальных трансгрессий.

Более представительны комплексы кругло- и ромбо-ямочной керамики на стоянках Залавруга II, III, расположенных в 150–600 м от петроглифов и занимающих более высокие террасы (табл. 2; рис. 4, *14, 18, 23–25, 27–29*). Ю.А. Савватеев характеризует их как временные стойбища (1977. С. 174–196). Большие коллекции поздненеолитической посуды (рис. 4, *1–4, 8, 9, 12, 15, 16*) у порога Шойрукша, на о. Шойрукшин и соседнем островке без названия (Савватеев, 1977. С. 39–58, 73–75) – свидетельства частых и продолжительных посещений данных мест не только для рыбной ловли, но и с целью посещения петроглифов Бесовы Следки (Савватеев, 1977. С. 40). Радиоуглеродные даты (табл. 2) относят описанную выше керамику к середине V – концу IV тыс. до н.э., что вполне согласуется с другими данными по неолиту Карелии

[2] Автор данной статьи лично ознакомилась с многочисленными коллекциями памятников низовьев р. Выг, хранящимися в фондах ИЯЛИ КарНЦ РАН (раскопки Г.А. Панкрушева и Ю.А. Савватеева в 1950–1960-е годы) и ГИМ (раскопки А.Я. Брюсова в 1928 г.).

[3] А.Ю. Тарасов и А.И. Мурашкин (2002. С. 42) указывают на окатанный характер такой керамики в раскопе Ю.А. Савватеева, однако нами данное наблюдение не подтверждено.

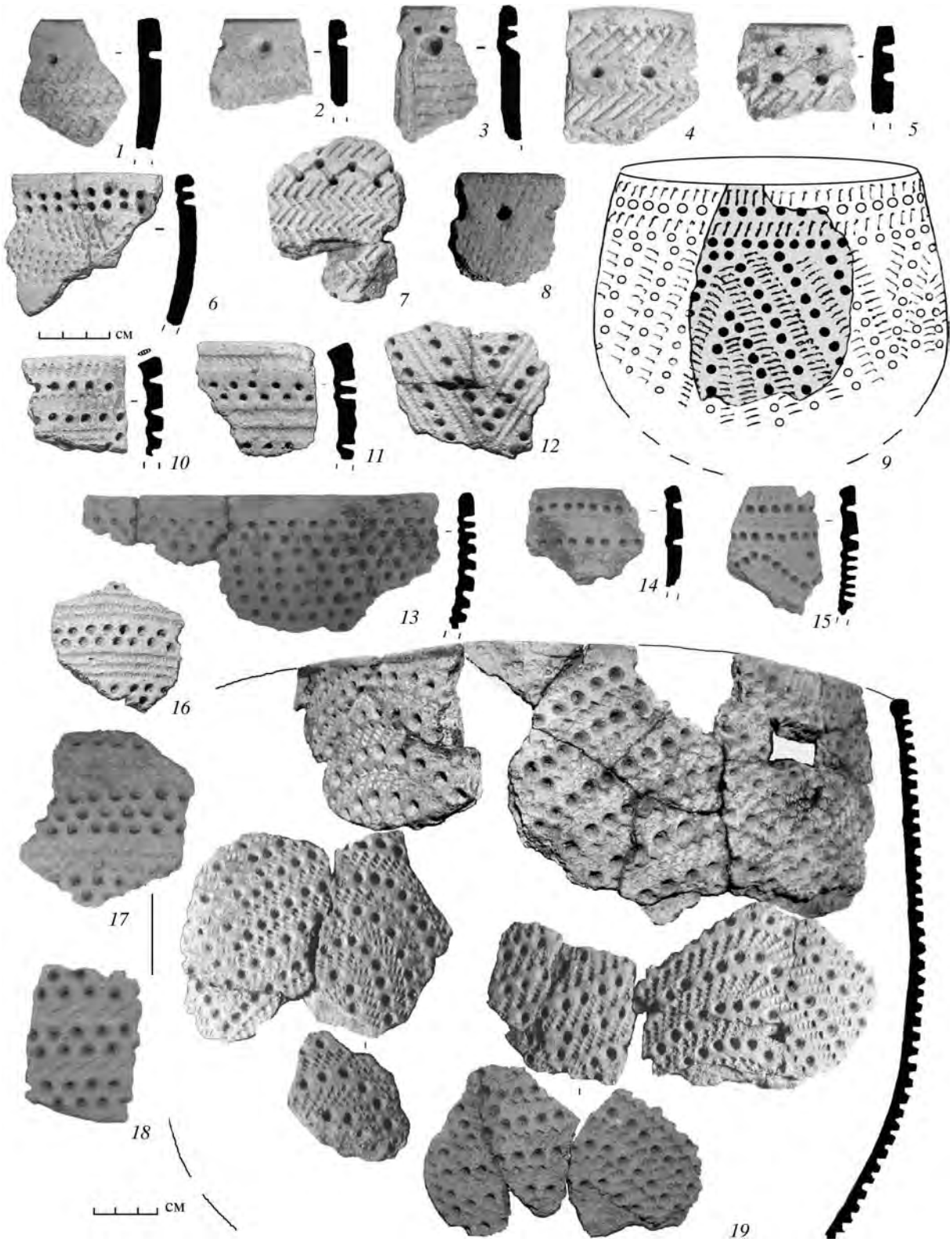


Рис. 2. Керамика раннего и среднего неолита. *1–5, 7, 9–19* – Ерпин Пудас I; *6* – порог Шойрукша; *8* – о. Шойрукшин. *1–3, 8* – сперрингс; *4–7* – сяряиснимеми; *9–19* – ямочная и ямочно-гребенчатая.

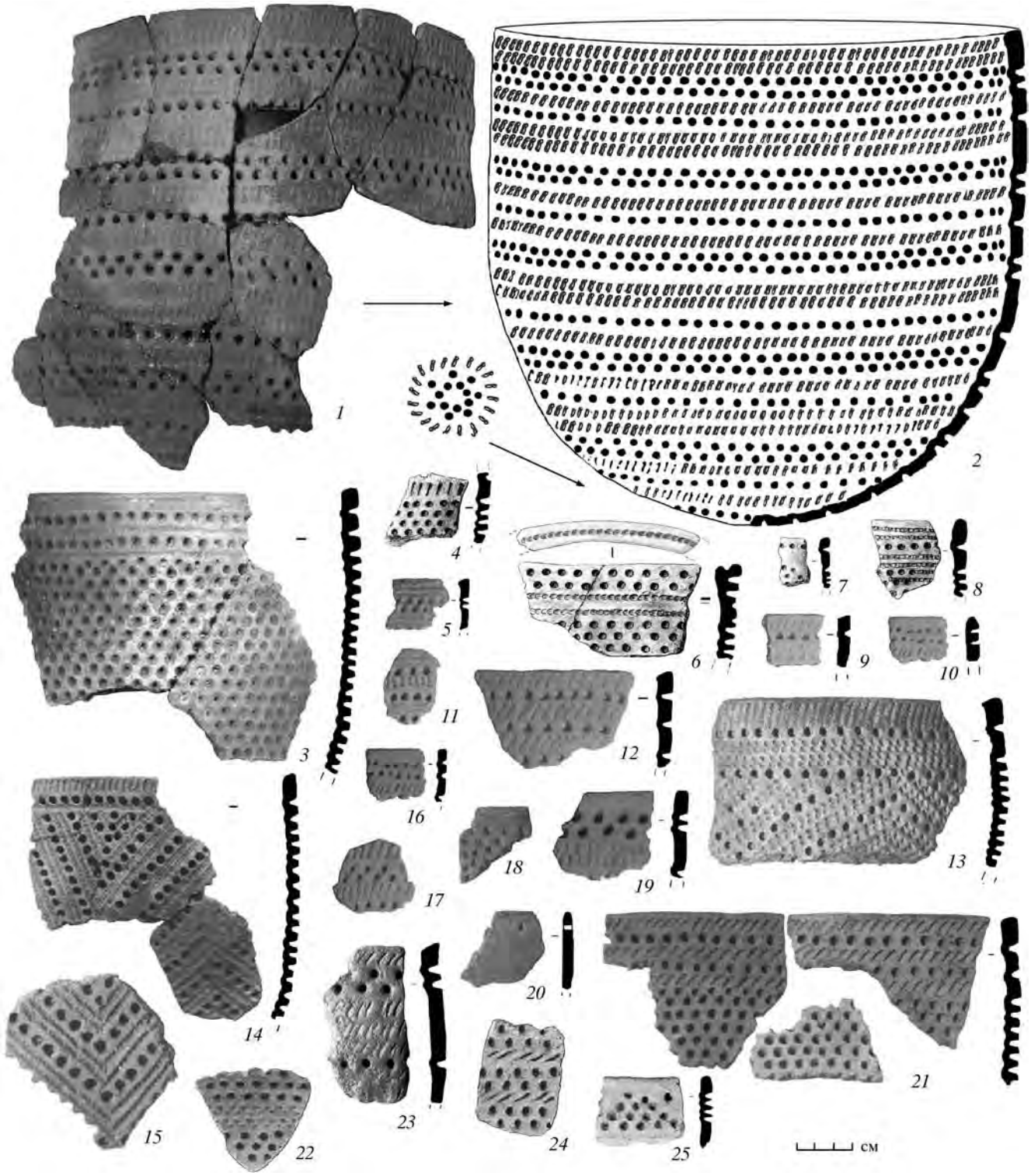


Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика среднего этапа неолита. *1–3, 13–15, 18, 20* – местонахождение в русле р. Выг; *4, 6–8* – святилище (Бесовы Следки); *5, 9–12* – о. Шойрукшин; *16–19* – порог Шойрукша; *21* – Золотец I; *22–24* – Золотец VI; *25* – Залавруга III. *1–19, 21–24* – ямочная и ямочно-гребенчатая; *20* – каргопольская.

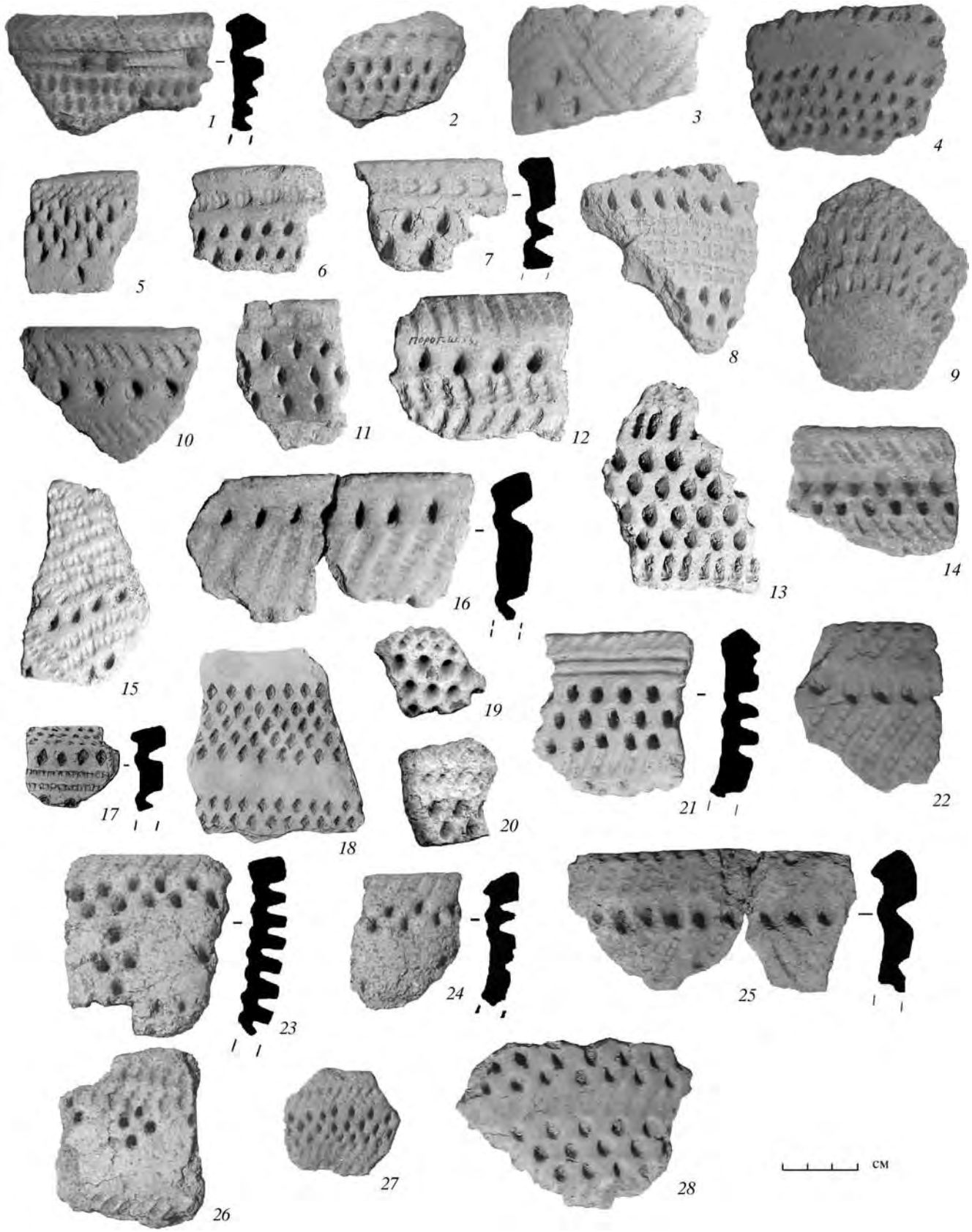


Рис. 4. Керамика позднего этапа неолита с кругло- и ромбо-ямочным орнаментом. *1, 2* – местонахождение в русле р. Выг; *3–11* – о. Шойрукшин; *12, 13, 15, 16* – порог Шойрукша; *14, 21, 22, 25* – Залавруга III; *17–20* – Залавруга I; *23, 24, 26–28* – Залавруга II.

(Косменко, 2003). Если исключить самую раннюю дату (Ерпин Пудас I), не связанную с культурным слоем, то возраст неолитических стоянок укладывается в пределы IV тыс. до н.э. (5990±100 – 5000±60 л.н.).

Энеолитические комплексы наиболее многочисленны, имеются практически всюду, кроме двух поселений у с. Выгостров, где проведены небольшие раскопки (от 20 до 40 м^2). Занимаемые ими высоты варьируют между 7 и 23 м над уровнем моря, т.е. занимают те же участки, что и предшествующие или более поздние памятники. Появление таких стоянок в низовьях р. Выг относится уже к суббореальному времени, это подтверждается палеогеографическими и археологическими наблюдениями, а также датами по ^{14}C (между 3600–4800 л.н.) (Косменко, 2003). В результате раскопок стоянки Залавруга I выяснилось, что многие наскальные полотна были перекрыты мощными (до 1 м) речными осадками раннего суббореала, в которых позже сформировались культурные слои эпохи энеолита (с ямочно-гребенчатой пористой и с более поздней пористой и асбестовой керамикой). Время появления аллювиальных отложений на петроглифах Залавруги скорее всего 4800–5000 л.н., что подтверждает одна из радиоуглеродных дат стоянки Залавруга I – 4775±70 (ТА-393). Ее обычно соотносят с ромбо-ямочной керамикой, однако, принимая во внимание ее недавно уточненный возраст (Косменко, 2003; Лобанова, 2004. С. 255), более вероятна связь этой даты с хорошо здесь представленной пористой ямочно-гребенчатой посудой.

Малочисленные находки эпохи бронзы обнаружены на 12 памятниках в низовьях Выга (высота 7.5–15.5 м, но в одном случае значительно выше). Комплексы железного века тоже небольшие, выделены на 20 памятниках (их высотные отметки 7.5–21, чаще всего 7.5–14 м). Эти типы древностей Карелии относятся примерно к 3600–1100 л.н. (Косменко, 2003).

Еще менее представительны средневековые материалы, известные на 13 памятниках (Савватеев, 1977). Они размещены на участках древнего берега практически на всех высотных отметках. Комплексы раннего средневековья отражают следы краткого пребывания охотничье-рыболовецкого населения в IX–X вв. Для более позднего периода (XV–XVI вв.) характерны как сезонные рыболовные поселения, так и постоянные (Амелина, 2007. С. 71–73).

Из изложенного выше вытекает, что основным критерием выбора места для сезонного или более длительного проживания в нижнем течении р. Выг было удобство расположения площадок и террас. Ограниченность таких участков заставляла людей использовать их многократно для остановок и более длительного (сезонного) проживания. Лучше всего они были освоены в эпоху среднего и финального неолита – энеолита. Материалы раннего неолита (с керамикой сперрингс и сяряиснием), датируемые около 6000–6200 л.н., очень небольшие, найдены только на трех памятниках, в том числе недалеко от петроглифов Бесовы Следки. Традиция выбивок на скалах вряд ли возникла в этой культурной среде, для этого требовалось более долгий период освоения территории и приспособления к местной природной среде. Благоприятный климат и разнообразная растительность климатического оптимума голоцена обеспечивали большой приток населения с юга (носителей ямочно-гребенчатой и более поздней ромбо-ямочной керамики). Именно в это время, в пик засушливой стадии атлантического периода (5700–5400 л.н.), и складываются реальные предпосылки для появления петроглифов в Прибеломорье. Завершение этой традиции связано с концом атлантического периода и переходом к суббореалу, т.е. около 5000–4900 тыс. л.н. В это время все наскальные полотна Залавруги были замыты и перекрыты осадками раннесуббореального времени (около 5 тыс. л.н.), в которых сформировались культурные отложения эпохи раннего металла возрастом 4.8–4.6 тыс. л.н.

Проблема периодизации Беломорских петроглифов еще далека от своего разрешения. Обычно в работах, где затронута данная тема, внятной аргументации авторских предположений нет, кроме ссылок на высотные отметки и общих фраз об эволюции наскального творчества (Савватеев, 1970; Janik, 2010). Разница в возрасте между петроглифами на разных высотах и удалении от воды достигает чуть не тысячи лет. Но тогда должны прослеживаться и какие-то различия в мотивах, манере, стилистике и т.д. На деле этого нет, и можно представить картину, обратную предложенной упомянутыми авторами: наскальное искусство появилось на целиком свободных от почвы и растительности скалах сначала в прибрежной зоне, а с течением времени стали осваиваться более высокие и дальше расположенные от водоема скальные плоскости. Отметим также, что те или иные плоскости с изображениями могли позднее дополняться новыми фигурами, в редких случаях перекрывая более ранние (Старая Залавруга, Бесовы Следки I).

Специального внимания требует аспект, связанный с явно прослеживаемой линией культурных контактов и взаимовлияний создателей петроглифов р. Выг и Онежского озера. Одинаковые (иногда до мелочей) фигуры и сцены присутствуют в обоих комплексах (рис. 5, 6). Возможно, что возникшая

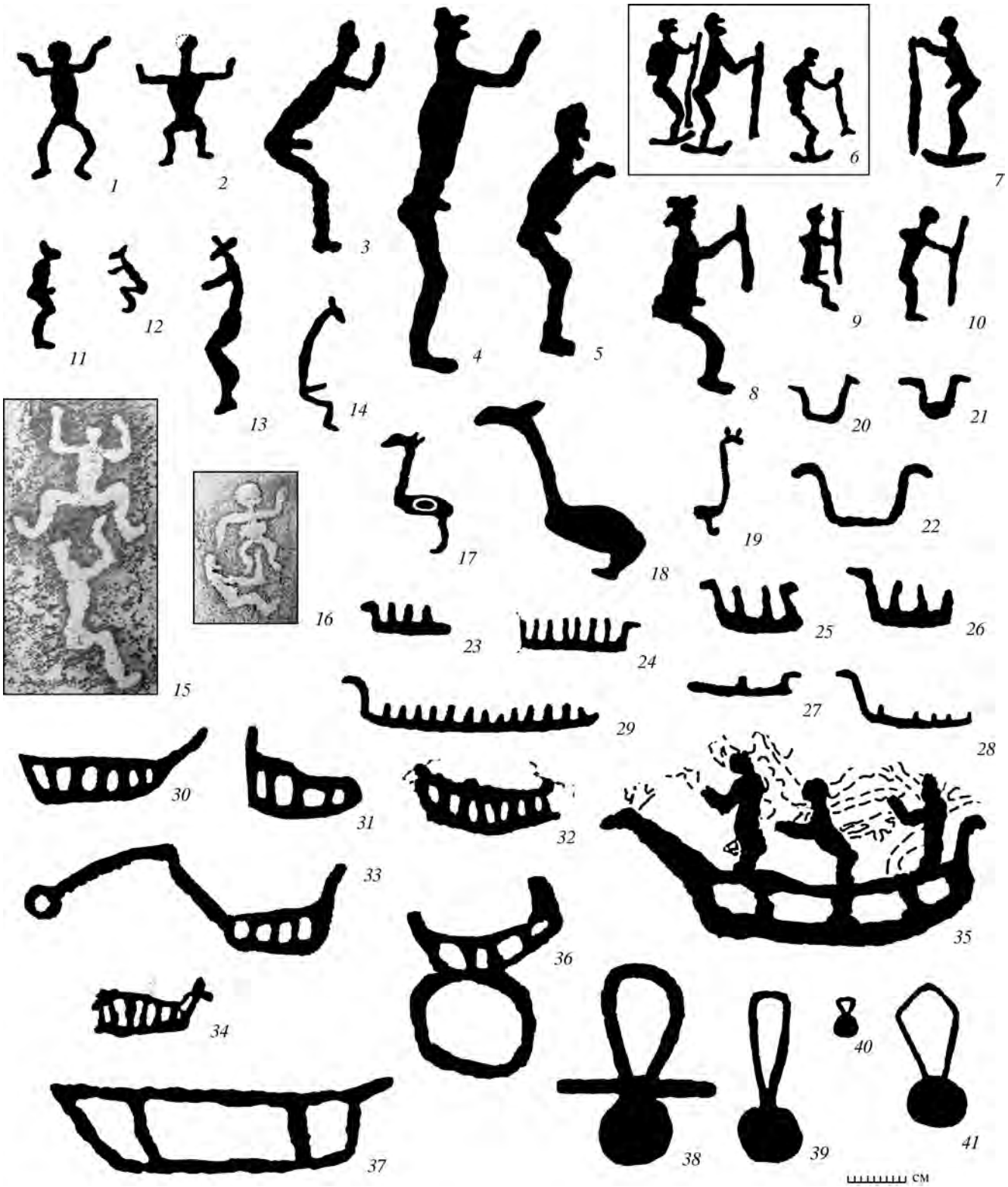


Рис. 5. Сходные образы в наскальном искусстве низовьев р. Выг и Онежского озера. *1, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 20, 23–26, 30–34, 38* –низовья р. Выг; *2, 5, 7, 10, 13, 14, 16, 19, 21, 22, 27–29, 35–37, 39–41* – Онежское озеро.

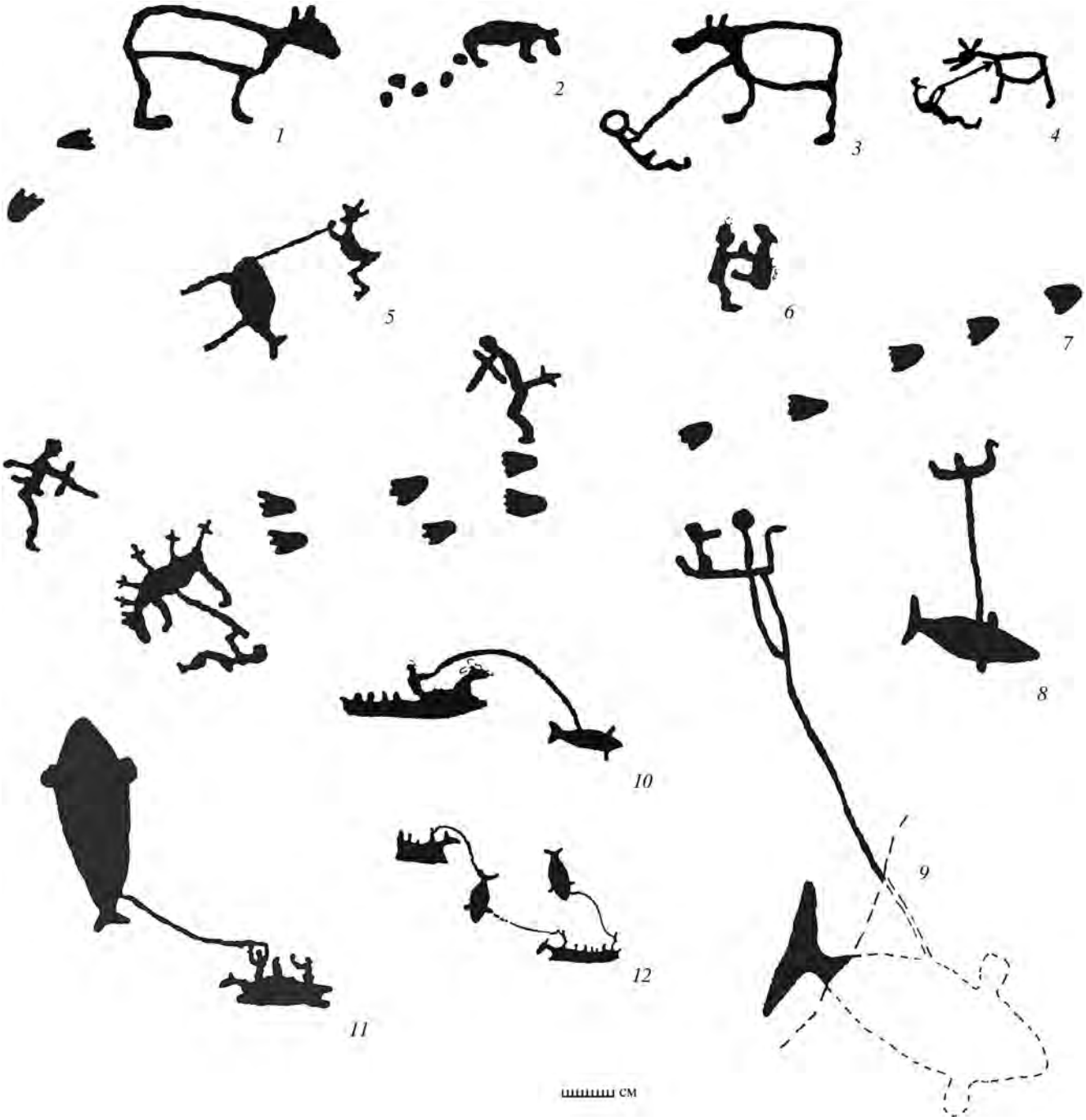


Рис. 6. Сходные композиции в наскальном искусстве низовьев р. Выг и Онежского озера. *1–4, 8, 9* – Онежское озеро; *5–7, 10–12* – низовья р. Выг.

чуть раньше онежская петроглифическая традиция дала толчок для ее появления в Прибеломорье.

Таким образом, выяснение начала, расцвета и завершения петроглифической традиции в Беломорье – сложная задача на будущее. Необходим комплексный анализ всех собранных на сегодня материалов с широким привлечением данных других подобных памятников, в частности онежских. Пока можно сказать, что общая тенденция развития петроглифов идет в сторону увеличения числа образов, их усложнения, акцента на определенных деталях, с точки зрения техники – улучшения качества выбивки.

К числу ранних групп можно отнести основную массу фигур Бесовых Следков I, II, что подтверждается не только характером самих выбивок, но

и археологическими данными (наличием большого числа обломков сосудов среднего этапа неолита в слое ила прямо под скалой с петроглифами). Близка им по времени группа Ерпин Пудас IV, где выбиты очень похожие фигуры белух, и Ерпин Пудас I с аналогичными изображениями оленей – статичных, с прямыми конечностями, а также специфических лодочек укороченных пропорций, с высокими бортами и без гребцов. Возможно, в это время и позже древние художники осваивали маленькие безымянные острова и Ерпин Пудас III. Расцвет наскального искусства отражен на Залавруге в многофигурных и очень выразительных сценах, каких нет больше нигде. Видимо, на этом этапе и произошло угасание традиции в связи с резко изменившейся природной обстановкой.

Итак, с учетом всех отмеченных факторов – палеогеографической обстановки, геологических условий, радиоуглеродных датировок, археологического материала – можно установить наиболее благоприятные для зарождения и развития наскального творчества условия в Беломорье во второй половине – конце атлантического времени (5700–5000 л.н.), вероятнее всего, на несколько сотен лет позже, чем на восточном побережье Онего. Затем оба очага наскального искусства функционировали параллельно (контактируя и влияя друг на друга) до конца этой климатической эпохи и прекратили свое существование на рубеже ее с суббореалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амелина Т.П. Из истории средневековых поселений Беломорья // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря / Сост. Н.В. Лобанова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. С. 66–78.

Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 198 с.

Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Петрозаводск; Л.: Наука, 1976 (Тр. Ин-та геологии Карельского филиала АН СССР; Вып. 33). 121 с.

Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене (Побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1986. 108 с.

Девятова Э.И. Палеогеография и освоение человеком территории Карелии // Поселения древней Карелии. (От мезолита до эпохи средневековья) / Ред. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. С. 7–18.

Демидов И.Н., Лаврова Н.Б., Колканен А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Палеоэкологические условия голоцена и освоение человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск: Гос. истор.-архит. и этнограф. музей-заповедник “Кижи”, 2001. С. 241–251.

Елина Г.А., Лукашов А.Д., Юрковская Т.К. Послеледниковье и голоцен Восточной Фенноскандии (Палеорастительность и палеогеография). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 242 с.

Елина Г.А., Лукашов А.Д., Токарев П.Н. Картографирование растительности и ландшафтов на временных срезах голоцена таежной зоны Восточной Фенноскандии. СПб.: Наука, 2005. 160 с.

Жульников А.М. К вопросу о датировке беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 238–247.

Жульников А.М. О хронологии наскальных изображений Белого моря // Уральский археологический вестник. 2010. № 1 (26). С. 62–69.

Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменного, бронзового и железного века) // РА. 2003. № 4. С. 25–35.

Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.

Лобанова Н.В. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 253–264.

Лобанова Н.В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 127–135.

Лобанова Н.В. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 44–68.

Лобанова Н.В. Проблемы документирования петроглифов Карелии // Тр. КарНЦ РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 4–23.

Лобанова Н.В. Петроглифы Белого моря. Каталог. Рукопись монографии. Петрозаводск, 2013 // Архив КарНЦ РАН.

Лобанова Н.В. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // РА. 2014а. № 3. С. 98–110.

Лобанова Н.В. К проблеме хронологии и периодизации наскального искусства Карелии // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. 2014 г. Т. IV / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014б. С. 69–71.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 167 с.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Шукуров А.М. Радиоуглеродная хронология неолита северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 158 с.

Савватеев Ю.А. Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1: Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 443 с.

Савватеев Ю.А. Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 2: Стоянки. Л.: Наука, 1977. 323 с.

Савватеев Ю.А. Наскальные изображения (петроглифы) Карелии // Археология Карелии / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 125–148.

Савватеев Ю.А., Девятова Э.И., Лийва А.А. Опыт датировки наскальных изображений Белого моря // СА. 1978. № 4. С. 16–35.

Тарасов А.Ю., Мурашкин А.И. Новые материалы с поселения Залавруга I и проблема датировки петроглифов Новой Залавруги // Археологические вести. Вып. 9. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 41–44.

Шелехова Т.С., Лаврова Н.Б. Палеоэкологические условия развития юго-западного Беломорья в голоцене // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып.11 / Ред. А.И. Голубев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 254–265.

Шелехова Т.С., Лаврова Н.Б. Новые данные о миграции береговой линии Белого моря // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Серия Естественные и технические науки. 2011. № 2 (115). С. 24–32.

Kul'kova M.A., Mazurkevich A.N., Doluchanov P.M. Chronology and palaeoclimate of prehistoric sites in Western Dvina-Lovat' area of North-Western Russia // Geochronometria. V. 20. Gliwice, 2001. P. 87–94.

Janik L. Development and periodization of White Sea rock carvings // Acta Archaeologica. 81 (1). Copenhagen, 2010. P. 83–94.

PETROGLYPHS IN THE LOWER REACHES OF VYG RIVER: QUESTIONS OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION

Nadezhda V. Lobanova

Institute of Linguistics, History and Literature of the Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk (hopelob@yandex.ru)

The major aim of the article is to prove the chronological frames of the petroglyphs in the lower reaches of the Vyg River (the Southern-Western White Sea Region) based on the complex analysis of the modern archaeological, geological and paleographical evidence. The author has tried to find the evolution course and basic tendencies in the development of cave art. The attention has been paid to the question of the clearly traceable connection between the artist of the cave art pieces of the White Sea and Onega Lake at the appointed stage.

Key words: the lower reaches of Vyg River, White Sea petroglyphs, groups of Zalavruga, Besovy Sledki, Erpin Pudas, archaeological sites in the vicinities of petroglyphs, chronology and periodization of cave art.

REFERENCES

Amelina T.P., 2007. Iz istorii srednevekovykh poseleniy Belomor'ya [From the history of the medieval White Sea Region settlements]. *Kompleksnye gumanitarnye issledovaniya v basseyne Belogo morya [Integrated Humanitarian researches in the White Sea basin]*. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN, pp. 66–78.

Arkheologicheskie pamyatniki..., 2007. Arkheologicheskie pamyatniki Karelii. Katalog [Archaeological sites of Karelia. Catalogue]. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN. 198 p.

Demidov I.N., Lavrova N.B., Kolkanen A.M., German K.E., Mel'nikov I.V., 2001. Paleoekologicheskie usloviya golotsena i osvoenie chelovekom poberezh'ya zaliva Vozhmarikha na yuge Zaonezhskogo poluostrova [Paleoecological conditions of the Holocene and the exploration of the gulf Vozhmarikha coast at the south of the Zaonezhje peninsula]. *Kizhskiy vestnik [Kizhi Bulletin]*, 6. Petrozavodsk: Gos. istoriko-arkhit. i etnograf. muzey-zapovednik "Kizhi", pp. 241–251.

Devyatova E.I., 1976. Geologiya i palinologiya golotsena i khronologiya pamyatnikov pervobytnoy epokhi v yugo-zapadnom Belomor'e [Geology and palynology of the Holocene and the chronology of the Primitive epoch sites at the south-west White Sea Region]. Petrozavodsk; Leningrad: Nauka. 121 p. (Trudy Instituta geologii Karel. filiala AN SSSR, 33).

Devyatova E.I., 1986. Prirodnaya sreda i ee izmeneniya v golotsene (Poberezh'e severa i tsentra Onezhskogo ozera) [Natural environment and its changes in the Holocene (the coast of the north and center of the Onega Lake)]. Petrozavodsk: Kareliya. 108 p.

Devyatova E.I., 1988. Paleogeografiya i osvoenie chelovekom territorii Karelii [Paleography and exploration of the territory of Karelia by a man]. *Poseleniya drevney Karelii. (Ot mezolita do epokhi srednevekov'ya) [Settlements of ancient Karelia (From the Mesolithic Age to Middle Ages)]*. Petrozavodsk: Karel. filial AN SSSR, pp. 7–18.

Elina G.A., Lukashov A.D., Tokarev P.N., 2005. Kartografirovanie rastitel'nosti i landshaftov na vremennykh srezakh golotsena taezhnoy zony Vostochnoy Fennoskandii [Cartography of vegetation and landscapes on the time slices of the Holocene of the Taiga zone of the Eastern Fennoscandia]. SPb.: Nauka. 160 p.

Elina G.A., Lukashov A.D., Yurkovskaya T.K., 2000. Poslelednikov'e i golotsen Vostochnoy Fennoskandii (Paleorastitel'nost' i paleogeografiya) [Post glacial and the Holocene of the Eastern Fennoscandia (Paleo vegetation and paleo geography)]. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN. 242 p.

Janik L., 2010. Development and periodization of White Sea rock carvings. *Acta Archaeologica*, 81 (1). Copenhagen, pp. 83–94.

Kosmenko M.G., 2003. Problemy datirovaniya i khronologiya pamyatnikov Karelii (kamennogo, bronzovogo i zheleznogo veka) [Problems of dating and chronology of Karelian sites (Stone, Bronze and Iron Ages)]. *RA [RA]*, 4, pp. 25–35.

Kul'kova M.A., Mazurkevich A.N., Doluchanov P.M., 2001. Chronology and paleoclimate of prehistoric sites in Western Dvina-Lovat' area of North-Western Russia. *Geochronometria*, 20. Gliwice, pp. 87–94.

Linevskiy A.M., 1939. Petroglify Karelii [Karelian petroglyphs]. Petrozavodsk: Kargosizdat. 194 p.

Lobanova N.V., 2004. Khronologiya i periodizatsiya pamyatnikov s yamochno-grebenchatoy keramikoy na territorii Karelii [Chronology and periodization of the sites with pit-and-comb ceramics on the territory of Karelia]. *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii (khronologiya neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiya regionov, vzaimodeystviya neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoy i Sredney Evrope) [Problems of chronology and ethno cultural cooperation in the Neolithic Age of Eurasia (chronology of the Neolithic Age, specific features of the cultures and neolitization of the cooperation regions of the Neolithic cultures in the Eastern and Middle Europe)]*. V.I. Timofeev, G.I. Zaytseva, eds. SPb.: IIMK RAN, p. 253–264.

Lobanova N.V., 2007. Petroglify Staroy Zalavrugi: novye dannye – novyy vzglyad [Petroglyphs of the Staraya Zalavruga: new evidence – new view]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 1 (29), pp. 127–135.

Lobanova N.V., 2009. Adaptatsionnye protsessy v kul'ture naseleniya Karelii epokhi neolita [Adoption processes in cultures of the Karelian population of the Neolithic Age]. *Adaptatsiya kul'tury naseleniya Karelii k osobennostyam mestnoy prirodnoy sredy periodov mezolita – Srednevekov'ya [Adoption of the cultures of the Karelian population to the specific features of the local natural environment of the Mesolithic Age – Middle Ages]*. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN, pp. 44–68.

Lobanova N.V., 2010. Problemy dokumentirovaniya petroglifov Karelii [Problems of the documentation of the Karelian petroglyphs]. *Tr. Karel. NTs RAN. Ser. Gumanitarnye issledov. [Transactions of the Karelian Scientific Centre of RAS. Series, Humanitarian Researches]*, 1. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN, pp. 4–23.

Lobanova N.V., 2013. Petroglify Belogo morya. Katalog. Rukopis' monografii. Petrozavodsk [Petroglyphs of the White Sea. Catalogue. The manuscript of the monograph. Petrozavodsk]. Arkhiv Karel. NTs RAN [Archive of the Karelian Scientific Centre of RAS] (unpublished).

Lobanova N.V., 2014a. K voprosu o khronologii i periodizatsii naskal'nykh izobrazheniy Onezhskogo ozera [To the question of chronology and periodization of the rock paintings of the Onega Lake]. *RA [RA]*, 3, pp. 98–110.

Lobanova N.V., 2014b. K probleme khronologii i periodizatsii naskal'nogo iskusstva Karelii [To the question of chronology and periodization of the rock art of Karelia]. *Tr. IV (XX) Vseross. arkheol. s"ezda v Kazani, 2014 g. [Transactions of the 4th (20) All-Russian Archaeological Congress in Kazan, 2014]*, IV. Kazan': Otechestvo, pp. 69–71.

Ravdonikas V.I., 1938. Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera i Belogo morya [Rock art images of the Onega Lake and the White Sea], 2. Naskal'nye izobrazheniya Belogo morya [Rock paintings of the White Sea]. Moscow; Leningrad: Iz-vo AN SSSR. 167 p.

Savvateev Yu.A., 1970. Zalavruga: Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg [Zalavruga: Archaeological sites of the lower reaches of the Vyg River], 1. Petroglify [Petroglyphs]. Leningrad: Nauka. 443 p.

Savvateev Yu.A., 1977. Zalavruga: Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg [Zalavruga: Archaeological sites of the lower reaches of the Vyg River], 2. Stoyanki [Camps]. Leningrad: Nauka. 323 p.

Savvateev Yu.A., 1996. Naskal'nye izobrazheniya (petroglify) Karelii [Rock art images (petroglyphs) of Karelia]. *Arkheologiya Karelii [Archaeology of Karelia]*. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN, pp. 125–148.

Savvateev Yu.A., Devyatova E.I., Liyva A.A., 1978. Opyt datirovki naskal'nykh izobrazheniy Belogo morya [The attempt of dating the rock art images of the White Sea]. *SA [SA]*, 4, pp. 16–35.

Shelekhova T.S., Lavrova N.B., 2008. Paleoekologicheskie usloviya razvitiya yugo-zapadnogo Belomor'ya v golotsene [Paleoecological conditions of the development of the south-west White Sea Region in the Holocene]. *Geologiya i poleznye iskopaemye Karelii [Geology and natural resources of Karelia]*, 11. A.I. Golubev, ed. Petrozavodsk: Karel. NTs RAN, pp. 254–265.

Shelekhova T.S., Lavrova N.B., 2011. Novye dannye o migratsii beregovoy linii Belogo morya [New evidence of the migration of the coastline of the White Sea]. *Uchenye zapiski Petrozav. gos. univ. Ser. Estestvennye i tekhnicheskie nauki [Proceedings of the Petrozavodsk State Univ. Series, Science and engineering]*, 2 (115), pp. 24–32.

Tarasov A.Yu., Murashkin A.I., 2002. Novye materialy s poseleniya Zalavruga I i problema datirovki petroglifov Novoy Zalavrugi [New data from the settlement Zalavruga 1 and the problem of the dating of the petroglyphs of Novaya Zalavruga]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological Vesti]*, 9. SPb.: IIMK RAN, pp. 41–44.

Timofeev V.I., Zaytseva G.I., Shukurov A.M., 2004. Radiouglerodnaya khronologiya neolita severnoy Evrazii [Radiocarbon chronology of the Neolithic Age of modern Eurasia]. SPb.: Teza. 158 p.

Zhul'nikov A.M., 2006. K voprosu o datirovke belomorskikh petroglifov [To the question of the dating of the White Sea petroglyphs]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura evropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii: sb. st. konf. [Primitive and medieval history and culture of European North: problems o studying and scientific reconstruction. Collected papers]*. Solovki, pp. 238–247.

Zhul'nikov A.M., 2010. O khronologii naskal'nykh izobrazheniy Belogo morya [To the chronology of the rock paintings of the White Sea]. *Ural'skiy arkheologicheskiy vestnik [Urals Archaeological Bulletin]*, 1 (26), pp. 62–69.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 34–47

ДОЛЬМЕНЫ СТАНИЦЫ ЦАРСКОЙ: КРАСНЫЕ ПИГМЕНТЫ КАК ПРОДУКТ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

© 2015 г. В.А. Трифонов*, Н.И. Шишлина, П.И. Калинин***, А.О. Алексеев***, Е.С. Богомолов******

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (viktor_trifonov@mail.ru)*
*** Государственный Исторический музей, Москва*
**** Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино*
***** Институт геологии и геохронологии докембрия РАН, Санкт-Петербург*

В статье приведены результаты комплексного анализа образцов красных пигментов из дольменов у станицы Царской, 1898 г. (совр. Новосвободная), исследование которых было возобновлено в 2013 г. Образцы представлены двумя разновидностями: железистой охрой с потолка перекрытия погребальной камеры дольмена в кургане 1; киноварью, которой были покрыты останки погребенного и сопровождавший инвентарь в дольмене под курганом 2. В качестве сравнительного материала проанализированы образцы охры из двух погребений эпохи бронзы того же района. Для отработки методики определения источников сырья проведен анализ местного образца ожелезненной глины и трех образцов из региональных месторождений ртути. Установлены основные признаки термической обработки сырья при изготовлении охры из природных гетитов и гематитов. Путем сравнения соотношения изотопов свинца в образцах пигментов и рудных месторождениях ртути установлен источник киновари в дольмене.

Ключевые слова: красные пигменты, охра, киноварь, источники, изготовление, обмен, погребения, дольмены, эпоха бронзы, Северный Кавказ, восточноевропейская степь.

В августе 1898 г. профессор Санкт-Петербургского университета, старший член Императорской археологической комиссии Н.И. Веселовский и его помощник, “археологический надсмотрщик” Дмитрий Ефименко, завершили раскопки двух курганов в окрестностях станицы Царской (совр. ст. Новосвободная, Майкопский р-н, Республика Адыгея). Под насыпями оказалось по одному дольмену оригинальной конструкции: в одном случае (курган 1) крыша дольмена была двускатной, а в другом (курган 2) – плоской. Останки тел погребенных сопровождались многочисленным и разнообразным инвентарем, а в обряде широко использовались минеральные пигменты красных оттенков. Н.И. Веселовский неоднократно подчеркивал количество “сурика”, которым костяки были “густо обсыпаны”, а также отметил, что в дольмене с плоской крышей, у которого красным пигментом были окрашены внутренние стены, “значительные куски [сурика] были найдены в ногах костяка” (ОАК, 1901. С. 34, 36, 37; см. также: Веселовский, 1898, 1899).

В рамках проекта по изучению археологического и природного контекстов дольменов Царской, а также по восполнению пробелов в полевой документации, оставленной Н.И. Веселовским (Трифонов, Шишлина, 2014), в 2013 г. были возобновлены полевые исследования чудом сохранившихся памятников. Одним из разделов исследовательской программы было определение состава и происхождения образцов красных пигментов из раскопок Н.И. Веселовского (коллекция ГИМ) и сборов, сделанных при расчистке дольменов в 2013–2014 гг. (рис. 1).

Программа исследования пигментов включает определение их состава, локализацию источников сырья, реконструкцию технологии изготовления и способов использования конечного продукта. Первоначальный анализ образцов показал, что из дольменов Царской происходят пигменты нескольких красных оттенков. Они представлены двумя основными разновидностями: киноварью и охрами на основе окислов железа (Трифонов и др., 2014). Эти результаты определили выбор методов дальнейшего анализа красок с различным минеральным составом.

В публикации представлены первые результаты изучения образцов киновари и железистых охр с использованием комплексной методики.

Красная краска и “курганы с окрашенными костяками”: история вопроса. Курганные насыпи и использование в погребениях красной краски

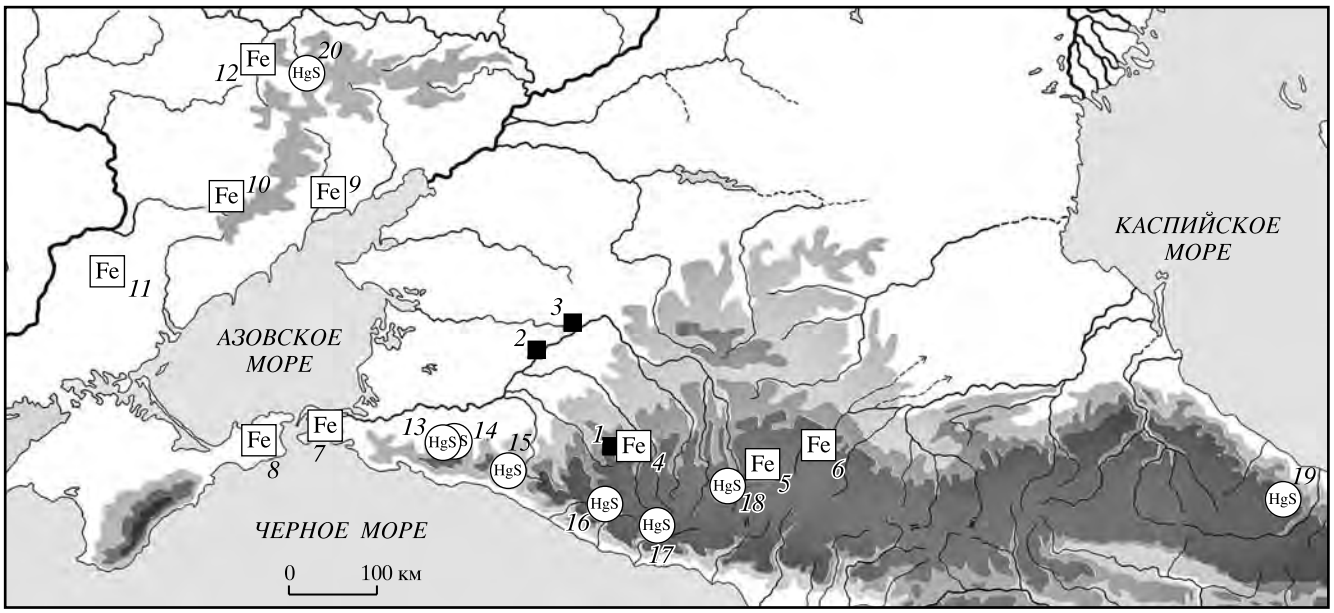


Рис. 1. Карта распространения основных источников сырья для изготовления оксидных охр и киновари на Северном Кавказе и в предкавказской степи. *1–3* – образцы красных пигментов из погребений (*1* – Царская/совр. Новосвободная; *2* – Ладожская; *3* – Казанская); *4–12* – месторождения железа (*4* – Новосвободненское; *5* – Малкинское; *6* – Бейчисын-Бермамытское; *7* – Таманское; *8* – Керченское; *9* – Мариупольское; *10* – Кременчугское; *11* – Белозерское; *12* – Криворожское); *13–20* – месторождения киновари (*13* – Сахалинское; *14* – Белокаменное; *15* – Перевальное; *16* – "верховья Пшехи–Шахе"; *17* – Авадхарское; *18* – Кишкитское; *19* – Хпекское; *20* – Никитовское).

позволили А.А. Спицыну включить дольмены Царской вместе с основным погребением Майкопского кургана в широкий круг памятников, которые в конце XIX в. было принято называть "курганы с окрашенными костяками" (Спицын, 1899). К тому времени территориальный размах и регулярность использования красных пигментов в погребальном обряде не только на юге России, но и за пределами степи (Нидерле, 1898. С. 147, 148) превратили это явление в один из главных символов эпохи, смысл и хронологические границы которого еще только предстояло определить.

Эта тема широко обсуждалась в отечественной археологии с начала 80-х годов XIX в., причем дважды становилась предметом общей дискуссии среди участников российских археологических съездов – Московского (1890 г.) и Виленского (1893 г.). Споры шли главным образом о способах окрашивания и его причинах. Как правило, у большинства участников обсуждения был личный опыт раскопок "окрашенных костяков", отчего дискуссия часто приобретала острый характер. Раньше других в докладе на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) на эту тему высказался А.А. Бобринский, полагавший, что красная краска на костях – это следы прижизненной татуировки (1886. С. 222, 232).

Некоторые исследователи считали, что краской были окрашены лишенные тканей скелеты (Скадовский, 1897. С. 91, 92), в то время как другие (В.Б. Антонович, И.А. Хайновский) полагали, что различными способами окрашивались тела и одежды погребенных (Занятия…, 1890. С. 42, 190). "Для решения вопроса об окрашивании костей" Д.Н. Анучин даже предложил "…сделать опыт над каким-нибудь животным" (Труды…, 1897. С. 118, 119).

Сама краска также не оставалась без внимания, и при описании погребений чаще всего отмечали ее место расположения, количество, состояние и цвет. Обычно это был порошок и разного размера и плотности комки, реже "бруски". Цвет определяли на глаз, но и такая оценка давала представление о разнообразии оттенков. При раскопках курганов в Киевской губернии А.А. Бобринский упоминал "комки буро-красной, розовой и лиловой краски" (1886. С. 222); в погребениях, раскопанных под Пятигорском, Д.Я. Самоквасов отметил темно-малиновую краску (1892. С. VIII), а в погребениях Херсонской губернии А.В. Городцов отличал красный пигмент от алого (1907). Это, впрочем, стало поводом для придирок Н.И. Веселовского, требующего пояснений, какой из них темнее (1910. С. 99).

Первые химические анализы красных пигментов из погребений показали, что они представляют собой минеральную краску на основе окиси железа (Скадовский, 1897. С. 91), или, как уточнял

И.А. Хайновский, водной окиси железа (Занятия…, 1890. С. 190). А.А. Бобринский, комментируя результаты анализа, сделанного для него известным физиологом Б.Ф. Вериго, отметил, что “…краска … как окись железа, … представляет скорее простую железную … ржавчину, чем какую-либо краску” (Бобринский, 1886. С. 232).

Сомнения относительно естественного характера происхождения красной охры Н.И. Веселовский сформулировал в виде вопроса, предложенного им для обсуждения на VIII Археологическом съезде в Москве: “Буро-красная краска, представляющая смесь водной окиси железа с глиной, встречающаяся в скифских курганах, имеет искусственное или естественное происхождение?” (Восьмой…, 1889. С. 15).

Планируя сделать на эту тему доклад, Н.И. Веселовский передал профессору Санкт-Петербургского университета химику Н.А. Меншуткину образец краски из раскопок 1887 г. в окрестностях Ногайска, Бердянского уезда Таврической губернии (ОАК…, 1891. С. CLXXIII–CLXXVI) с просьбой определить состав краски и выяснить “… искусственно ли составлялась она, или употреблялась в том виде, как встречается она в природе?”

В ответ на просьбу Н.И. Веселовского проф. Н.А. Меншуткин сообщил, что “произведенный анализ бурокрасной краски из кургана показал, что она состоит из следующих частей:

Водная окись железа $Fe_2O_3 + H_2O$ = 82.11%

Глина (каолина) = 17%

99.11%

Несмотря на огромное количество окиси железа, нельзя с уверенностью сказать, чтобы краска была искусственно составлена, так как и в природе встречаются смеси железной охры и глины” (Веселовский, 1888).

Не получив однозначного ответа, Н.И. Веселовский отказался от представления реферата на заявленную тему, и ее обсуждение на VIII Археологическом съезде не состоялось.

Несмотря на неудачу, Н.И. Веселовский не переставал интересоваться природой красной краски в погребениях со скорченными костяками. В 1898 г. он передал в научно-техническую лабораторию Морского ведомства несколько образцов из Майкопского кургана, среди которых была “кость покрытая краской”. Известный химик, помощник Д.И. Менделеева, С.П. Вуколов, отметил, что верхний слой краски представлен киноварью, «…а нижний напоминает “мумию” (окись железа)» (Результаты…, 1898). В то время термин “мумия” был синонимом красно-коричневых красок на основе окислов железа, в том числе и сурика. Однако в заключении отсутствовала информация о способе изготовления железистой краски на фрагменте кости.

Наконец, в 1901 г. Н.И. Веселовский делает третью попытку и передает в лабораторию Г.В. Вульфа – профессора минералогии и кристаллографии в Варшавском университете – “кирпично-красные, слоистые листки” из погребения у ст. Казанской, Кубанской области, и фрагмент ткани “…с остатками волокон, окрашенных в ярко-карминово-красный цвет”, из дольмена в кургане 2 у ст. Царской (Вульф, 1903. С. 97, 98).

Краску на ткани из дольмена Г.В. Вульф определил как “настоящую киноварь, т.е. сернистую ртуть”, а пигмент из погребения у ст. Казанской – как железный сурик. При этом он отметил примеси “углекислой извести, которая почти всегда встречается в железном сурике, предназначенном для краски”, и “сернокислых соединений”. Важность последних, писал Г.В. Вульф, состоит в том, “…что поныне приготовляемый для техники железный сурик … добывается из сернокислых соединений железа” (Вульф, 1903. С. 98, 99).

Результаты анализов Н.А. Меншуткина, С.П. Вуколова и Г.В. Вульфа подтолкнули Н.И. Веселовского использовать термин “сурик”, которым прежде он никогда не пользовался, при описании пигментов в погребениях у ст. Царской. Намеренно или нет, но этим термином он сохранил возможность двоякой интерпретации происхождения краски, так как сурик в виде безводной окиси железа Fe_2O_3 мог быть как природным минералом (красный железняк, железный блеск), так и продуктом специального производства.

Определения С.П. Вуколовым и Г.В. Вульфом одного из пигментов как киноварь Н.И. Веселовский оставил без должного внимания и к этой теме больше никогда не возвращался.

Технические возможности лучших лабораторий того времени были исчерпаны, и тема красных пигментов эпохи бронзы на долгие годы исчезла из списка актуальных. Основным итогом этого периода исследований стало выделение двух принципиально различных групп красных пигментов: охры на основе оксидов железа и киновари – сернистого соединения ртути. Несмотря на то что обе краски иногда встречаются в одних и тех же погребениях (дольмены ст. Царской, Майкопский курган), методы изучения процесса их изготовления и определения источников сырья совершенно разные.

Современные методы изучения образцов охры. К вопросу о составе и приготовлении красных охр, найденных в погребениях эпохи бронзы,

исследователи вернулись почти через 100 лет в условиях совершенно новых научных возможностей (Балабина, 1983; Балабина и др., 1990)[1]. Не говоря о техническом превосходстве и точности анализов, несопоставимых с условиями вековой давности, очевидными достоинствами этих работ была серийность анализов пигментов из погребений одного региона, одной эпохи и надежно документированного культурно-хронологического контекста.

В зависимости от состава впервые были выделены две группы охр – оксидные (рудные) и силикатные, а также высказано предположение о прокаливании сырья в процессе производства охры, пригодной к употреблению. В основе этого предположения лежали главным образом исторические сведения о производстве охристых красок в античное и эллинистическое время, но прямого и однозначного подтверждения такого же производства в эпоху бронзы аналитическим или экспериментальным путем получить не удалось. Исследователи предполагали, что преимущественное содержание в изученных охрах гидрогематита указывает на прокаливание сырья, при котором минералы, входящие в состав лимонита, в том числе гидрогетит, дегидратируясь, переходят в маггемит и гематит. Последний во влажной почве опять переходит в гидрогематит (Балабина и др., 1990. С. 154, 155, 163).

Проблема, однако, состоит в том, что гематит в почве не может перейти в гидрогематит. С появлением методов мессбауэровской спектроскопии, электронной микроскопии и рентгеновской дифрактометрии возможность таких переходов была отвергнута. Формирование гидрогематита возможно только через фазу ферригидрита. Ферригидрит ($Fe_2O_3 \cdot 2FeOOH \cdot 2{,}6H_2O$) – эфемерный гидроксид, в почве он постепенно превращается в более стабильные формы: гетит или гематит в зависимости от условий. Подробная схема оксидогенеза железа была составлена еще в 1989 г., с дополнениями за последние два десятилетия исследований в ней представлено взаимное превращение минералов железа: гематита, гетита, ферригидрита, маггемита, лепидокрокита (Schwertman, 2008). В частности, в почвенных исследованиях выявлено, что красная окраска почвенной массы появляется благодаря присутствию гематита и тесно коррелирует с его относительным содержанием в сумме окислов “гетит + гематит”. Вместе с тем обнаружена невозможность непосредственного перехода этих минералов друг в друга в зоне гипергенеза. Также невозможно формирование гематита в гипергенных температурных условиях непосредственно из железосодержащих растворов. Лабораторные исследования показывают, что прямая трансформация гетита в гематит требует температуры около 400° С, а обратный переход происходит в присутствии воды при температуре около 130 °С.

Сравнение состава микропримесей в готовом продукте и предполагаемом источнике сырья выглядит наиболее эффективным методом отождествления этих источников, но и здесь однозначных решений не нашлось. С одной стороны, не было уверенности в том, что оксидные и силикатные охры не смешивали в процессе изготовления (Балабина и др., 1990. С. 163), с другой – была полная неясность с количеством железорудных проявлений, доступных населению Нижнего Дона в эпоху бронзы.

Учитывая все сильные и слабые стороны стимулирующей работы В.И. Балабиной и ее коллег, мы внесли в программу изучения охр ряд дополнений, ориентированных в первую очередь на выявление признаков производства пигмента. Для отработки методики анализов была выбрана небольшая коллекция образцов охр: с окрашенного потолка перекрытия дольмена в курган 1 у ст. Царской, из двух погребений эпохи бронзы, раскопанных в 1901 г. Н.И. Веселовским (ст. Ладожская, ст. Казанская)[2], и образец ожелезненного осадка из обреза высокого берега р. Фарс, приблизительно в 1 км к юго-востоку от дольменов, раскопанных Н.И. Веселовским (рис. 1).

Основная цель анализов состояла в проверке гипотезы об изготовлении охры как технологическом процессе по термической переработке минерального железооксидного сырья. Эта гипотеза предполагает, что процесс обработки сырья является только частью производственного цикла, состоящего из добычи сырья, его предварительной подготовки, изготовления полуфабриката и продукта конечного потребления.

Общей предпосылкой гипотезы является предположение, что массовый и регулярный спрос на красную охру при ограниченном количестве источников готовых природных пигментов красных оттенков мог быть удовлетворен за счет производства краски из доступного и более-менее распространенного сырья.

[1] Авторы ошибаются, утверждая, что до них анализы охр из погребений эпохи бронзы и железа не делались (Балабина и др., 1990. С. 154).

[2] Образец краски из дольмена в кургане 1, раскопанном Н.И. Веселовским в 1898 г., был взят в 2014 г. с сохранившегося *in situ* фрагмента перекрытия погребальной камеры. Образцы краски из погребений в курганах у Ладожской и Казанской хранятся в коллекции ГИМ (оп. 234).

Для проверки этой гипотезы в первую очередь необходимо определить наличие или отсутствие в образцах пигментов признаков термической переработки сырья. С этой целью была разработана и опробована комплексная методика с использованием элементного анализа, рентгеновской дифрактометрии, инфракрасной спектроскопии и анализа микроструктуры пигмента.

Определение химического состава образцов, учитывая малые навески, проводилось с использованием микроанализатора (ЭДС) сканирующего электронного микроскопа SEM TESCAN VEGA 3 LMU, при ускоряющем высоком напряжении 30 keV, в режиме SE (Secondary Electron Image) и высокого вакуума (HV). Интегрированный в микроскоп ЭДС-энергодисперсионный спектрометр (Oxford Instruments) и программа AZtec использовались для получения количественных результатов элементного анализа образцов пигментов.

Минералогический состав валовых образцов охр изучен методом рентгеновской дифрактометрии на приборе D2 PHASER (Bruker) (CuKα-излучение, дифрактограммы получены в интервале 5–65° 2Θ с шагом 0.02° и временем набора 5 с на точке). Образцы приготовлены из спиртовой суспензии. Качественный и полуколичественный фазовые анализы выполнены с применением программы DIFRAC. EVA (BRUKER), с использованием базы данных ICDD PDF2 (Международный центр дифракционных данных – International Centre for Diffraction Data (ICDD).

ИК-спектры образцов были получены на приборе ИК-фурье-спектрометр Thermo Scientific Nicolet 6700 в диапазоне 4000–400 см-1 (техника KBr). Препараты для съемки готовились путем измельчения 1 мг пробы и 199 мг KBr до состояния пудры и дальнейшего прессования твердых проб в таблетки.

Цвет пигментов определялся по цветовой шкале Манселла. Последовательно выполненные анализы дали следующие результаты.

Химический состав. В составе образцов охр преобладает железо (Fe) – от 26 до 44% (табл. 1). Примеси Si, Al и Ca могли попасть как при изготовлении краски (наполнитель), так и при отборе проб (из грунта). Высокое содержание S в образце 3 может быть показателем присутствия серы в исходном сырье. Образец 4 – единственный из всех содержит марганец (Mn).

Состав ожелезненного осадка (1) характеризует геохимический фон в областях накопления гетита.

Минералогический состав. Основу образцов пигментов составляют минералы железа и кварца (табл. 2). Образец 2 содержит гетит, гематит, примеси слюды и минералов группы плагиоклаза.

Таблица 1. Химический состав образцов пигментов (1 – ожелезненный осадок, р. Фарс, Новосвободная; 2 – Ладожская; 3 – Казанская; 4 – Царская / Новосвободная – дольмен в кургане 1)

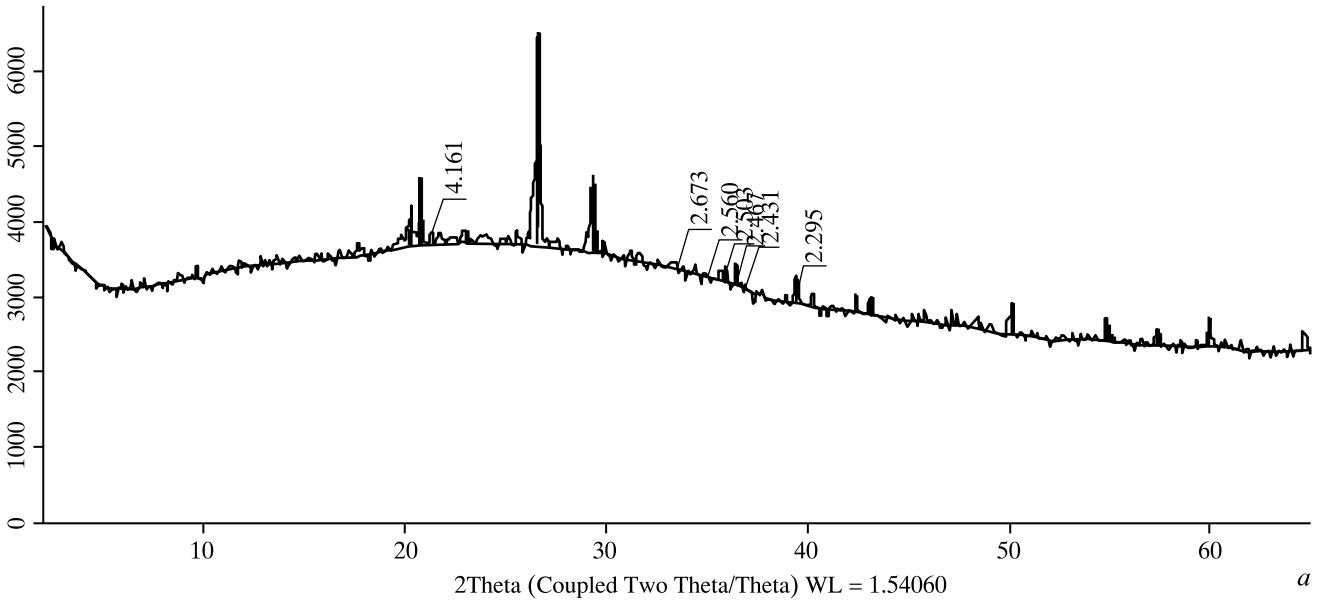
Образец / Химические элементы (вес, %)	1	2	3	4
Fe	44.48	26.16	44.2	33.52
Mn				3.12
S	0.25	0.69	2.6	
Si	5.96	13.49	6.1	10.07
Al	1.25	8	2.5	3.17
Ca	5.49	2.1	3.5	1.72
P	0.78	1.64	1	0.59
K	0.43	1.34	0.6	1.12
Ti		0.39	0.3	
Mg		0.41	0.2	0.34

Таблица 2. Минералогический состав образцов пигментов (полуколичественный)

Образец / Минералы	1	2	3	4
Гетит	+	+		+
Гематит		+	++	+
Манганит				+
Кварц	++	++	+	++
Тридимит	+			
Альбит		+		+
Микроклин				+
Анортит		+		
Каолинит				+
Иллит				+
Мусковит		+	+	
Вермикулит		+		
Кальцит	+	+	+	
Гипс			+	

Самый однородный по составу образец 3 состоит из гематита с примесями калиевой слюды мусковита, кальцита и гипса. В образце 4 кроме гетита и гематита присутствуют глинистые минералы каолинит и иллит, а также манганит (MnO(OH)), придающий пигменту более темный цвет.

Эксперимент. Для получения эталона с диагностическими признаками перехода при нагревании гетита FeOOH в гематит Fe_2O_3 ($FeOOH \rightarrow Fe_2O_3 + H_2O$) был проведен эксперимент. Из образца 1



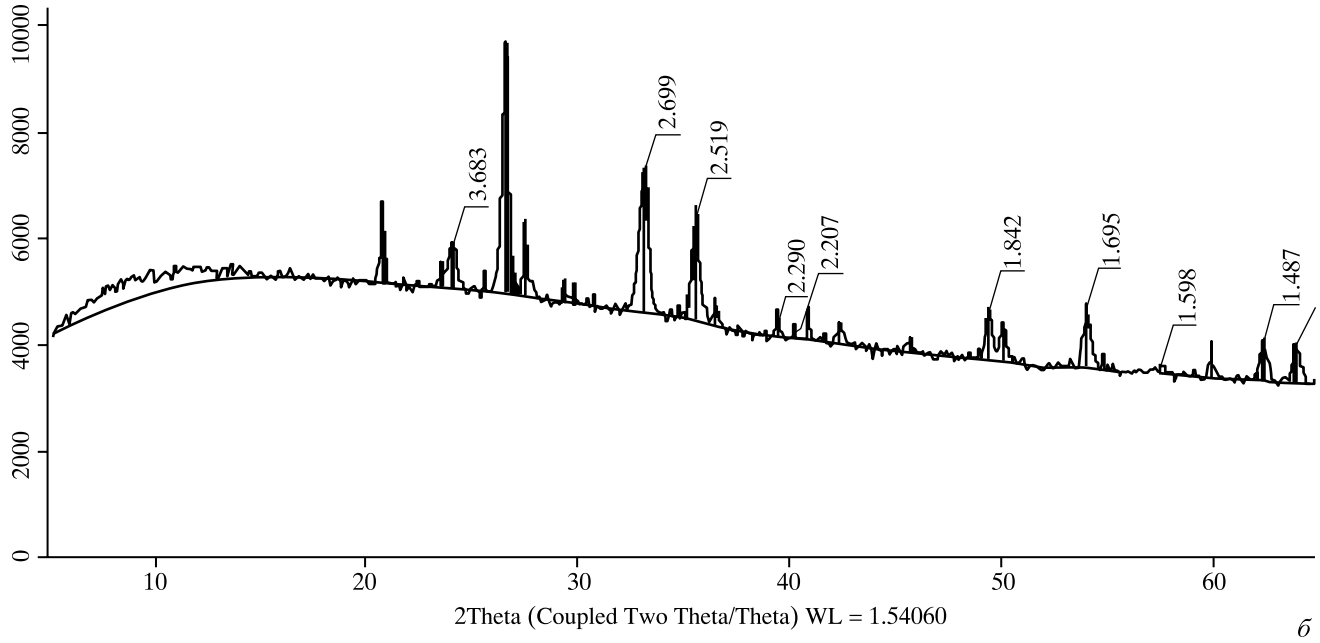


Рис. 2. Рентгеновская дифрактограмма образца 1 (*а*), содержащая фазы гетита; *б* – результат термической обработки до 800° С приводит к переходу в гематит.

были взяты 4 навески по 30 мг и прокалены в муфельной печи в течение 1 ч до температуры 600, 700, 800 и 900° С. Рентгеновские дифрактограммы показывают полную трансформацию гетита в гематит при 800° С (рис. 2).

При этой же температуре образец приобретает ярко-красный цвет (5YR 5/6 по шкале Манселла). В ИК-спектре прокаленного до 800° С образца появляется интенсивная полоса поглощения 545 см-1, смещенная в сторону высоких частот по отношению к полосе гематита. Такие смещения в зоне Fe–O-колебаний характерны для протогематита (Бургина и др., 2000), который появляется при терморазложении или механохимической обработке гетита. Таким образом, эта фаза – один из признаков термической обработки гидроксида железа.

Сравнительное исследование микроморфологии образца 1 до и после прокаливания при 800° С показывает, что увеличение с помощью растрового электронного микроскопа (SEM) даже до 5 мкм

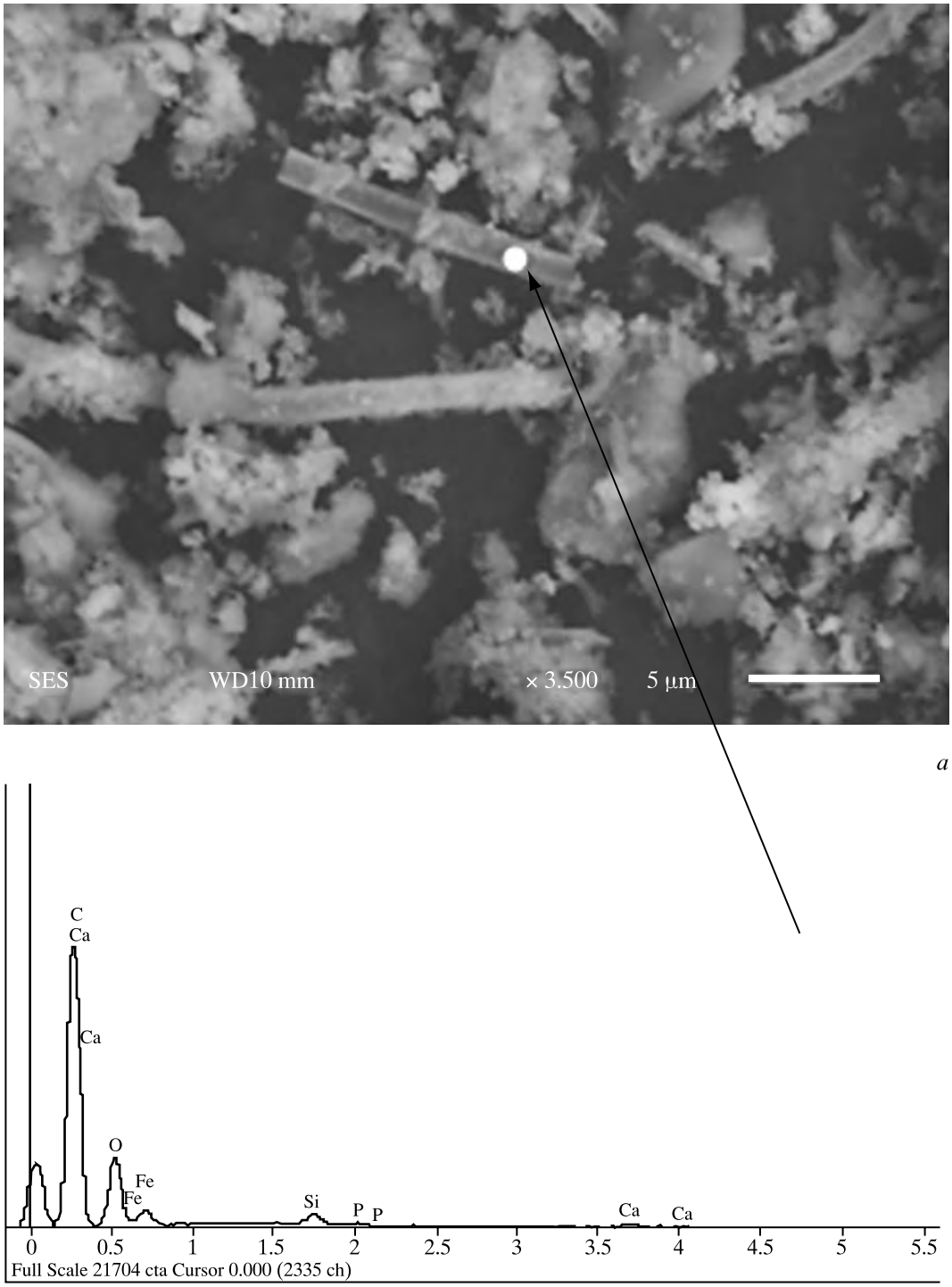


Рис. 3. Микроморфология образца пигмента 1 (*а*), прокаленного до температуры 800° С (*б*).

недостаточно для определения изменений в структуре кристаллов гетита (рис. 3, *а*). Неудивительно, что при меньшем увеличении (до 1 мкм) этот метод результатов не дал, и только при увеличении в 200 нм с использованием просвечивающего электронного микроскопа (TEM) удалось обнаружить слабые признаки изменений кристаллов гетита. После прокаливания они приобретали признаки уплотнения и слегка пористую структуру (Gialanella et al., 2010, 2011).

Более очевидным признаком термического перехода служит состояние биолитов – образований из двуокиси кремния, устойчивых к значительным температурам, но “вплавляющихся” в общую

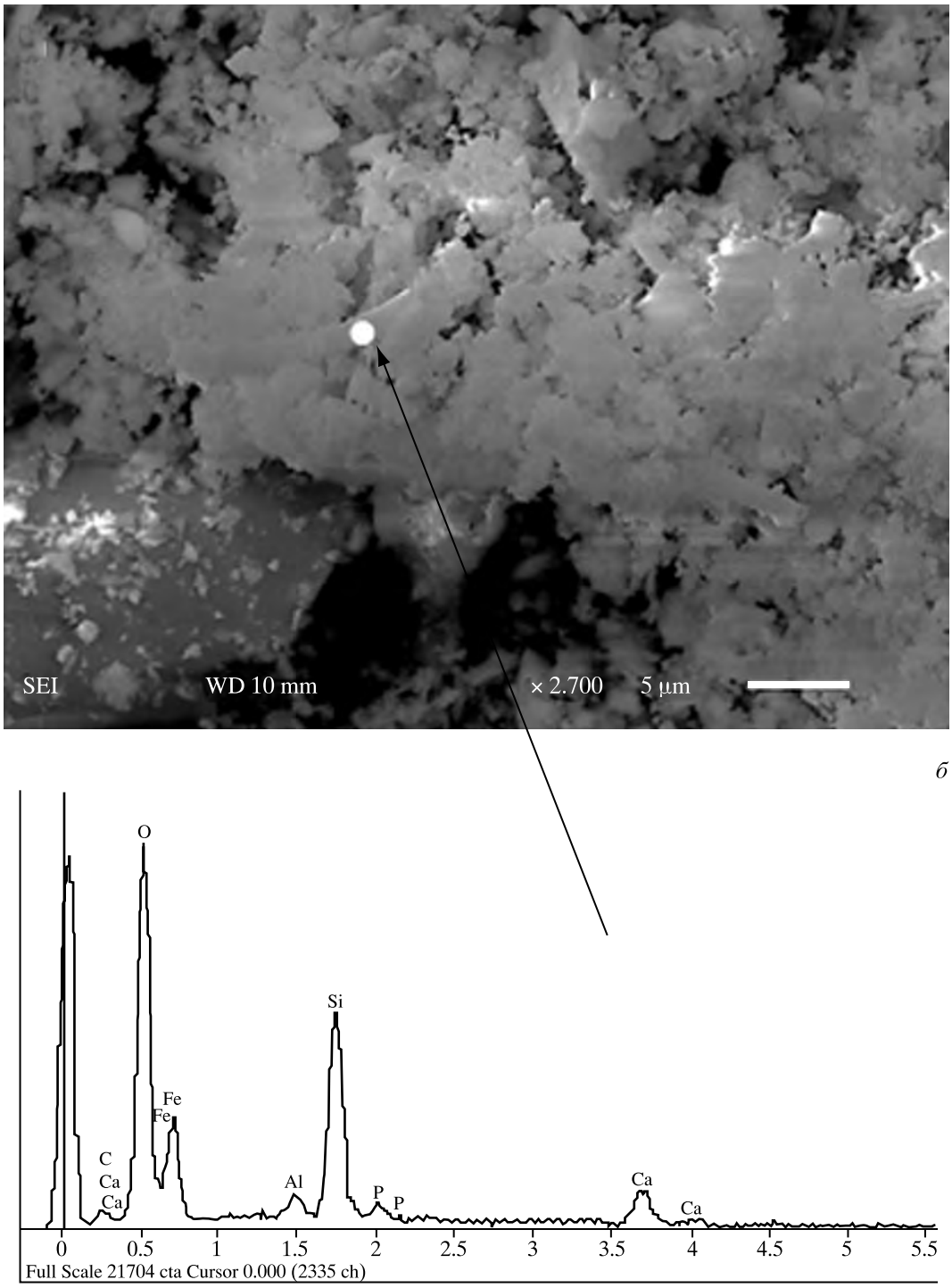


Рис. 3 (Окончание).

массу кристаллов железа (рис. 3, *б*) при ее повышении до 800 °С.

Сравнительный анализ. Комплексный сравнительный анализ эталона с образцами охр показал, что только в образце 3 есть признаки термической обработки. В инфракрасном спектре этого образца наблюдается смещение полосы гематита 540 см-1 в сторону высоких частот до 575 см-1, что характерно для протогематита при прокаливании его до 700 °С (Бургина и др., 2000). Кристаллы железа здесь образуют плотные скопления, а их размеры значительно меньше, чем в образцах других пигментов. Кроме того, структура мелких биолитов аналогична структуре прокаленного до 800 °С эталона (рис. 4).

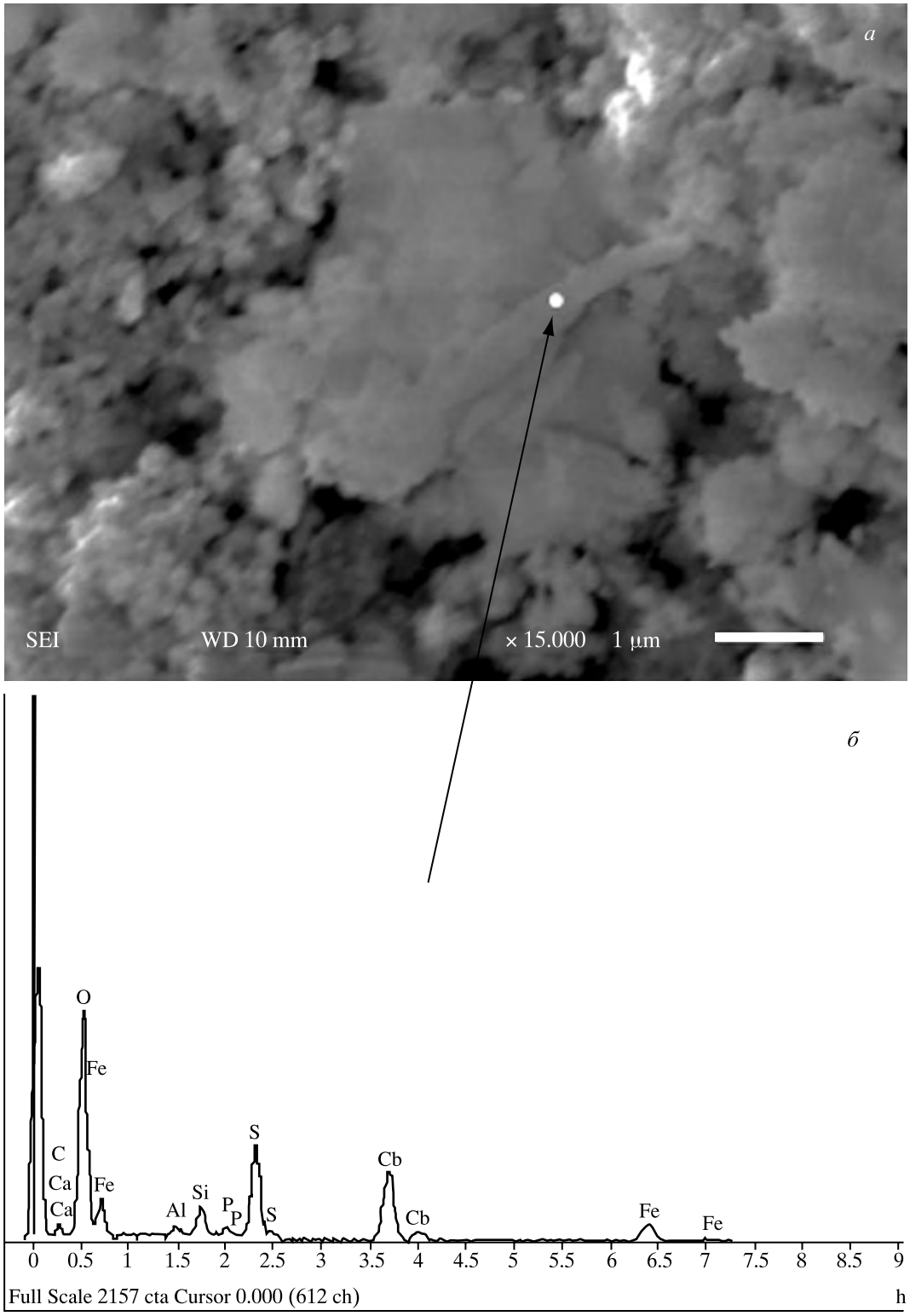


Рис. 4. Микроморфология кристаллов гематита из образца пигмента 3 (*а*), химический состав кристаллов гематита по данным ЭДС-энергодисперсионного спектрометра (*б*), инфракрасный спектр гематита (*в*).

В образцах охры 2 и 4 признаков термической обработки нет. Крупный размер кристаллов гематита, при его средних значениях (около 20 нм), в образце 2 указывает на его эндогенное происхождение из рудного месторождения (Бабанин и др., 1995). Отсутствие крупных кристаллов гематита в

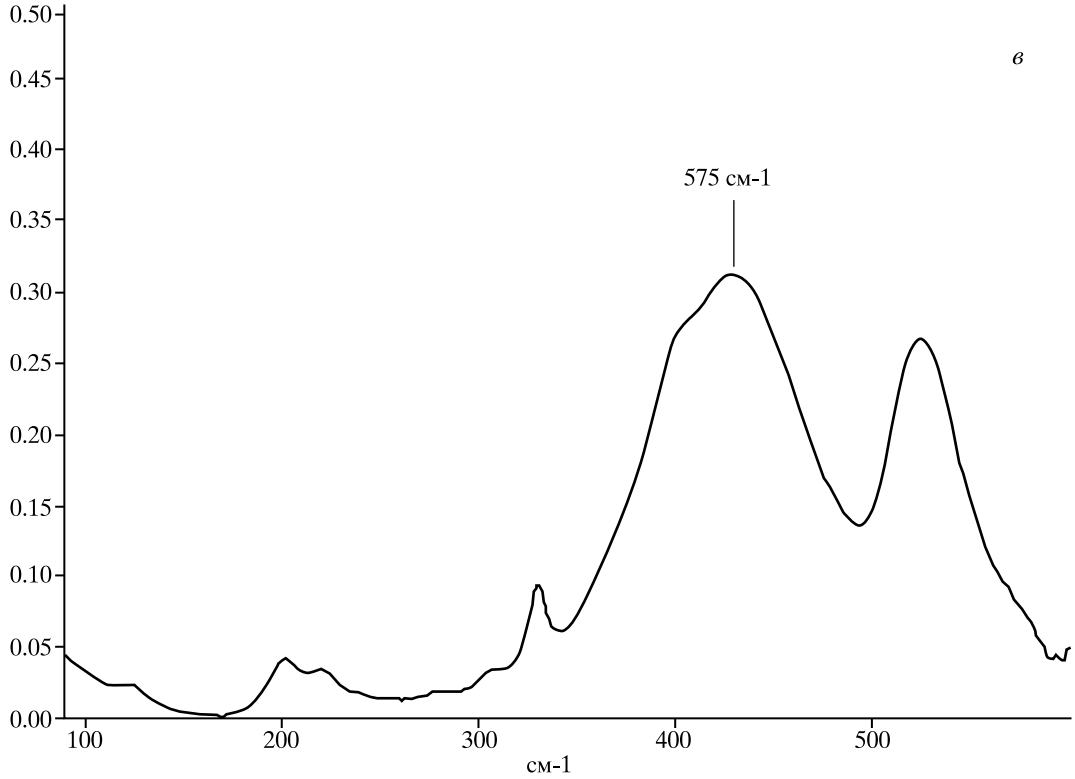


Рис. 4 (Окончание).

Таблица 3. Результаты измерений соотношения изотопов свинца (Pb) в образцах киновари из дольмена у ст. Царской (1898 г.) и рудных месторождений на Северо-Западном Кавказе

№	Образец	Шифр	Pb (ppm)	$^{206}Pb/^{204}Pb$	2σ (%)	$^{207}Pb/^{204}Pb$	2σ (%)	$^{208}Pb/^{204}Pb$	2σ (%)
1	Царская, 1898, к. 2	Ts-1898-2	13.9	18.645	0.007	15.665	0.008	38.747	0.009
2	Перевальное	2/10394	12.8	18.696	0.008	15.647	0.01	38.798	0.01
3	Сахалинское	3/10394	68.9	18.619	0.012	15.660	0.017	38.750	0.022
4	Белокаменное	6/10394	50.6	18.456	0.009	15.645	0.013	38.486	0.016

образце 4 и сочетание гетита, гематита, манганита с глинистыми минералами каолинита и иллита указывают на его осадочное происхождение в зоне гипергенезиса.

Точное определение источников сырья проанализированных образцов охр пока невозможно из-за отсутствия достаточного количества сравнительных материалов.

Киноварь: методика и результаты определения источников. Ртутная киноварь (HgS) как пигмент в отличие от некоторых разновидностей железистой охры не требует дополнительной обработки для достижения желаемого красного цвета. Многочисленные оттенки красного зависят от размера составляющих ее частиц (Беленький, Рискин, 1960. С. 412).

Добыча киновари состоит главным образом в ее извлечении из вмещающих пород и обогащении путем отсадки и флотации. Этот способ добычи был описан еще в III в. до н.э. Феофрастом. Витрувий (I в. до н.э.) сообщает и о “горячем” способе получения киновари одновременно с ртутью (Максимова, 1948. С. 50).

Каким бы способом киноварь ни добывалась, ее состав изотопов свинца остается постоянным и уникальным для каждого месторождения. Таким образом, эту особенность киновари можно использовать для определения источников ее происхождения. Для этого достаточно сравнить соотношение изотопов свинца в образцах киновари из погребений и в ртутной руде месторождений.

С целью отработки методики определения рудных источников киновари был проведен сравнительный анализ соотношения изотопов свинца в киновари из дольмена в кургане 2 (ст. Царская) и

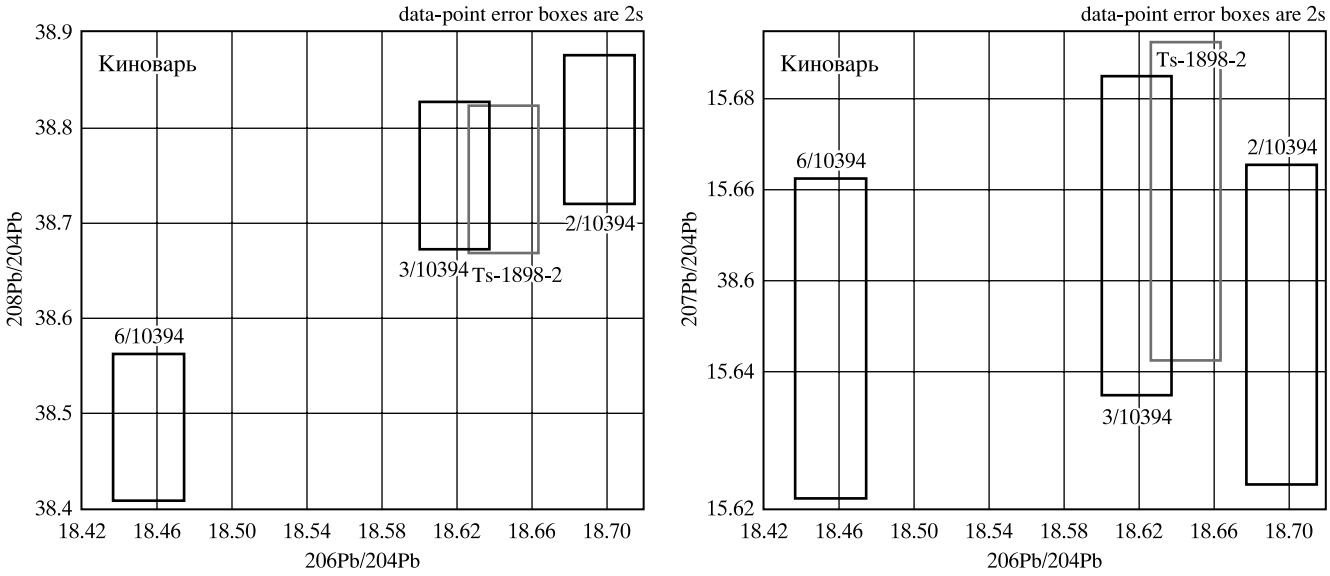


Рис. 5. Диаграммы результатов сравнения соотношения изотопов свинца в образцах киновари из дольмена у ст. Царской (1898 г.) и в рудных месторождениях на Северо-Западном Кавказе.

рудных образцах из трех ближайших к памятнику месторождений ртути[3].

Определение изотопного состава и содержания Pb проводилось из разных навесок после разложения их в смеси азотной и плавиковой кислот и выделения Pb для изотопного анализа путем катионообменной хроматографии на смоле марки AG1×8. Для определения содержания Pb в соответствующую навеску предварительно добавлялось взвешенное количество раствора индикатора 208Pb. Изотопный анализ Pb проводился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Измерялись соотношения изотопов свинца 206/204, 207/204, 208/204, 207/206 и 208/206. Измеренные соотношения Pb исправлены на коэффициент фракционирования, равный 0.13% на единицу массы, установленный многократными измерениями изотопного состава Pb в международном изотопном стандарте SRM-982. Уровень холостого опыта для Pb составляет 100pg.

Сравнительный анализ результатов показал принципиальное сходство соотношения изотопов свинца в образце из дольмена с теми же показателями в образце киновари из Сахалинского месторождения в Краснодарском крае, при значительных различиях с двумя другими источниками ртутной руды (рис. 5).

Обсуждение результатов. Полученные результаты анализов образцов охр и киновари из дольмена у ст. Царской и двух погребений эпохи бронзы, раскопанных Н.И. Веселовским у ст. Ладожской и Казанской, позволяют сделать несколько прямых и косвенных выводов об источниках пигментов, процессе их производства и потребления.

Прежде всего удалось определить микроструктурные признаки железистых охр, изготовленных с использованием термической обработки сырья в диапазоне 700–800° С и разработать комплексную методику необходимых для этого анализов.

Видимо, этот процесс мало чем отличался от изготовления охр из лимонита в додинастическом Египте, в античные времена или от кустарного изготовления железного сурика в недалеком прошлом (Анучин, 1898. С. 114; Лукас, 1958; Беленький, Рискин, 1960. С. 519–526). Обычно сырье просто прокаливали в глиняном горшке, дополнительно обмазав глиной (Максимова, 1948. С. 49; Балабина и др., 1990. С. 155).

Охра из дольмена у Царской, видимо, изготовлена из местного сырья, широко распространенного в пределах Новосвободненского рудного поля, сложенного сидеритами, шамозитами и бурыми железняками. Вместе с грунтовыми водами ожелезненные глинистые фракции выходят на поверхность в многочисленных речных обрезах р. Фарс.

[3] Образец киновари из дольмена в кургане 2 (раскопки Н.И. Веселовского, 1898 г.) хранится в коллекции ГИМ (оп. 89/82). Рудные образцы киновари происходят из научных коллекций Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. акад. Ф.Н. Чернышева (ЦНИГР МУЗЕЙ) в Санкт-Петербурге. Приносим благодарность его сотрудникам, а также К.И. Лохову (ВСЕГЕИ) и С.А. Ришко (ИИМК РАН) за помощь в отборе образцов.

Это меньше, чем в километре от урочища Клады и дольменов, раскопанных Н.И. Веселовским. Вероятность, что именно эти выходы были источником для изготовления охры, довольно высока, так как образец местного сырья и охры из дольмена имеют близкий состав. Показательно, что и сегодня бурые железняки Новосвободненского месторождения оцениваются как перспективные именно для производства сурика.

В свете изложенного предположение о местном источнике сырья выглядит достаточно правдоподобным, но, строго говоря, окончательно недоказанным из-за отсутствия сравнительных анализов образцов из других возможных источников. А таких источников на Северном Кавказе и в причерноморской степи не так и много – намного меньше, например, чем источников меди. На Северном Кавказе кроме Адыгеи одно крупное месторождение железа расположено в Кабардино-Балкарии в верховьях р. Малка, а другое – на Таманском п-ове. Продолжение Таманского месторождения бурых железняков – Керченское месторождение в Крыму.

В причерноморской степи крупными источниками сырья для изготовления красных охр могли быть железорудные месторождения в Северном Приазовье (Мариупольское и Белозерское месторождения), в Криворожском и Кременчугском районах (Богданович, 1911). Естественно, что кроме крупных могли использоваться и менее значительные железные рудопроявления, не имеющие сегодня промышленного значения.

Из этого можно сделать следующие выводы. Во-первых, для идентификации источников сырья необходимо располагать образцами не из одного, а из нескольких возможных источников. Например, для Нижнего Дона таким источником могли быть месторождения бурых железняков в Северном Приазовье или на Тамани, а не только на Керченском п-ове (Балабина и др., 1990. С. 163). Без сравнительного анализа образцов из всех трех источников вопрос не может быть решен.

Во-вторых, ограниченное количество источников сырья для изготовления красной охры при постоянном и повсеместном спросе на нее автоматически должно порождать конкуренцию за контроль над этими источниками и системой ее перераспределения через обмен. Вероятно, объемы потребления охры в эпоху бронзы были значительно выше, чем об этом можно судить по ее использованию в захоронениях этого времени. Значительное количество пигмента могло уходить, например, на раскраску тела во время обрядов других циклов. Таким образом, центры производства и пути обмена охры как товара высокой меновой стоимости следует учитывать при реконструкции общей системы региональных культурных связей. С этой точки зрения охра может оказаться в одном ряду таких ограниченно доступных ресурсов постоянного спроса, как металл, украшения из редких материалов (гагат, окаменелости) и даже пока археологически неуловимая соль.

Вероятно, что конечный продукт при изготовлении охры выглядел в виде формованных кусков разной формы, но относительно стандартных размеров, удобных для держания в руке, как кусок современного мыла (Балабина и др., 1990. С. 156). Охра гигроскопична, и при формировании брусков, цилиндров, дисков или просто лепешек с плоским основанием к ней добавляли глиняный наполнитель, а затем сушили[4]. В таких кусках с потертостями от употребления охру часто находят в погребениях разных культур и эпох. В таких же кусках охра могла поступать и в обменную сеть.

Нельзя оставить без внимания многочисленные случаи использования оксидных охр в сочетании с другими пигментами красных оттенков. В дольменах Царской одновременно с охрой использовали киноварь. Такое же сочетание красок было в Майкопском кургане (Трифонов, Шишлина, 2014) и, возможно, еще в одном майкопском погребении в Ставрополье (Медникова, 2013). Киноварь вообще может оказаться исключительно “майкопской” краской, добыча, обмен и использование которой не выходили за пределы распространения и влияния майкопской культуры. Видимо, не случайно киноварь из дольмена у Царской была добыта не в ближайшем месторождении на южном склоне Кавказского хребта, а за 150 км от памятника – на северном склоне в пределах ареала культуры (рис. 1).

В погребениях эпохи ранней и средней бронзы в степном Прикубанье локальные подсыпки ярко-красной охры часто сочетаются с посыпкой погребенных темно-красной краской пурпурных оттенков. Там же находят небольшие абразивы и куски растертого о них сферосидерита (Трифонов, 1991. С. 107). Источником сферосидерита в Прикубанье, вероятно, было Керченское железорудное месторождение.

Кроме того, известны случаи, когда в погребальном обряде использовали природные пигменты красных оттенков без какой-либо дополнительной обработки. В.А. Городцов при раскопках одного из курганов в Бахмутском уезде Харьковской губернии нашел “…кусок железной руды, покрытый

[4] Так называемые силикатные охры (Балабина и др., 1990. С. 157), видимо, являются просто смесью оксидных охр с глиняным наполнителем.

красной окисью железа и представляющий вид красной краски”[5] (1907. С. 305), а В.Б. Антонович отметил, что в одном из погребений есть “…краска, состоящая из соединения серы с мышьяком”, т.е. аурипигмент (1884. С. 46).

Едва ли сочетание пигментов разных оттенков и происхождения указывает на дефицит охры, тем более в таких богатых погребениях, как дольмены Царской или Майкопский курган.

Судя по последовательности наслоений краски на фрагменте кости погребенного в Майкопском кургане, сначала его тело было окрашено охрой, а затем посыпано киноварью уже на дне могилы вместе с погребальным инвентарем. Последовательность действий и выбор краски, видимо, соответствовали канону цветовой символики обряда майкопской культуры.

Причины использования красных пигментов в погребальном обряде эпохи бронзы, породившие целую кустарную индустрию и обменные сети по доставке разных красных пигментов конечному потребителю, вероятнее всего, носили религиозный характер[6]. Такой же по своей природе должна быть и причина почти полного прекращения этой практики на Северном Кавказе и в степи в эпоху раннего железа. Вопрос в том, что это была за причина?

Итак, опыт изучения красных пигментов из дольменов у ст. Царской и погребений майкопской культуры показал, что для этого необходим комплексный подход с использованием радиоизотопного анализа, рентгеновской дифрактометрии, элементного анализа, инфракрасной спектроскопии и анализа микроструктуры пигмента. Даже с учетом ограниченного количества проанализированных образцов охр можно утверждать, что некоторые из них имеют явные признаки изготовления путем термической обработки исходного сырья.

Таким сырьем, вероятно, была железная руда Новосвободненского рудного поля – местного месторождения бурых железняков с легко доступными выходами лимонита, почти полностью состоящего из гетита.

Было установлено, что при температуре около 800° С (обычная температура горения древесины) гетит полностью трансформируется в гематит и приобретает ярко-красную окраску 5YR 5/6 по шкале Манселла. Следы этого процесса можно проследить в микроструктуре образцов.

Сравнение химического состава и цветовой гаммы изученных образцов позволяет сделать вывод, что цвет пигментов не зависит от процента содержания в них железа. Наиболее значимы наличие соответствующей фазы оксида железа (гетит или гематит) и характер примесей других минералов в охрах.

В условиях постоянного и продолжительного спроса на охру приобретают значение связи между ее изготовлением, ограниченным количеством источников сырья и перераспределением готового продукта путем обмена. Обменные сети, через которые охра и иные пигменты красных оттенков (киноварь, сферосидерит, аурипигмент) попадали к конечному потребителю, должны обладать особой устойчивостью, так как поставляли, можно сказать, “идеологический” продукт постоянного спроса. Эти пути в совокупности с другими линиями перераспределения ограниченных ресурсов составляли обширные и относительно самостоятельные сети, внутри которых в разных направлениях вместе с пигментами циркулировали эталоны культурных ценностей эпохи бронзы.

Для того чтобы понять, как именно работала сеть перераспределения охры и других красных пигментов, необходим сравнительный анализ образцов из источников сырья и готового продукта из погребений. Методику этих исследований еще предстоит выработать.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00383.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонович В.Б. О похоронных типах Юго-Западного края // Тр. Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. С. 45–47.

Анучин Д.Н. Каменный век и доисторическое население Египта, по новейшим исследованиям // Археологические известия и записки, издаваемые Московским Императорским археологическим обществом. 1898. № 3–4. С. 89–131.

Бабанин В.Ф., Трухин В.И., Карпачевский Л.О., Иванов А.В., Морозов В.В. Магнетизм почв. М.; Ярославль: ЯГТУ, 1995. 222 с.

[5] Видимо, это был кусок красного железняка.

[6] Причина возникновения обычая использования в погребениях красной краски чрезвычайно занимала Н.И. Веселовского особенно после раскопок Майкопского кургана и дольменов Царской. В его архиве сохранилась записка, в которой он отметил: “Откуда взялось? Народы красили все, посыпая войлок, на котором сидели, чтобы уничтожить насекомых” (Веселовский, 1898).

Балабина В.И. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона: материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука, 1983. С. 188–197.

Балабина В.И., Борисенок Л.А., Яхонтова Л.К. Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона // СА. 1990. № 1. С. 154–166.

Беленький Е.Ф., Рискин И.В. Химия и технология пигментов. Л.: Госхимиздат, 1960. 756 с.

Бобринский А.А. О курганах близ м. Смела (Киевской губернии) (по раскопкам 1881–1884 г.) // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884). Т. 1. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. С. 220–234.

Богданович К.И. Железные руды России. СПб.: Изд. геологического комитета, 1911. 328 с.

Бургина Е.Б., Кустова Г.Н., Цыбуля С.В., Крюкова Г.Н., Литвак Г.С., Исупова Л.А., Садыков В.А. Особенности строения метастабильной модификации оксида железа (III) // Журн. структ. химии. 2000. Т. 41, № 3. С. 489–498.

Веселовский Н.И. Записки об охре, встречающейся в некоторых скифских курганах, 1888 // Архив ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 142. Л. 1.

Веселовский Н.И. Разные черновые выписки и заметки по археологическим изысканиям. 19.10.1898 г. // Архив РГАЛИ. Ф.118. Д. 275. Л. 334.

Веселовский Н.И. О курганах-дольменах в Кубанской области (резюме доклада) // ЗРАО. Т. XI, вып. 1/2, новая серия. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. С. 403–404.

Веселовский Н.И. По поводу ответа В.А. Городцова // ИАК. Вып. 37. СПб., 1910. С. 98–102.

Восьмой Археологический съезд в Москве (1890). (Мат-лы предварительного комитета, правила, вопросы, запросы). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1889. 25 с.

Вульф Г.В. Химические анализы // ИАК. Вып. 7. СПб., 1903. С. 94–99.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905). Т. I. М.: Тип. Г. Лисснера, А. Гешеля, 1907. С. 211–365.

Занятия Восьмого Археологического съезда. М.: Тип. А. Гатцука. 1890. 211 с.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Изд-во иностр. литературы, 1958. 408 с.

Максимова М.И. Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника / Ред. И.И. Толстой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 5–56.

Медникова М.Б. Новые данные к дифференциальной диагностике системного заболевания у представителя майкопской элиты из курганного могильника Марьинская 3 // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 99–109.

Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898. 655 с.

ОАК за 1882–1888 гг., СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. 133 с.

ОАК за 1898 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901. 191 с.

Результаты анализов научно-технической лаборатории Морского ведомства, 20.03.1898 г. СПб. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 60. Л. 49–50.

Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России], описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Варшава: Тип. М. Земкевич, 1892. 101 с.

Скадовский Г.Л. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана // Тр. VIII Археологического съезда в Москве (1890). Т. III / Ред. П.С. Уварова. М., 1897. С. 75–160.

Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. XI, вып. 1/2, новая серия. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. С. 53–133.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы. Периодизация // Древние культуры Прикубанья / Ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году: архивные материалы // Тр. ГИМ. Вып. 201 / Ред. Д.В. Журавлев, Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2014. С. 19–37.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Алексеев А.О., Калинин П.И., Конников С.Г., Нащекин А.В. Цвет в архитектуре дольменов Западного Кавказа // Тр. IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани 2014 г. Т. I / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 509–513.

Тр. IX Археологического съезда в Вильне (1893). Т. II: Протоколы. М.: Тип. Э. Лисснера, Ю. Романа, 1897. С. 3–126.

Gialanella S., Girardi F., Ischia G., Lonardelli I., Mattarelli M., Montagna M. On the goethite to hematite phase transformation // J. Thermal Analysis and Calorimetry. 2010. 102. P. 867–873.

Gialanella S., Belli R., Dalmeri G., Lonardelli I., Mattarelli M., Montagna M., Tonuitti L. Artificial or natural origin of hematite-based red pigments in archaeological contexts: the case of Riparo Dalmeri (Trento, Italy) // Archaeometry. 2011. V. 53, 5. P. 950–962.

Schwertman U. Iron oxides // Encyclopedia of Soil Science / Ed. W. Chesworth. Berlin: Springer, 2008. P. 363–369.

DOLMENS NEAR STANITSA TSARSKAYA: RED PIGMENTS AS THE PRODUCT OF PRODUCTION AND CONSUMPTION

Victor A. Trifonov*, Natalia I. Shishlina, Pavel I. Kalinin***, Andrei O. Alekseev***, Evgenii S. Bogomolov******

** RAS Institute for History of Material Culture, St. Petersburg (viktor_trifonov@mail.ru)*
*** State Historical Museum, Moscow (nshishlina@mail.ru)*
**** RAS Institute of Physical, Chemical and Biological Issues of Soil Studies, Puschino (kalinin331@rambler.ru; alekseev@issp.serpukhov.su)*
***** RAS Institute of Pre-Cambrian Geology and Geochronology, St. Petersburg (e.bogomolov@mail.ru)*

The paper presents comprehensive analysis of red pigments from dolmens discovered near Stanitsa Tsarskaya in 1898 (modern Novosvobodnaya), the study of dolmens was resumed in 2013. The red pigment samples are represented by two varieties, i.e. ferrous ochre from the ceiling in the burial chamber roofing in kurgan 1, and cinnabar that covered the skeleton of a dead person and funeral goods in the dolmen under kurgan 2. Ochre specimens from two Bronze Age graves uncovered in the same region were analyzed for comparative purposes. To test the methodology for identifying the sources of raw material, a local sample of iron clay and three samples from regional mercury deposits were subjected to analysis. Main characteristics of raw material heating during the production of ochre from the goethites and hematites have been determined. Through the comparison of the lead isotope ratios in pigment samples and mercury ore deposits the source of cinnabar was identified.

Key words: red pigments, ochre, cinnabar, sources, production, exchange, burials, dolmens, Bronze Age, Northern Caucasus, Eastern European Steppe.

REFERENCES

Antonovich V.B., 1884. O pokhoronnykh tipakh Yugo-Zapadnogo kraya [To the funeral types of the South-West Region]. *Tr. Chetvertogo Arkheologicheskogo s"ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda [Transactions of the 4th Archaeological Congress in Russia. Former in Kazan from the 31st July to 18th August 1877]*, 1. Kazan': Tip.a Imperat. univ., pp. 45–47.

Anuchin D.N., 1898. Kamennyy vek i doistoricheskoe naselenie Egipta, po noveyshim issledovaniyam [Stone Age and prehistoric population of Egypt according to the up-to-date researches]. *Arkheologicheskie izvestiya i zapiski, izdavaemye Moskovskim Imperat. arkheologicheskim obshchestvom [Archaeological Bulletin and Notes published by Moscow Imperial Archaeological Community]*, 3-4, pp. 89–131.

Babanin V.F., Trukhin V.I., Karpachevskiy L.O., Ivanov A.B., Morozov V.V., 1995. Magnetizm pochv [Soils' magnetism]. Moscow; Yaroslavl': Yarosl. gos. tekhnich. univ. 222 p.

Balabina V.I., 1983. K voprosu ob ispol'zovanii okhry v katakombnykh pogrebeniyakh [To the question of using the ochre in catacomb burials]. *Drevnosti Dona: materialy rabot Donskoy ekspeditsii [Antiquities of Don: materials of the Don expedition works]*. Moscow: Nauka, pp. 188–197.

Balabina V.I., Borisenok L.A., Yakhontova L.K., 1990. Issledovanie okhr iz pogrebeniy epokhi bronzy v nizov'yakh Dona [The research of the ochre from the Bronze Age burials in the lower reaches of Don]. *SA [SA]*, 1, pp. 154–166.

Belen'kiy E.F., Riskin I.V., 1960. Khimiya i tekhnologiya pigmentov [Chemistry and technology of pigments]. Leningrad: Goskhimizdat. 756 p.

Bobrinskiy A.A., 1886. O kurganakh bliz m. Smela (Kievskoy gubernii) (po raskopkam 1881–1884 g.) [On the barrows next to Smila (Kyiv Province) (based on the excavations of 1881–1884)]. *Tr. VI Arkheologicheskogo s"ezda v Odesse (1884) [Transactions of 6th Archaeological Congress in Odessa (1884)]*, 1. Odessa: Tip. A. Shul'tse, pp. 220–234.

Bogdanovich K.I., 1911. Zheleznye rudy Rossii [Iron ore in Russia]. SPb.: Izd-vo geologich. komiteta. 328 p.

Burgina E.B., Kustova G.N., Tsybulya S.V., Kryukova G.N., Litvak G.S., Isupova L.A., Sadykov V.A., 2000. Osobennosti stroeniya metastabil'noy modifikatsii oksida zheleza (III) [Features of the metastable modification structure of iron oxide (III)]. *Zhurnal strukturnoy khimii [J. of structural chemistry]*, t. 41, no. 3, pp. 489–498.

Gialanella S., Belli R., Dalmeri G., Lonardelli I., Mattarelli M., Montagna M., Tonuitti L., 2011. Artificial or natural origin of hematite-based red pigments in archaeological contexts: the case of Riparo Dalmeri (Trento, Italy). *Archaeometry*, 53, 5, pp. 950–962.

Gialanella S., Girardi F., Ischia G., Lonardelli I., Mattarelli M., Montagna M., 2010. On the goethite to hematite phase transformation. *J. Thermal Analysis and Calorimetry*, 102, pp. 867–873.

Gorodtsov V.A., 1907. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Bakhmutskom uezde, Ekaterinoslavskoy gubernii, 1903 goda [Results of archaeological researches in Bakhmutskiy Uezd, Ekaterinoslavskiy Province, 1903]. *Tr. XIII Arkheol. s"ezda v Ekaterinoslave (1905) [Transactions of 13th Archaeological Congress in Ekaterinoslavl (1905)]*, I. Moscow: Tip. G. Lissnera, A. Geshelya, pp. 211–365.

Lukas A., 1958. Materialy i remeslennye proizvodstva Drevnego Egipta [Materials and handicraft productions of ancient Egypt]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. 408 p.

Maksimova M.I., 1948. Syr'evaya baza i pervichnaya obrabotka materialov [Raw materials base and primary processing of materials]. *Ellinisticheskaya tekhnika [Hellenistic technique]*. I.I. Tolstoy, ed. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 5–56.

Mednikova M.B., 2013. Novye dannye k differentsial'noy diagnostike sistemnogo zabolevaniya u predstavitelya maykopskoy elity iz kurgannogo mogil'nika Mar'inskaya 3 [New data to the differential diagnosis of the system illness at a representative of Maikop elite from the barrow cemetery Marinskaya 3]. *KSIA [BCIA]*, 230, pp. 99–109.

Niderle L., 1898. Chelovechestvo v doistoricheskie vremena. Doistoricheskaya arkheologiya Evropy i v chastnosti slavyanskikh zemel' [Humanity in prehistoric time. Prehistoric archaeology of Europe and in particular of Slavic lands]. SPb.: Izd-vo L.F. Panteleeva. 655 p.

Otchet..., 1891. Otchet Arkheol. komissii za 1882–1888 gg. [Report of the Archaeological Committee in 1882-1888]. SPb.: Tip. Imperat. AN. 133 p.

Otchet..., 1901. Otchet Arkheol. komissii za 1898 g. [Report of the Archaeological Committee in 1898]. SPb.: Tip. Imperat. AN. 191 p.

Rezul'taty analizov nauchno-tekhnicheskoy laboratorii Morskogo vedomstva, 20.03.1898 g. SPb. [Results of the analyses from scientific-technical laboratory of the Admiralty, 20.03.1898]. *Arkhiv IIMK RAN [Archive of the Institute for History of Material Culture RAS]*, F. 1, D. 60, L. 49–50 (unpublished).

Samokvasov D.Ya., 1892. Osnovaniya khronologicheskoy klassifikatsii mogil'nykh drevnostey Evropeyskoy Rossii, opisanie i katalog kollektsii drevnostey professora D.Ya. Samokvasova [The foundations of chronological classification of the burial grounds antiquities of the European Russia, the description and the catalogue of the collection of antiquities of Prof. D. Ia. Samokvasov]. Varshava: Tip. M. Zemkevich. 101 p.

Schwertman U., 2008. Iron oxides. *Encyclopedia of Soil Science*. W. Chesworth, ed. Berlin: Springer, pp. 363–369.

Skadovskiy G.L., 1897. Belozerskoe gorodishche Khersonskogo uezda, Belozerskoy volosti i sosednie gorodishcha i kurgany mezhdu nizov'em r. Ingul'tsa i nachalom Dneprovskogo limana [Belozersk fortified settlement of Kherson Uezd, Belozersk Volost and adjacent fortified settlements and barrows between the lower reaches of the Ingulets and the beginning of the Dnieper Liman]. *Tr. VIII Arkheol. s"ezda v Moskve (1890) [Tansac. of 8th Archaeological Congress in Moscow (1890)]*, III. P.S. Uvarova, ed. Moscow, pp. 75–160.

Spitsyn A.A., 1899. Kurgany s okrashennymi kostyakami [Barrows with colored skeleton]. *Zapiski Russkogo arkheol. obshchestva [Notes of Russian Archaeological Community]*, t. XI, vyp. 1/2, novaya seriya. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, pp. 53–133.

Trifonov V.A., 1991. Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – sredney bronzy. Periodizatsiya [Steppe Kuban Region in the Chalcolithic Age – middle Bronze Age. Periodization]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya [Ancient Cultures of Kuban Region]*. Leningrad: Nauka, pp. 92–166.

Trifonov V.A., Shishlina N.I., 2014. Dol'meny u stanitsy Tsarskoy, raskopannye N.I. Veselovskim v 1898 godu: arkhivnye materialy [Dolmens at the Cossack village Tsartskaya, excavated by N.I. Veselovskiy in 1898; archive materials]. *Tr. Gos. Istorich. muzeya [Transac. of the State Historical Museum]*, 201. D.V. Zhuravlev, N.I. Shishlina, eds. Moscow: GIM, pp. 19–37.

Trifonov V.A., Shishlina N.I., Alekseev A.O., Kalinin P.I., Konnikov S.G., Nashchekin A.V., 2014. Tsvet v arkhitekture dol'menov Zapadnogo Kavkaza [Color in the architecture of the Western Caucasus dolmens]. *Tr. IV (XX) Vseross. arkheol. s"ezda v Kazani 2014 g. [Transac. Of 6th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan in 2014]*, I. Kazan': Otechestvo, pp. 509–513.

Trudy IX..., 1897. Tr. IX Arkheol. s"ezda v Vil'ne (1893) *[Transac. of 9th Archaeological Congress in Vilna (1893)], II. Protokoly [Protocols]*. Moscow: Tip. E. Lissnera, Yu. Romana, pp. 3–126.

Veselovskiy N.I. Raznye chernovye vypiski i zametki po arkheologicheskim izyskaniyam. 19.10.1898 g. [Different draft extracts and notes on the archaeological researches. 19.10.1898]. *Rossiyskiy gos. arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Arts]*, F.118, D. 275, L. 334 (unpublished).

Veselovskiy N.I., 1888. Zapiski ob okhre, vstrechayushcheysya v nekotorykh skifskikh kurganakh [Notes on ochre found in some Scythian barrows]. *Arkhiv IIMK RAN [Archive of the Institute for History of Material Culture RAS]*, F. 18, D. 142, L. 1 (unpublished).

Veselovskiy N.I., 1899. O kurganakh-dol'menakh v Kubanskoy oblasti (rezyume doklada) [On the grounds-dolmens in Kuban Region (abstract)]. *Zapiski Russkogo arkheol. obshchestva [Notes of Russian Archaeological Community]*, t. XI, vyp. 1/2, novaya seriya. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, pp. 403–404.

Veselovskiy N.I., 1910. Po povodu otveta V.A. Gorodtsova [On the answer of V. A. Gorodtsov]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii [Bulletin of Archaeological Committee]*, 37. SPb., pp. 98–102.

Vos'moy Arkheologicheskiy..., 1889. Vos'moy Arkheol. s"ezd v Moskve (1890): mat-ly predvaritel'nogo komiteta, pravila, voprosy, zaprosy [8th Archaeological Congress in Moscow (1890): materials of the preliminary Committee, rules, questions, requires]. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i K°. 25 p.

Vul'f G.V., 1903. Khimicheskie analizy [Chemical analyses]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii [Bulletin of Archaeological Committee]*, 7. SPb., pp. 94–99.

Zanyatiya Vos'mogo..., 1890. Zanyatiya Vos'mogo Arkheologicheskogo s"ezda [Studies of 8th Archaeological Congress]. Moscow: Tip. A. Gattsuka. 211 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 50–63

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ГОБУСТАН

© 2015 г. М.Н. Фараджева

Гобустанский национальный историко-художественный заповедник, Баку, Азербайджан (malahat@mail.ru)

Гобустан – географический район в юго-восточной части Азербайджанской Республики, в 2007 г. был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как Культурный ландшафт наскального искусства. В настоящее время в Гобустане обнаружено более 6 тыс. наскальных изображений и 40 курганов, около 20 пещер-укрытий, зарегистрированы древние поселения и захоронения, 105 тыс. предметов материальной культуры. Наскальные изображения отличаются разнообразием тематики, оригинальностью сюжетов и художественным мастерством. Последние результаты исследований позволяют несколько в ином свете рассматривать хронологию наскальных изображений Азербайджана. По новым радиоуглеродным данным определено, что одна из самых древних стоянок (укрытие-пещера Гая арясы) датируется около 14 тыс. л.н. Уникальность Гобустана в том, что здесь имеются петроглифы, относящиеся к периоду с конца верхнего палеолита до второй половины XX в. Изложенные в статье факты позволяют лучше понять и представить картину культурно-исторического процесса этого региона на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: Гобустан, горы Беюкдаш, Кичикдаш, стоянки Фируз, Кяниза, Гая арясы, Ана зага, петроглифы, каменный век.

Гобустан – географический район в юго-восточной части Азербайджанской Республики, примыкающий к западной кромке Каспийского моря, в 2007 г. был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как Культурный ландшафт наскального искусства (рис. 1, *а*).

Основную часть заповедника площадью 4530 га составляют горы Беюкдаш, Кичикдаш, Джингирдаг и Языльы-тепе. Верхние слои этих гор толщиной в 10–15 м сложены известняком, образованным из твердого мелкого абшеронского ракушечника (рис. 1, *б, в*).

Археологический комплекс Гобустана. Еще в конце 30-х годов прошлого столетия в этом близком к Баку районе археологом И. Джафарзаде было открыто большое количество петроглифов (1939. С. 4). Однако их систематическое изучение началось с 1947 г., на 1 тыс. камней зафиксированы изображения животных, людей, контурные и силуэтные фигуры, разные знаки и надписи.

Культурный ландшафт археологического комплекса Гобустан включает более 6 тыс. наскальных изображений, пещеры-укрытия, древние поселения и захоронения, места поклонения – святилища, свидетельствующие о последовательном использовании этих объектов в течение приблизительно 14 тыс. лет (рис. 2).

Наскальное искусство. Наскальные изображения Гобустана отличаются разнообразием тематики, оригинальностью сюжетов и самобытным художественным мастерством. На скалах представлены изображения охотников и женщин, диких быков и лошадей, газелей, безоаровых козлов, оленей, львов, собак, волков, свиней. Также зафиксированы сцены конной и пешей охоты, батальные, коллективного труда, жертвоприношения, жатвы. Сохранились изображения одиночных и групповых ритуально-обрядовых танцев, напоминающих современный азербайджанский народный танец *яллы*. На многих камнях – лодки со схематично обозначенными в них людьми. Изображены примитивная двухколесная арба, контурные рисунки рыб, караваны верблюдов, силуэтные антропоморфные следы, рельефная арка, имевшая, вероятно, культовое значение; змеи, ящерицы; знаки и тамги в виде солнца, звезд, свастики, крестов и многие другие.

Имеются высеченные арабским алфавитом надписи, относящиеся к разным периодам средневековой истории Азербайджана, а также древняя римская надпись, свидетельствующая о том, что здесь

Рис. 1. *а* – Новый Гобустанский музейный комплекс; *б* – карта археологического комплекса Гобустан; *в* – карта с границами буферной зоны (кружок с цифрой – UTM-координаты) и мест с наскальными изображениями (список ЮНЕСКО): A – гора Джингирдаг; B – гора Беюкдаш; C – гора Кичикдаш.

в конце I в. побывал XII Молниеносный римский легион (рис. 3).

Возле подскальных убежищ обнаружено большое количество камней со сквозными отверстиями диаметром 5–8 см, которые применялись для привязи животных. Здесь же на скалах много чашечных углублений диаметром 15–40 см и глубиной 10–30, которые считаются самыми древними примитивными сосудами для сбора и хранения дождевой воды, жертвенной крови животных и других целей.

Очень интересен камень у северо-восточного подножия горы Джингирдаг и известный под названием “Гавалдаш” (“Камень-бубен”). При ударе камней разного размера он издает мелодичные звуки. Возможно, звучащий камень использовался в качестве ударного музыкального инструмента при совершении ритуально-обрядовых танцев. Точно такие камни обнаружены на нижних склонах гор Беюкдаш и Кичикдаш. По-видимому, они также служили для передачи звуковых сигналов, когда горы Гобустана омывались историческим Каспийским морем.

Изображения мужчин и женщин, вооруженных луками и стрелами, танцующие – одиночные и

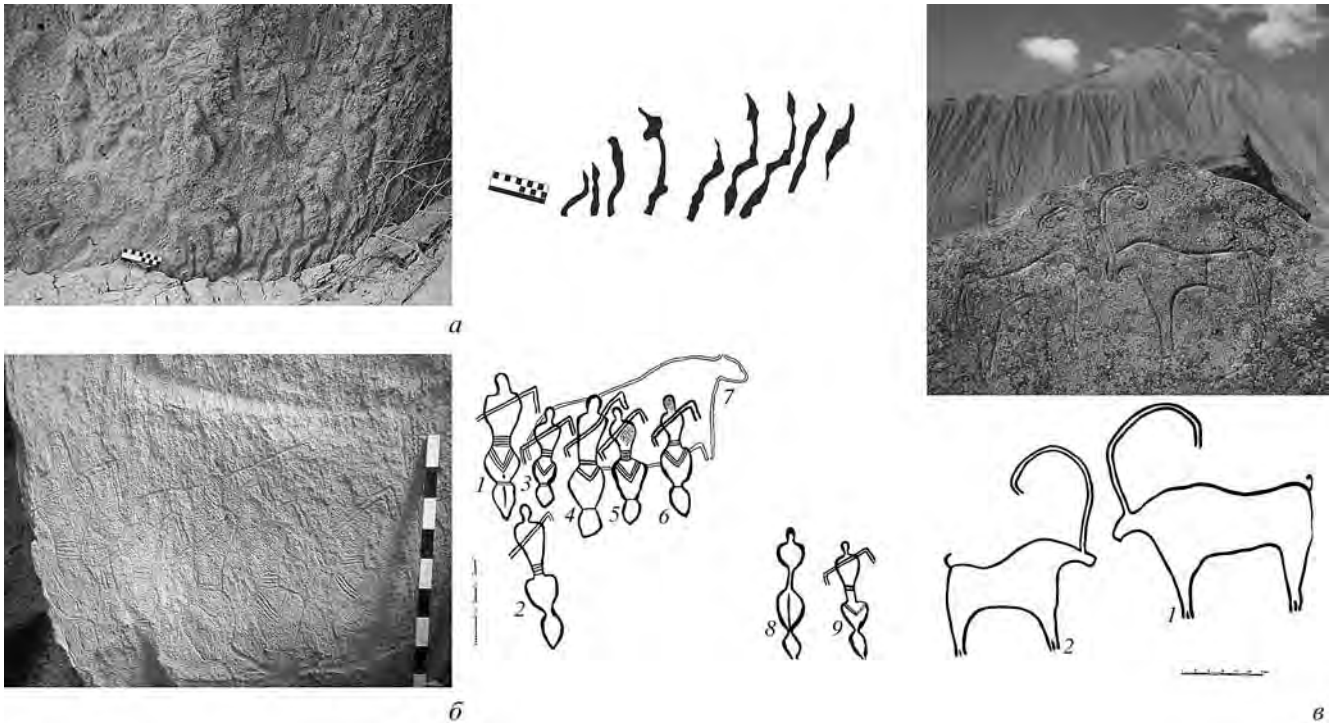


Рис. 2. Гора Беюкдаш, верхняя терраса (*а, б*) и гора Джингирдаг (*в*). *а* – пещера Ана зага, камень 29 (клавиформные изображения); *б* – пещера Едди Гезель, камень 78 (изображения быка и татуированных женщин); *в* – камень 36 (изображение безоаровых козлов).

группами, а также фигуры быков, волков, диких кабанов, лодок и рыб находятся на горах Беюкдаш и Кичикдаш и датируются концом верхнего палеолита – энеолитом. Маленькие квадраты для игр, тамги, углубления, крупные изображения львов и козлов в основном характерны для гор Джингирдаг и Языльы-тепе. Их относят к бронзовому веку.

Древние кладбища на территории Гобустана, расположенные вокруг святилищ или отдельно, свидетельствуют о непрекращающемся поклонении этим местам и после распространения здесь ислама. В осенние и весенние месяцы местное население во время свадебных церемоний посещением горы Беюкдаш, хоть и подсознательно, оживляет религиозные верования древних.

Пещеры-укрытия, древние поселения, захоронения и курганы. Гобустан – насыщенный археологический район, в котором сохранились тысячи наскальных изображений, десятки стоянок, поселений, погребальных и других памятников разных исторических периодов. Особое место занимают пещеры, среди них – Ана зага, Каниза, Овчулар, Окюзлер, Гая арясы, Фируз, Дашалты, Джейранлар и др., использование которых связано с каменным, бронзовым веками и другими периодами. Во время археологических раскопок в пещерах найдены тысячи скребков, резцы, шилья, ножи, микроострия, наконечники стрел, долота, грузила из речного камня и кремня, костяные украшения и кости вымерших животных (быков-туров, джейранов, горных козлов и др.), относящиеся к концу верхнего палеолита, мезолиту и неолиту. В настоящее время собранный археологический материал находится в фондах Гобустанского заповедника.

Самые древние пещеры-укрытия, датируемые концом верхнего палеолита и мезолитом, сосредоточены на верхних террасах гор Беюкдаш и Кичикдаш. Это Ана зага, Окюзлер, Каниза, Гая арясы и Фируз. Здесь имеются культурные слои не только эпохи верхнего палеолита, но и последующих периодов: мезолита, неолита, энеолита и бронзы. Обнаруженные орудия из камня, кости и обсидиана, а также остатки вымершей флоры и фауны – бесценный материал для реконструкции географической среды в древнюю эпоху.

На нижних террасах гор Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг зафиксированы такие поселения эпохи бронзы, как Даире 1, 2, и множество захоронений и курганов. На этих поселениях и в захоронениях обнаружены скелеты и кости вымерших животных, несколько камней с петроглифами, археологический материал бронзового века, несколько антропоморфных надгробных камней.

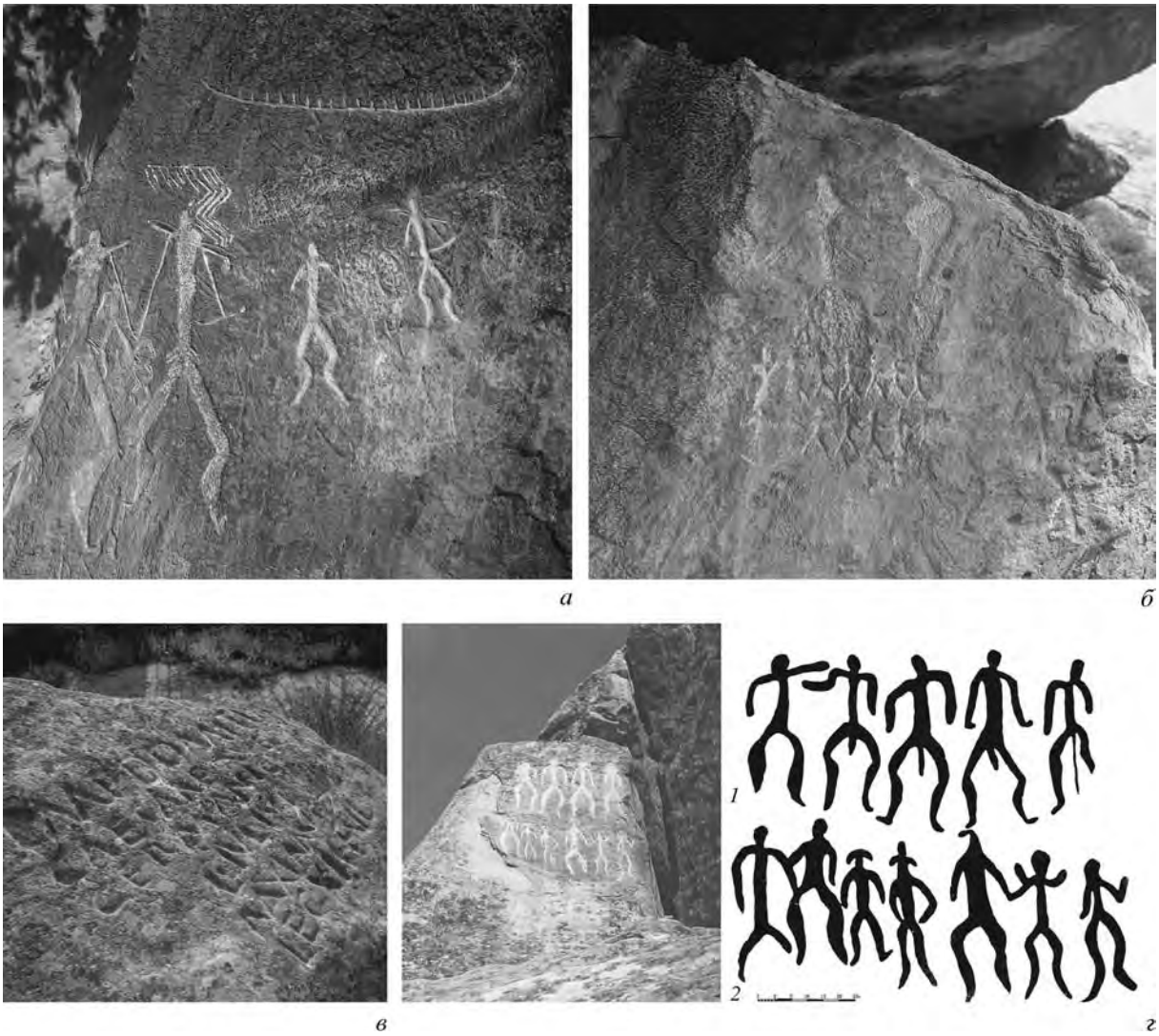


Рис. 3. Гора Беюкдаш, верхняя (*а, б, г*) и нижняя (*в*) террасы. *а* – камень 29; *б* – камень 46; *в* – камень 16; *г* – камень 67.

Пещера Ана зага. Находящаяся на верхней террасе горы Беюкдаш пещера вследствие своего большого размера была названа “Ана зага”. По другой версии, в пещере зафиксировано самое крупное изображение женщины. В 1965 г. здесь были начаты полевые исследования археологом Дж. Рустамовым и научными сотрудниками Гобустанского заповедника. Археологические раскопки проводились около большого камня в западной части пещеры, на стене обнаружено большое количество наскальных изображений, перекрытых культурными отложениями, что облегчило датировку петроглифов. Ранний пласт представлен в основном изображениями охотников, вооруженных луком и стрелами. Рисунки животных были выполнены выше: над изображениями охотников, и соответственно позже: после образования культурного слоя. Сцена с двумя антропоморфными персонажами, один из которых как бы стоит на плечах другого, позволяет предположить, как наносились петроглифы. Таким способом могли быть выполнены фигуры животных, размещенные на высоте выше человеческого роста, которые, возможно, могут быть древнее ранних изображений охотников с луками. Подобные фигуры зафиксированы в пещере Ана зага в двух местах (рис. 4, *б*). На верхней северной части стены – стадо быков, которые расположены друг под другом. Таким образом первобытный художник пытался передать объем (рис. 4, *а*). Фигура быка в натуральную величину на противоположной стене пещеры может быть древнее.

Во время раскопок в пещере зафиксирован 4-метровый культурный слой, включавший разновременные остатки. Большинство наскальных изображений было перекрыто этим слоем. Здесь также выявлены отдельные камни с изображениями (иногда с двух

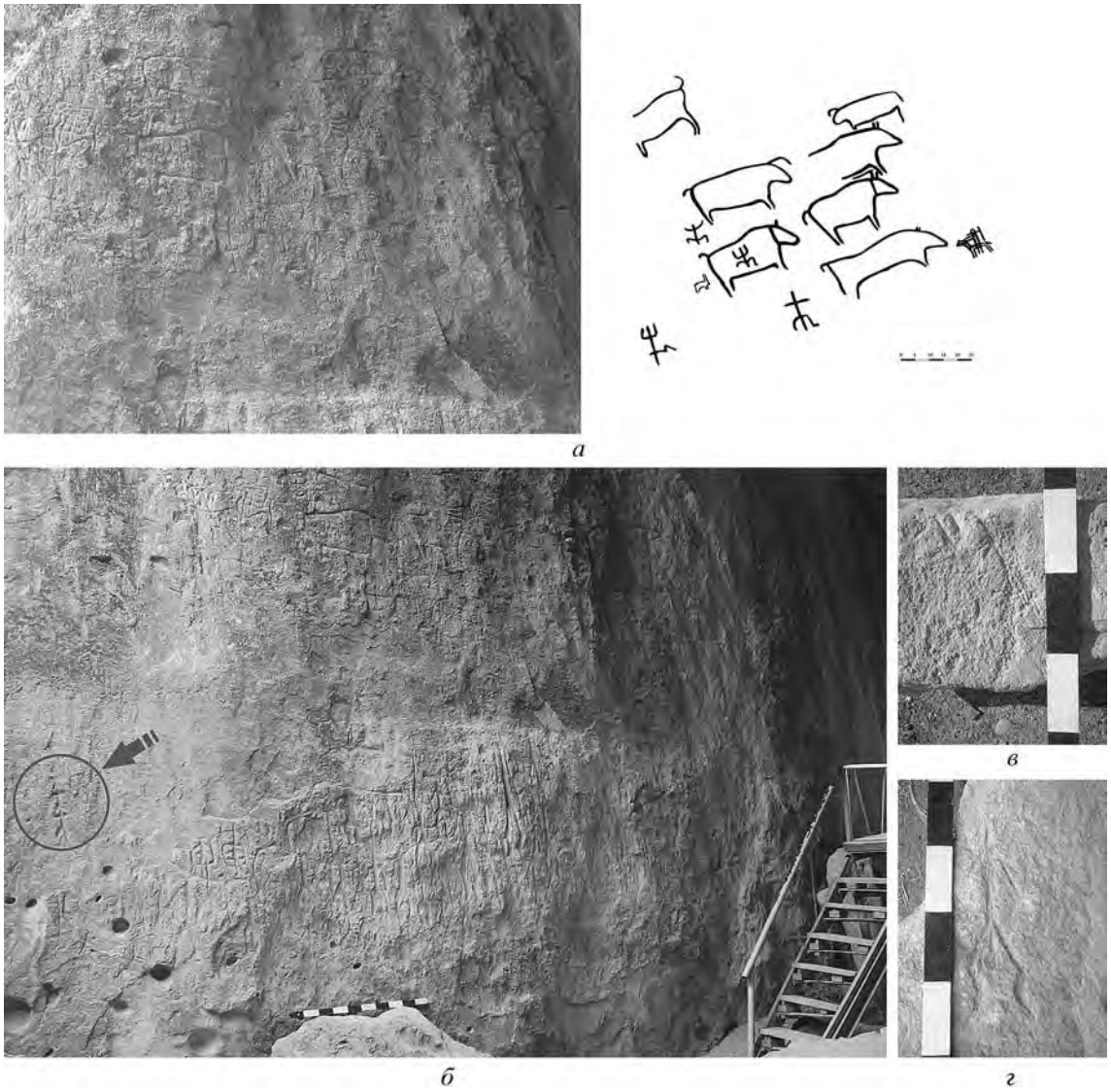


Рис. 4. *а* – гора Беюкдаш, верхняя терраса, камень 30; *б* – пещера Ана зага, стрелкой отмечены изображения двух антропоморфных фигур, одна из которых стоит как бы на плечах другой; *в, г* – отдельные камни с петроглифами (из раскопок).

сторон). Эти находки позволяют датировать некоторые рисунки на стенах пещеры, выполненные в таких же стиле и технике, как и на отдельных камнях из слоя (рис. 4, *в, г*).

Во время раскопок зафиксирован культурный слой каменного века с орудиями-микролитами. Это в основном кремневые микроострия, микропластины, скребки с выемчатым краем, орудия типа долота и др. Найдены орудия труда из кости и известняка. Помимо кремня также широко использовался речной камень – найдено большое количество орудий и осколков. Некоторые из них применялись как резцы, основную часть составляли ударные орудия, которые могли использоваться для выполнения наскальных изображений. В некоторых горизонтах слоя обнаружены остатки очагов. Всего в пещере выявлено до 30 тыс. каменных орудий, отщепов и отходов их изготовления. Среди находок более 10 тыс. составляют раздробленные остатки исторической фауны: 40% найденных костей принадлежало диким лошадям *Onager Equus hemionus Pall.*, 40% – газелям *Gazella Subgutturoza Guld*, остальная часть – быкам *Bos Primigenius Boj*, имеются также кости козлов, тюленей и рыб. В основном крупные кости животных раздроблены и обуглены (рис. 5, *а–в*).

Верхние горизонты (толщиной до 1 м) культурного слоя содержат преимущественно керамические материалы эпохи бронзы; энеолитические находки в редких случаях фиксируются в нижних. Возможно, после образования последних произошли природные изменения: в результате землетрясения

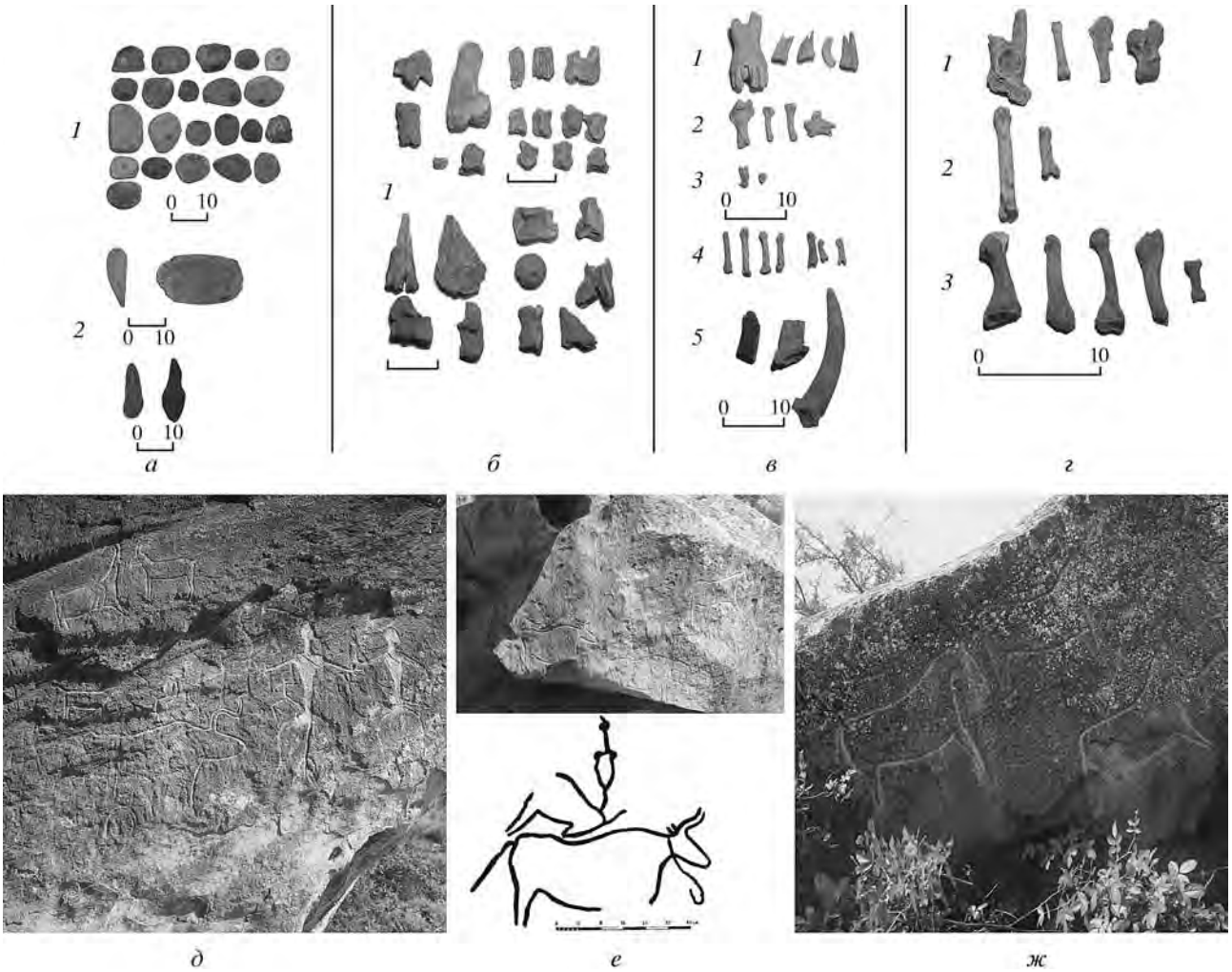


Рис. 5. Гора Беюкдаш, верхняя терраса. Пещеры Ана зага (*а–в*), Окюзлер (*д*), Овчулар (*е, ж*), стоянка Кяниза (*г*). *а* – каменная индустрия: *1* – ударные орудия, *2* – ножи; *б* – кости быка *Bos Primigenius Boj* из культурного слоя; *в* – кости вымерших животных из культурных слоев: *1* – дикая лошадь-онагр *Equus hemionus Pall.*; *2* – тюлень *Pusa caspica Gmel*; *3* – спинная кость рыбы; *4* – леопард *Pantera pardus L.*; *5* – безоаровый козел *Carpa aegagrus Erxi*; *г* – кости вымерших животных из культурных слоев: *1* – тюлень; *2* – леопард; *3* – останки человека *Homo sapiens*; *д* – камень 42 (южная сторона); *е, ж* – камень 45 (юго-восточная и северная стороны).

от удара упавшего с вершины горы камня пещера приобрела нынешний вид.

Для определения хронологии места обитания в пещере Ана зага были взяты образцы из культурного слоя на уровне 183 см для AMS-датирования: калиброванная дата – 8996±33 BP (Wk-27362, The University of Waikato, Hamilton, New Zealand, 13.04.2010). По образцам из культурного слоя на уровне 270 см получена радиоуглеродная дата 9170±40 BP (Cal BC 8530–8520; Cal BP 10480–10460) (Beta 305140, BETA Analytic INC., Miami, Florida, USA, 9.23.2011) (Farajova, 2010, 2012). В данных горизонтах культурного слоя выявлены чопперы, конусовидные, карандашевидные и цилиндрические нуклеусы. Инвентарь стоянки также состоит из резцов, микроострия, ножевидных пластин, сегменгтов, кремневых трапеций, микропластин, ударных орудий из речного камня и грузила. Здесь же обнаружены обломки отдельных камней с антропоморфными силуэтными изображениями (Qobustan…, 1977. S. 21).

Подскальное убежище Кяниза находится на верхней террасе горы Беюкдаш, состоит из двух камер. Здесь на скалах зафиксированы петроглифы. Культурный слой Кяниза имеет толщину более 1 м, самый древний горизонт датируется эпохой мезолита, выше обнаружены материалы неолита, эпохи бронзы и средневековья. Среди находок – орудия из кремня и гальки: микроострия из ножевидных пластин, скребки из пластин и отщепов, проколки и отбойники (Рустамов, 1976. С. 504, 505). Обнаружены шилья из кости, предположительно верхняя часть

булавы из белого мрамора, каменные подвески, отшлифованный топор из речного камня, терочники, скребки из обсидиана, ударные орудия из речного камня, сегменты, орудия типа грузил, украшение из кости и др. Самые значительные находки в этом убежище – два мужских и один женский костяки, относящиеся к раннему неолиту (рис. 5, *г*). По предположению исследователей, черепа из Гобустана принадлежали длинноголовому, узколицему, темнопигментированному человеку европеоидного типа, одному из локальных вариантов каспийского типа, который ярко выражен у народностей шахдагской группы (Касимова, 1974).

Пещера Окюзлер. Стоянка Окюзлер расположена в 50 м к югу от стоянки Овчулар между скалами с петроглифами 41 и 42. В 1974 г. здесь начались археологические исследования (Рустамов, Мурадова, 1975). Стоянка с запада на восток расширена, поэтому культурный слой был смыт дождевыми водами, сохранив лишь толщину 0.5–10 см. Здесь обнаружено множество археологических материалов (1 тыс. ед.). Кремневые сколы, концевые и выемчатые скребки, орудия типа долота составляют бóльшую часть инвентаря, нежели ножевидные орудия из пластин. Имеются кремневые нуклеусы, включая конусообразные и призматические. Из кремня изготовлены скребки, долота, сегменты и трапеции, проколка, сверло, резец, пластины, в том числе с зубчатым краем, с обеих сторон сработанный терочник, ударное орудие для нанесения наскальных изображений. Среди находок – игла из камня, подвески из ракушек и материал для изготовления разных изделий, в том числе скрепляющее средство *кир* и куски охры. Во время раскопок выяснилось, что в северной части камень 41а немного сполз вниз чуть ниже уровня, где зафиксированы наскальные изображения. На южной стороне камня 42 выявлены две выполненные в технике выбивки антропоморфные фигуры, украшенные линиями; на открывшемся в процессе расчистки нижнем уровне камня – древние изображения женских фигур (Azərbaycan arxeologiyası…, 2008. S. 368).

Среди инвентаря бóльшую часть составляют орудия типа долота, характерные для верхнего палеолита, мéньшую – геометризованные орудия (трапеции, сегменты). Наличие изображений быков, женских фигур, а также мужских в стиле периода ранних охотников каменного века (см. ниже “стиль IV”) на стенах укрытия показывает, что пещера использовалась в переходный период от конца верхнего палеолита к мезолиту; а также короткий срок в ранний и поздний периоды эпохи бронзы, о чем свидетельствуют находки фрагментов керамической посуды (Azərbaycan arxeologiyası…, 2008. S. 366–368).

В пещере Окюзлер сюжеты и тематика наскальных изображений совсем иные, чем в пещере Ана зага. Здесь первобытный художник изображает животных и людей попарно: два быка, обращенные друг к другу два козла, мужчина и женщина, держащиеся за руки. Ритуальное значение пещеры, возможно, связывалось с плодородием, продолжением рода (рис. 5, *д*).

Стоянка Окюзлер 2 обнаружена археологами в 1981 г. (Рустамов, 1984). Она находится между пещерами Окюзлер и Овчулар, между камнями 43 и 44, где зафиксированы изображения женских фигур, схематические антропоморфные образы, быки, козлы и др. На основе обнаруженных микролитических кремневых орудий стоянка датирована ранним неолитом. Раскопки проведены на площади 30 м^2. Из пяти разных напластований пятый нижний оказался культурным слоем, который занимал площадь 4 м^2. Выявлено 350 ед. археологических материалов. Это орудия из речного камня и кремня: трапеции, сегменты, нож, резец, проколка, сверло, скребла, долота, ударные орудия, чопперы и др. Интерес представляют миндалевидное орудие крупного размера с обработанными краями и концевой скребок.

Голова быка и фигура женщины, изображенные на камне в южной части стоянки, а также фигуры древних охотников на камне 44, обнаруженный каменный инвентарь имеют сходство с наскальными изображениями и инвентарем соседних стоянок конца верхнего палеолита – раннего мезолита. Кроме того, изображения женской фигуры с широкими бедрами и головы быка также позволяют исследователям отнести укрытие Окюзлер 2 к концу верхнего палеолита – раннему мезолиту (Azərbaycan arxeologiyası…, 2008. S. 368, 369).

Пещера Овчулар находится выше, чем пещеры Ана зага и Окюзлер. В ней представлены в основном следующие композиции: охотничьи сюжеты, сражения, ритуальные танцы. Отметим фигуру быка с веревкой на шее (рис. 5, *е*). Признаки обитания людей в пещере можно отнести к более позднему времени – периоду доместикации животных.

В ходе археологических раскопок зафиксирован участок скалы с отверстием, служившим для привязи животных, перекрытый неолитическим слоем, что можно рассматривать в качестве потенциального свидетельства наличия одомашненных животных. В то же время нельзя исключать, что по результатам коллективной охоты часть пойманных животных оставлялись живыми на привязи.

На камне 45 много изображений диких лошадей. В культурном слое найдено большое количество костей диких лошадей-онагров/куланов (*Equus hemionus Pall.*), которые обитали на юге Кавказа с нижнего палеолита до современности (Верещагин, 1959. С. 331–333). Их многочисленные изображения на скалах Гобустана и обнаруженные костные остатки свидетельствуют о широком распространении этих видов. Кулан считается непосредственным потомком плейстоценового осла, что подтверждается достоверными фактами широкого распространения голоценового полуосла-кулана (рис. 5, *ж*). Естественно, что эти животные были объектом охоты. В Азербайджане о существовании охоты на онагров повествует народный фольклор. Исторические свидетельства античных авторов, воспевание известным поэтом XII в. Низами Гянджеви охоты на онагров в Кура-Аракской низменности (1989. С. 484–667), повествование Рашид-Ад-Дина (XIV в.) о грандиозной загонной охоте на онагров, устроенной Газан-ханом в Талыше (Рашид-Ад-Дин, 1946), подтверждают факт обитания здесь до недавнего времени этих животных. У Низами в поэме “Семь Красавиц” Бахрам-шах именовался “гюр” (“онагр”), поскольку главному герою очень нравилась охота на онагров.

В пещере Овчулар также имеется сцена коллективной охоты на быка: несколько охотников с луками и стрелами атакуют группу быков. Первый бык защищается, опустив голову и выставив рога. Следующие друг за другом два быка подталкивают впереди стоящего. Данная сцена датируется IV тыс. до н.э. Наличие изображения сетей свидетельствует о том, что во время обитания в пещере это средство могло использоваться как для охоты на животных, так для рыбной ловли. В ходе раскопок найдены позвоночные части костей рыб. На стоянке Фируз под культурным слоем были обнаружены камень с изображениями лодок и костяные орудия для плетения сетей. Все это подтверждает, что обитатели стоянки уже освоили азы рыболовства.

Другая интересная сцена петроглифов стоянки Овчулар – охота на кабана, которого преследует собака. Безусловно, это домашняя собака. Композиция выполнена реалистично, чувствуется динамика, движение. Изображение датируется III тыс. до н.э.

Особый интерес представляют фигуры двух женщин: одна изображена в фас, другая – в профиль. Пережитки верхнепалеолитического стиля позволяют датировать этот рисунок VIII тыс. до н.э. Он перекрыт фигурами людей, исполняющих ритуальный танец, напоминающий национальный танец *яллы*. Композиция с танцорами датируется III тыс. до н.э. (рис. 3, *б*). К этому же времени относится локализованная ниже батальная сцена, в верхней части которой несут умершего или раненого. В южной части этого камня изображено стадо диких лошадей-онагров/куланов. Вероятно, можно говорить, что представлена сцена охоты на этих животных.

Гора Беюдаш, стоянка Марал. Раскопки на стоянке, находящейся на нижней террасе горы, проводились в начале 90-х годов XX в. В юго-западной части стоянки обнаружен фрагмент стены, выложенной из необтесанных камней. Материалы каменного века встречаются только в восточной части стоянки, это осколки кремня и ножевидные пластины. Самая интересная находка – окрашенная охрой нижняя часть фигурки женщины, выполненная из ракушечника. В верхнем горизонте культурного слоя выявлено значительное количество костей и фрагментов средневековой керамической посуды. Среди находок – образцы бронзового и античного периодов. По мнению исследователей, укрытие Марал использовалось в мезолите и в средние века, а единичные артефакты других периодов, вероятнее всего, случайны (Rüstəmov, 1994).

Гора Кичикдаш, укрытие Гая арясы. Эта пещера находится на вершине горы. Особый интерес представляет крупное изображение (длиной 423 см) на камне 5, интерпретируемое как рыба или дельфин. Отметим, что дельфин – вымершее животное в регионе, его существование в Каспийском море датируется верхнечетвертичным периодом. Эта фигура в свою очередь пересекается изображениями быков (рис. 6, *а*). Изображение дельфина предположительно можно отнести к концу верхнего плейстоцена, когда произошла последняя крупная трансгрессия каспийской котловины – Хвалынского моря. В тот период воды Каспия через Черное море, т.е. через Манычский пролив, попадали и в Средиземное море. Манычский пролив был открыт в Хвалынском ярусе в вюрме (Svitoch, 2006).

Большой интерес представляет камень 5, на котором изображены в профиль женские фигуры, лишенные головы. Это самые древние рисунки, перекрывающиеся фигурой быка (рис. 6, *б*), что позволяет предполагать, что женские образы выполнены ранее, чем бык. Все они размещены на скалах недалеко от убежища, у подножия которого зафиксирован культурный слой с верхнепалеолитической индустрией. Среди находок – нуклеусы, трапеции, пластины с зубчатым краем, костяные проколки. Приблизительно на глубине 350 см обнаружен отдельный камень с клавиформами – профильными изображениями беременных женщин (рис. 7, *а*).

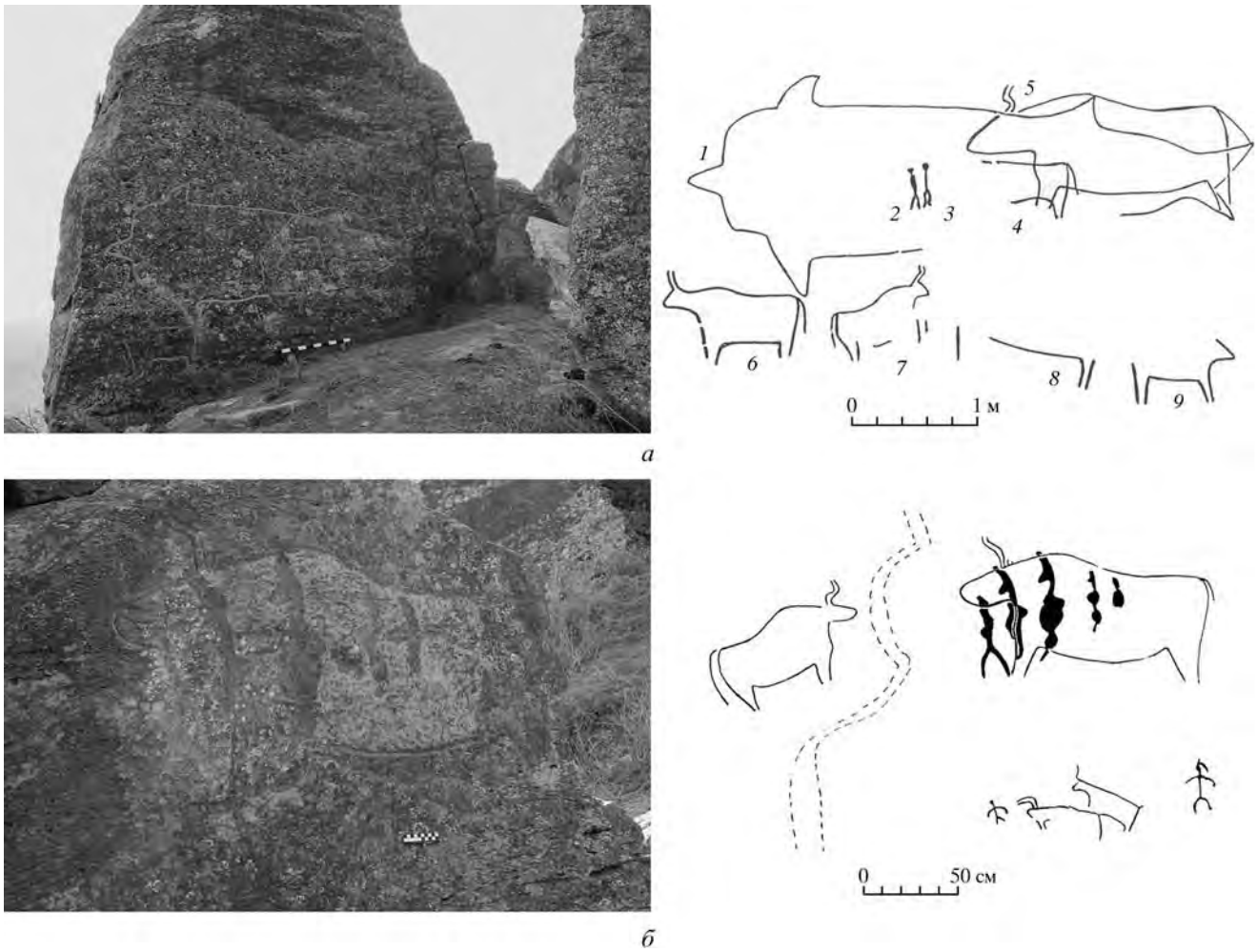


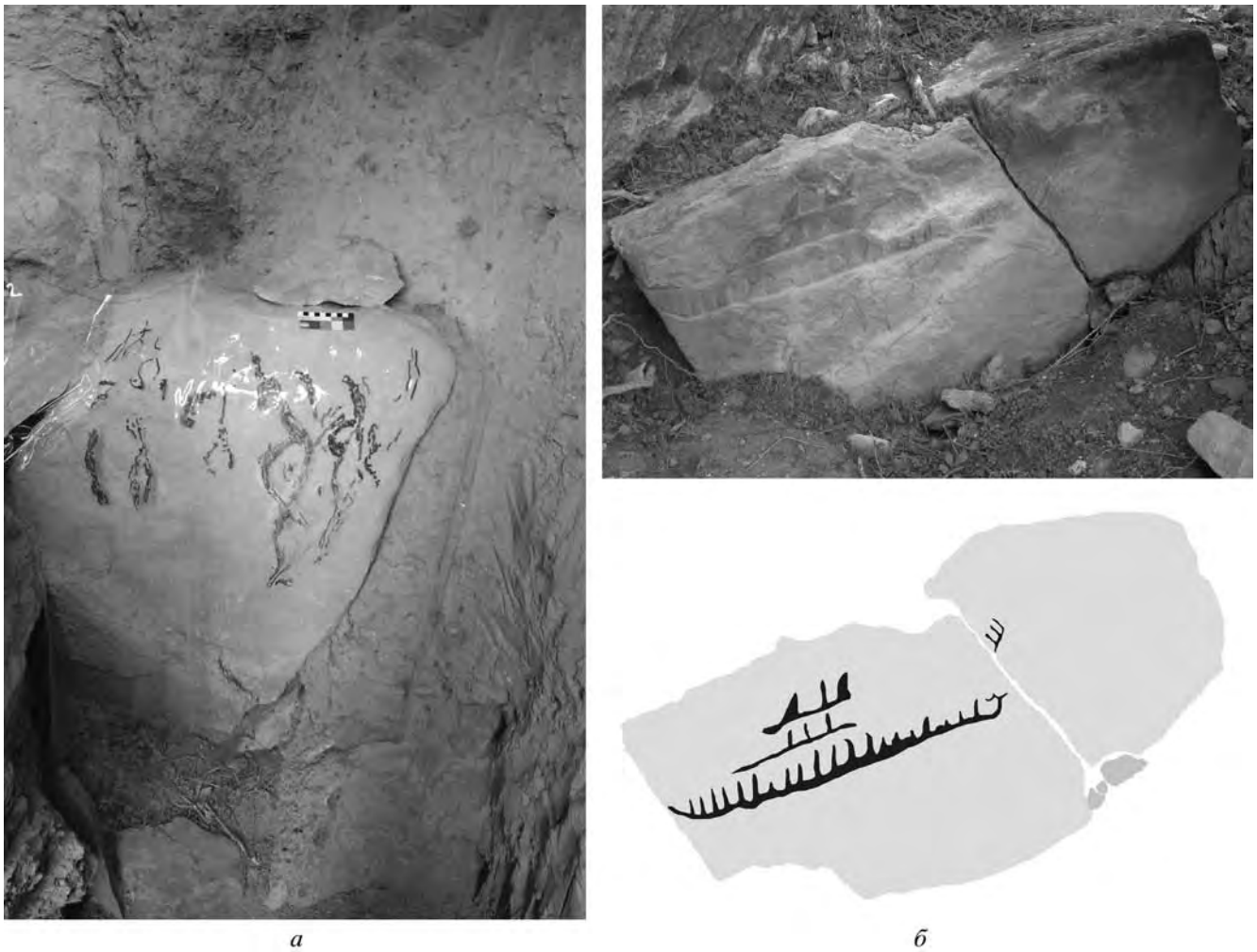
Рис. 6. Гора Кичикдаш, пещера Гая арясы, камень 5. *а* – изображение дельфина; *б* – клавиформы, перекрытые изображением быка в натуральную величину.

По данным остеологического анализа, на стоянке Гая арясы 98% костей животных принадлежало газели. Образцы морских ракушек из культурного слоя на глубине 350 см были датированы AMS-методом, получены радиоуглеродные даты – Cal BC 11770–11450 (2 Sigma Cal BP 13660–13400) (Beta 305145, BETA Analytic INC., Miami, Florida, USA, 9.23.2011) (Farajova, 2012).

Гора Кичикдаш, укрытие Фируз 2. Интересная композиция представлена на камне 19, который является западной стеной укрытия. Здесь изображены женщины; мужчины в стиле периода ранних охотников каменного века; лодки (три из них с солярным символом на носу); животные (быки, дикие кабаны, куланы, газели, безоаровые козлы). Часть рисунков зафиксирована под культурным слоем. На данной плоскости четко представлены хозяйство и быт охотников. Изображения женщин и быков, выполненные техникой обратного барельефа (глубоко вырезанные силуэтом), датируются ранним мезолитом. Следует отметить, что из мезолитического слоя стоянки Фируз 2 происходит отдельный камень с линейными изображениями лодок (рис. 7, *б*). В культурном слое обнаружены кости вымерших животных: онагра *Equus hemionus Pall.,* средиземноморской черепахи *Testudo graeka L.*, джейрана *Gazella Subgutturoza Guld.*, кабана *Sus scrofa L.* (рис. 8, *а*).

В мезолитическом слое стоянки Фируз 1 (недалеко от Фируз 2) выявлено 11 скелетов: 2 из них женские, 1 детский, остальные мужские. Обнаружены в значительном количестве ударные орудия, нуклеусы, ножевидные пластины, трапеции, кремневые резцы, наконечники стрел, микропластины с зубчатым краем, выемчатые боковые скребки и долота (рис. 8, *б*).

Святилища. Одна из самых ярких достопримечательностей Гобустана – горы с плоскими вершинами и скалистыми глыбами у подножия. Расположенные вплотную друг к другу глыбы



а *б*

Рис. 7. Отдельные камни, обнаруженные во время археологических раскопок. *а* – гора Кичикдаш, пещера Гая арясы (клавиформные изображения); *б* – гора Кичикдаш, стоянка Фируз (линейное изображение лодок).

образовывали своего рода пещеры, которые на протяжении тысячелетий служили жилищами и святилищами, где проходили ритуальные церемонии, обряды поклонения духам предков и гор. Традиция поклонения в окрестностях Гобустана сохранилась до сих пор. Свадебная процессия на гору Беюкдаш считается обязательной церемонией. Местные жители исполняют национальный танец *яллы* напротив скал с петроглифами на горе Беюкдаш (рис. 8, *в*), где изображены фигуры танцующих людей, выстроенных в линию (Farajova, 2009. P. 216).

Среди скал Гобустана также обнаружены руины святилищ – *пиров*. Недалеко от них на глыбах имеются изображения. Ансамбль пиров-святилищ в окрестностях Гобустана органично вписывается в панораму гор с плоскими вершинами. На горе Кичикдаш в скале находится пир Гара-атлы. Рядом расположена скала с естественным углублением. Сюда приходят паломники, загадавшие свою дальнейшую судьбу (*ниям*), чтобы получить уверенность в предстоящих важных для человека событиях. Для исполнения желаний современные паломники обычно завязывают пестрые лоскутки на ветках кустарников и культовых каркасовых деревьев (*даг-даган* – каркас кавказский *Celtis caucasica Wiii*) или строят из камней маленькие домики у пира Гара-атлы (рис. 8, *г*). В действующем святилище Софи Хамид имеется скульптура белого верблюда. Сюда в основном приходят паломники, у которых долгое время не рождаются дети. Загадывая желания, люди три раза проходят под каменным изваянием верблюда и привязывают на ветки деревьев самодельные маленькие колыбельки и куклы (рис. 8, *д*). До сих пор многие святилища-пиры (Софи Новруз баба, Софи Хамид, Хури гызлары, Сары баба и Гара атлы) посещаются паломниками.

Датировка петроглифов Азербайджана носит предварительный характер. Если произведения искусства малых форм в большинстве случаев хорошо датируются по археологическому контексту,

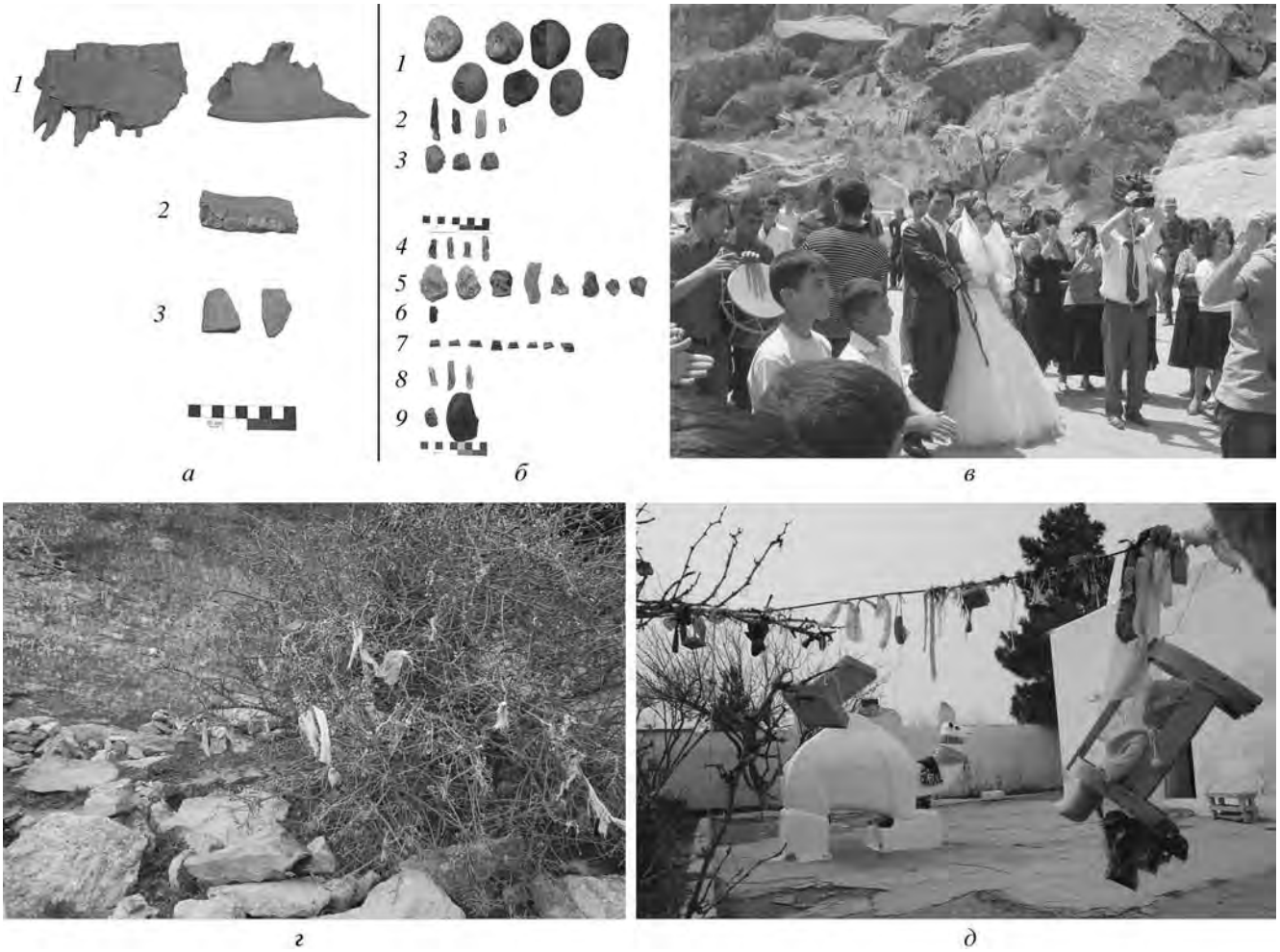


Рис. 8. Находки со стоянки Фируз, гора Кичикдаш (*а, б*) и современное использование священных мест Гобустана (*в–д*). *а* – кости животных: *1* – дикая лошадь-онагр; *2* – дикий кабан *Sus scrofa L.*; 3 – черепаха *Testudo graeka L.*; *б* – каменные орудия: *1* – ударные; *2, 4* – пластины; *3* – нуклеусы; 5, 6 – скребла (?); *7* – трапеции; *8* – пластинки с зубчатым краем; *9* – долота; *в* – свадебная процессия на гору Беюкдаш; *г* – гора Кичикдаш, святилище Гара атлы; *д* – Гобустан, святилище Софи Хамид.

то хронология наскальных изображений представляет значительные трудности, однако в Гобустане есть хронологические индикаторы, позволяющие уточнить время их создания. Стратиграфия культурных отложений, в которых обнаружены отдельные камни с изображениями, типологический анализ найденных предметов, а также данные других наук – геологии, палеозоологии, палеоботаники и пр. – позволяют уточнить возраст изображений. Важны также данные о трансгрессии и регрессии Каспийского моря, материалы о возрасте окаменелых останков вымерших представителей верхнеплейстоценовой фауны. Согласно радиоуглеродной датировке, Хвалынская трансгрессия имела место в конце позднего плейстоцена, почти 15–12 тыс. л.н., и закончилась в начале голоцена (9–7 тыс. л.н.), что совпадает с последним оледенением (поздний Валдай, поздний вюрм) Восточно-Европейской равнины, а также с низким уровнем мирового океана, который был на 25 м ниже уровня современного моря (Svitoch, 2006. P. 22).

Последние данные позволяют несколько в ином свете рассматривать хронологию наскальных изображений Азербайджана. В тех случаях, когда петроглифы связаны с археологическим слоем, определение их возраста может быть достаточно точным – наскальные изображения предшествуют или одновременны его образованию. Изображения на стенах пещеры Ана зага (камни 29, 32, 39) и по стилю, и по технике выполнения находят соответствия в рисунках на камнях, обнаруженных в культурном слое.

По образцам из культурного слоя пещеры Ана зага на уровне 183 см была получена калиброванная радиоуглеродная дата – 8996±33 BP (Wk-27362,

The University of Waikato, Hamilton, New Zealand, 13.04.2010). С этого же уровня происходят обломки отдельных камней с антропоморфными силуэтными изображениями, которые ранее археологами датировались VIII–VII тыс. до н.э. Следует отметить, что ниже датированного горизонта находятся культурные отложения на уровнях 15, 95, 160–165, 175 и 215 см, и это в свою очередь позволяет отнести самый нижний слой в пещере к концу верхнего палеолита – раннему мезолиту. Соответственно наскальные изображения, аналогичные по стилю и технике выполнения петроглифам на упомянутых отдельных камнях, можно считать синхронными (Farajova, 2010; 2011. P. 53; 2012).

Одна из древнейших стоянок Гобустана укрытие-пещера Гая арясы датируется по ^{14}C 14500 л.н. (Farajova, 2012). Совокупные данные позволяют выделить следующие хронологические этапы в наскальном искусстве Гобустана.

Древнейший этап (конец верхнего палеолита – ранний мезолит). С учетом концепции четырех стилей А. Леруа-Гурана и последующих исследований, касающихся корректив их эволюционной смены, стилистических особенностей палеолитического искусства, их стратиграфических и региональных характеристик (Leroi-Gouran, 1965, 1967; Bahn, Vertut, 1997; Шер, 2004), могут быть предложены стили ранних петроглифов Гобустана. Они соответствуют стилям А. Леруа-Гурана с упомянутыми коррективами.

I стиль. Изображения головы быка, быка в натуральную величину, фигур быка в сочетании с женскими профильными без голов на стоянке Гая арясы горы Кичикдаш, а также изображение головы быка на отдельных камнях на стоянках Окюзляр 2, Кяниза верхней террасы горы Беюкдаш, на камне 33 (45а) той же террасы.

II стиль (XIV–XII тыс. до н.э.). Изображения быков в натуральную величину, глубоко вырезанные силуэтом фигуры беременных женщин (камни 65, 29 верхней террасы горы Беюкдаш).

III стиль (XII–X тыс. до н.э.). Изображения быков с короткими ногами и растянутыми телами, такие клавиформы, как на верхней террасе горы Беюкдаш, камни 29, 65.

IV стиль (X–VIII тыс. до н.э.). Глубоко вырезанные силуэтом изображения мужчин охотников, в том числе с луками и стрелами; рисунки на отдельных камнях из культурных слоев таких поселений, как Окюзляр 2 и Кяниза верхней террасы горы Беюкдаш, Гая арясы горы Кичикдаш и горы Шонгар. Здесь в основном представлены изображения охотников, женщин, быков и лодок.

Неолит (VII–VI тыс. до н.э.). Сцены охоты на диких быков и куланов. Пещера охотников на верхней террасе горы Беюкдаш, камень 45, реалистичные изображения одомашненных быков (там же), петроглифы с ритуально-магическим смыслом (танцы-хороводы, сцены жертвоприношения и т.д., верхняя терраса горы Беюкдаш, камень 67).

Энеолит (VI–IV тыс. до н.э.). 1). Многочисленные зооморфные изображения в натуральную величину: олени, козлы, дикие кабаны и домашние животные (гора Джингирдаг, холм Языльы, камни 4, 9, 92, 33, 54; гора Беюкдаш, верхняя терраса, камень 46; нижняя терраса, камень 10). 2). Стилизованные изображения людей в сценах охоты и ритуально-магических сюжетах (гора Беюкдаш верхняя терраса, камень 59).

Эпоха бронзы (IV–III тыс. до н.э.). Изображения оленей на горе Кичикдаш и козлов на горах Джингирдаг (камни 13, 33, 36, 63, 54), Беюкдаш, верхняя терраса, камень 42 (южная сторона).

Эпоха раннего железа (II–I тыс. до н.э.). Сцены загона оленей (холм Языльы, камни 9, 38, 40, 92, 136; Беюкдаш, верхняя терраса, камень 103), сцены жертвоприношения (холм Языльы, камни 24, 25), изображения лишенных рук антропоморфных фигур.

Средневековье (I–II тыс.), *Новое и Новейшее время*. Изображения караванов верблюдов (гора Беюкдаш, нижняя терраса, камень 155), вооруженных копьями всадников, знаки и тамги, надписи и изображения с религиозной исламской тематикой (арка-мехраб на нижней террасе горы Беюкдаш, надписи на арабском и фарси). Отметим, что в караван-сарае XV в. и пир-святилище Гара атлы нанесены петроглифы, сходные с гобустанскими.

Поселения конца верхнего палеолита и мезолита в основном расположены на верхних террасах гор. Для охотников этой поры размещение в пещерах на такой высоте было выгодным в плане безопасности и наблюдения за окружающими землями. В неолите с поднятием уровня Каспийского моря пещеры сохранили статус основного места проживания. С понижением уровня моря в бронзовом веке были заселены средние и нижние террасы. В этот период скотоводы Гобустана изображали на скалах безоаровых козлов с большими изогнутыми рогами. У подножия гор возникли круглые в плане поселения, появилась традиция захоронения в курганах.

На основе радиоуглеродных датировок можно составить следующую картину формирования культурного ландшафта археологического комплекса Гобустан (Farajova, 2014. P. 187):

– приблизительно 14000 л.н. (конец верхнего палеолита – ранний мезолит) – стоянка Гая арясы на горе Кичикдаш;

– 10500–9800 л.н. – пещера Ана зага на горе Беюкдаш и Гая арясы на горе Кичикдаш;

– 9000–8000 л.н. – Ана зага на горе Беюкдаш, Гая арясы и Фируз 2 на горе Кичикдаш;

– 8000–7000 л.н. – Ана зага и Окюзлер на горе Беюкдаш, Гая арясы и Фируз 2 на горе Кичикдаш;

– 7000–6000 л.н. – Ана зага, Окюзлер, Овчулар на горе Беюкдаш и Фируз 2 на горе Кичикдаш;

– 4000 л.н. – Фируз 2 на горе Кичикдаш;

– 1000 л.н. – Марал на горе Беюкдаш.

Таким образом, изложенные в статье материалы позволяют понять и представить картину культурно-исторического процесса региона на протяжении тысячелетий. Подчеркнем уникальность Гобустана, где петроглифы создавались на протяжении 14 тыс. лет: с конца верхнего палеолита до Новейшего времени (второй половины XX в.).

Статья подготовлена в рамках консультаций по проекту РГНФ № 15-01-00240.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 703 с.

Джафарзаде И. Древние рисунки на скалах // Бакинский рабочий. 29 июня 1939. № 147 (58–54). С. 4.

Касимова Р.М. Первые палеоантропологические находки в Кобыстане (Аз. ССР) // Вопросы антропологии. 1974. Вып. 48. С. 158–162.

Низами Г. Избранное. Искандер-наме / Пер. с фарси К. Липскерова. Баку: Аз. гос. изд-во, 1989. 667 с.

Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР,1946. 340 с.

Рустамов Д.Н. Мезолитическая стоянка в Гобустане (Окюзляр-2) // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку: АГУ, 1984. С. 40–49.

Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. Полевые работы в Гобустане // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку: Элм, 1975. С. 4–10.

Рустамов Д.Н., Мурадова Ф. Раскопки на стоянке Кяниза в Гобустане // АО 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 504–505.

Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 53–78.

Шер Я.А. Спорные вопросы изучения первобытного искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 36–52.

Azərbaycan arxeologiyası. Altı cilddə, I cild. Bakı, 2008. 448 s. (на азерб. яз.).

Bahn P.G., Vertut J. Journey through the Ice Age. L.: The Orion Publishing Group, 1997. 240 p.

Farajova M. Rock Art of Azerbaijan. Baku, 2009. 319 p.

Farajova M. Pleistocene Art in Azerbaijan // Pleistocene Art in the World. Pleistocene Art in Europe, IFRAO Congress, Foix, France, 6–11 September, 2010 (unpublished).

Farajova M. Gobustan Rock Art Cultural Landscape // Adoranten magazine. 2011. P. 41–66.

Farajova M. Neolithic age of Gobustan // Articles of the international research conference "Early Farming Cultures of the Caucasus" devoted to the 60th anniversary of the discovery of the Kultepe site in Azerbaijan, Baku, 3–6 November 2011 / Ed. M.N. Ragimova. Baku: National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Archaeology and Ethnography, 2012. P. 62–68.

Farajova M. Archaeological landscape of Gobustan at the end of Upper Pleistocene and early Holocene // IGCP 610 "From the Caspian to Mediterranean: Environmental change and human response during the Quartenary". Baku, 2014. P. 186–187.

Leroi-Gouran A. Prehistoire de l'art occidental. Paris, 1965. 482 p.

Leroi-Gouran A. Treasures of Prehistoric Art. N. Y., 1967. 543 p.

Qobustan arxeoloji ekspedisiyasının 1977-ci il çöl-tədqiqat işlərinin hesabatı // Qobustan Milli Tarix Bədii qoruğunun arxivi, delo III, 1977 (Полевые отчеты археологической экспедиции в Гобустане 1977 г.) (на азерб. яз.).

Rüstəmov C. Qobustanda 1993-cü ilin tədqiqatları haqqında // Görkəmli Azərbaycan arxeoloqu Saleh Mustafa oğlu Qazıyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilmiş sessiyasının materialları. Bakı: Elm, 1994. S. 16–18 (на азерб. яз.).

Svitoch A.A. A Flood and great Khvalyn transgression of the Caspian Sea // Nature. 2006. № 1. P. 20–24.

CULTURAL-HISTORICAL CONTEXT OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF GOBUSTAN

Malahat N. Faradjova

Gobustan National Historical Park, Baku, Azerbaijan (malahat@mail.ru)

Gobustan is a geographical region in the south-eastern part of the Azerbaijan Republic, was inscribed in the UNESCO World Cultural Heritage List in 2007 as a Rock Art Cultural Landscape. At present more than 6000 petroglyphs and 40 burial mounds, about 20 caves-shelters, ancient settlements and burials were registered as well as 105000 items of material culture were analyzed in Gobustan. Petroglyphs differ with the variety of themes, originality of the plots and certain artistic skill. Final results of the research allow us to consider the chronology of petroglyphs of Azerbaijan in a different light. One of the last AMS dating showed that the most ancient site (Gaya aryasy cave-shelter) is dated back to 14500 BP. The uniqueness of the Gobustan is that there are petroglyphs dated to the period of the end of the Higher Paleolithic Age to the second half of the 20th c. The facts given in the article allow us to understand and imagine better the picture of cultural-historical process of this region in the course of millennia.

Key words: Gobustan, mountains Boyukdash, Kichikdash, the settlement Firuz, Kyaniza, Gaya aryasy, Ana zaga, petroglyphs, Stone Age.

REFERENCES

Azərbaycan..., 2008. Azərbaycan arxeologiyası. Altı cilddə, I cild. Bakı. 448 p.

Bahn P.G., Vertut J., 1997. Journey through the Ice Age. L.: The Orion Publishing Group. 240 p.

Dzhafarzade I.Yu., 1939. Drevnie risunki na skalakh [Ancient rock pictures]. *Bakinskiy rabochiy [Baku Worker]*, 29 iyunya 1939, no. 147 (58–54), p. 4.

Farajova M., 2009. Rock Art of Azerbaijan. Baku. 319 p.

Farajova M., 2010. Pleistocene Art in Azerbaijan. *Pleistocene Art in the World. Pleistocene Art in Euro pe, IFRAO Congress, Foix, France, 6–11 September* (unpublished).

Farajova M., 2011. Gobustan Rock Art Cultural Landscape. *Adoranten magazine*, pp. 41–66.

Farajova M., 2012. Neolithic age of Gobustan. *Articles of the international research conference "Early Farming Cultures of the Caucasus" devoted to the 60th anniversary of the discovery of the Kultepe site in Azerbaijan*. M.N. Ragimova, ed. Baku: National Academy of Sciences of Azerbaijan, Institute of Archaeology and Ethnography, pp. 62–68.

Farajova M., 2014. Archaeological landscape of Gobustan at the end of Upper Pleistocene and early Holocene. *IGCP 610 "From the Caspian to Mediterranean: Environmental change and human response during the Quatenary"*. Baku, pp. 186–187.

Frankfor A.-P., Yakobson E., 2004. Podkhody k izucheniyu petroglifov Severnoy, Tsentral'noy i Sredney Azii [Approaches to studying petroglyphs of Northern, Central and Middle Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2 (18), pp. 53–78.

Kasimova R.M., 1974. Pervye paleoantropologicheskie nakhodki v Kobystane (Az. SSR) [First paleo anthropological finds in Kobystan (Azerbaijan SSR)]. *Voprosy antropologii [Problems of Anthropology]*, 48, pp. 158–162.

Leroi-Gouran A., 1965. Prehistoire de l'art occidental. Paris: Mazenod. 482 p.

Leroi-Gouran A., 1967. Treasures of Prehistoric Art. N. Y.: Harry N. Abrams. 543 p.

Nizami G., 1989. Izbrannoe. Iskander-name [Selected. Iskander-name]. K. Lipskerov, trans. from Farsi. Baku: Azerb. gos. izd-vo. 667 p.

Qobustan arxeoloji..., 1977. Qobustan arxeoloji ekspedisiyasının 1977-ci il çöl-tədqiqat işlərinin hesabatı (Field reports of archaeological expedition in Gobustan, 1977). Qobustan Milli Tarix Bədii qoruğunun arxivi, delo III.

Rashid-Ad-Din, 1946. Sbornik letopisey [Chronicles collection]. A.K. Arends, trans. from Persian. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 340 p.

Rustamov D.N., 1984. Mezoliticheskaya stoyanka v Gobustane (Okyuzlyar-2) [Mesolithic camp in Gobustan (Okyuzlyar-2)]. *Kamennyy vek i eneolit v Azerbaydzhane [Stone Age and Chalcolithic Age in Azerbaijan]*. Baku: Azerb. gos. univ., pp. 40–49.

Rustamov D.N., Muradova F., 1976. Raskopki na stoyanke Kyaniza v Gobustane [Excavations at the camp Kyaniza in Gobustan]. *Archeologicheskie otkrytiya 1975 g. [Archaeological discoveries, 1975]*. Moscow: Nauka, pp. 504–505.

Rustamov D.N., Muradova F.M., 1975. Polevye raboty v Gobustane [Field works in Gobustan]. *Arkheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbaydzhane (1974 g.) [Archaeological and Ethnographical researches in Azerbaijan (1974)]*. G.M. Akhmedov, ed. Baku: Elm, pp. 4–10.

Rüstəmov C., 1994. Qobustanda 1993-cü ilin tədqiqatları haqqında. *Görkəmli Azərbaycan arxeoloqu Saleh Mustafa oğlu Qazıyevin anadan olmasının 100 illiyinə həsr edilmiş sessiyasının materialları*, Bakı: Elm, pp. 16–18.

Sher Ya.A., 2004. Spornye voprosy izucheniya pervobytnogo iskusstva [Issues of studying Primitive art]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2 (18), pp. 36–52.

Svitoch A.A., 2006. A Flood and great Khvalyn transgression of the Caspian Sea. *Nature*, 1, pp. 20–24.

Vereshchagin N.K., 1959. Mlekopitayushchie Kavkaza [Mammals of Caucasus]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 703 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 64–77

КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РУБЕЖА I–II тыс. н.э. (по материалам торевтики малых форм)

© 2015 г. Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва (ggkorol08@rambler.ru)

В статье рассмотрены образцы средневековой торевтики малых форм с территории Монголии, юга российского Дальнего Востока и тибетские амулеты (среди них предположительно есть средневековые), декор которых сравним с декором ременных украшений Кыргызского каганата IX–X вв. (Саяно-Алтай), периода его господства в Центральной Азии. На основе критического и сравнительно-исторического анализа материала выделено несколько уровней возможного культурного влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях.

Ключевые слова: Центральная Азия, Саяно-Алтай, Монголия, Тибет, Приамурье и Приморье, средневековье, торевтика малых форм, декор, культурные влияния.

Вторая половина I тыс. н.э. в Центральной Азии – время борьбы тюркских государственных образований за господство. В конце I тыс. после разгрома Уйгурского каганата (840 г.) власть над значительными территориями на несколько десятков лет перешла к Кыргызскому каганату, образовавшемуся еще в VI в. на Среднем Енисее. Власть это была номинальной, так как военные походы кыргызов и их победы не были закреплены. А их охват (по сведениям китайских и арабских источников) был впечатляющим: от Прибайкалья на востоке до Среднего Иртыша на западе, на юг – “до Тибета” (Восточного Туркестана, которым в это время владели тибетцы), на юго-запад – до Семиречья, на юго-восток – до гор Восточного Тянь-Шаня. Известен и поход кыргызов (847 г.), преследовавших уйгуров, далеко на восток – в Маньчжурию.

Были восстановлены давние дружественные связи с отдаленными государствами Средней Азии, Срединной Империей (Китаем), Тибетом, нарушенные в VIII–IX вв. господством уйгуров в Центральной Азии. Кыргызы обменивались посольствами и вели обширную торговлю (Кызласов, 1984, 1992; Кляшторный, Савинов, 2005).

Тюркская эпоха в Центральной Азии характеризовалась симбиозом культуры кочевников и оседлых цивилизаций. В среде последних распространилась мода на кочевническую одежду, включая ременные украшения амуниции всадников. Во второй половине VIII в. по всей степной Евразии распространился орнаментальный стиль, представленный на подобных изделиях из цветного металла (торевтике малых форм). Его расцвет и наиболее яркие проявления отмечены на территории Саяно-Алтая в период господства Кыргызского каганата в Центральной Азии.

Исследователями (С.В. Киселев, Ф.Х. Арсланова, Д.Г. Савинов, Г.В. Длужневская, Г.Г. Король и Л.В. Конькова, Т.Г. Горбунова и А.А. Тишкин) охвачен практически весь известный массив данного археологического источника рубежа I–II тыс. в Саяно-Алтае. Его особенность – большое число случайных находок (хотя на Алтае преобладают материалы, полученные в результате раскопок памятников местной сросткинской культуры середины IX–XI в.; сводку о кыргызах на Алтае см. Дашковский, 2015). Это в основном “сборы” любителей древностей. В числе подобных коллекций, многие из которых хранятся в музеях, можно выявить комплекты поясных или уздечных наборов, которые определенно происходят из разрушенных или ограбленных памятников. Есть действительно случайные находки, что особенно характерно для территории Минусинской котловины на Среднем Енисее и связано с особенностями погребального обряда (кремация) и природными условиями (песчаные дюны, ветры и пр.). Зафиксированы случаи находок “кучки” предметов в ямке под дерном без каких-либо признаков кремации. Известны и так называемые клады типа эпонимного Тюхтятского, по названию которого получила свое название археологическая культура кыргызов конца I – начала II тыс.

Основные направления культурных влияний изучены на материалах Саяно-Алтая, преобладающим автору представляется юго-юго-западное (Восточный Туркестан, Средняя Азия, Иран) и значительным – юго-восточное (Китай).

Задача данного исследования – проанализировать материалы отдаленных территорий, своего рода крайних для Кыргызского каганата периода "экспансии" географических точек, которые, тем не менее, входили в зону интересов кыргызов, в том числе их военных походов. Это новейшие случайные находки из Монголии; феномен тибетских амулетов разного времени, среди которых есть и средневековые конца I тыс.; известные находки с Дальнего Востока (преимущественно со Среднего Приамурья), интерпретация которых, тем не менее, требует уточнений. На этой основе – определить возможные уровни культурного влияния.

Монголия. Отдельные предметы торевтики малых форм из Монголии, имеющие прямые аналогии среди материалов Саяно-Алтая рубежа I–II тыс., в солидном томе, посвященном "2220-летию основания Великой Империи Хунну" (Тэнгэрийн илд, 2011), представлены как предметы эпохи хунну. Рассмотрим некоторые из них.

Наиболее яркая находка – подвесная бронзовая позолоченная бляха с ажурным декором в центре, свисающими симметричными профильными головами "драконов" по бокам и головой *en face* кошачьего хищника между ними (рис. 1, *1*), отнесенная к I–III вв. Она размерами и декором абсолютно идентична находкам из Копенского чаатаса (могильника) в Минусинской котловине (рис. 1, *2*), где найдены две такие бляхи (Киселев, 1949. С. 349, 353; Табл. LIX, *9*). По курганам этого могильника назван копенский этап VIII – середины IX в. культуры кыргызов на Енисее, совпадающий с господством Уйгурского каганата в Центральной Азии. В качестве условной аналогии приведена находка (рис. 1, *3*) из Увгунтского погребения VIII–IX вв. в Монголии. Истоки данного эклектичного предмета отнесены к разным традициям, но преимущественно – к происходящим из "западных районов распространения древнетюркской культуры" (Кляшторный и др., 1990. С. 9).

Находку из Монголии, идентичную копенским предметам, по-видимому, можно отнести ко времени Уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Отметим, что копенские предметы – высокого качества не только отливки, но и декора, в котором проработаны мельчайшие детали. Этого нельзя сказать о монгольской подвеске, которая, судя по хорошей цветной фотографии, представляет собой не оригинальный (первичный) предмет, изготовленный по матрице с качественным рисунком, а очередное тиражирование[1] предмета по вторичному предмету или затертому изношенному первичному изделию. Детали декора не проработаны и как бы "смазаны". Возможно, именно для нивелирования этих недостатков предмет густо покрыт позолотой, местами не сохранившейся. Отметим, что позолоченные предметы высокого качества хорошо известны в ременной гарнитуре средневековых кочевников Центральной Азии. Качество монгольской находки позволяет говорить о возможности изготовления предмета и в послеуйгурский период.

Следующий предмет (датирован II–I вв. до н.э.) – бронзовая со следами позолоты сегментовидная накладка (размеры не указаны) с ажурным декором (рис. 1, *4*), основной мотив которого – "цветок смоквы" на месте бутона/цветка растительных пальметт.

Как показали исследования, мотив "цветок смоквы" как центр растительной композиции – один из самых популярных в декоре торевтики малых форм рубежа I–II тыс. в Минусинской котловине, распространен и на других территориях Саяно-Алтая (Король, 2008). Наиболее ранний, по-видимому, предмет с более сложной ажурной композицией, в основе которой цветок смоквы, происходит из кургана 2 упомянутого Копенского чаатаса (Киселев, 1949. Табл. LVII, *8*; Кызласов, Король, 1990. Рис. 20, *5*). Это знаменитый (по находкам драгоценных предметов торевтики) и, возможно, самый поздний курган этого могильника, который предположительно отнесен ко времени сразу после победы кыргызов над уйгурами 840 г., т.е. его можно датировать временем около середины IX в.

Накладки сегментовидной формы с идентичным, в том числе ажурным, декором известны из раскопок курганов X в. по обряду кремации в Верхнем Прииртышье, Восточный Казахстан (Зевакино, курган 97, раскопки Ф.Х. Арслановой 1965 г., Усть-Каменогорский краеведческий музей) и в Саянском каньоне Тувы (Хемчик-Бом II, курган 25, раскопки Г.В. Длужневской 1971 г., ИИМК). Находки из Зевакино представлены поясным набором из нескольких видов накладок, в том числе трех сегментовидных, одна из которых с двумя удлиненными отверстиями у прямой линии основания (рис. 1, *5*), возможно, это результат неудачной попытки литья ажурного изделия. В набор входили две округло-сегментовидные накладки с прямоугольной прорезью, одна из них ажурная (рис. 1, *6*), а также пряжка с идентичным мотивом декора. В публикации орнамент дан схематично (Арсланова, 1972. С. 58, 69. Табл. VII; 2013.

[1] "Реплика" по Р.С. Минасяну (2014. С. 120–124).

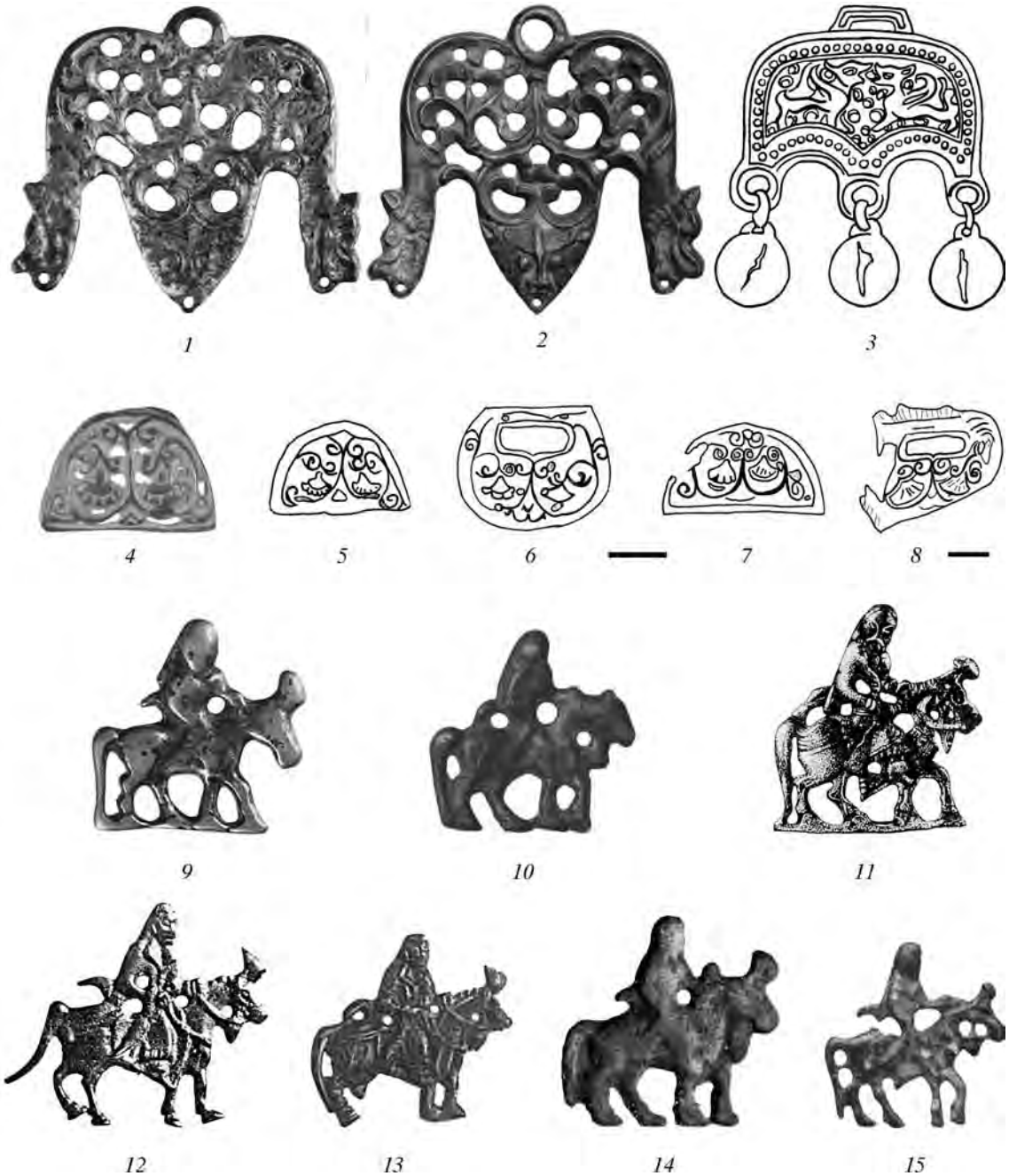


Рис. 1. Находки торевтики малых форм из Монголии (*1, 3, 4, 9*) и аналогии. *1* – Монголия, выс. 8 см; *2* – Копенский чаатас, Минусинская котловина, выс. 8 см; *3* – Увгунтское погребение, Монголия (по: Кляшторный и др., 1990); *4* – Монголия; *5, 6* – Зевакино, к. 97, Верхнее Прииртышье; *7, 8* – Хемчик-Бом II, к. 25, Тува; *9* – Монголия, 3.5 × 3.5 см; *10* – Китай, Ордос, 3 × 3 см (по: Gudrun, 2006); *11* – Бирский, п. 362, Южный Урал, 4 × 4.4 см; *12* – р. Чикой, Южное Забайкалье, 4.4 × 3.7 см; *13* – Канка, Средняя Азия, 3.7 × 4 см; *14* – Ходжент, Средняя Азия, 3 × 3.1 см; *15* – Минусинская котловина, 2.6 × 2.7 см. (*11–15* – см. Король, 2008. С. 271).

С. 205–220). Первоначальная датировка позже была уточнена, восточноказахастанские погребения по обряду кремации справедливо отнесены ко времени не ранее X в. (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 270). На сходство этого материала с находками в Туве обратила внимание Г.В. Длужневская, сузив при разработке общей хронологии кыргызских памятников Тувы первоначальную датировку до X в. (Длужневская, 1985. С. 108. Рис. 108, *2, 3*). Ременные украшения из Хемчик-Бома представлены четырьмя предметами с однотипным ажурным декором: накладками сегментовидной (рис. 1, *7*), округло-сегментовидной (с прорезью), которая обгорела и деформирована (рис. 1, *8*), прямоугольной с прорезью и пряжкой.

Таким образом, по имеющимся аналогиям из погребений Саяно-Алтая ажурную накладку из Монголии можно отнести также к концу I тыс. Она подтверждает наблюдение о популярности и значительном распространении мотива "цветок смоквы" на торевтике малых форм этого времени.

Следующая находка (рис. 1, *9*) – фигурка всадника (накладка, нашивка?) в характерной позе и с характерными деталями передачи снаряжения коня, датированная I–II вв. н.э. Подобные фигурки "тюрко-согдийского" облика известны в небольшом числе, но практически на всей территории Центральной Азии, включая прилегающие лесостепные зоны (Южный Урал). Наиболее близкие монгольской находке (рис. 1, *11–15*) – односторонние фигурки всадника-лучника (с хорошо "читаемым" колчаном сбоку) слегка отличающихся размеров и разного качества. Большинство из них относится к случайным находкам, и лишь одна (с Южного Урала) происходит из комплекса конца VII – VIII в. Эту дату и можно брать за основу, но иметь в виду, что оригинальные вещи хорошего качества могли быть изготовлены и несколько раньше[2], а тиражирование старых предметов могло происходить и позже (см. Король, 2008. С. 126, 129, 130. Табл. 13). Находка из Монголии со "стертым" изображением, без четких деталей (хотя сама отливка, судя по фотографии, хорошего качества) дополняет перечень известных фигурок всадников из Центральной Азии тюркского времени в его широком понимании.

Итак, находки из Монголии, отнесенные в названной публикации к гуннской эпохе, по объективным данным можно уверенно отнести к раннему средневековью, а некоторые могут иметь и более узкую датировку. Ряду предметов существуют не просто близкие, а идентичные аналогии с территории ядра Кыргызского каганата (Средний и Верхний Енисей).

Тибет. С этой территории (и, по-видимому, некоторых других) происходят многочисленные предметы мелкой металлической пластики (*thogchags*)[3]. Среди них есть и варианты всадников, в том числе близкий к рассмотренным выше (рис. 1, *10*). Он происходит из Ордоса (Внутренняя Монголия), региона Центральной Азии, известного многочисленными находками как эпохи ранних кочевников, так и тюркской.

Необходимо подчеркнуть, что изображения вооруженных всадников, особенно лучников, охотящихся на животных, известны в Саяно-Алтае (шире Центральной Азии) не только по материалам торевтики (см. Король, 2008. С. 123–136), резьбе по кости (Гаврилова, 1965. Табл. XVI, *1*), но и в наскальном искусстве (см. Дэвлет, Чжан Со Хо, 2014. С. 38, 65, 70, 71; Соенов, Константинов, 2014. Рис. 28, *1*; 30, *1*; 31, *1, 2*; 36, *1*). Один из приемов стрельбы (на полном скаку, обернувшись назад) связывают с древней традицией, имеющей "иранские" корни (Мухарева, 2007. С. 194). Подобные изображения, в том числе и последний прием, можно видеть в росписях внешних стенок высоких деревянных гробов, предназначавшихся для хранения небольшого деревянного гроба-оссуария, из погребений периода Тубо (663–842) в Тибете (Tong Tao, Wertmann, 2010. Fig. 6, 9, 14, 20). Отметим, что тибетская петроглифическая традиция изображения охоты конных лучников на диких яков имеет древние традиции, относимые к эпохе бронзы (Bruneau, Bellezza, 2013. P. 63, 126, 136, 137). Таким образом, изобразительная традиция, отражающая культуру раннесредневековых всадников и имеющая более древние корни, – один из культурных феноменов, объединяющих Центральную Азию и сопредельные территории.

Среди разнообразия *thogchags* имеются фигурки (*khyung*) местного тибетского божества – мифической птицы-орла или грифа, которое с приходом сюда буддизма слилось в восприятии с индийской Гарудой, иногда принимающей и человеческий облик (Мифы…, 1994. С. 266, 267). Иконография *khyung*, относимых исследователями в основном к добуддиийскому периоду и к буддийскому (ламаистскому) средневековью (есть и "подделки" XIX – начала XX в.[4]), имеет как общие черты, так и значительное разнообразие (рис. 2, *1–4*). Среди

[2] Чикойский всадник (рис. 1, *12*), случайная находка на поселении Дурены в Южном Забайкалье (Кяхтинский музей, № 3545), в описи датирован I в. до н.э. – I в. н.э. Стилистические особенности изображения коня (приподнятый хвост, специфическая "поступь") отличают его от других фигурок тюркского времени, но остальные детали изображения всадника близки к ним, хотя особенности иконографии разного времени требуют специального изучения.

[3] Это разновременные (предположительно от эпохи бронзы до этнографического периода) и разные по своему назначению предметы, изготовленные в основном из бронзы и метеоритного металла. Со временем они превратились в амулеты-обереги, которые не только должны защищать и приносить удачу владельцу, но и используются при лечении.

[4] Дж. Гудрун, исследовавшая несколько коллекций тибетских амулетов (в том числе состав металла некоторых из них), считает необходимым учитывать, что они все же "не претендуют на большую древность, как, например, бронзовые изделия из Ордоса и из дальних степных курганов" (Gudrun, 2006. S. 227). Тем не менее среди них есть и древние экземпляры, что подтверждает и состав металла. Кроме того, на наш взгляд, "затертость" большинства изображений свидетельствует о том, что даже копии Нового времени могли изготавливаться по старым, десятки и, возможно, сотни лет использовавшимся предметам.

вариантов изображений крыльев есть и поднятые вверх с загнутыми кончиками, напоминающие крылья изображений “крылатой богини” со Среднего Енисея (рис. 2, *6*). Кроме того, тибетские персонажи нередко предстают в “трехрогих тиарах”, как и енисейские образцы.

На двух случайных находках IX–X вв. из Минусинской котловины антропоморфный образ[5] представлен в сложном головном уборе, возможно, сидит по-восточному (?), руки согнуты, правая размещена на уровне “живота”, левая – у груди, в ней персонаж держит округлый предмет (плод, чаша?). Подробно иконография рассмотрена Н.В. Леонтьевым, сделавшим вывод о возможном влиянии буддийского восточнотуркестанского искусства (1988. С. 191). Три выступа головного убора крылатой богини хотя и перекликаются с “трехрогой тиарой” на других известных изображениях в среде кочевников, в том числе на каменных изваяниях и петроглифах, но имеют особенность – напоминают изогнутые “лепестки” или языки пламени, что можно соотнести с одной из ипостасей Умай как богини, духа или хозяйки огня. Умай – в первую очередь богиня плодородия и деторождения. Птичьи черты в ее облике, крылатость отражены в самом имени, кроме того – в обрядовом фольклоре тюркских народов, по-видимому, не без влияния иранской мифологии.

В буддийской иконографии средневековых росписей Восточного Туркестана, как справедливо заметил Н.В. Леонтьев (1988. С. 191), есть изображения божеств с небольшими выступами за спиной, означающими языки пламени. Подобные “крылья” можно видеть и на ритуальном тибетском дротике, рукоятка которого оформлена в виде антропоморфной фигурки (возможно, божества молнии) со сложенными у груди руками с ритуальными предметами в них (рис. 2, *5*).

Возвращаясь к семантике тибетских *khyung*, отметим, что, по мнению исследователей, их рога или хохолок (иконографически не всегда явные, похожие на трехрогую тиару) ассоциировались с высшей духовностью древнего Тибетского государства (Bellezza, 1998. P. 48).

Общий смысловой исток для тибетских и енисейских изображений – божественная птица индоиранской традиции, которая может принимать и облик человека. Иконографические особенности имеют как общее (варианты изображений крыльев), так и особенное для Среднего Енисея – соответствие собственным традиционным представлениям тюркского мира.

К индо-буддийской традиции можно отнести некоторые “личины” на предметах торевтики малых форм из Саяно-Алтая. Это набор ременных украшений, входящий в состав упомянутого выше Тюхтятского клада (рис. 3, *4–12*). Комплект включает в себя разные накладки, образующие несколько групп по форме и декору. Декоративный мотив – изображение демонического существа – один и тот же, но с различиями в иконографических деталях, а также композиционными – в соответствии с формой предметов. Элементы рисунка на всех накладках имеют варианты, но по основным характеристикам напоминают широко известное в Индии и используемое в буддийской культуре изображение лика мифического существа индуистской мифологии Киртимукхи. Из Индии изображение подобной териоантропоморфной личины как персонажа-оберега распространилось в раннем средневековье в Средней Азии. Похожим образом изображается лик другого персонажа – Ямантака, в буддийский мифологии одного из основных божеств-охранителей, входящего в группу идамов, гневных божеств, уничтожающих тупость и негативные эмоции. В тибетской мифологии он именуется Шинджешед (“Победитель смерти”) и является гневной ипостасью бодхисатвы Манджушри. В ламаистской мифологии Ямантака считается одним из докшитов – гневных божеств “защитников веры” из группы идамов (о ламаистской мистерии *цам*, в которой используются устрашающие маски, и древних истоках, отраженных в наскальном искусстве Центральной Азии, см. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2005. С. 387–382).

Изображения на накладках из Тюхтятского клада имеют те же характерные черты, что и описанные мифологические персонажи (Конькова, Король, 2007). Кроме того, они не только сутью образа, но и деталями его изображения близки к подобным личинам, которые, как и енисейские, вариативны и на тибетских амулетах *thogchags* (рис. 3, *1–3*), в данном случае на пряжках. В XI–XII вв. в Центральной Азии и на Дальнем Востоке мотив подобной личины распространяется, сохраняясь и в последующее время, в качестве декоративно-смыслового оформления черепичных дисков кровли буддийских храмов и монастырей.

Таким образом, индо-буддийский источник демонического образа и его иконографии настолько стандартен, что даже небольшая вариативность позволяет безошибочно определить, что это за изображение и его происхождение. Крылатое божество характеризуют также обязательные иконографические элементы: крылья и тиара на голове. Оно имеет еще

[5] Чуть более ранний вариант – две одинаковые фигурки-подвески (серьги) конца VIII – начала IX в. из кургана 7 могильника Койбалы в Минусинской котловине (рис. 2, *7*).

Рис. 2. Тибетские крылатые божества (*1–5*) и “богини” со Среднего Енисея (*6, 7*). *1–4* – амулеты *khyung*; *5* – ритуальный дротик; *6* – Минусинская котловина (ММ, № 6821, 6827); *7* – Койбалы, к. 7 (по: Скобелев, 1990). *1, 2, 4* – по: Gudrun, 2006; *3, 5* – по: Bellezza, 1998. Высота (см): *1* – 3.6; *2* – 3.8; *4* – 7.5; *3, 5* – без масштаба; *6* – прорисовка Н.В. Леонтьева.

более широкий и, возможно, более древний культурный индо-иранский источник, объединивший географически отдаленные территории.

Юг Дальнего Востока. Влияние тюркских племен на средневековое население Приамурья и Приморья отмечается почти всеми исследователями этого региона. Рассмотрим[6], насколько сильно и реально это влияние в торевтике малых форм юга Дальнего Востока в конце I тыс., после упомянутого выше похода кыргызов в Маньчжурию.

Разнообразный декор торевтики малых форм конца I тыс. Саяно-Алтайского региона характеризует важная особенность – наличие так называемых серийных изделий с определенным набором популярных композиций. Такие предметы известны практически на всей территории влияния Кыргызского каганата периода его экспансии и в соседних регионах (Король, 2008). По их наличию на других территориях можно судить о реальном влиянии или о проникновении тем или иным образом конкретных образцов

[6] Подробно практически все известные автору по публикациям и музейным коллекциям материалы со ссылками на источники см. в отдельной работе (Король, 2012). Здесь отметим основные моменты, предложив небольшую сравнительную таблицу некоторых декорированных предметов с юга российского Дальнего Востока и из Саяно-Алтайского региона.

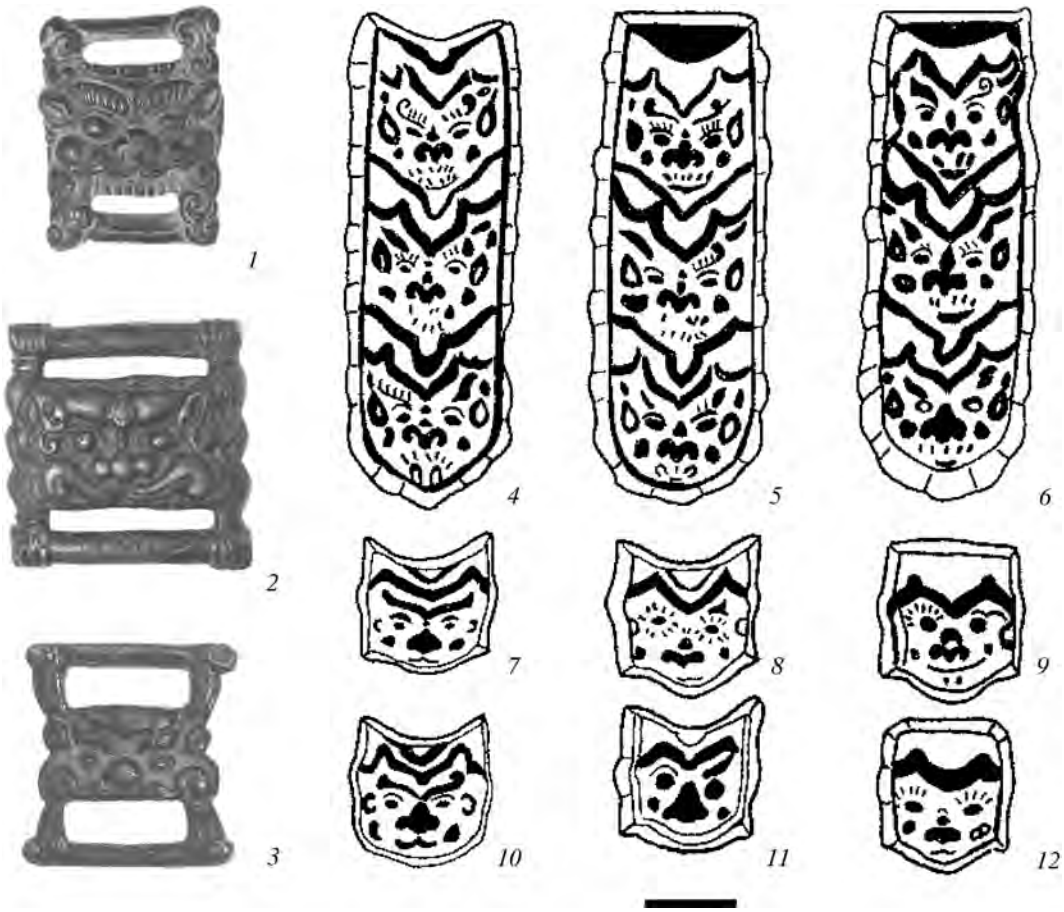


Рис. 3. Тибетские (*1–3*) и минусинские “личины” (*4–12*). *1–3* – по: Gudrun, 2006; *4–12* – набор из Тюхтятского клада (ММ). Размеры (см): *1* – 2.5 × 3.2; *2* – 4 × 4; *3* – 2.3 × 2.5.

непосредственно от кыргызов или вместе с ними, а не просто “от уйгуров или кыргызов” или “из Южной Сибири” (Деревянко, 1973; Гусева, Шавкунов, 1976; Медведев и др., 1997). Отметим, что изучение деталей “тюркских поясов” в Приморье и Приамурье конца I – начала II тыс. позволяет говорить о том, что многие из них “были уже анахронизмом для Сибири, но в Приамурье и Приморье они существовали еще довольно продолжительное время” (Васильев, 2006. С. 117).

В Приморье эпохи государства Бохай (698–926) ременные украшения тюркских форм с фестончатыми краями и редко растительной орнаментацией единичны и относятся ко времени не ранее начала X в., т.е. периоду заката государства. Интересна находка (рис. 4, *1*) с территории Маньчжурии (могильник в провинции Хэйлунцзян). Не идентичные, но близкие аналогии и форме предмета, и композиции есть среди случайных находок в Минусинской котловине (рис. 4, *5, 6*). Но и здесь это единичные находки.

В Приамурье выделены две группы памятников (датировки по: Нестеров, 1998): в Западном Приамурье троицкая группа с опорным памятником Троицкий могильник второй половины VIII – X в.; в Восточном Приамурье группа памятников амурских чжурчжэней (покровская культура) конца I – начала II тыс. с наиболее важными для рассматриваемой темы памятниками – могильниками Корсаковский и Каменушка.

В Троицком могильнике известно несколько бляшек тюркских форм с растительным орнаментом. Заметим, что, когда внешне изделия выглядят очень похожими, для выявления действительных аналогий важны детали орнамента. В данном случае такая деталь, например, как перевязка в виде полоски поперек стебля у начала растительной композиции на ажурных накладках (рис. 4, *2*) и некоторые другие, действительно указывают на близость изделий к находкам с территории Кыргызского каганата IX–X вв. Абсолютные аналогии композициям все же выявить не удалось (рис. 4, *7, 8*). Приводимые Е.И. Деревянко аналогии дают лишь близкие формы предметов, но никак не орнамента (1975. Табл. XXXIX, *32, 33, 54, 55*).

Рис. 4. Дальневосточные (*А*) и саяно-алтайские (*Б*) находки. *А*: *1* – Маньчжурия (по: Деревянко, 2000); *2* – Троицкий (по: Деревянко, 1977); *3* – Каменушка; *4, 13* – Корсаковский (*3, 4, 13* – по: Медведев, 1982); *11* – Болоньский (по: Король, 2009); *12* – Шайгинское городище (по: Гусева, Шавкунов, 1976); *Б*: *5–8, 10* – Минусинская котловина: *5, 6* – ММ, № 5928, 6084; *7, 8, 10* – ММ, № 6003, 6007, 7105 (по: Кызласов, Король, 1990, с уточнением масштаба); *9* – Шанчиг, к. 18 (по: Кызласов, 1978); *14* – Сростки, Алтайский край, БМ, № 849/28; *15* – Тарасовский, НМ, № 4077/1; *16* – Алтай (?), без масштаба (по: Король, 2008). *4* – выс. 8,2 см; *10* – выс. 11,8 см.

В Корсаковском могильнике орнаментированных ременных украшений тюркских форм больше, чем в Западном Приамурье (подробно обо всех находках и аналогиях см. Король, 2012). Аналогии, приводимые исследователями, не всегда убедительны, но, тем не менее, некоторые изделия отнесены "несомненно" к импорту или заимствованиям "от уйгуров или енисейских кыргызов" (Медведев, 1977. С. 147, 148; 1986. С. 111; Медведев и др., 1997. С. 20, 24).

К примеру, одна из подвесных блях из Корсаковского могильника и по форме, и по оформлению бордюра близка к не имеющей точных аналогий сбруйной бляхе из Минусинской котловины, но основной декор совершенно разный, есть существенные различия и в технологии изготовления (ср. рис. 4, *4, 10*). Заключение о том, что бляхи с рисунком "львицы в геральдической позе, летящей птички с веткой в клюве и распустившимся цветком имеют явно тюркское происхождение" (Васильев, 2006. С. 121) слишком поспешно. Изображение животного в подобной позе известно лишь на единственной находке – подвесной бляхе, возможно, с Алтая, характерной для танского искусства формы (ср. рис. 4, *13, 16*), а порхающая птичка с веткой в клюве – также танский мотив, на саяно-алтайских предметах единичен. При этом декор сердцевидной бляшки с круглым отверстием (рис. 4, *11*) – растительные элементы и мотив "пламенеющая/пылающая жемчужина" (в оригинальной трактовке), чрезвычайно популярный в Саяно-Алтае (Король, 2008. С. 169–173), – из Болоньского могильника конца X – XI в. в Восточном Приамурье, видимо, не понят (Медведев, 1977. Табл. LVI, *42*; Васильев, 2006. Табл. VIII, *34*) и никем не упомянут.

Ременные украшения со сложным растительным орнаментом представлены в погр. 5 могильника Каменушка конца X – XI в. (Медведев, 1982. Табл. IV, *1, 5, 6, 19, 23*). Как и в случае с предметами из Троицкого могильника, элементы композиций, в том числе перевязанный стебель в ее основании, действительно характерны для орнамента изделий, происходящих с территории Саяно-Алтая периода экспансии Кыргызского каганата. Но идентичные композиции найти не удалось, т.е. они не входят не только в репертуар серийных изделий, популярных в Саяно-Алтае, но даже не имеют реальных аналогий. Декор пряжки из Каменушки сравнивается с пряжкой из могильника Шанчиг в Туве. Их "удивительное" сходство (Медведев, 1979. С. 98) – явное преувеличение (ср. рис. 4, *3, 9*). Заметим, что композиция на пряжке из Шанчига не имеет точных аналогий, хотя основной мотив – расщепленная пальметта с гроздьями винограда – популярен в Саяно-Алтае (Король, 2008).

Более поздний материал – бронзовые ременные украшения, известные в культуре чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. из Приморья, исследователи тоже нередко сравнивают с материалами из Южной Сибири рубежа I–II тыс., приводя весьма условные аналогии (ср. рис. 4, *12, 14, 15*) и выводя происхождение, например, мотива "бесконечный узел" из культуры кочевников с их определенным хозяйственным укладом (Гусева, Шавкунов, 1976. С. 145). Известно, что этот мотив – древнейший буддийский символ. Некоторые мотивы, получавшие распространение на удаленных друг от друга территориях в средневековье, вполне могли иметь некий общий исток в искусстве культур с высоким уровнем развития не только искусства, но и ремесленного производства. Такими истоками преимущественных культурных влияний для западной части евразийских степей были Византия, Иран, Согд, для восточной – Китай, Индия, Иран, Согд.

Декор ременных украшений тюркских форм с территории юга российского Дальнего Востока зачастую указывает в основном центральноазиатские истоки, нельзя не отметить и китайское влияние, что естественно для данной территории. Соотнесение декора с культурой, например, енисейских кыргызов требует более строгого подхода к анализу самого декора и поиску аналогий.

В то же время проведенный Л.В. Коньковой факторный анализ химико-металлургических особенностей комплекса бронз VIII–XI вв. восточной части степной Азии дал интересные результаты. По наиболее диагностичным для геохимической характеристики металла элементам (сурьма и висмут) наибольше сходство зафиксировано между Приамурьем и Минусинской котловиной. Также отмечено максимальное количество цинка (латунные изделия) в металле находок из Минусинской котловины, Забайкалья и Приамурья, где из латуни изготовлены преимущественно предметы "тюркских" форм. По наличию тех или иных геохимических групп также отмечено сходство металла Минусинской котловины и Приамурья. Главный вывод, сделанный Л.В. Коньковой, наиболее важный для сопоставления торевтики малых форм Саяно-Алтая и юга Дальнего Востока, состоит в том, что зафиксировано отсутствие изоляции отдельных территорий. Это позволило предположить наличие устойчивых внутренних связей в степной зоне континента в отношении как сырьевых ресурсов, так и распределения готовых изделий. Химизм бронзовых изделий "свидетельствует о наличии по крайней мере нескольких производственных

центров, продукция которых поступала в различные концы Центральной и Восточной Азии" (Конькова, 1996. С. 35).

Предложенная модель уровней качества и производства торевтики малых форм Саяно-Алтая (Король, Конькова, 2007) позволяет говорить о еще более сложной и дробной системе производства и распространения изделий на значительных территориях. Отмеченный выше анахронизм тюркских форм ременных украшений в Приамурье конца I тыс. и при этом близость по геохимическим характеристикам металла с орнаментированными изделиями из Минусинской котловины свидетельствует, как представляется, о стабильном и длительном существовании производственных центров, привязанных к определенным источникам сырья.

Исходя из такого видения вопроса о производстве ременных украшений, распространенных у кыргызов, говоря о появлении подобных изделий "от кыргызов или уйгуров" в Восточном Приамурье, желательно учитывать, что предметы могли попасть на отдаленную территорию не только вместе с людьми (политическая ситуация, войны и миграции племен) и при контакте с ними (этнический уровень), но и в результате торговли – через купцов, непосредственно от производителей, независимо ни от уйгуров, ни от кыргызов (надэтнический уровень). Рассуждая о привнесенных в культуру местных племен элементах, точнее говорить о "предметах центральноазиатского происхождения" (Нестеров, 1998. С. 95), когда детализация места, культуры не совсем ясна. Поиски аналогий орнаментированным изделиям, повторим, требуют более глубокого внимания и к композиции, и к деталям, ибо просто похожие предметы можно найти на значительной территории от Тихого океана до Центральной Европы.

Итак, анализ материалов из некоторых крайних географических точек в регионах, которые были объектом экспансии Кыргызского каганата в Центральной Азии (середина IX – начало X в.), позволяет сделать следующие выводы об уровнях культурного влияния.

Материалы из Монголии практически идентичны находкам со Среднего и Верхнего Енисея. Скорее всего они представляют собой следы присутствия кыргызов в Монголии, что известно и по письменным источникам, т.е. это уровень непосредственных контактов кыргызов с уйгурами в ходе боевых действий. Такой уровень культурных влияний можно назвать "контактным".

Материалы из Тибета и саяно-алтайские аналогии свидетельствуют об опосредованном культурном влиянии через общий источник, находившийся, вероятно, в Восточном Туркестане. В рассматриваемый период, как уже упоминалось, эта территория была под властью тибетцев. Исследователи амулетов *thogchags* также называют одним из источников их происхождения Восточный Туркестан. Общий культурный пласт, связанный с буддизмом, возможно, манихейством, иконографические индо-иранские истоки были питательной средой для искусства многих народов Средней, Центральной и Восточной Азии.

По письменным источникам известны непосредственные культурные связи кыргызов и тибетцев на "образовательном" уровне: в Дуньхуане (Восточный Туркестан) обнаружены записанные тибетскими буквами китайские тексты, выполненные по заказу знатного кыргыза. Существовали и "контактные" влияния обратного направления: по археологическим данным зафиксировано наличие в погребальных памятниках Тувы IX–X вв. тибетских письменных "документов" на бересте – фрагментов амулетов с заклинаниями. Отношения Тибета и кыргызов известны и по китайским хроникам (подробней о находках, связанных с Тибетом, и других аспектах связей см. Воробьева-Десятовская, 1980; Грач, 1980). Таким образом, кыргызско-тибетский уровень культурных влияний можно назвать "смешанным" – опосредованным через духовные, изобразительные источники, а также через непосредственные контакты тибетцев с кыргызами.

Материалы Приамурья и частично Приморья не позволяют связывать их непосредственно с кыргызами. Их дальневосточный поход, по-видимому, не оставил следов "контактных" культурных влияний. Дальневосточные находки имеют в культуре кыргызов некоторые аналогии, но не идентичные предметы (последнее характерно для территории непосредственного распространения влияния культуры Кыргызского каганата, т.е. в первую очередь в Саяно-Алтае, а также на сопредельных землях). Ременные украшения тюркских форм с характерным декором конца I тыс. можно считать элементом центральноазиатского тюркского влияния, осуществлявшегося разными способами (через уйгуров, часть которых после разгрома бежала на Амур; торговлю и пр.). Такой уровень влияний можно назвать "общекультурным"; он мог быть реализован как через непосредственные контакты в периоды военных действий (захват военных трофеев, пленных; оседание части представителей тюркских племен на этой территории), так и через производителей торевтики малых форм, которые снабжали своей продукцией эти регионы (торговля, обмен, дары и пр.).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00306в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

Арсланова Ф.Х. Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013 (Мат-лы и исследования по археологии Казахстана; Т. III). 405 с.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 371 с.

Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // СНВ. Вып. XXII. М.: Вост. литература, 1980. С. 124–131.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 113 с.: табл.

Грач А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте // СНВ. Вып. XXII. М.: Вост. литература, 1980. С. 103–123.

Гусева Л.Н., Шавкунов Э.В. О происхождении одного орнаментального мотива у чжурчжэней // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР / Ред. В.Д. Леньков. Владивосток, 1976. С. 143–147.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Деревянко Е.И. Тюркские компоненты в наборном поясе мохэсцев // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. / Ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 1973. С. 85–87.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Деревянко Е.И. Бохай и Приамурье // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 115–124.

Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1985. 428 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.

Дэвлет Е.Г., Чжан Со Хо. Каменная летопись Алтая. М.: ИА РАН, 2014. 144 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 9). 364 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005 (Исторические исследования). 346 с.

Кляшторный С., Савинов Д., Шкода В. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Информ. бюл. МАИКЦА. Вып. 16. М.: Наука, 1990. С. 5–16.

Конькова Л.В. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1996. 43 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Опыт комплексного исследования набора средневековых ременных украшений из Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 89–96.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008 (Тр. САИПИ; Вып. V). 332 с.

Король Г.Г. Декор ременных украшений средневековых кочевников востока евразийских степей: синтез культурных традиций // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: символика и культурные традиции / Ред. и сост. И.С. Жущиховская. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 7–31.

Король Г.Г. Средневековое искусство Саяно-Алтая и Дальний Восток // История и культура средневековых народов степной Евразии / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 196–200.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25–32.

Кызласов Л.Р. Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1978. № 6. С. 38–56.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Вост. литература, 1990. 216 с.

Леонтьев Н.В. О буддийских мотивах в средневековой торевтике Хакасии (По материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан: Хак. НИИЯЛИ, 1988. С. 184–196.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней (конец X – XI век). Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Медведев В.Е. Тунгусоязычное население Приамурья в конце VIII – XI веков и тюрки // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1979. С. 94–99.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. 217 с.

Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тыс. (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. 205 с.

Медведев В.Е., Малахов В.В., Власов А.А., Болдырева Н.Н., Кундо Л.П., Овсянникова И.А., Ревуцкая Г.К. О химическом составе металлических изделий из памятников чжурчжэньской культуры Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. Новосибирск, 1997. № 3. С. 19–26.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 1. М.: Рос. энциклопедия, 1994. 671 с.

Мухарева А.Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 189–198.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 183 с.

Скобелев С.Г. Изображение божества Умай на подвесках из могильника Койбалы // Семантика древних образов / Ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1990 (Первобытное искусство). С. 152–159.

Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 310 с.

Тэнгэрийн илд (The Sword of Heaven). Ulaanbaatar: “Sunny Mongolia Today” Magazine, 2011. 496 p.

Bellezza J.V. Thogchags Talismans of Tibet // Arts of Asia. 1998. V. 28, № 3. P. 44–64.

Bruneau L., Bellezza J.V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh – Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and ‘Western Tibetan Plateau Style’ // Revue d’Etudes Tibétaines. 2013. № 28. Special Issue: The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh. P. 5–161.

Gudrun J. Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks / Thog lcags. Rahden: Leidorf, 2006. 263 S.

Tong Tao, Wertmann P. The coffin painting of the Tubo period from the northern Tibetan Plateau // Bridging Eurasia / Eds M. Wagner, Wang Wei. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010 (Archäologie in China; Bd. 1). P. 187–213.

CULTURAL INFLUENCES IN CENTRAL ASIA AND ADJACENT TERRITORIES AT THE TURN OF THE 1st–2nd MILLENNIA AD

(on materials of small toreutics)

Galina G. Korol

Institute of Archaeology RAS, Moscow (ggkorol08@rambler.ru)

The article considers the samples of medieval small toreutics from the territory of Mongolia, south of the Russian Far East, and Tibetan amulets (among them probably there are medieval ones), the décor of which can be compared with the décor of the belt ornaments of the Kyrgyz Khaganate of the 9th–10th cc. (Sayan-Altai), the period of its domination in Central Asia. Some layers of the possible cultural influences in Central Asia and adjacent territories have been elicited based on the critical and comparative analysis.

Key words: Central Asia, Sayan-Altai, Mongolia, Tibet, Amur River Region and Primorye, Middle Ages, small toreutics, the décor, cultural influences.

REFERENCES

Arslanova F.Kh., 1972. Kurgany s truposozhzheniem v Verkhnem Priirtysh‘e [Barrows with cremation in Higher Irtysh River Region]. *Poiski i raskopki v Kazakhstane [Search and excavation in Kazakhstan]*. Alma-Ata: Nauka, pp. 56–76.

Arslanova F.Kh., 2013. Ocherki po srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh’ya [Essays on the medieval archaeology of the Higher Irtysh River Region]. Astana: Filial In-ta arkheologii im. A.Kh. Margulana. 405 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana, III).

Bellezza J.V., 1998. Thogchags Talismans of Tibet. *Arts of Asia*, vol. 28, no. 3, pp. 44–64.

Bruneau L., Bellezza J.V., 2013. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh – Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and ‘Western Tibetan Plateau Style’. *Revue d’Etudes Tibétaines*, 28. Special Issue. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh, pp. 5–161.

Dashkovskiy P.K., 2015. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul’turnykh protsessov v Tsentral’noy Azii [Kyrgyz people in Altay in the context of ethno-cultural processes in Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. univ. 224 p.

Derevyanko E.I., 1973. Tyurkskie komponenty v nabornom poyase mokhestsev [Turkic components in a Mohe people belt decorated with plates]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii [Problems of ethno genesis of Siberian and Far East peoples: abstracts]*. A.P. Derevyanko, ed. Novosibirsk, pp. 85–87.

Derevyanko E.I., 1975. Mokheskie pamyatniki Srednego Amura [Mohe people sites of the Middle Amur River]. Novosibirsk: Nauka. 250 p.

Derevyanko E.I., 1977. Troitskiy mogil'nik [Troitskiy burial ground]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.

Derevyanko E.I., 2000. Bokhay i Priamur'e [Balhae and Amur River Region]. Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. *K 70-letiyu E.V. Shavkunova [History and Archaeology of Far East. To the 70th anniversary of E.V. Shavkunov]*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. univ., pp. 115–124.

Devlet E., Chzhan So Kho, 2014. Kamennaya letopis' Altaya [Stone chronicle of Altay]. Moscow: IA RAN. 144 p.

Devlet E.G., Devlet M.A., 2005. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in a stone. The world of Russian rock art]. Moscow: Aleteya. 472 p.

Dluzhnevskaya G.V., 1985. Pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov v Tuve (IX–XII vv.): diss. ... kand. istorich. nauk [Sites of Yenisei Kyrgyz people in Tuva (9th–12th cc.): author's abstract ... cand. of Historical sciences]. Leningrad: LOIA AN SSSR. 428 p.

Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [Burial ground Kudyrge as a source on the history of Altay tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 113 p., tabl.

Grach A.D., 1980. Drevnekyrgyzskie kurgany u severnoy granitsy kotloviny Bol'shikh Ozer i nakhodki tibetskikh nadpisey na bereste [Ancient Kyrgyz barrows at the Northern border of the Great Lakes Depression and the finds of Tibetan inscriptions on the birch bark]. *Strany i narody Vostoka [Countries and nationalities of the East]*, XXII. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 103–123.

Gudrun J., 2006. Tibetische Amulette aus Himmels-Eisen. Das Geheimnis der Toktschaks. Thog lcags. Rahden: Leidorf. 263 p.

Guseva L.N., Shavkunov E.V., 1976. O proiskhozhdenii odnogo ornamental'nogo motiva u chzhurchzheney [On the origin of one ornamental motive at Jurchens]. *Noveyshie arkheologicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke USSR [The most recent archaeological studies at the Far East of the USSR]*. V.D. Len'kov, ed. Vladivostok, pp. 143–147.

Kiselev S.V., 1949. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Ancient history of the Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 364 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 9).

Klyashtorny S., Savinov D., Shkoda V., 1990. Zolotoy brakteat iz Mongolii. Vizantiyskiy motiv v tsentral'noaziatskoy torevtike [Golden bracteate from Mongolia. Byzantine motive in Central Asian toreutics]. *Informatsionnyy byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii [Information Bulletin of the International association on studying Central Asian culture]*, 16. Moscow: Nauka, pp. 5–16.

Klyashtorny S.G., Savinov D.G., 2005. Stepnye imperii drevney Evrazii [Steppe Empires of the ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakul'tet Sankt-Peterb. gos. univ. 346 p. (Istoricheskie issledovaniya).

Kon'kova L.V., 1996. Dal'nevostochnye bronzy i traditsii tsvetnoy metalloobrabotki v stepnoy Azii: avtoref. diss. … doktora istorich. nauk [Far East Bronze and the traditions of non-ferrous metal work in Steppe Asia: author's abstract … Dr. of Historical sciences]. Moscow: IA RAN. 43 p.

Kon'kova L.V., Korol' G.G., 2007. Opyt kompleksnogo issledovaniya nabora srednevekovykh remennykh ukrasheniy iz Sayano-Altaya [Experience of complex study of the set of medieval belt decorations from Altay-Sayan]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of the archaeological studies]*, 3. Barnaul: Izd-vo Altaysk. gos. univ., pp. 89–96.

Korol' G.G., 2008. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The art of medieval nomads of Eurasia. Essays]. Moskva; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 s. (Trudy SAIPI, V).

Korol' G.G., 2009. Dekor remennykh ukrasheniy srednevekovykh kochevnikov vostoka evraziyskikh stepey: sintez kul'turnykh traditsiy [The décor of the belt decorations of the medieval nomads of the east of the Eurasian Steppes: synthesis of cultural traditions]. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Vostochnoy Azii: simvolika i kul'turnye traditsii [Applied and Decorative Arts of the Eastern Asia: symbols and cultural traditions]*. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 7–31.

Korol' G.G., 2012. Srednevekovoe iskusstvo Sayano-Altaya i Dal'niy Vostok [Medieval art of Altay-Sayan and Far East]. *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii [History and culture of the medieval peoples of the Steppe Eurasia]*. Barnaul: Izd-vo Altaysk. gos. univ., pp. 196–200.

Korol' G.G., Kon'kova L.V., 2007. Proizvodstvo i rasprostranenie rannesrednevekovoy torevtiki malykh form v Tsentral'noy Azii [Production and distribution of the early medieval small toreutics in Central Asia]. *RA [RA]*, 2, pp. 25–32.

Kyzlasov L.R., 1978. Kurgany drevnekhakasskoy tyukhtyatskoy kul'tury v Tuve (po materialam Tuvinskoy arkheologicheskoy ekspeditsii MGU) [Barrows of ancient Khakass Tyukhtetskiy culture in Tuva (based on the materials of Tuva archaeological expedition of MSU]. *Vestnik Moskov. univ. Ser. 8. Istoriya [MSU Vestnik. Series 8, History]*, 6, pp. 38–56.

Kyzlasov L.R., 1984. Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka [History of the Southern Siberia in Middle Ages]. Moscow: Vysshaya shkola. 167 p.

Kyzlasov L.R., 1992. Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. univ. 224 p.

Kyzlasov L.R., Korol' G.G., 1990. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik [Decorative Art of medieval Khakass people as a historical source]. Moscow: Vostochnaya literatura. 216 p.

Leont'ev N.V., 1988. O buddiyskikh motivakh v srednevekovoy torevtike Khakasii (Po materialam kollektsii Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya) [On the Buddhist motives in medieval toreutics of Khkassia (based on the materials of the collection of Minusinsk Martyanov Museum]. *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri [Historical and cultural connections of the peoples of the Southern Siberia]*. Abakan: Khak. NIIYLI, pp. 184–196.

Medvedev V.E., 1977. Kul'tura amurskikh chzhurchzheney (konets X – XI vek) [The culture of Amur Jurchens (the end of 10th – 11th cc.)]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.

Medvedev V.E., 1979. Tungusoyazychnoe naselenie Priamur'ya v kontse VIII – XI vekov i tyurki [Tungus speaking population of the Amur River Region at the end of 8th – 11th cc. and Turkomen]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy: tezisy dokladov oblastnoy konferentsii [Ethno genesis and ethnical history of Turk speaking peoples of Siberia and cross-border regions: abstracts]*. Omsk: Omsk. gos. univ., pp. 94–99.

Medvedev V.E., 1982. Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriyskogo [Medieval sites of the Ussuriysky Island]. Novosibirsk: Nauka. 217 p.

Medvedev V.E., 1986. Priamur'e v kontse I – nachale II tys. (chzhurchzhen'skaya epokha) [Amur River Region at the end of 1st – the beginning of 2nd millennium (Jurchen epoch)]. Novosibirsk: Nauka. 205 p.

Medvedev V.E., Malakhov V.V., Vlasov A.A., Boldyreva N.N., Kundo L.P., Ovsyannikova I.A., Revutskaya G.K., 1997. O khimicheskom sostave metallicheskikh izdeliy iz pamyatnikov chzhurchzhen'skoy kul'tury Priamur'ya [On the chemical composition of metal items from the Jurchen culture sites of Amur River Region]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya Arkheologiya i etnografiya [Humanitarian Sciences in Siberia. Series Archaeology and Ethnography]*, 3. Novosibirsk, pp. 19–26.

Mify..., 1994. Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2 tomakh [Myths of World nations. Encyclopedia in 2 vol.], 1. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya. 671 p.

Minasyan R.S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metal work in Antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. 472 p.

Mukhareva A.N., 2007. Rannesrednevekovaya izobrazitel'naya traditsiya v petroglifakh Sayano-Altayskogo regiona i sopredel'nykh territoriy [Early medieval decorative tradition in petroglyphs of Altay-Sayan Region and cross-border regions]. *Vestnik Novosib. gos. univ. Ser. Istoriya, filologiya [NSU Vestnik. Series, History and philology], t. 6, vyp. 3. Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and ethnography]*, pp. 189–198.

Nesterov S.P., 1998. Narody Priamur'ya v epokhu rannego srednevekov'ya [Peoples of Amur River Region in the period of early Middle Ages]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. 183 p.

Skobelev S.G., 1990. Izobrazhenie bozhestva Umay na podveskakh iz mogil'nika Koybaly [The depiction of the goddess Umay on the pendants from the burial ground Koibaly]. *Semantika drevnikh obrazov [Semantics of ancient images]*. R.S. Vasil'evskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 152–159. (Pervobytnoe iskusstvo).

Soenov V.I., Konstantinov N.A., 2014. Okhotnich'ya deyatel'nost' naseleniya Altaya v I tys. n.e. [Hunting of the Altay population in 1st millennium AD.]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. gos. univ. 310 p.

Tengeriyn ild..., 2011. Tengeriyn ild (The Sword of Heaven) [Tengeriyn ild (The Sword of Heaven)]. Ulaanbaatar: "Sunny Mongolia Today" Magazine. 496 p.

Tong Tao, Wertmann P., 2010. The coffin painting of the Tubo period from the northern Tibetan Plateau. *Bridging Eurasia*. M. Wagner, Wang Wei, eds. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, pp. 187–213. (Archäologie in China, 1).

Vasil'ev Yu.M., 2006. Pogrebal'nyy obryad pokrovskoy kul'tury (IX–XIII vv.) [Funeral rite of the Pokrov culture (9th–13th cc.)]. Vladivostok: Dal'nauka. 371 p.

Vorob'eva-Desyatovskaya M.I., 1980. Fragmenty tibetskikh rukopisey na bereste iz Tuvy [Fragments of Tibetan manuscripts on the birch bark from Tuva]. *Strany i narody Vostoka [Countries and nationalities of the East]*, XXII. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 124–131.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 78–88

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ КОНТЕКСТЕ (К 60-ЛЕТИЮ П.Г. ГАЙДУКОВА)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ОПРАВЫ СТЕКЛЯННЫХ ЗЕРКАЛ: ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СПЛАВОВ

© 2015 г. Н.В. Ениосова, Е.А. Рыбина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(eniosova@gmail.com; ear42@list.ru)

Статья посвящена результатам химико-технологического исследования металлических оправ складных зеркал, коллекция которых к настоящему времени насчитывает 61 экз. Они происходят из Новгорода, Пскова, Переяславля-Рязанского, Москвы, Смоленска и Псковской обл. В отличие от западноевропейских образцов, выполненных из серебра, медных и свинцово-оловянных сплавов, крышки зеркал, встреченных на территории Руси, отлиты только из легкоплавких сплавов. Исследование химического состава металла складных оправ из Новгорода, Пскова и Москвы показало, что литые экземпляры изготовлены из сплава олово-свинец, легированного медью. Отдельные детали сборных оправ выполнены из разного металла, сочетающего олово, свинец и медь в разных пропорциях. Стилистические и технологические особенности зеркальных оправ XIII–XV вв., найденных в городах средневековой Руси, дают возможность выделить группы импортных предметов, а также изделия местного производства.

Ключевые слова: металлические зеркала, средневековая Русь, техника производства, свинцово-оловянные сплавы.

Долгое время вопрос о бытовании в Средневековье стеклянных зеркал оставался дискуссионным. Большинство исследователей считало, что вплоть до XV в. в Европе в употреблении были лишь металлические зеркала. Между тем в последнее десятилетие XX в. проблемой стеклянных зеркал занялась в Германии известная исследовательница стеклянных изделий И. Крюгер. В архивах и средневековой литературе она нашла многочисленные сведения о существовании стеклянных зеркал, а в музейных коллекциях – разнообразные оправы для них (иногда с остатками самих зеркал) (Krueger, 1990; 1995). Таким образом, вопрос о бытовании стеклянных зеркал в средневековой Европе был решен.

Что касается Руси, то, начиная с XI в., в разнообразных письменных источниках встречаются упоминания зеркал, но без указания на их материал, размер и форму. При археологических раскопках долгое время ни зеркала, ни их детали не обнаруживались, за исключением единственного бронзового зеркала, найденного в Новгороде, и фрагмента подобного зеркала – во Владимире.

Между тем в последней трети XX в. в Новгороде была выявлена и атрибутирована новая категория предметов средневекового быта – деревянные и металлические оправы стеклянных зеркал (Крюгер, Рыбина, 2013). Оказалось, что такие предметы находились прежде и в других городах средневековой Руси, но их функциональное назначение оставалось неясным. Кроме Новгорода, оправы стеклянных зеркал были обнаружены в Старой Руссе, Пскове, Переяславле-Рязанском, Смоленске, Москве, Коломне и Витебске[1].

К настоящему времени в средневековых городских материалах обнаружены более 340 оправ стеклянных зеркал, из которых 61 оправа – металлическая. За исключением двух цельных оправ из Пскова, это половинки складных футляров. Они представляют собой круглые предметы в виде крышечек с бортиком на обороте и орнаментальным оформлением внешней стороны, по характеру которого (или его отсутствию) подразделяются на оправы с изображениями, геометрическим орнаментом и гладкие. В свою очередь в двух первых группах выявляются разные варианты (Табл. 1).

Оправы с изображениями. Оформление их внешней стороны в композиционном плане одинаково: в центре находится то или иное изображение, по краю – ряд ложной филиграни, в некоторых случаях – два ряда, затем – круговой бордюр

[1] Не исключено, что в коллекциях других городов также могут быть обнаружены деревянные или металлические оправы зеркал.

Таблица 1. Распределение находок металлических зеркальных оправ по группам и памятникам

Города	Металлические оправы			Всего
	с изображением	с геометрическим орнаментом	гладкие	
Новгород	23	16	1	40
Псков	9		5	14
Переяславль-Рязанский	2	2		4
Москва	1			1
Городище у д. Велье, Псковская обл.	1			1
Смоленск		1		1
Всего	36	19	6	61

с растительным орнаментом, отделенный от центрального изображения одним рядом ложной филиграни. Чаще всего в центре композиции изображался всадник (16 экз.), иногда – звери (8 экз.), реже – птицы (5 экз.) и музыканты (3 экз.). Кроме того, на одной оправе был изображен “лесовик”, на трех оправах изображения не идентифицируются.

Реконструкция процесса производства оправ этого типа затруднена в связи с отсутствием литейных форм в археологических материалах и музейных коллекциях. Информацию о технике изготовления можно извлечь только по следам инструментов и операций, сохранившимся на поверхности изделий, оценивая их в контексте средневековой металлообработки. Ранее полагали, что большинство оправ с изображениями были изготовлены методом литья в каменные формы или по оттиску готового изделия в глине (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 159). Однако степень проработки центрального изображения и бордюрного растительного орнамента, размещенных в круге диаметром от 3 до 6 см[2], заставляет усомниться в возможности получения негатива со множеством тончайших переплетающихся непрерывных линий резьбой по камню. Единственное исключение – мягкий графит, минерал, имеющий наряду с тальком самую низкую твердость по шкале Мооса-1 (Bonewitz, 2008. P. 121). О применении графитовых литейных форм для изготовления медных изделий в эпоху энеолита на территории Северо-Восточных Балкан впервые написала Н.В. Рындина, хотя древние находки из этого материала пока не известны по причине их хрупкости как результата воздействия высоких температур (2000. С. 5–14).

Массивная створка графитовой литейной формы для изготовления предметов христианского культа и деталей сборных украшений, датированная 1497 г. и происходящая из района Нижнего Рейна, выставлена в экспозиции Музея прикладного искусства Берлина (*Kunstgewerbmuseum*, K3054) (рис. 1, *1*). Она свидетельствует об использовании графита в средневековом ювелирном производстве: изложницы из мягкой породы были пригодны для создания самых сложных негативных изображений. Вероятно, формы из этого материала быстро разрушались при отливке изделий из медных сплавов, но свинцово-оловянные крышки зеркал могли производиться в них серийно без ущерба для репродукционных качеств негатива. Графит в качестве материала для литейных форм был доступен в некоторых регионах Центральной Европы: Баварии (Пассау), Чешском массиве (Южная Чехия, Верхняя Австрия), Штирии и на севере Моравии (Вальтер, 1988. С. 273; Хольцер, 1988. С. 35, 48; Поуба, Илавский, 1988. С. 208).

Вторая возможная реконструкция техники изготовления оправ с изображениями связана с использованием металлических литейных форм – наиболее прочных и долговечных изложниц. Их изготавливали из металла с высокой температурой плавления – бронзы или многокомпонентных сплавов[3], способных выдержать многократные отливки из свинца и олова (Ениосова, Сарачева, 2006. С. 88–95). Негатив изображения в полости формы получали двумя способами. В первом использовали восковую модель литейной формы. Круглая полость для оправы зеркала, врезанные линии орнамента, углубления для петель и литниковая чаша были выполнены на восковой пластине. Как показывает анализ средневековых металлических форм для литья, восковая модель могла быть прямоугольной или округлой, соответствующей очертаниям негатива с выступом для литниковой чаши и сквозными отверстиями для штифтов, соединяющих створки изложницы (Ениосова, Сарачева, 2006. С. 89–91). Восковая модель покрывалась оболочкой из жидкой глины, в полученную форму заливался медный сплав. Литье по выплавляемой восковой модели давало возможность получить металлическую форму высокого качества с миниатюрными тонко проработанными изображениями всадников, музыкантов, зверей или птиц, сложный растительный орнамент, виртуозно вписанный в круг, и ложнофилигранные кольца, обрамляющие центральную фигуру и бордюр.

[2] В большинстве случаев. Исключение – зеркало диаметром 9 мм (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 166. Рис. 5).

[3] В их состав в большинстве случаев помимо меди входили в качестве лигатуры олово, цинк и свинец в разных пропорциях.

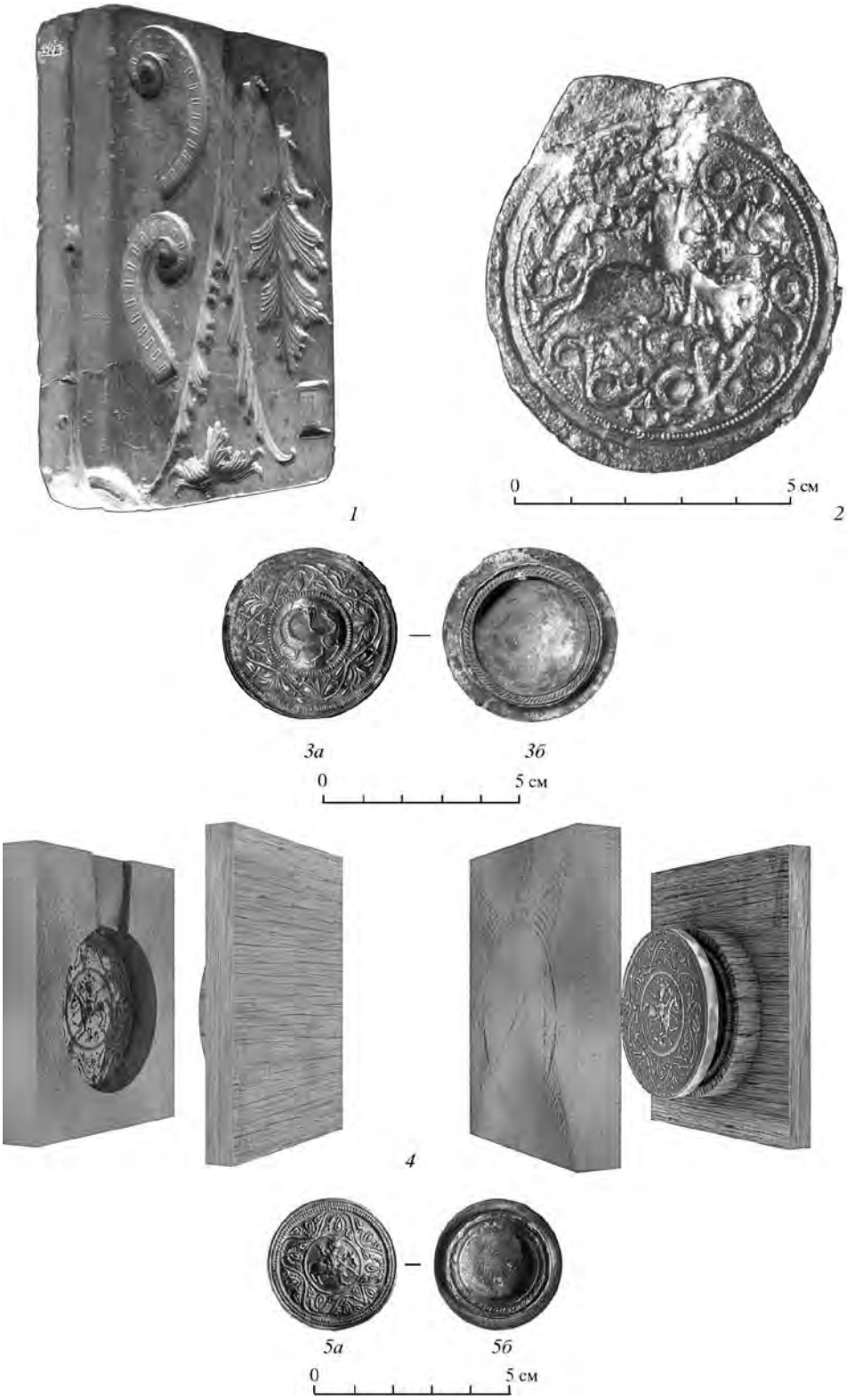


Рис. 1. Оправы зеркал с изображениями и литейные формы для отливки изделий из свинцово-оловянных сплавов: *1* – графитовая литейная форма из района Нижнего Рейна, конец XV в.; *2* – металлическая литейная форма из Ноттингема (по: MacCormick, 1996. P. 108. Fig. 3); *3* – лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны створки складной оправы с изображением зверя, Новгород, случайная находка (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 225. Табл. I. № 21); *4* – металлическая изложница с деревянной крышкой для отливки зеркал с изображением и бортиком на обороте (графическая реконструкция А. Бурчуладзе); *5* – лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны створки складной оправы с изображением всадника, Псков, ул. Гоголя, 9, раскоп 1979 г. (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 225. Табл. I. № 14).

Во втором использовали заранее отлитую заготовку формы, в полости которой с помощью резцов, пуансонов и других кузнечных инструментов получали негативное изображение. Возможно, металлическая створка литейной формы из английского города Ноттингема предназначалась для отливки орнаментированной крышки зеркала из свинцово-оловянного сплава (рис. 1, *2*). Она была обнаружена при раскопках литейной мастерской, функционировавшей в конце XIII – первой половине XIV в. (MacCormick, 1996. P. 108).

Конструктивные особенности зеркал с изображениями указывают на использование второй створки формы при литье. Судя по отпечаткам с характерной текстурой на оборотной стороне некоторых экземпляров (рис. 1, *3*), вторая створка была сделана из дерева (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 161. Рис. 1, *2б*; С. 168. Рис. 6, *1б*; С. 175. Рис. 10, *2б*). Она состояла из гладкого основания и выпуклого диска, совпадающего по диаметру с крышкой зеркала. Внутри диска выпиливали кольцевую канавку, по высоте, толщине и расположению соответствующую круглому бортику на оборотной стороне оправы (его диаметр всегда меньше диаметра оправы) (рис. 1, *4*). Вероятнее всего, для изготовления деревянной створки использовали токарный станок. Североевропейские этнографические данные указывают на то, что оловянщики XVIII–XIX вв. широко использовали металлические формы с деревянными крышками, в которых вырезали литники, каналы для вставных стержней и недостающие части объемных изделий (Dresher, 1978. S. 89). При точном совмещении створок мастер получал серии отливок, совпадающих в мелких деталях. Среди оправ с изображением всадников выявлены восемь вариантов, из которых пять представлены сериями из двух-четырех идентичных экземпляров (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 162–170. Рис. 1–4, 6).

В ряду оправ с изображением всадника обращает на себя внимание находка из Пскова – одно из самых маленьких и простых по оформлению зеркал (диаметр – 3.5 см) с бордюром, внутрь которого мастер не сумел вписать лепестки цветка, соединив несовпадающие линии треугольником. Резкие прерывистые линии орнамента и ошибки резчика могут свидетельствовать об использовании каменной литейной формы (рис. 1, *5*). Очевидно, он подражал какому-то образцу и не справился с задачей, но и в этом случае была необходима вторая деревянная створка.

Судя по целым коробочкам из Пскова, внешние стороны складных оправ (верхняя и нижняя) были оформлены одинаково (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 11. Рис.11, 14). При этом верхняя сворка служила крышечкой, прикрывающей нижнюю половинку, куда помещалось зеркало на подкладке, которое в свою очередь придерживалось вставленным ободком. Створки скреплялись цепочкой, продетой через ушки, имевшиеся на обеих деталях. Ушки, вероятнее всего, крепились с оборотной стороны готовой створки с помощью пайки. Из рассмотренных выше 36 экз. подавляющее число было снабжено ушком или (при его утрате) проделанным вместо него отверстием в самой оправе. Лишь отдельные предметы не имеют ни ушка, ни заменяющего его отверстия. В таких случаях они соединялись встык, образуя миниатюрную коробочку или футляр, судя по сохранившимся целиком экземплярам из Новгорода и Пскова (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 188. Рис. 1, *1*; 11). К сожалению, значительная часть оправ с изображениями (26 экз.) не имеет даты, поскольку происходит из подъемного материала, собранного в Новгороде по берегам Волхова. Десять оправ из раскопок Новгорода, Пскова и Рязани обнаружены в слоях XIV–XVI вв. Судя по характеристике слоев, начало бытования изобразительных оправ относится ко второй половине и, скорее, к концу XIV в.

Вопрос о происхождении и месте изготовления изобразительных оправ остается открытым. Однако первая из них с изображением всадника была найдена на Готском раскопе в комплексе со многими предметами быта ганзейских купцов. Кроме того, изображение всадника и орнамент на ее внешней стороне выполнены в западноевропейской традиции (Рындина, 1975. С. 243). Еще три оправы имеют аналогичное оформление, совпадающее с готской находкой по всем деталям изображения и орнаменту. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности говорить о западноевропейском происхождении всех оправ данной группы. Некоторые экземпляры, судя по характеру изображения и качеству исполнения, очевидно, были сделаны по образцу западноевропейских оригиналов на месте. В XV–XVI вв. изобразительные оправы изготавливались на месте, о чем свидетельствуют экземпляры с кириллическими надписями из Пскова и Рязани и явно подражательные оправы из Пскова (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 183. Рис. 1, 2; С. 184. Рис. 1).

Оправы с геометрическим орнаментом. По технологии и способу орнаментации делятся на две группы: оправы цельнолитые орнаментированные (6 экз.) и оправы с накладным орнаментом и вставками, крепившимися к лицевой поверхности верхней створки с помощью припоя (13 экз.). Подавляющее число оправ этой группы (16 экз.) найдено в Новгороде (табл. 1).

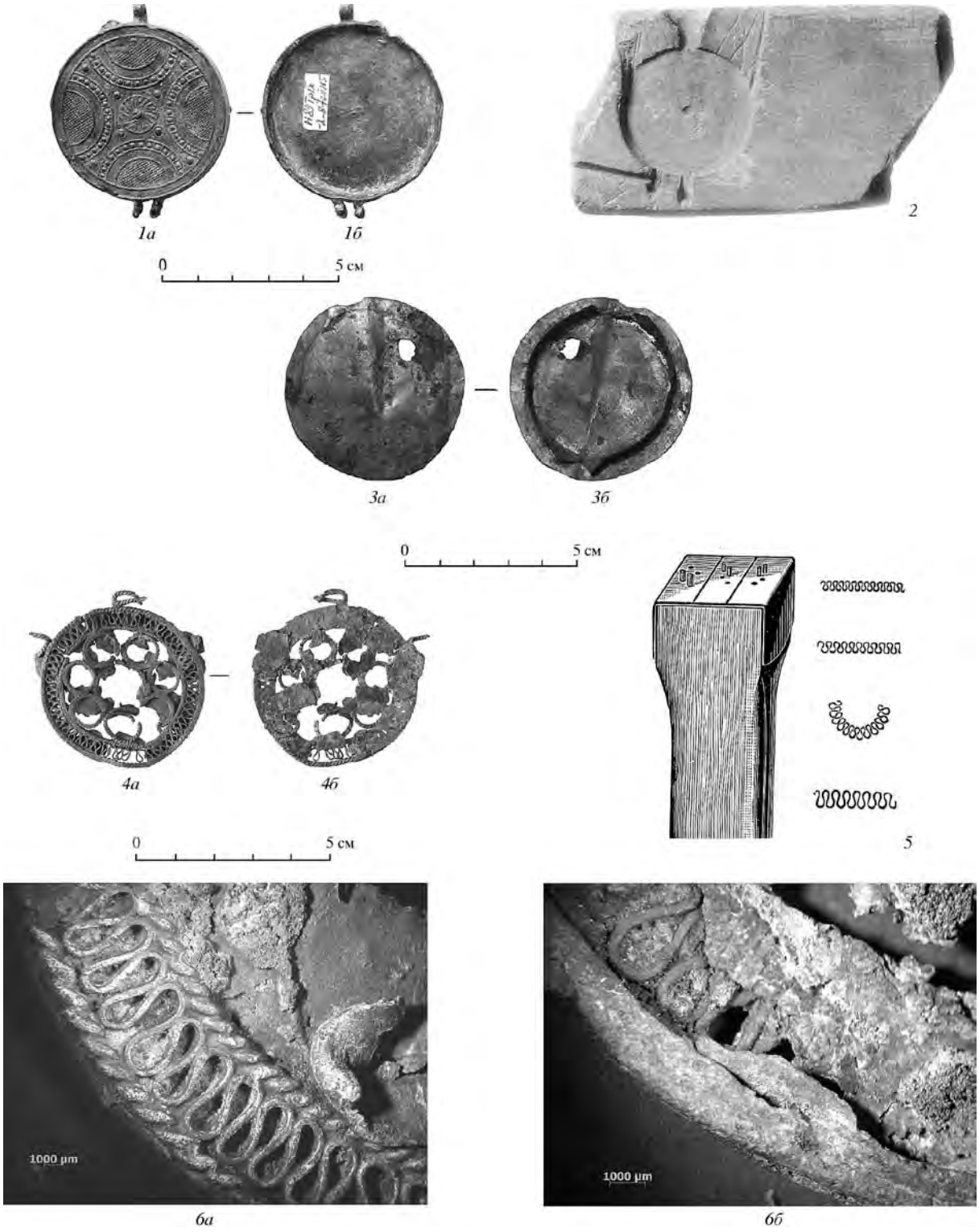


Рис. 2. Литые и сборные оправы с геометрическим орнаментом и инструменты/заготовки для их производства: *1* – лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны створки литой складной оправы с геометрическим орнаментом, Новгород, Троицкий IX раскоп, 1989 г. (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 225. Табл. II. № 11); *2* – литейная форма для оправы зеркала (?), известняк, 8 × 5 см, Лондон, конец XIV – начало XV в. (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 118. Рис. 12); *3* – лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны створки оправы без орнамента, Псков, раскоп на ул. Гоголя, 9 (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 225. Табл. III. № 2); *4* – лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны створки сборной оправы с геометрическим орнаментом, Новгород, Славенский раскоп, 1972 г. (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 225. Табл. II. № 4); *5* – деревянная подставка с металлическими шпеньками для производства “гофрированной” проволоки (по*:* Diebeners Handbuch des Goldschmieds, 1936. S. 476, 477. Abb. 371); *6* – макросъемка лицевой (*а*) (увеличено в 15 раз) и оборотной (*б*) (увеличено в 25 раз) оправы зеркала из раскопок на набережной Александра Невского, 2013 г. (по: Крюгер, Рыбина, 2013. С. 227. Табл. II. № 1).

Цельнолитые оправы представляют собой плоские крышечки с бортиком (высота – около 3 мм) на обороте, расположенном непосредственно у края (рис. 2, *1*). Судя по конструкции и декору, пять из шести новгородских оправ имеют прямые аналогии в западноевропейском материале (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 119–121. Рис. 14–18). Нет сомнений в том, что это – продукция западноевропейских мастеров, доставлявшаяся в Новгород ганзейскими купцами.

Техника изготовления цельнолитых оправ с геометрическим орнаментом допускала использование каменных литейных форм. Геометрический орнамент по сложности исполнения уступал декору зеркал с изображениями. В верхней створке размечали внешний контур оправы, внутренний был меньшего диаметра – углубленная часть имела скошенные стенки, их глубина определяла высоту кольцевого бортика на оборотной стороне отливки. Геометрический орнамент был вписан в окружность с помощью разметки, по которой мастер получал негатив, используя зубила, резцы и сверла. Судя по находке каменной литейной формы для оправы зеркала из Лондона (рис. 2, *2*), в этой же створке вырезали углубления для ушек-шарниров, канал для вставного стержня и литник. Трудно судить о материале второй створки: ни на одном из новгородских экземпляров отпечатки дерева не обнаружены. Вероятнее всего, в этом случае могли использовать глиняную крышку: пластичная масса заполняла полость, вырезанную в камне. Можно предположить также, что в канал для ушка вставлялась круглая палочка, отпечатавшаяся в глиняной створке, – так получали круглые отверстия в шарнирах. Негатив предварительно покрывали тонким слоем разделителя, например, золы. После просушки получалась гладкая створка с выступом-диском в центре. Из-за усадки глины вторая створка была немного меньше негатива в каменной створке – зазор определял толщину отливки. Расширяющаяся в верхней части литейная полость формы давала возможность легко извлечь готовую крышку зеркала без повреждения для негатива. Следовательно, каменные изложницы были многоразовыми и предназначались для производства серийных отливок; глиняные створки, вероятно, требовали более частой замены, но это не представляло сложности для мастера.

Цельнолитые оправы с геометрическим орнаментом относятся к числу самых ранних металлических оправ, появившихся на территории Руси. Новгородские оправы этого типа (5 экз.) обнаружены в слое XIII в., что соответствует предполагаемой датировке аналогичных оправ из Западной Европы. К XIII в. относится и широкое распространение деревянных складных оправ, что совпадает также с началом экспорта зеркального стекла из Германии и установлением тесных торговых связей Новгорода с немецкими городами в конце XII в. (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 149).

Оправы со вставками и накладным орнаментом существенно отличаются от цельнолитых экземпляров и по технике исполнения, и по составу металла. В их основе – круглая пластина, на выпуклую поверхность которой припаивался орнамент из витой проволоки и гнезда для вставок из стекла или камней, а на обороте – бортик (Крюгер, Рыбина, 2013. С.196. Рис. 23). Находки оправ с гладкой поверхностью без изображений из Новгорода и Пскова (рис. 2, *3*), а также створка каменной литейной формы из Лондона, предназначавшаяся для изготовления неорнаментированной крышки, свидетельствуют, что основа для накладного орнамента могла отливаться в изложницу с округлым углубленным негативом. Такой способ был оптимальным для получения тонкого выпуклого диска равномерной толщины с ровными краями.

Более сложные экземпляры – оправы, выполненные из нескольких конструктивных элементов, включающих ажурные накладки, когда помимо витой проволоки использовали “гофрированную”, обрамляющую края крышек (рис. 2, *4*). Иногда бордюрный орнамент состоял из трех ярусов. Для изготовления одинаковых, равномерно изогнутых звеньев-петель из круглой в сечении проволоки или плоской ленты применяли специальный инструмент. Судя по современным ювелирным руководствам, в подставку из твердого дерева забивали ряды расположенных попарно металлических шпеньков, вокруг которых изгибали отрезок проволоки (рис. 2, *5*). Такое приспособление позволяло получить готовую деталь композиции – ажурный бордюр разного диаметра (Diebeners Handbuch des Goldschmieds..., 1936. S. 476, 477. Abb. 371). Ленточную филигрань крепили между двумя витыми проволоками и припаивали к центральному диску – тонкой пластине с орнаментом из проволоки и гнездами для стеклянных вставок. Бордюр на лицевой стороне не был сплошным: в двух местах он прерывался для крепления пластинчатых ушек, с помощью которых соединялись створки оправы. На нижнюю пластину большего диаметра припаивали кольцевой бортик с помощью круглой в сечении, но слегка прокованной проволоки (рис. 2, *6*). На заключительном этапе лицевую и оборотную части соединяли вместе.

Оценивая технику изготовления металлических зеркальных оправ, найденных в средневековых русских городах, можно заключить, что только литье в металлическую или каменную форму

позволяло производить серии однотипных предметов. По этой причине литые крышки с изображениями и геометрическим орнаментом представлены наиболее массово. Сборная техника, основанная на изготовлении отдельных деталей и применении пайки, была сложнее и занимала больше времени, но давала возможность получить декор с уникальным сочетанием элементов геометрического орнамента.

Популярность литых оправ связана, вероятно, с их прочностью и долговечностью. Крышки, изготовленные с применением низкотемпературного припоя, легко повреждались: деформировались, утрачивали проволочные украшения и вставки и подвергались коррозионному воздействию еще до попадания в культурный слой.

Следует отметить, что ажурные оправы зеркал и крышки, на которые с помощью пайки крепились гнезда для вставок или розетки, представлены и в Западной Европе. Однако христианские сюжеты, помещенные на ажурные крышки зеркал – амулетов паломников, в Новгороде неизвестны. Кроме того, все экземпляры с накладными деталями, происходящие из Германии, в отличие от новгородских, выполнены из медного сплава (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 136, 137).

В целом, европейские находки отличаются большим разнообразием материалов, использованных для их производства. Благодаря письменным источникам и изделиям из музейных коллекций известно, что обрамления для зеркал производили из драгоценных металлов, декорированных чернью и эмалью, слоновой кости и эбенового дерева (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 70–72). Из археологических раскопок происходят экземпляры из медных сплавов, легкоплавких металлов и дерева, представленные значительными сериями. Зеркала, найденные на Руси, всегда помещены в оправы из дерева или свинцово-оловянных сплавов.

Химический состав металла 38 оправ из Новгорода, Пскова и Москвы в разное время был исследован в лабораториях Москвы и Петербурга (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 243, 244. Табл. VI). Пятнадцать проб были изучены В.А. Галибиным методом оптического эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА) в лаборатории исторических технологий ЛОИА. Достоинством этого метода является высокая чувствительность, позволяющая определять низкие концентрации элементов в образце. В случае элементов с высоким содержанием ошибка определения может достигать 25% (Коновалов и др., 2008. С. 113, 114). В процессе измерений были определены 8 элементов – медь, олово, свинец, серебро, висмут, мышьяк, сурьма и железо.

Самая низкая концентрация в металле оправ зафиксирована для серебра – не превышает тысячных долей процента. Практически во всех пробах, исследованных этим методом, прослеживается относительно высокая концентрация висмута – от 0.2 до 1.3%; за исключением двух образцов мышьяк присутствует в металле в концентрациях от 0.1 до 1.05%; в тех же образцах есть микропримесь сурьмы, содержание которой не превышает сотых долей процента. Данные о содержании элементов-примесей (от 0.1 до 1%) и микропримесей (ниже 0.1%), полученные с помощью ОЭСА, могут указывать на источники получения основных компонентов сплава. Присутствие серебра и висмута свидетельствует о получении свинца из галенитовых руд в качестве побочного продукта в процессе выплавки и последующей очистки серебра (Craddock, 1995. P. 205–211). Галенитовые руды широко распространены на территории Центральной Европы. Согласно письменным свидетельствам, уже в XII в. начались разработки оловянных и свинцовых руд в Богемии, Силезии, Венгрии и Польше. На европейские рынки поступали также олово и свинец с Британских островов (Forshell, 1992. P. 35–39). Привязка металла зеркальных оправ к определенным рудным источникам станет возможной в дальнейшем с помощью свинцово-изотопного анализа.

Состав металла 21 образца изучен с помощью энергодисперсного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на кафедре геохимии геологического факультета МГУ[4]. Этот метод имеет более низкую чувствительность, чем ОЭСА: в большинстве случаев удалось определить только содержание основных компонентов сплава – олова, свинца и меди, а также железа, имеющего повышенную концентрацию в поверхностном слое металла вследствие коррозионных процессов. Частично в эту выборку попали оправы, исследованные ранее В.А. Галибиным. Сравнение данных по составу одних и тех же образцов показывает существенные расхождения в содержаниях меди: она не превышает 1% в пробах, исследованных ОЭСА, и варьирует от 1.5 до 11.9% в результатах РФА.

Каким из полученных данных следует доверять? Источник возбуждения энергии в случае ОЭСА – электрическая дуга – не является стабильным и не обеспечивает сходимость и точность полученных результатов, т.е. не позволяет избежать влияния случайных ошибок и действия разных неконтролируемых факторов. Кроме того, количественные

[4] Благодарим заведующего рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ канд. геолого-минералог. наук Р.А. Митояна за проведенное исследование.

Таблица 2. Результаты исследования оправы зеркала из раскопок 2013 г.

Образец	Cu	Sn	Pb	Bi	Fe
Круглая пластина-основа	0.13	95.8	4.62	–	0.18
Витая бордюрная проволока	4.16	94.32	1.20	0.02	0.48
Круглая проволока на обороте	0.09	3.29	96.61	–	0.02
Бордюрная ленточная филигрань	5.52	74.39	8.32	0.05	1.78
Ленточный бортик гнезда	2.48	94.72	2.56	0.04	0.2
Витая проволока в центральной части	2.31	95.19	1.90	0.02	0.57

результаты анализа зависят от эталонов, с помощью которых производятся идентификация спектров и определение их интенсивности (Коновалов и др., 2008. С. 114, 115). Свинцово-оловянные сплавы, известные в Средневековье, не имеют современных эквивалентов: у нас нет информации о поведении химических элементов в зависимости от их сочетаний в таких сплавах. В отличие от древних сплавов на медной основе, методика изучения свинцово-оловянных образцов из археологических раскопок с помощью металловедческих методов пока не разработана.

РФА имеет более мощный и стабильный источник возбуждения излучения элементов – рентгеновскую трубку и автоматизированную, не зависящую от человеческого фактора и случайных ошибок процедуру определения элементов в пробе. Расчет их концентраций производился по измеренным линиям аналитических сигналов без применения эталонов. Таким образом, РФА дает более объективную картину качественного и количественного состава основных компонентов сплава, а ОЭСА дополняет ее благодаря данным о содержании элементов-примесей и микропримесей.

Результаты исследования состава восьми предметов, названных “кустодиями”[5], содержатся в диссертации А.А. Коновалова, защищенной в 1974 г. (Коновалов и др., 2008. Прилож. 1. С. 71. № 858–865). Несмотря на отсутствие рисунков, с большой долей вероятности можно считать, что речь идет о крышках складных зеркал. Судя по отсутствию полноценных паспортных данных, это случайные находки, переданные в разные годы в археологический отдел НГОМЗ. Отсутствие информации не позволяет соотнести шесть из восьми экземпляров с оправами из музейных фондов, обнаруженных вне археологического контекста. Тем не менее данные А.А. Коновалова важны для оценки существенных расхождений в определении концентрации меди методами ОЭСА и РФА. Несмотря на то что исследователь получил результаты благодаря ОЭСА, содержание меди в образцах варьирует от 6 до 14%. Сопоставление данных, полученных двумя методами, показывает, что с увеличением доли меди в образцах содержание олова остается практически неизменным, а концентрация свинца заметно снижается. Эта корреляция свидетельствует о том, что медь попадала в сплав вместе со свинцом.

В группе литых зеркал с изображениями (14 сопоставимых образцов) преобладают изделия, в составе сплава которых олова больше, чем свинца примерно в 1.5–2 раза; соотношение свинца и меди варьирует в более широких пределах, но чаще всего меди меньше, чем свинца в 2–5 раз. По сведениям металловедов, наиболее легкоплавким сплавом в системе Pb-Sn является эвтектический сплав, содержащий 58–62% олова и 34–38% свинца (2/3 к 1/3). Он имеет более низкую температуру плавления (183 ºС), чем чистое олово, и является более удобным в производстве литых изделий. Небольшая добавка меди делает сплав более прочным (Гуляев, 1978. С. 621–626). Кроме того, в Средневековье свинец был доступнее и дешевле олова: им разбавляли более дорогой металл в целях экономии (Dungworth, Egan, 2005. P. 323).

Вероятно, мастера старались готовить или использовать сплав с преобладанием олова, а медь добавляли в свинец в произвольных пропорциях или использовали уже готовый сплав свинца с медью. Об этом свидетельствует также химический состав металла оправы с изображением всадника из числа новгородских случайных находок, отлитой из свинца, легированного медью (Крюгер, Рыбина, 2013. Прилож. VI, *I-6*). Другой образец с химическим составом, необычным для этой группы, – крышка зеркала с изображением зверя из раскопок в Москве (Зарядье, XV в.). В составе металла этого образца (Pb-Sn-Cu) свинца больше, чем олова в 1.5 раза (Крюгер, Рыбина, 2013. Прилож. VI, *I-20*). Третий экземпляр – фрагмент оправы XIV–XV вв. из раскопок в Пскове, выполненный из сплава олова со свинцом без добавления меди (Крюгер, Рыбина, 2013. Прилож. VI, *I-30*). Таким образом, два из трех

[5] Это первоначальная атрибуция рассматриваемых крышечек, которые благодаря новым находкам и аналогиям впоследствии получили верную атрибуцию (Рыбина, 1993. С. 87).

образцов, не вписывающихся в общую картину, найдены за пределами Новгорода.

Вторая группа зеркальных оправ представлена девятью образцами, исследованными методом РФА, среди которых – две литые крышки XIII в., не содержавшие в составе сплава меди (Cu < 1%). Они происходят с усадеб “И” Неревского и “М” Троицкого раскопов и относятся к наиболее ранним из известных в Новгороде оправ (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 227, 228. Табл. II). Третий экземпляр – случайная находка – отличается необычным орнаментом: накладной проволочный декор воспроизведен с помощью отливки в каменную форму. По химическому составу очень похож на металл оправ с накладным орнаментом, производившихся из тройного сплава, но со значительным преобладанием олова над свинцом. Содержание меди варьирует от 2 до 8%. Можно было бы предположить, что разница в составе металла оправ, относящихся по стилистическим признакам к одной группе, объясняется хронологическим разрывом: крышки с накладным геометрическим орнаментом в отличие от литых датируются концом XIV – рубежом XIV–XV вв., однако зафиксированные отличия имеют другую причину. В процессе проведения РФА облучению подвергалась поверхность образца, площадь которой составляет несколько сантиметров. Полученный результат представляет усредненное значение элементов в пробе, что не вызывает возражений в случае с литыми предметами, но для изделий, состоящих из нескольких изготовленных отдельно деталей, такой метод нуждается в корректировке.

Одна из последних новгородских находок – оправа с накладным орнаментом – была исследована на приборе ArtTAX (*Röntgenanalysen-Technik*) в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ[6]. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0.2 мм (диаметр коллиматора), положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксировалось с помощью лазерного луча. Благодаря малому диаметру облучения впервые удалось получить результаты для отдельных конструктивных элементов зеркала – круглой пластины-основы, бордюрной витой проволоки и ленточной филиграни на лицевой стороне, круглой проволоки на обороте, ленточного бортика “гнезда” для вставки (табл. 2).

Результаты анализа показывают, что отдельные конструктивные элементы выполнены из разных порций металла. Круглая пластина-основа, на которой с помощью пайки крепился декор, – из сплава олова с небольшой добавкой свинца. Из тройного сплава, содержавшего олово, свинец и медь, сделана проволока, использованная для декора лицевой поверхности, – витая и ленточная. Несмотря на небольшие вариации, содержание основных компонентов указывает на одну порцию металла. Об этом свидетельствует и наличие микропримеси висмута в образцах. Круглая проволока, образующая бортик на обороте, сделана из сплава с преобладанием свинца. Он не содержит висмута, а медь зафиксирована как микропримесь. Вероятно, различия были обусловлены технологическими причинами и свидетельствовали о сознательном выборе материала для изготовления этого вида оправ. “Чистое” олово, использованное для изготовления пластины-основы, имеет более высокую температуру плавления (232 °C), чем накладные детали из тройного сплава. Температурный интервал (327 °C) затвердевания выше и у свинцовой круглой проволоки на обороте (Гуляев, 1978. С. 621–626). Можно предположить, что мастер варьировал материалы с разными температурами плавления из-за того, что в процессе соединения деталей вынужден был подвергать их неоднократному нагреву.

Результаты исследования третьей группы оправ подтверждают наши наблюдения. В выборке представлены пять образцов, и все они отлиты из двойного сплава олово-медь с содержанием олова более 90%[7]. Очевидно, что предположение, высказанное одним из авторов статьи, получило довольно убедительные доказательства: гладкие крышечки являются заготовкой оправ, на внешнюю сторону которых впоследствии припаивался накладной декор (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 203).

В свою очередь находки заготовок складных оправ зеркал из Новгорода и Пскова являются дополнительным свидетельством местного изготовления металлических зеркальных оправ. На это указывают также стилистические особенности изображений на литых оправах первой группы и кириллические надписи в орнаменте изделий (Крюгер, Рыбина, 2013. С.169). Зеркала с накладным геометрическим орнаментом, судя по технологическим особенностям их изготовления, на данном этапе исследования не имеют параллелей в обширном западноевропейском материале и могут считаться продукцией средневековых русских мастеров.

Дальнейшие перспективы исследования металлических зеркальных оправ связаны с новыми

[6] Оправа конца XV в. была найдена в траншее, заложенной на набережной Александра Невского в 2013 г. Благодарим О.М. Олейникова за возможность исследовать находку из его раскопок.

[7] В металле этих образцов зафиксировано очень высокое содержание железа, присутствующего в продуктах коррозии. Анализу подвергались неочищенные образцы, что привело к искажению результатов. Если сделать пересчет концентраций, исключив железо, можно получить стабильно высокое содержание олова.

находками в культурном слое городов средневековой Руси. Не исключено, что когда-нибудь обнаружатся самые убедительные свидетельства их местного производства – литейные формы. Вопросы об источниках поступления олова и свинца в мастерские русских ремесленников также требуют дальнейших исследований, так как эти металлы и их сплавы крайне редко привлекаются для аналитических исследований, несмотря на их значительную роль в средневековой металлообработке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вальтер Г.В. Федеративная Республика Германия // Минеральные месторождения Европы: в 5 т. Т. 3: Центральная Европа. М.: Мир, 1988. С. 259–451.

Гуляев А.П. Металловедение: учебник для втузов. 5-е изд., перераб. М.: Металлургия, 1978. 643 с.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 88–101.

Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М.: Изд. фирма “Восточная литература” РАН, 2008. 191 с.

Крюгер И., Рыбина Е.А. Средневековые стеклянные зеркала. М.: Аргамак-Медиа, 2013 (Научное сообщество). 249 с.

Рыбина Е.А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. Вып. 7: Новгород, 26–28 января 1993 г. / Сост. И.Ю. Анкудинов. Новгород, 1993. С. 153–162.

Рындина А.В. Новгород и западноевропейское искусство XV в. (О некоторых изделиях художественного ремесла из раскопок Готского двора) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. Т. 9 / Ред.-сост. Г.В. Попов. М.: Наука, 1975. С. 240–251.

Рындина Н.В. О литейных формах эпохи энеолита Северо-Восточных Балкан // РА. 2000. № 2. С. 5–14.

Поуба З., Илавский Я. Чехословакия // Минеральные месторождения Европы: в 5 т. Т. 3: Центральная Европа. М.: Мир, 1988. С. 178–258.

Хольцер Х. Австрия // Минеральные месторождения Европы: в 5 т. Т. 3: Центральная Европа. М.: Мир, 1988. С. 31–70.

Bonewitz R.L. Rocks and minerals. L.; N.Y.: Smithsonian Institution, 2008. 360 p.

Craddock P.T. Early Metal Mining and Production. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995. 357 p.

Diebeners Handbuch des Goldschmieds, ein werkstattbuch fur die Praxis. Leipzig: Wilheim Diebener Verlag, 1936. 596 s.

Drescher H. Untersuchungen und Versuche zum Blei-und Zinnguß in Formen aus Stein, Lehm, Holz, Geweih und Metall // Frühmittelalterliche Studien. 1978. Bd. 12. S. 84–115.

Dungworth D., Egan G. Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London // Proceedings of the 33rd Intern. Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002, Amsterdam / Eds H. Lars, E. Burke. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2005 (Geoarchaeological and Bioarchaeological Studies; V. 3). P. 323–326.

Forshell H. The inception of copper mining in Falun. Stockholm: Stockholm University Press, 1992. 175 p.

Krueger I. Glasspiegel im Mittelalter: Fakten, Funde und Fragen // Bonner Jahrbücher. 1990. V. 190. S. 233–319.

Krueger I. Glasspiegel im Mittelalter II: Neue Funde und neue Fragen // Bonner Jahrbücher. 1995. V. 195. S. 209–248.

MacCormick A. Metalworking in medieval Nottingham 1100–1641 // Jr. Historical Metallurgy Soc. 1996. V. 30. № 2. P. 103–110.

METAL CASES OF THE GLASS MIRRORS: PRODUCTION TECHNIQUE AND CHEMICAL COMPOSITION OF ALLOYS

Natalia V. Eniosova, Elena A. Rybina

Lomonosov Moscow State University
(eniosova@gmail.com;ear42@list.ru)

The article considers the result of chemical and technical analysis of metal cases of the folding hinged mirrors the collection of which at the moment counts 61 examples which is originated from Novgorod, Pskov, Pereslavl-Zaleskiy, Moscow, Smolensk and Pskov region. Unlike the Western European samples produced from silver, copper and pewter, metal-cased mirrors found on the territory of Rus cast from low-melt lead-tin alloys. The analysis of the chemical composition of the metal-cased mirrors from Novgorod, Pskov and Moscow showed that cast samples were produced from the pewter alloyed by copper. Separate parts of the composite cases were made from different metals consisted of tin, lead and copper in different proportions. Stylistic and technological features of mirrors’ cases of the 13th – 15th cc. found in towns of medieval Rus give an opportunity to allocate a group of import articles and the objects of local production.

Key words: metal mirrors, medieval Rus, production technique, pewter.

REFERENCES

Bonewitz R.L., 2008. Rocks and minerals. London; New York: Smithsonian Institution. 360 p.

Craddock P.T., 1995. Early Metal Mining and Production. Edinburgh: Edinburgh University Press. 357 p.

Diebeners Handbuch..., 1936. Diebeners Handbuch des Goldschmieds, ein werkstattbuch fur die Praxis. Leipzig: Wilheim Diebener Verlag. 596 p.

Drescher H., 1978. Untersuchungen und Versuche zum Blei- und Zinnguß in Formen aus Stein, Lehm, Holz, Geweih und Metall. *Frühmittelalterliche Studien*, 12, pp. 84–115.

Dungworth D., Egan G., 2005. Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London. *Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002, Amsterdam*. H. Lars, E. Burke, eds. Amsterdam: Vrije Universiteit, pp. 323–326 (Geoarchaeological and Bioarchaeological Studies, 3).

Eniosova N.V., Saracheva T.G., 2006. Drevnerusskie yuvelirnye instrumenty iz tsvetnykh metallov (rezul'taty khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya) [Ancient Russian jewelry tools from non-ferrous metals (the results of chemical-technical research)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 220, pp. 88–101.

Forshell H., 1992. The inception of copper mining in Falun. Stockholm: Stockholm University Press. 175 p.

Gulyaev A.P., 1978. Metallovedenie: uchebnik dlya vtuzov [Metal studies: manual for technical colleges]. 5th edition. Moscow: Metallurgiya. 643 p.

Khol'tser Kh., 1988. Avstriya [Austria]. *Mineral'nye mestorozhdeniya Evropy [Mineral layers of Europe], 3. Tsentral'naya Evropa [Central Europe]*. Moscow: Mir, pp. 31–70.

Konovalov A.A., Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu Srednevekov'ya [Non-ferrous and precious metals and their alloys on the territory of Eastern Europe in Middle Ages]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" Rossiyskoy akademii nauk. 191 p.

Krueger I., 1990. Glasspiegel im Mittelalter: Fakten, Funde und Fragen. *Bonner Jahrbücher*, 190, pp. 233–319.

Krueger I., 1995. Glasspiegel im Mittelalter II: Neue Funde und neue Fragen. *Bonner Jahrbücher*, 195, pp. 209–248.

Kryuger I., Rybina E.A., 2013. Srednevekovye steklyannye zerkala [Medieval glass mirrors]. Moscow: Argamak-Media. 249 p. (Nauchnoe soobshchestvo).

MacCormick A., 1996. Metalworking in medieval Nottingham 1100–1641. *Journal of the Historical Metallurgy Society*, V. 30, № 2, pp. 103–110.

Pouba Z., Ilavskiy Ya., 1988. Chekhoslovakiya [Chechoslovakia]. *Mineral'nye mestorozhdeniya Evropy [Mineral layers of Europe], 3: Tsentral'naya Evropa [Central Europe]*. Moscow: Mir, pp. 178–258.

Rybina E.A., 1993. K atributsii nekotorykh arkheologicheskikh nakhodok iz Novgoroda [To the attribution of some archaeological finds from Novgorod]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: theses of a scientific conference]*, 7. I.Yu. Ankudinov, comp. Novgorod, pp. 153–162.

Ryndina A.V., 1975. Novgorod i zapadnoevropeyskoe iskusstvo XV v. (O nekotorykh izdeliyakh khudozhestvennogo remesla iz raskopok Gotskogo dvora) [Novgorod and Western European Art of 15th century (On some pieces of artistic craft from the excavation sites of Gotskiy yard)]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi [Ancient Art. Foreign relations]*, 9. G.V. Popov, ed., comp. Moscow: Nauka, pp. 240–251.

Ryndina N.V., 2000. O liteynykh formakh epokhi eneolita Severo-Vostochnykh Balkan [On some cast forms of the Neolithic epoch of the North-Eastern Balkans]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2, pp. 5–14.

Val'ter G.V., 1988. Federativnaya Respublika Germanii [The German Federal Republic]. *Mineral'nye mestorozhdeniya Evropy [Mineral layers of Europe], 3. Tsentral'naya Evropa [Central Europe]*. Moscow: Mir, pp. 259–451.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 89–100

АМУЛЕТЫ С УСАДЕБ ЯРЫШЕВОЙ УЛИЦЫ ТРОИЦКОГО РАСКОПА

© 2015 г. Л.В. Покровская, Е.А. Тянина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(vyla@yandex.ru)

Статья посвящена амулетам, найденным на Троицком раскопе на усадьбах Ярышевой улицы (Великий Новгород). Их хронологическое распределение в целом подтверждает общие тенденции распространения амулетов в Новгороде, однако отмечаются некоторые особенности, характеризующие этнический и социальный состав жителей усадеб. Изучение амулетов, найденных на усадьбах, примыкающих к Ярышевой улице, показало постоянное использование амулетов средневековыми новгородцами на протяжении столетий, что свидетельствует об осознанности их применения и глубоких мировоззренческих корнях.

Ключевые слова: амулеты, усадьбы, Ярышева улица, Троицкий раскоп, Людин конец, археология средневекового Новгорода, язычество.

Новгородский археологический материал – бесценный источник для изучения христианских и языческих древностей. За долгие годы археологического изучения средневекового города собрана богатейшая коллекция находок, в числе которых разнообразные предметы культа. Среди них особую категорию составляют амулеты – личные или домашние апотропеи, которым приписывалось то или иное магическое значение. В изучении духовной культуры средневековых новгородцев по археологическим данным имеют значение не только выявление категорий культовых предметов, но и достаточно точное датирование и топографический анализ собранного материала. Такой анализ целесообразно проводить на примере отдельных усадеб и усадебных комплексов, имеющих разработанную планиграфию, стратиграфию и хронологию ярусов. В статье рассмотрены усадьбы, примыкающие к Ярышевой улице, расположенной в Людином конце средневекового Новгорода и открытой на Троицком раскопе на участке протяженностью 13 м. К ней примыкают четыре усадебных комплекса, получившие буквенные обозначения И, П, О и Р (рис. 1). В ходе работ были полностью раскопаны усадьбы И и П, а также значительная часть усадьбы О. Усадьба Р попала в раскоп лишь небольшой юго-западной частью.

На усадьбах Ярышевой улицы в слоях второй четверти X – середины XV в. найдено 64 предмета, которые можно отнести к амулетам. Это зооморфные привески, амулеты из зубов и костей животных, амулеты в виде миниатюрных предметов быта и оружия, неолитические предметы вторичного применения – так называемые громовые орудия, а также змеевик (прил. 1–4).

Зооморфные амулеты (8 экз.). У многих народов (славян, балтов и финно-угров) конь был символом солнца и подателем всех жизненных благ (Голубева, Варенов, 1978. С. 238; Рябинин, 1981. С. 56). Некоторая общность религиозных представлений создала своеобразный синтез языческих верований, именно поэтому коньковые привески органично вписываются в новгородский городской быт. Наибольшее распространение в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. получают полые шумящие коньки-амулеты (Покровская, 1998. С. 2). На усадьбах Ярышевой улицы найдено семь таких амулетов. Шесть из них по классификации Е.А. Рябинина относятся к XX типу (1981. С. 39–43). У них крупное тулово с волнистым орнаментом, вытянутая шея, сканная или кольчатая грива. Полый шумящий конек-амулет XIX типа сочетает элементы изображения коня и птицы (Рябинин, 1981. С. 38–40). В Новгороде еще один такой амулет найден на Михайло-Архангельском раскопе (раскопки Б.Д. Ершевского, 1990–1991 гг.). Пластинчатый конек-амулет представляет собой изображение четвероногого конька с прорезями на тулове и ногах (тип XIII, всего 4 экз.). Обломанный фрагмент привески условно отнесен к 3-му варианту, который отличается дальнейшей стилизацией привесок (Рябинин, 1981. С. 27, 28). Кроме самих амулетов в культурном слое усадеб

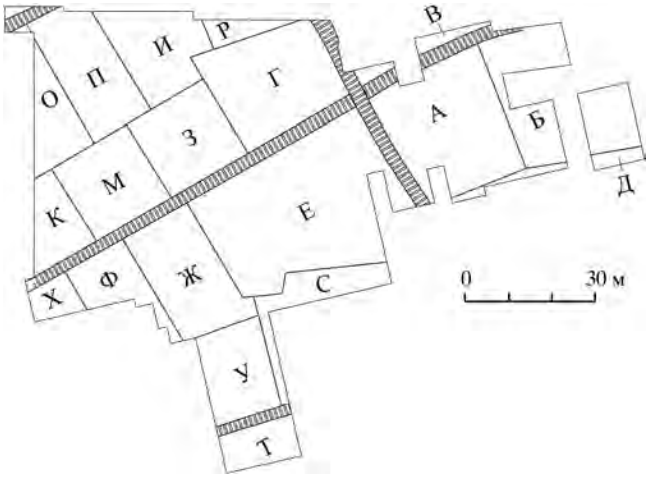


Рис. 1. План Троицкого раскопа.

найдены детали зооморфных привесок – небольшие грушевидные бубенчики с линейной прорезью, которые крепились к амулетам чаще всего с помощью 8-образных цепочек. На усадьбах Ярышевой улицы найдено пять таких бубенчиков с остатками цепочек, звено 8-образной цепочки и бубенчик.

Амулет-змеевик (рис. 2, *6)* относится к I типу (Николаева, Чернецов, 1981. С. 49), где на лицевой стороне изображен архангел Михаил. Всего в Новгороде известно 6 экз. змеевиков этого типа в слоях XII–XIII вв. (Покровская, Тянина, 2009. С. 432, 433). Змеевидная композиция на оборотной стороне амулета относится к редкому “серповидному встречному” типу (Николаева, Чернецов, 1981. С. 23). Семантика амулетов-змеевиков имеет античные корни и связана с образом Медузы Горгоны, их использовали в лечебно-охранительной магии (Покровская, Тянина, 2009. С. 441–445).

Амулеты в виде миниатюрных предметов быта и оружия (3 экз.).

Ложка-амулет (рис. 4, *6*). Эти амулеты часто использовались в составе наборов-оберегов и были символом благосостояния, сытости и довольства (Седова, 1981. С. 26, 27). Всего в Новгороде известно 14 экз. ложек-амулетов в слоях X–XI вв.

Топорик-амулет (рис. 4, *5*) относится к 1-му типу по классификации Н.А. Макарова (1992. С. 43). География местонахождений этих амулетов – города, военные крепости и дружинные поселки. Н.А. Макаров выделяет их как особый тип воинских амулетов и связывает с дружинной культурой (1992. С. 49–51). Топорики-амулеты найдены в Новгороде в слоях второй половины X – XII в. на разных раскопах (14 экз.).

Ключ-амулет. Находки таких амулетов на территории Древнерусского государства немногочисленны и, как отмечает Е.А. Рябинин, стандартный образец таких привесок не был выработан (1988. С. 60). Тем не менее их ареал совпадает с территорией распространения других древнерусских амулетов.

Амулеты из зубов и костей животных (35 экз.) – наиболее распространенная категория амулетов в Новгороде. Основная масса этих амулетов изготавливалась из клыков хищных зверей. В городской средневековой среде их можно связать с зоолатрическими культами, т.е. сакрализацией образов тех или иных животных в духовной культуре населявших средневековый город этнических групп (Голубева, 1997. С. 156, 157). На усадьбах Ярышевой улицы обнаружены амулеты из зубов и костей кабана, медведя, бобра, лисицы, коровы и лося.

Амулеты из клыков кабана (13 экз.): 12 из них были изготовлены из бивня кабана-самца, 1 – из клыка самки. Эти амулеты, вероятно, семантически связанные со скандинавской дохристианской традицией, в новгородском слое встречаются до середины–третьей четверти XI в. Кроме амулетов из клыков следует отметить находки амулетов, изготовленных из резцов кабана (3 экз., всего в Новгороде 7 экз.).

Амулеты из клыков медведя (10 экз.) наибольшей популярностью пользовались в XI – начале XIII в. Кроме традиционных для Новгорода амулетов из клыков на усадьбах Ярышевой улицы найдены два редких амулета – из моляра медведя (единственный экземпляр в Новгороде) и из когтя медведя (всего в Новгороде 2 экз.).

Амулет из клыка лисицы – редкий для Новгорода тип, всего в городском культурном слое найдено 4 экз., возможно, эти амулеты связаны с людьми, занимавшимися промыслом пушнины.

Амулеты из таранных костей бобра (10 экз.) характерны для X–XI вв. Л.А. Голубева относит их к финно-угорским древностям (1997. С. 157). Сопоставление хронологии находок костей бобра с находками этих амулетов позволяют считать, что люди, носившие такие обереги, могли быть связаны с бобровыми промыслами (Матехина, 2008. С. 193). Кроме того, в слое XI в. был найден амулет из резца бобра (всего в Новгороде 3 экз.).

Амулет из карпальной кости коровы относится к редко встречающемуся в новгородском слое типу амулетов с благопожелательной символикой. Амулеты из карпальных и тарзальных костей копытных животных, возможно, были связаны со строительными и другими жертвоприношениями, когда кости жертвенного животного использовались как благопожелательный оберег.

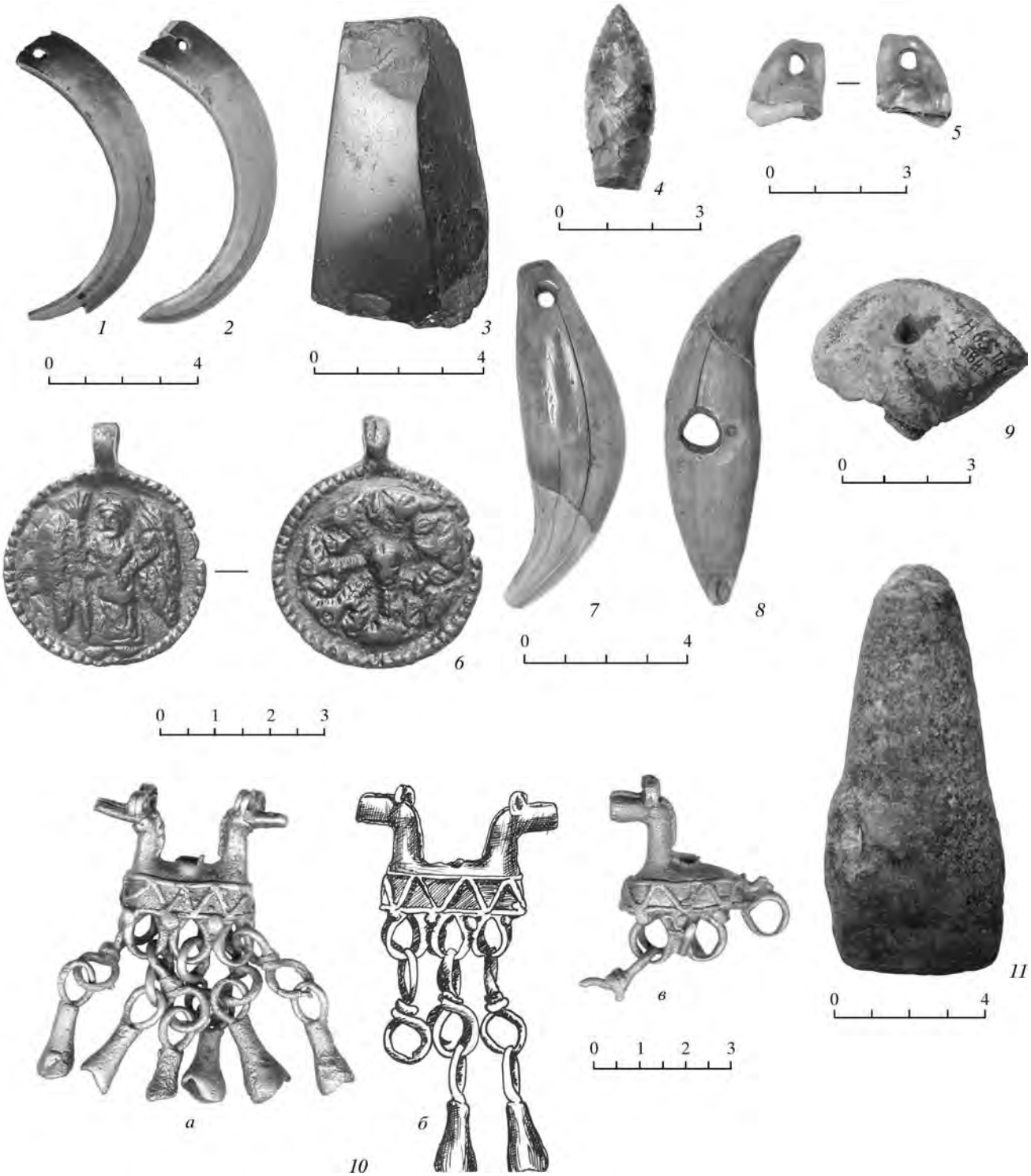


Рис. 2. Амулеты с усадьбы И. *1, 2* – из клыка кабана (пл. 19, кв. 681; пл. 17, кв. 709); *3* – тесло (пл. 18, кв. 1135); *4* – кремневый наконечник стрелы (пл. 15, кв. 1099); *5* – из зуба медведя (пл.16, кв. 1038); *6* – змеевик (пл. 12, кв. 1063); *7, 8* – из клыка медведя (пл. 11, кв. 1065, 1115); *9* – из карпальной кости лося (пл. 7, кв. 664); *10* – полые шумящие коньки (пл. 3, кв. 1084): *а* – серия 2б; *б* – серия 1б; *в* – серия 1а; *11* – тесло (пл. +3, кв. 1060).

Амулет из карпальной кости лося – единственный экземпляр в Новгороде. Семантика этого амулета неясна, возможно, он связан с охотничьим промыслом.

Кроме перечисленных выше были обнаружены два амулета из клыков хищных зверей, точная принадлежность которых не определена.

"Громовые орудия" (10 экз.) представляли собой каменные орудия эпохи неолита и бронзового века, почитание которых в средние века повсеместно связано с представлением об оружии бога-громовержца, которым он поражает с небес нечистую силу. В основном в этом качестве использовались кремневые наконечники стрел, каменные тесла и шлифованные проушные топоры "фатьяновского" типа (Тянина, 2008. С. 174). Они применялись в лечебной и отгонно-поражающей магии. Следует отметить, что только некоторые из "громовых" орудий являлись оберегами, предназначенными для личного ношения. Таковы предметы, имеющие оправу или ее следы. Тесла и проушные топоры могли использоваться как обереги дома или как предметы для лечебной и отгонной магии. На усадьбах Ярышевой улицы найдены кремневые наконечники стрел (3 экз.), каменные тесла (4 экз.) и топор (1 экз.). Кроме того, обнаружен отщеп и неолитическое кремневое орудие, которое можно определить как ложкарь, скобель или нож. Эти два орудия имеют удлиненную заостренную форму и по морфологии могли быть приняты средневековыми новгородцами за "громовую стрелу".

Освоение территории вдоль Ярышевой улицы датируется 30-ми годами X в., когда возникает усадьба И. Заселение усадьбы П происходит позже, во второй половине X в. (Гайдуков и др., 1997. С. 45, 46). Усадьба О в указанный период еще не оформилась, ее территория, вероятно, была частью усадьбы П (Фараджева и др., 2014. С. 204). Таким образом, обнаруженные в этих слоях амулеты, найденные на усадьбе О, следует связывать с владельцами усадьбы П. В начале XI в. все усадьбы Ярышевой улицы сгорают в мощном пожаре, что позволяет выделить комплекс амулетов дохристианского и раннехристианского периодов. После пожара границы усадебных владений Ярышевой улицы претерпевают некоторые изменения, меняется и характер их застройки (Фараджева и др., 2013. С. 131–133). Всего в слоях раннего периода найдено 23 амулета. Из них с усадьбы И происходит восемь амулетов (прил. 1, № 1–8): из клыков кабана (4 экз., рис. 2, *1, 2*), из зуба медведя (рис. 2, *5*), кремневые отщеп, наконечник стрелы (рис. 2, *4*) и каменное тесло (рис. 2, *3*). На усадьбе П и территории будущей

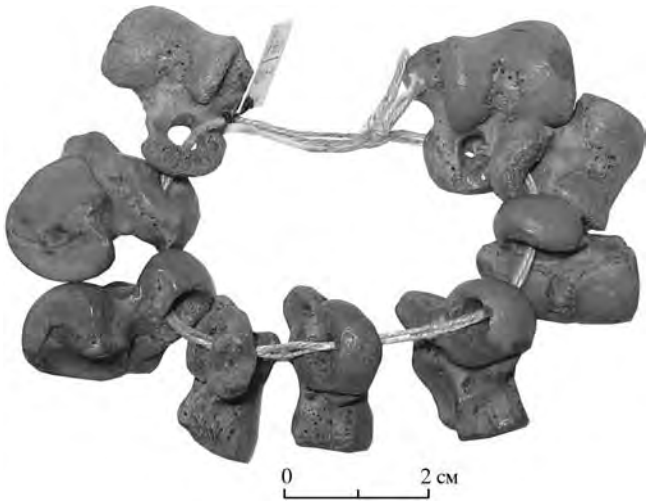


Рис. 3. Амулеты из таранных костей бобра с усадьбы П, пл. 16, кв. 1071.

усадьбы О найдено 15 амулетов (прил. 2, № 1–11; 3, № 1–4): из таранных костей бобра (10 экз., рис. 3; 4, *1*), из резца бобра (рис. 5, *2*), из клыков кабана (6 экз., рис. 4, *3, 7*; 5, *3*), из резца кабана (рис. 4, *2*), из клыка медведя (рис. 4, *4*), из карпальной кости коровы, ложка-амулет (рис. 4, *6*), топорик-амулет (рис. 4, *5*) и каменное тесло (рис. 5, *1*).

В целом набор амулетов усадеб Ярышевой улицы раннего периода характерен для раннесредневекового Новгорода. В это время популярны амулеты из клыков кабана, "громовые" орудия, амулеты из миниатюрных предметов быта и оружия. При этом не фиксируется резкое отличие между количественным и качественным составом амулетов X и XI вв. К редким типам можно отнести амулеты из моляра медведя и из карпальной кости коровы.

Тем не менее можно выделить и ряд особенностей, характеризующих население исследуемых усадеб. Во-первых, это комплекс так называемых бобровых амулетов, связанных с жителями усадьбы П и имеющих финно-угорское происхождение. Это "ожерелье" из таранных костей бобра, еще один аналогичный амулет, найденный отдельно (возможно, он принадлежит тому же набору), а также амулет из резца бобра, происходящий с территории будущей усадьбы О. К характеристике этнического состава жителей этой усадьбы имеют отношение и находки иноэтничных украшений в слое второй половины XI в., среди которых арочный балтский цепедержатель и подковообразная фибула с зооморфными концами. Сочетание набора специфических финно-угорских "бобровых" амулетов с находками украшений прибалтийско-финского круга свидетельствует не о культурном влиянии, а именно о присутствии среди жителей усадьбы финно-угорского населения.

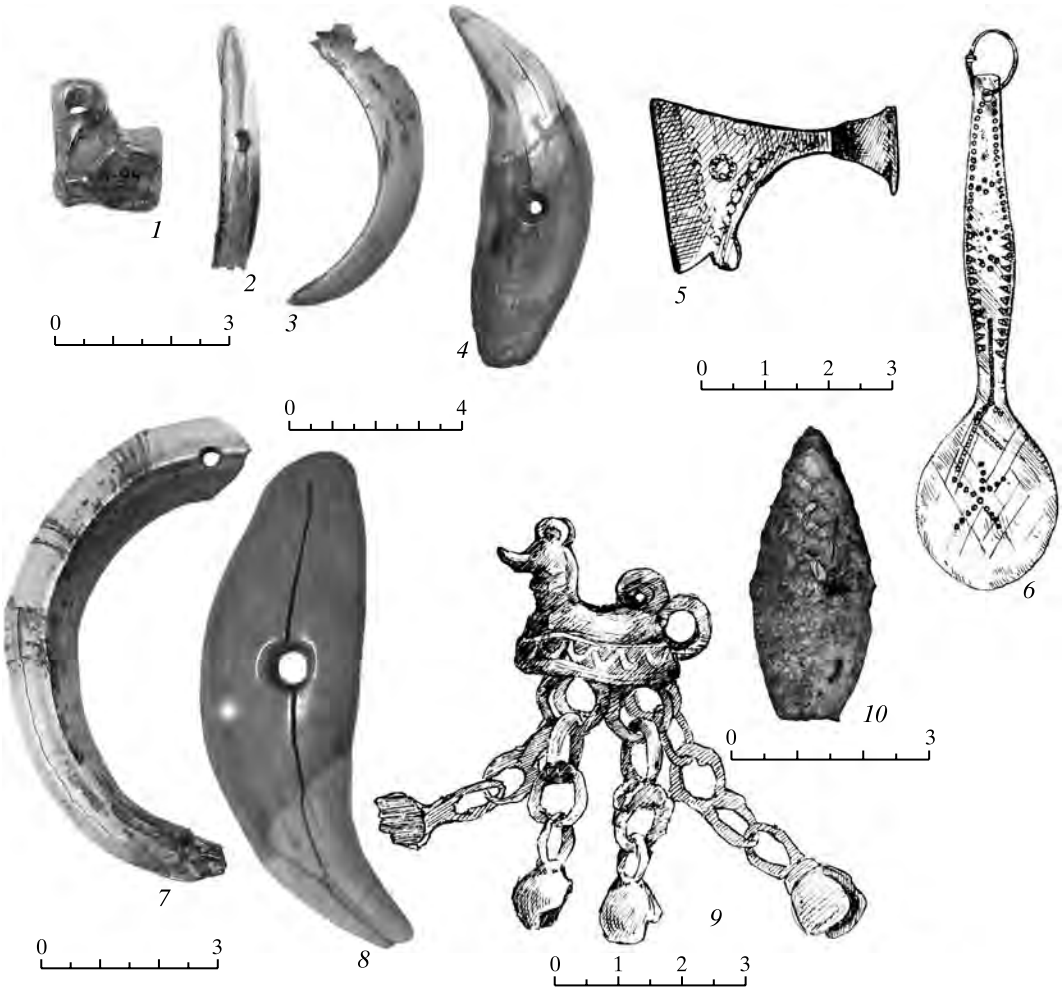


Рис. 4. Амулеты с усадьбы П. *1* – из таранной кости бобра (пл. 17, кв. 1050); *2* – из резца кабана (пл. 15, кв. 811); *3* – из клыка кабана (пл. 16, кв. 1155); *4* – из медвежьего клыка (пл. 14, кв. 1031); *5* – топорик (пл. 12, кв. 1067); *6* – ложка (пл.15, кв. 1068); *7* – из клыка кабана (пл. 14, кв. 1103); *8* – из клыка медведя (пл. 12, кв. 814); *9* – полый шумящий конек, тип XIX (пл. 3, кв. 1173); *10* – кремневый наконечник стрелы (пл. 1, кв. 1125).

К социальной характеристике владельцев усадьбы П относится находка амулета-топорика – воинского апотропея, связанного с дружинной культурой (Макаров, 1992. С. 51). Возможна связь с этой же традицией и амулетов из клыков кабана, в основе семантики которых лежит скандинавская традиция. Период их распространения совпадает со временем тесных контактов Новгорода со Скандинавией, в частности, с присутствием варягов в составе дружин новгородских князей (Тянина, 2011. С. 165). Высокий социальный статус владельцев усадеб И и П подтверждается и другими находками. Так, на усадьбе И в слое XI в. найдена печать Ярослава Мудрого (Янин, Гайдуков, 1998. С. 18). Следует упомянуть и статусную находку с усадьбы П, происходящую из слоя второй половины X в. – перстня-печатки с изображением “лютого” зверя, возможно, льва.

На рубеже XI–XII вв. происходит перепланировка усадеб Ярышевой улицы и впервые фиксируется граница между усадьбами О и П. На самой усадьбе О появляется регулярная застройка, а в 20–40-е годы XII в. возводится хоромный комплекс. В середине столетия здесь фиксируется запустение, связанное с пожаром (Фараджева и др., 2014. С. 206, 207). Предполагается также, что в первой половине XII в. усадьбы И и П были объединены (Фараджева и др., 2013. С. 134). Граница между усадьбами И и П возобновляется в середине XII в. Во второй половине столетия на усадьбе П возводится огромный хоромный комплекс, состоящий из нескольких построек и, возможно, “хорошо развитый по вертикали”, что может свидетельствовать о высоком социальном статусе владельцев усадьбы (Гайдуков и др., 1997. С. 49). К этому времени относится восемь амулетов. На объединенной усадьбе

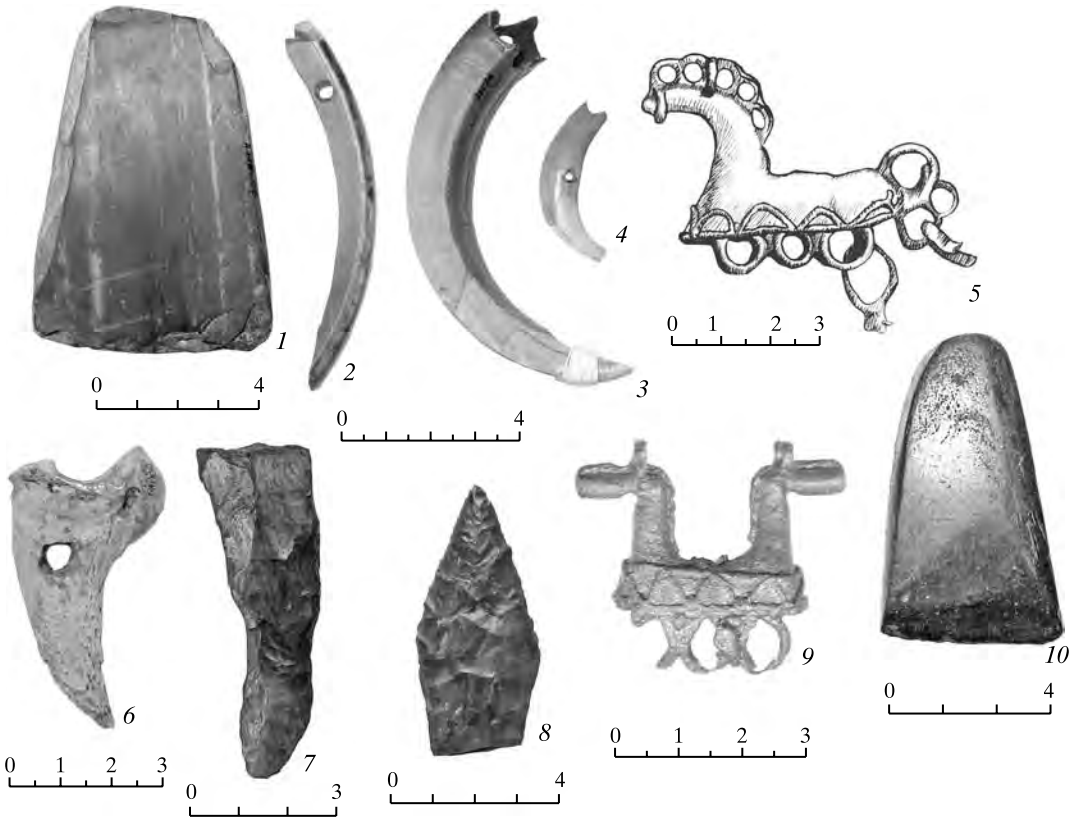


Рис. 5. Амулеты с усадьбы О. *1* – каменное тесло (пл. 17, кв. 1202); *2* – из резца бобра (пл. 14, кв. 831); *3* – из клыка кабана (пл. 14, кв. 1177); *4* – из клыка кабана (пл. 10, кв. 1190); *5* – полый шумящий конек, тип XX, 4 (пл. 4, кв. 829); *6* – из когтя медведя (пл. 2, кв. 833); *7* – кремневый ложкарь (пл. 2, кв. 1163); *8* – кремневый наконечник стрелы (пл. 1, кв. 865); *9* – полый шумящий конек, тип XX, 2б (пл. 1, кв. 846); *10* – каменное тесло (пл. +2, кв. 1175).

И-П в слое первой половины XII в. найдено семь амулетов (прил. 1, № 9–13; 2, № 12–14): змеевик (рис. 2, *6*), амулеты из клыков медведя (5 экз., рис. 2, *7, 8*; 4, *8*) и из резца кабана. На усадьбе О (прил. 3, № 5) – один амулет из клыка кабана (рис. 5, *4*).

Высокий социальный статус владельцев объединенной усадьбы, зафиксированный в предшествующий период, в первой половине XII в. подтверждается и комплексом находок, в том числе берестяными грамотами, и характером застройки (Фараджева и др., 2013. С. 134, 135). К его характеристике, безусловно, относится находка амулета-змеевика. Семантика этого амулета восходит к античной традиции, привнесенной на Русь с общим потоком византийского культурного влияния. Только высокообразованные люди (князья, бояре и священники), как правило, знающие греческий язык и знакомые по книжным текстам с греческой традицией, могли осмыслить семантическое значение этих амулетов (Покровская, Тянина, 2009. С. 445). Что же касается амулетов из клыков медведя, то они являются традиционными новгородскими апотропеями этого периода, и их находки на усадьбах Ярышевой улицы лишь подтверждают общегородскую традицию (Тянина, 2011. С. 161, 164. Рис. 1, *3*). Следует отметить также редкий амулет из клыка самки кабана, найденный на усадьбе О (рис. 5, *4*). Амулеты из клыков кабана в основном выходят из употребления в середине–третьей четверти XI в., и использование в этом качестве не бивня самца, а небольшого клыка самки может указывать на деградацию традиции.

Следует отметить почти полное отсутствие амулетов на усадьбах Ярышевой улицы во второй половине XII в. В слое этого периода на усадьбе И найден амулет из клыка кабана (прил. 1, № 14), на усадьбе П – из клыка медведя (прил. 2, № 14). На усадьбе О амулеты отсутствуют. При этом амулет из клыка кабана мог попасть в слой в результате перекопа, так как этот тип амулета для данного периода не характерен. Участок Людина конца, исследованный на Троицком раскопе, располагался неподалеку от Варвариного монастыря, к которому вела Черницына улица, частично прослеженная в раскопе. Рядом находилась ц. Василия Парийского, построенная в 1151 г. Близость монастыря и церкви отразилась в текстах ряда берестяных грамот, найденных на усадьбе И. Возможно, варваринские

черницы жили не только в самом монастыре, но и за его пределами (Янин, 1998. С. 353). Это хорошо объясняет отсутствие амулетов в культурном слое в этот период.

Усадьбы Ярышевой улицы сгорели в пожаре 1207 г. После пожара застройка усадьбы И стала более скромной, возможно, социально-имущественный статус жителей усадьбы понизился (Фараджева и др., 2013. С. 137). Упадок усадебного строительства в XIII в. отмечается и на усадьбе П (Гайдуков и др., 1997. С. 50). Застройка усадьбы О после пожара, напротив, свидетельствует о высоком социальном статусе владельцев, что позволяет предположить преемственность дворовладения (Фараджева и др., 2014. С. 217).

В XIII в. количество амулетов на усадьбах Ярышевой улицы возрастает (24 экз.). На усадьбе И в слоях XIII в. найдено восемь амулетов (прил. 1, № 15–21): ключ-амулет, полые коньки-амулеты (3 экз., рис. 2, *10*), бубенчик с цепочкой, из карпальной кости лося (рис. 2, *9*), из клыков медведя и лисицы. На усадьбе П к этому периоду относятся также восемь амулетов (прил. 2, № 15–22): полый конек-амулет (рис. 4, *9*), бубенчики с цепочками (3 экз.), из клыка медведя, из клыка хищника, каменный топор и кремневый наконечник стрелы (рис. 4, *10*). На усадьбе О обнаружено пять амулетов (прил. 3, № 6–10): полые коньки-амулеты (2 экз., рис. 5, *5, 9*), амулет из когтя медведя (рис. 5, *6*), кремневый ложкарь (рис. 5, *7*) и кремневый наконечник стрелы (рис. 5, *8*). Тем же временем датируются и все амулеты, найденные на небольшом раскопанном участке усадьбы Р (прил. 4, № 1–3): пластинчатый конек-амулет (рис. 6, *1*), из резца кабана (рис. 6, *2*) и из клыка медведя (рис. 6, *3*).

В составе амулетов можно выделить как продолжение традиций предшествующих периодов, так и новые явления. Продолжают бытовать амулеты из клыков медведя. На усадьбах О и П к слою второй половины XIII в. относятся находки “громовых орудий”, которые переживают в этот период второй всплеск популярности в Новгороде (Тянина, 2008. С. 176). Среди них интересен кремневый наконечник стрелы (рис. 4, *10*), который имеет следы оправы для ношения, т.е. использовался владельцем как личный апотропей. В этот же период на усадьбах Ярышевой улицы появляются полые шумящие коньки-амулеты и их детали, что отражает общую тенденцию их широкого распространения в Новгороде.

Отдельно следует отметить комплекс амулетов из зубов и костей животных на усадьбе И в первой половине XIII в. Амулеты из карпальной кости лося и из клыка лисицы, редкие для Новгорода,

Рис. 6. Амулеты с усадьбы Р. *1* – конек пластинчатый, тип XIII, 3 (пл. 4, кв. 1241); *2* – из резца кабана (пл. 1, кв. 1234); *3* – из клыка медведя (пл. +2, кв. 1226).

возможно, имели связь с охотничьим промыслом, что может характеризовать новых владельцев усадьбы после пожара 1207 г. Исключение для городской среды – и найденный на усадьбе О амулет из медвежьего когтя, но редкость этих предметов в культурном слое Новгорода хорошо объясняется их связью с погребальным культом (Тянина, 2011. С. 164).

В конце XIII – начале XIV в. строительство на усадьбе И становится более интенсивным (Фараджева и др., 2013. С. 137). Размеры усадьбы П в это время значительно сокращаются (Гайдуков и др., 1997. С. 50, 51). На усадьбе О происходит перепланировка, в ходе которой территория усадьбы также уменьшается (Фараджева и др., 2014. С. 216). В XIV в. количество амулетов на усадьбах Ярышевой улицы становится гораздо меньше (6 экз.), чем в XIII в., но продолжают бытовать те же категории амулетов, что и в предшествующий период. В слоях первой половины XIV в. на усадьбе И найдено каменное тесло (прил. 1, № 23; рис. 2, *1*). На усадьбе О – пять амулетов (прил. 3, № 11–14): бубенчики от шумящих привесок (2 экз.), звено 8-образной цепочки и каменное тесло (рис. 5, *10*).

В первой четверти XV в. происходит общая перепланировка усадеб Ярышевой улицы, и застройка этого периода сохраняется крайне фрагментарно (Фараджева и др., 2013. С. 138). В целом тенденция распространения амулетов в XIV–XV вв. продолжает традиции, сложившиеся в XIII в., и подтверждается исследованиями в других частях города. Резкое сокращение количества амулетов на усадьбах Ярышевой улицы во второй половины XIV – XV в. связано с плохой сохран-

ностью слоев этого периода на Троицком раскопе. На усадьбе И найден амулет из клыка хищного животного (прил. 1, № 24), на усадьбе П – амулет из клыка кабана (прил. 1, № 23).

Таким образом, хронологическое распределение амулетов на усадьбах Ярышевой улицы в целом подтверждает общие тенденции распространения амулетов в Новгороде. Разнообразные амулеты, личные обереги и обереги дома, предметы отгонно-поражающей, благопожелательной или лечебной магии использовались средневековыми новгородцами постоянно на протяжении столетий. Непрерывность традиции свидетельствует об осознанности их применения и глубоких мировоззренческих корнях.

В то же время состав амулетов, найденных на усадьбах Ярышевой улицы, отражает этнические и социальные характеристики жителей конкретных усадеб и специфику их занятий. Так, концентрация “бобровых” амулетов на усадьбе П свидетельствует об этнической неоднородности жившего здесь населения и о присутствии в его составе финно-угров. Отсутствие амулетов на усадьбах во второй половине XII в., возможно, обусловлено их связью с Варвариным монастырем и ц. Василия Парийского. Находки в слое начала XIII в. нехарактерных для Новгорода амулетов, имеющих вероятную связь с охотничьим промыслом на усадьбе И, могут свидетельствовать о занятиях людей, заселивших эту усадьбу после пожара 1207 г.

СПИСОК АМУЛЕТОВ С УСАДЕБ ЯРЫШЕВОЙ УЛИЦЫ

Приложение 1. Усадьба И

№ п/п	Название	Пласт	Квадрат	Полевой №	Строительный период[1]	Хронология	Ссылки на рисунки
1	Клык кабана	19	681	14	I – 30-е годы X – 10-е годы XI в.	Вторая треть X – начало XI в.	Рис. 2, *1*
2	Клык кабана	18	1094	26	”	X – первая половина XI в.	
3	Каменное тесло	18	1135	50	”	X – первая половина XI в.	Рис. 2, *3*
4	Зуб медведя	16	1038	20	II – 20-е годы XI – рубеж XI–XII вв.	Первая половина XI в.	Рис. 2, *5*
5	Клык кабана	17	709	34	”	Вторая половина XI в.	Рис. 2, *2*
6	Клык кабана	14	1112	72	”	”	
7	Кремневый наконечник стрелы	15	1099	1	”	”	Рис. 2, *4*
8	Кремневый отщеп	15	1132	51	”	”-	
9	Змеевик	12	1063	39	III – рубеж XI–XII – конец 50-х годов XII в.	Первая половина XII в.	Рис. 2, *6*
10	Клык медведя	12	1057	39	”	”	
11	Клык медведя	11	1115	82	”	”	Рис. 2, *8*
12	Клык медведя	11	1065	4	”	”	Рис. 2, *7*
13	Резец кабана	9	1252	115	”	”	
14	Клык кабана	10	663	45	IV – конец 50-х годов XII – 10-е годы XIII в.	Вторая половина XII в.	
15	Ключ-амулет	11	1115	82	V – 10-е – конец 80-х годов XIII в.	Первая половина XIII в.	
16	Бубенчик с цепочкой	11	1065	4	”	Первая половина XIII в.	
17	Привеска-конек, XX,1а	3	1084	11, 12	”	Вторая половина XIII в.	Рис. 2, *10*
18	Привеска-конек, XX, 1б	3	1084	11, 12	”	”	”

№ п/п	Название	Пласт	Квадрат	Полевой №	Строительный период[1]	Хронология	Ссылки на рисунки
19	Привеска-конек XX, 2б	3	1084	11, 12	”	”	”
20	Карпальная кость лося	7	664	42	”	”	Рис. 2, *9*
21	Клык медведя	6	1102	5	”	”	
22	Клык лисицы	6	1223	19	”	”	
23	Каменное тесло	+3	1060	2	VI – 90-е годы XIII – начало XV в.	Первая половина XIV в.	Рис. 2, *11*
24	Клык	+5	1042	27	VII – не ранее 10-х годов XV в.	Начало XV в.	

[1] Строительные периоды даны по: Фараджева и др., 2013.

Приложение 2. Усадьба П

№ п/п	Название	Пласт	Квадрат	Полевой №	Строительный период[2]	Хронология	Ссылки на рисунки
1	Таранная кость бобра	17	1050	4	I – 960–990 гг.	Вторая половина X в.	Рис. 4, *1*
2	Таранная кость бобра	16	1071	39	”	”	9 шт. Рис.3
3	Клык кабана	16	1155	57	”	”	Рис. 4, *3*
4	Ложка-амулет	15	1068	25	II – 990–1090 гг.	Первая половина XI в.	Рис. 4, *6*
5	Клык кабана	14	1070	61	”	Середина–вторая половина XI в.	
6	Клык кабана	14	1054	118	”	”	
7	Клык кабана	14	1103	22	”	”	Рис. 4, *7*
8	Клык медведя	14	1031	104	”	”	Рис. 4, *4*
9	Карпальная кость коровы	13	1034	64	”	Вторая половина XI в.	
10	Топорик-амулет	12	1067	20	”	”	Рис. 4, *5*
11	Резец кабана	15	811	1	”	”	Рис. 4, *2*
12	Клык медведя	12	814	6	III – 1090–1230 гг.	Первая половина XII в.	Рис. 4, *8*
13	Клык медведя	11	824	67	”	Первая половина XII в.	
14	Клык медведя	8	1210	141	”	Вторая половина XII в.	
15	Привеска-конек, тип XIX	3	1173	528	IV – 1230-е годы – рубеж XIII–XIV вв.	Первая половина XIII в.	Рис. 4, *9*
16	Бубенчик с цепочкой	3	1106	23	”	”	
17	Бубенчик с цепочкой	3	1071	3	”	”	
18	Бубенчик с цепочкой	3	1129	204	”	”	
19	Клык медведя	4	1106	49	”	”	
20	Клык	3	936	10	”	”	
21	Каменный топор	3	1159	328	”	”	
22	Кремневый наконечник стрелы	1	1125	36	”	Вторая половина XIII в.	Рис. 4, *10*
23	Клык кабана	+7	1033	51	V – рубеж XIII–XIV вв. – 1470-е годы	XV в.	

[2] Строительные периоды (датировка предварительная) даны по: Гайдуков и др., 1997.

Приложение 3. Усадьба О

№ п/п	Название	Пласт	Квадрат	Полевой №	Строительный период[3]	Хронология	Ссылки на рисунки
1	Каменное тесло	17	1202	31	До строительных периодов	Вторая половина X в.	Рис. 5, *1*
2	Клык кабана	16	855	28	”	”	
3	Клык кабана	14	1177	3	”	Середина –вторая половина XI в.	Рис. 5, *3*
4	Резец бобра	14	831	37	”	”	Рис. 5, *2*
5	Клык кабана	10	1190	42	I – начало XII – 50-е годы XII в.	Первая половина XII в.	Рис. 5, *4*
6	Привеска-конек, тип XX, 4	4	829	137	III – 20–80-е годы XIII в.	”	Рис. 5, *5*
7	Коготь медведя	2	833	155	”	Вторая половина XIII в.	Рис. 5, *6*
8	Кремневый ложкарь?	2	1163	92	”	”	Рис. 5, *7*
9	Кремневый наконечник стрелы	1	865	216	IV – 80-е годы XIII в. –10-е годы XIV в.	Конец XIII – первая половина XIV в.	Рис. 5, *8*
10	Привеска-конек, тип XX, 1б	1	846	219	”	”	Рис. 5, *9*
11	Звено цепочки	+1	819	197	V – 10–90-е годы XIV в.	Первая половина XIV в.	
12	Бубенчик с цепочкой	+1	829	170	”	”	
13	Бубенчик	+1	829	3	”	”	
14	Каменное тесло	+2	1175	11	”	”	Рис. 5, *9*

[3] Строительные периоды даны по: Фараджева и др., 2014.

Приложение 4. Усадьба Р

№ п/п	Название	Пласт	Квадрат	Полевой №	Хронология	Ссылки на рисунки
1	Конек-амулет, тип XIII	4	1241	80	Первая половина XIII в.	Рис. 6, *1*, обломок
2	Резец кабана	1	1234	35	Вторая половина XIII в.	Рис. 6, *2*
3	Клык медведя	+2	1226	7	”	Рис. 6, *3*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г., Фараджева Н.Н., Дубровин Г.Е. Динамика застройки новгородской усадьбы X–XV вв. (по материалам усадьбы П Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11 / Ред. В.Л. Янин. Новгород: НГОМЗ, 1997. С. 42–54.

Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. 1997 (Археология СССР). С. 153–165.

Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 228–240.

Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56.

Матехина Т.В. Археологические находки из необычной кожи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2008. С. 184–203.

Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.

Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 1998. 130 с.

Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода (хронология, топография, семантика) // Хорошие дни…: Памяти Александра Степановича Хорошева / Ред. Т.Д. Авдусина, Т.Д. Дорофеева, А.Е. Мусин, О.А. Тарабардина, О.А. Сиротина, Ю.А. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М.: ЛеопАрт, 2009. С. 432–445.

Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси / Ред. Б.А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 55–63.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. EI-60). 122 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) М.: Наука, 1981. 193 с.

Тянина Е.А. Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2008. С. 172–183.

Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2011. С. 159–168.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьба “И” Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Вып. 27 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. С. 127–140.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьба “О” Ярышевой улицы Троицкого раскопа: топография, стратиграфия, хронология // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28 / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. С. 204–217.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту… / Послесл. А.А. Зализняка. Изд. 3-е, испр. и доп. новыми находками. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. 461 с.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.: ИНТРАДА, 1998. 502 с.

AMULETS FROM THE YARYSHEV STREET MANORS OF THE TROITSKIY EXCAVATION SITE

Liubov V. Pokrovskaia, Elena A. Tianina

Lomonosov Moscow State University
(pokrovska-ja@yandex.ru; vyla@yandex.ru)

The article presents the amulets found in the Troitsk excavation site in the Yaryshev Street manors (Veliky Novgorod). Their chronological distribution in general approves common tendencies of the amulets’ distribution in Novgorod. However, some features, which characterize ethnical and social structure of the manor inhabitants are eliminated. The study of the amulets found in the manors adjoined to the Yaryshev Street showed the constant use of the amulets by the medieval Novgorod citizens during centuries. This justifies the awareness of their use and deep worldview roots.

Key words: amulets, manors, Yaryshev Street, Troitsk excavation, Liudin konets, archaeology of the medieval Novgorod, paganism.

REFERENCES

Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2013. Usad’ba “I” Yaryshevoy ulitsy Troitskogo raskopa. Topografiya, stratigrafiya, khronologiya [The manor “I” of Yaryshev street of Troitskiy excavation site. Topography, stratigraphy, chronology]. *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology]*, 27. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod. gos. ob”edinennyy muzey-zapovednik, pp. 127–140.

Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2014. Usad’ba “O” Yaryshevoy ulitsy Troitskogo raskopa: topografiya, stratigrafiya, khronologiya [The manor “O” of Yaryshev street of Troitskiy excavation site: topography, stratigraphy, chronology]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology]*, 28. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod. gos. ob”edinennyy muzey-zapovednik, pp. 204–217.

Gaydukov P.G., Faradzheva N.N., Dubrovin G.E., 1997. Dinamika zastroyki novgorodskoy usad’by X–XV vv. (po materialam usad’by P Troitskogo raskopa) [Dynamics of the construction of Novgorod manor of 10th–15th cc. (on the materials of the manor P of Troitskiy excavation site)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologi-*

ya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology], 11. V.L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorod. gos. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 42–54.

Golubeva L.A., 1997. Amulety [Amulets]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Household and Culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 153–165. (Arkheologiya SSSR).

Golubeva L.A., Varenov A.B., 1978. Polye kon'ki-amulety Drevney Rusi [Hollow horse-amulets of ancient Rus]. *SA [SA]*, 2, pp. 228–240.

Makarov N.A., 1992. Drevnerusskie amulety-toporiki [Ancient Rus amulets-axes]. *RA [RA]*, 2, pp. 41–56.

Matekhina T.V., 2008. Arkheologicheskie nakhodki iz neobychnoy kozhi [Archaeological finds made of unusual leather]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology]*, 22. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod. gos. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 184–203.

Nikolaeva T.V., Chernetsov A.V., 1991. Drevnerusskie amulety-zmeeviki [Ancient Rus amulets-snakes]. Moscow: Nauka. 124 p.

Pokrovskaya L.V., 1998. Ukrasheniya baltskogo i finno-ugorskogo proiskhozhdeniya srednevekovogo Novgoroda: sistematizatsiya, khronologiya, topografiya: avtoref. diss. … kand. Istorich. nauk [Jewelry of Baltic and Finno-Ugric origin from the medieval Novgorod: systematization, chronology, topography: author's abstract… cand. of Histor. Sciences]. Moscow: MGU. 30 p.

Pokrovskaya L.V., Tyanina E.A., 2009. Amulety-zmeeviki srednevekovogo Novgoroda (khronologiya, topografiya, semantika) [Amulets-snakes of medieval Novgorod (chronology, topography, semantics)]. *Khoroshie dni…: Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva [Good days…: In the memory of Aleksander Stepanovich Khorosheva]*. T.D. Avdusina, ed. Velikiy Novgorod; SPb.; Moscow: LeopArt, pp. 432–445.

Ryabinin E.A., 1981. Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XV vv. [Zoomorphic jewelry of ancient Rus of 10th–15th cc.]. Leningrad: Nauka. 122 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheol. istochnikov, EI-60).

Ryabinin E.A., 1988. Yazycheskie priveski-amulety Drevney Rusi [Pagans' appendants-amulets of ancient Rus]. *Drevnosti slavyan i Rusi [Antiquities of the Slavs and Rus]*. B.A. Timoshchuk, ed. Moscow: Nauka, pp. 55–63.

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of ancient Novgorod (10th–15th cc.)]. Moscow: Nauka. 193 p.

Tyanina E.A., 2008. Orudiya kamennogo veka v kul'turnom sloe srednevekovogo Novgoroda: predmety yazycheskogo kul'ta ili sluchaynye veshchi? [Stone Age tools in cultural stratum of medieval Novgorod: articles of pagan cult or casual articles?]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology]*, 22. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorod. gos. ob"edinennyy muzey-zapovednik, pp. 172–183.

Tyanina E.A., 2011. Amulety srednevekovogo Novgoroda iz zubov i kostey zhivotnykh [Amulets of medieval Novgorod made of teeth and bones of animals]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological Bulletin]*, 17. E.N. Nosov, ed. SPb.: IIMK RAN, pp. 159–168.

Yanin V.L., 1998. Ya poslal tebe berestu… [I have sent you a birch bark…]. A.A. Zaliznyak, ed. 3th ed. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". 461 p.

Yanin V.L., Gaydukov P.G., 1998. Aktovye pechati Drevney Rusi X–XV vv. [Act stamps of ancient Rus of 10th–15th cc.], III. Moscow: INTRADA. 502 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 101–112

УСАДЬБА Ж ФЕДОРОВСКОГО РАСКОПА В КОНЦЕ XI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

© 2015 г. Г.Е. Дубровин*, О.А. Тарабардина**

* *Институт археологии РАН, Москва (gendub@mail.ru)*
** *Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород (o. tarabardina@mail.ru)*

Статья посвящена усадьбе Ж, исследованной на Федоровском раскопе, располагавшемся в Плотницком конце средневекового Новгорода, на южном берегу Федоровского ручья. Усадьба возникла в конце XI в. на Славковой улице, первые мостовые которой прокладываются одновременно с формированием самого раннего комплекса застройки усадьбы Ж (1079–1086 гг.). Археологический материал последней трети XI – середины XII в. свидетельствует о стабильно высоком имущественном и социальном статусе обитателей усадьбы, а неизменная общая схема застройки – о том, что на протяжении 70 лет усадьбой владели представители одной семьи. Находка берестяной грамоты № 789 с перечнем недоимок жителей населенных пунктов у восточной границы будущей Бежецкой пятины, а также деревянного цилиндра с указанием суммы в пять гривен, могут свидетельствовать о том, что владелец усадьбы, возможно, находился на княжеской службе в качестве емца или мечника и был связан со сбором податей на восточных пограничных территориях Новгородской земли. Комплекс находок византийского происхождения (свинцовая ампула-эвлогий с изображением Христа и св. Дмитрия Солунского, бронзовая монета – анонимный фоллис первой пол. XI в., фрагменты инкрустированного стеклянного браслета и полумайоликового сосуда) позволяет предположить, что в конце XI в. представитель семейства, владевшего усадьбой, совершил паломничество в Византию, к святым местам в г. Фессалоники (Солунь) – месту почитания св. Дмитрия Солунского.

Ключевые слова: Новгород, Федоровский раскоп, Славкова улица, усадьба Ж, постройки, дендродаты, находки, имущественный и социальный статус.

Археологические исследования на Федоровском раскопе, располагавшемся в древнем Плотницком конце Новгорода, на южном берегу Федоровского ручья, проводились в 1991–1993 и 1997 гг. (рис. 1)[1]. Площадь раскопа составила около 2400 м^2, мощность культурного слоя – до 3 м. В процессе работ были исследованы остатки мостовых двух средневековых улиц – Коржевой и Славковой, а также комплексы застройки восьми усадеб с более чем 160 жилыми и хозяйственными сооружениями XI–XVI вв. Материалы раскопа, в настоящее время подготовленные к изданию в виде монографии, дали интересную информацию, которая позволяет подойти к рассмотрению некоторых проблем истории средневекового Новгорода.

Среди усадеб XI–XII вв., исследованных на Федоровском раскопе, наибольший интерес представляют две: усадьба Ж Славковой улицы и усадьба А Коржевой, обитатели которых, судя по археологическому материалу, обладали неординарным имущественным и, по-видимому, социальным статусом (Дубровин, Тарабардина, 2004. С. 228, 229). Первой из этих усадеб, изученной на Федоровском VI раскопе, и посвящается предлагаемая статья.

Застройка городского облика – усадьбы и мостовые, появляются в этой части Плотницкого конца в последней четверти XI в. Ранний этап застройки усадьбы Ж датируется **концом 70-х – концом 90-х годов XI в. (1079–1097 гг., ярусы 7_6/$Ж_6$)** (рис. 2). В это время практически одновременно с сооружением первого яруса регулярных мостовых на Славковой улице (ярус $Ж_6$) к северу от нее четко обозначаются границы усадебной территории и появляется достаточно представительный комплекс построек.

Северная граница усадьбы читается по частоколу, отделявшему ее территорию от соседней усадьбы Е[2], расположенной севернее и ориентированной на

[1] Авторы благодарят за консультации и помощь в подготовке иллюстративного материала с.н.с. НМЗ М.И. Петрова, с.н.с. НМЗ С.Е. Торопова, н.с. НМЗ А.Н. Каменского и Е.Ю. Бахареву.

[2] Эта граница оставалась неизменной, по крайней мере, до XIII в., являясь одновременно частью границы между усадьбами, тяготевшими к Славковой и Коржевой улицам, т.е. межуличанской границей.

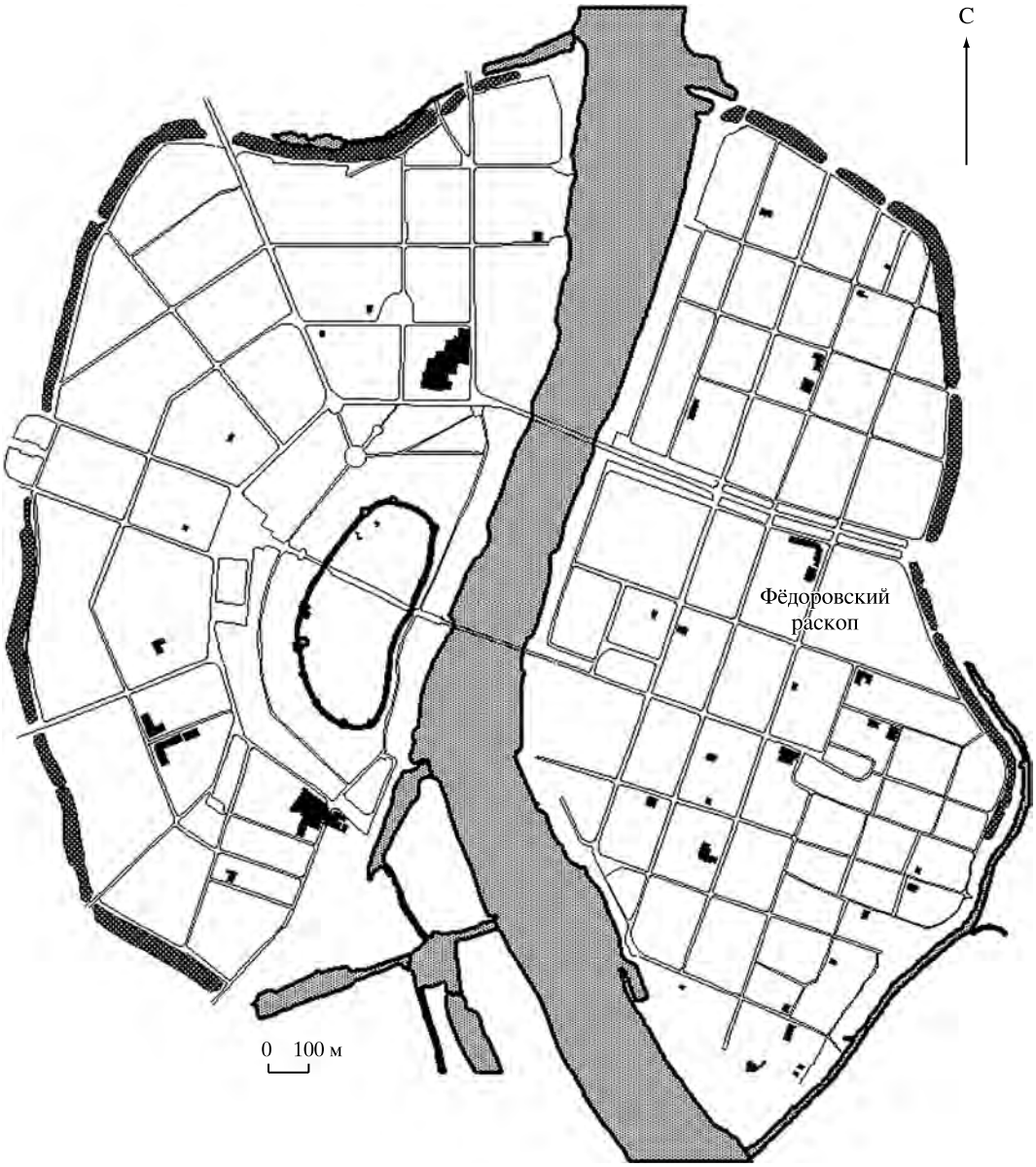


Рис. 1. Федоровский раскоп в Новгороде.

Коржеву улицу. Южная граница усадьбы проходила вдоль Славковой улицы, раннее мощение которой зафиксировано в юго-восточной части раскопа. Западная и восточная границы находились вне исследованной территории. Таким образом, глубина усадьбы по отношению к улице – 28 м, ширина – не менее 22 м, а ее площадь в целом составляла в это время не менее 616 м^2.

Около 1079 г.[3] в северной части усадьбы поблизости от границы с усадьбой Е появляются два сруба: Ф6-59 и Ф6-43. Сруб Ф6-59 представлял собой ориентированную по сторонам света подквадратную в плане постройку размерами около 5 × 5 м. По-видимому, это было одно из основных жилых сооружений усадьбы. Из-за того, что сруб был возведен на неровном месте, где наблюдалось заметное понижение материка, строителям пришлось использовать довольно мощные фундаментные подкладки в сочетании с гатью в виде веток и стволов небольших деревьев (преимущественно елок). Под восточной стеной зафиксирован фундаментный опорный столб, так называемый стул. Столь основательный фундамент мог быть связан не только с неровностями рельефа, но и с развитостью сооружения по вертикали. Среди находок, обнаруженных в срубе, в первую очередь выделяется берестяная грамота

[3] О датировках построек см.: Тарабардина, 2006. С. 22.

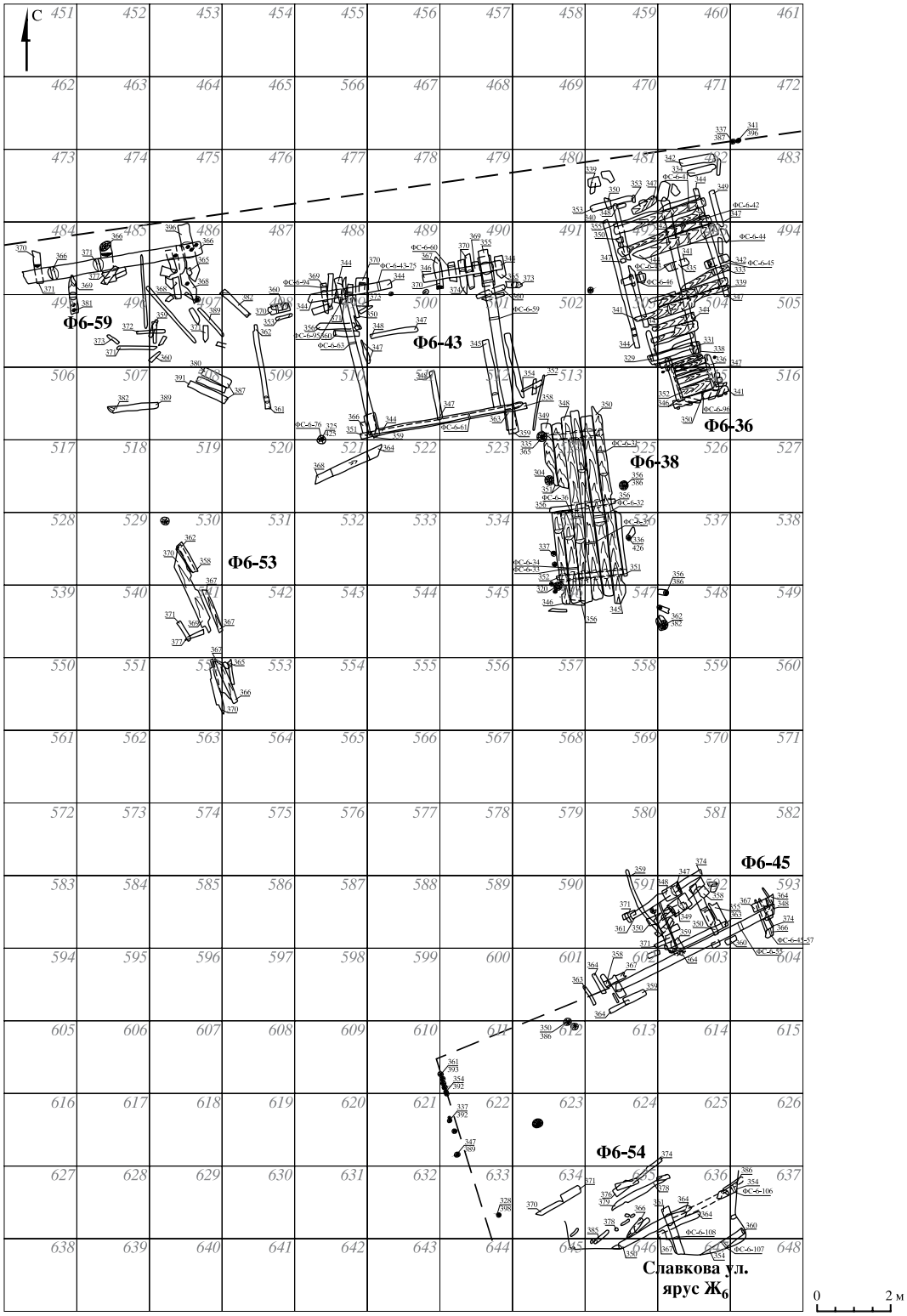


Рис. 2. Федоровский раскоп. Застройка усадьбы Ж ярусов 7_6/$Ж_6$ (1079–1097 гг.).

№ 789 (рис. 3, *1*)[4], представляющая собой долговой список. В нем перечислены недоимки жителей населенных пунктов у восточной границы будущей Бежецкой пятины и самого Бежецкого Верха; это свидетельствует о том, что данные территории были освоены новгородскими государственными пошлинами уже в 80-е годы XI в. (Янин, Зализняк, 1998. С. 33–36.). Среди прочих находок очень выразительные деревянные зооморфная и антропоморфная фигурки; бронзовый орнаментированный амулет-топорик (рис. 3, *8*); обломки деревянных точеных блюда и сосуда с владельческим знаком; воск, скорлупа грецких орехов, обломки стеклянных сосудов.

Восточнее сруба Ф6-59 одновременно с ним возводится сруб Ф6-43 – подквадратная в плане постройка с полом и мощными фундаментными подкладками под северной стеной (что свидетельствует об уклоне местности в этом направлении). Ориентировка сруба – меридиональная, размеры – около 5 × 5 м. Как видим, оба сруба были близки по форме, габаритам и, вероятно, конструкции. Однако вещевой материал из сруба Ф6-43 заметно беднее. Среди прочего здесь обнаружены костяной томар и обломки счетной бирки.

Около 1081 г. восточнее сруба Ф6-43 появляется сооружение Ф6-36 – меридионально ориентированный прямоугольный сруб с хорошо сохранившимся полом. Его размеры 6 × 3.6 м. У южной стены постройки располагалось крыльцо, всход которого был сделан из чередующихся досок и бревен. В срубе обнаружены персиковая косточка, скребница, фрагменты амфоры и т.д.

Немного южнее, между срубами Ф6-43 и Ф6-36 около 1084 г. был сооружен настил из мощных плах, ориентированных меридионально (Ф6-38). Его размеры 5.5 × 2 м. Настил, вероятно, имел кровлю, которая опиралась на столбы – их остатки зафиксированы с западной и восточной сторон вымостки. По-видимому, и сруб Ф6-36, и настил имели хозяйственное назначение. При расчистке настила, в частности, были найдены обломок стеклянного инкрустированного браслета византийского происхождения (рис. 3, *9*) и воск.

В южной части усадьбы находился еще один сруб с крыльцом Ф6-45, построенный около 1082 г. (вход в постройку располагался с севера). Он имел меридиональную ориентировку и протяженность в направлении восток–запад не менее 5.5 м. Часть территории усадьбы поблизости сруба была огорожена частоколом, который, судя по частокольной канавке в материке, подходил к западной стене сооружения. Вероятно, постройка также имела хозяйственное назначение: среди находок кисть для смоления, дубовый клин, а также обломки стеклянного сосуда и амфоры. В районе сруба, а также на территории, ограниченной частоколом, наблюдалась заметная концентрация массового материала (в первую очередь фрагментов керамики).

К юго-востоку от сруба Ф6-45 поблизости от Славковой улицы обнаружены остатки вымостки Ф6-54, уложенной вдоль уличной трассы. Судя по всему, на территории усадебного двора, располагавшегося между постройками южной (Ф6-45 и Ф6-54) и северной (Ф6-59, Ф6-43, Ф6-38 и Ф6-36) частей усадьбы, также размещались дворовые вымостки. Прослежены остатки одной из них (Ф6-53). Она имела направление север–юг и протяженность не менее 5 м.

Представленная схема застройки, включающая две группы построек, расположенные вдоль северной и южной границ усадьбы, и мощения на территории усадебного двора, является традиционной для всего исследуемого периода.

Среди находок, относящихся к ярусу 7_6 усадьбы Ж, обнаруженных вне построек, деревянный цилиндр с надписью "...**ρєвъ•є гривн**"[5] (рис. 3, *6*), золотое трехбусинное височное кольцо с зернью (рис. 3, *3*); фрагмент железной пряжки с зооморфным завершением; односторонний костяной орнаментированный гребень; бронзовый пинцет; фрагменты стеклянных сосудов; обломок стеклянного инкрустированного браслета византийского производства (рис. 3, *10*)[6]; фрагмент кольцевидной ручки от полумайоликовой белоглиняной чашки с глазурью, по-видимому, относящейся к византийскому кругу изделий (Коваль, Хижняков, Дубровин, б/г) (рис. 3, *7*); обломки амфор; предметы вооружения: железный бронебойный наконечник стрелы, железная оковка ножен, детали транспортных средств; кожаные изделия; орудия труда, инструменты и традиционные бытовые предметы.

[4] Прорись грамоты приводится в соответствии с публикацией на сайте "Древнерусские берестяные грамоты":http://gramoty.ru/http://lrc-lib.ru/_gramoty/prorisi/bb789.gif.

[5] Начало надписи, к сожалению, не сохранилось. Первое слово, которое оканчивалось на "…ревъ", по-видимому, обозначало в форме притяжательного прилагательного или имя (Лазарь, Щекарь, Питарь, Упырь? и т.д.), или должность (?) владельца запечатанного цилиндром мешка и его содержимого, эквивалентного пяти гривнам (см. Янин, 2001. С. 31–47). Вполне вероятно, что этим владельцем являлся человек, живший в конце XI в. на усадьбе Ж. По-видимому, он был емцом, мечником или вирником, занимавшимся сбором податей, поскольку сумма в 5 гривен, вырезанная на цилиндре соответствует традиционной доле этих представителей администрации (обычно 3–5 гривен) (Янин, 2001. С. 93–109).

[6] Еще один обломок был найден в постройке Ф6-38 (см. выше).

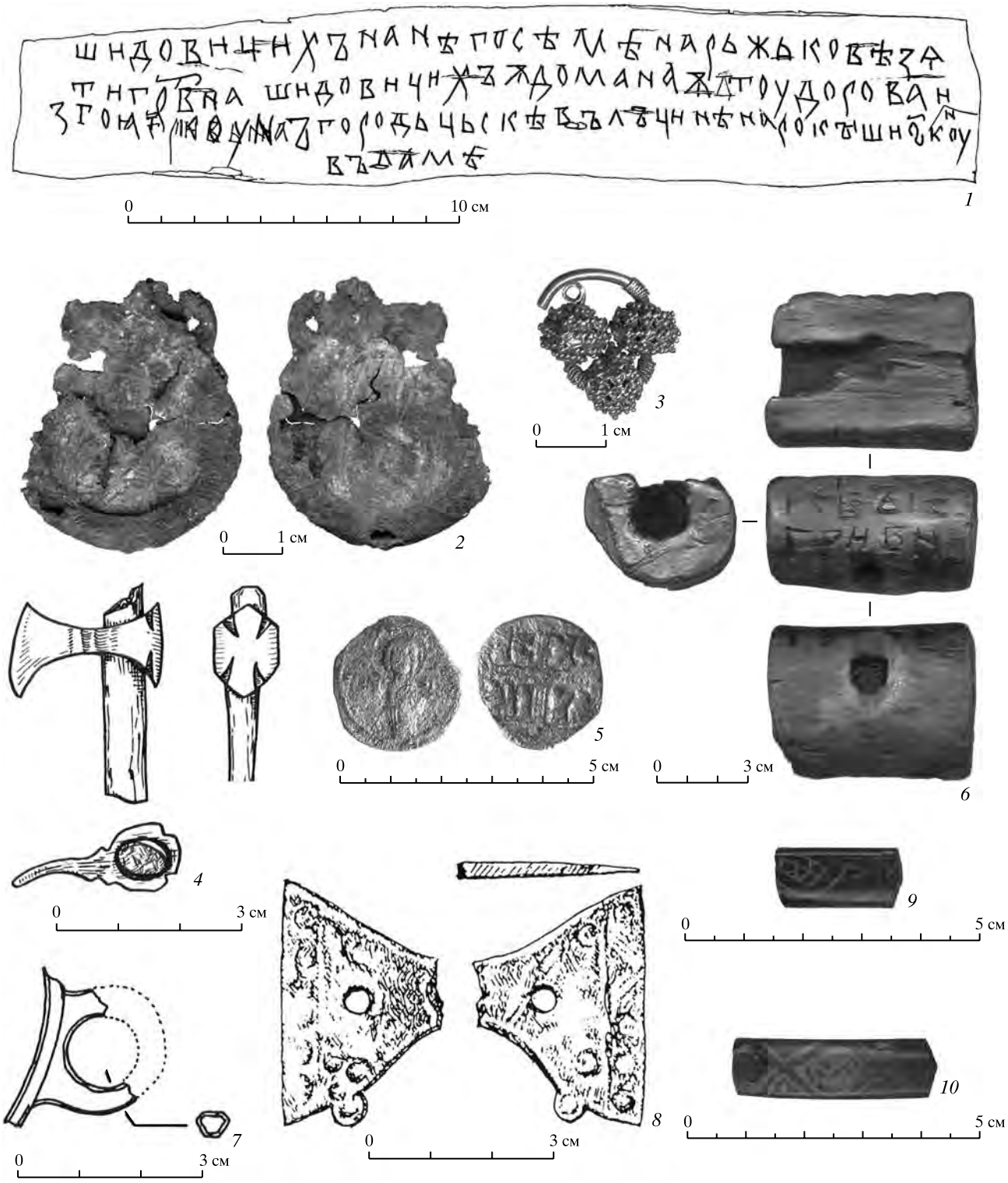


Рис. 3. Федоровский раскоп. Усадьба Ж конца XI – первой пол. XII в. Находки (в их паспортах первая цифра обозначает пласт, вторая – квадрат, третья – полевой номер): *1* – берестяная грамота № 789, 19(гл.-374)-484-№ 8; *2* – ампула-эвлогий, свинец, 17-495-№19; *3* – трехбусинное височное кольцо, золото, 19-575-№14; *4* – амулет-топорик с рукоятью, бронза, дерево, 18-519-№80; *5* – монета византийская (фоллис), бронза, 18-542-№67; *6* – цилиндр с надписью, дерево, 19-581(гл.-375)-№22; *7* – чашка, фрагмент, глина, 19-601-№26; *8* – амулет-топорик, бронза, 19-520-№35; *9, 10* – браслет полихромный, фрагменты, стекло, 18-535-№33; 19-535-№43.

Комплекс датированных построек усадьбы Ж раннего периода дает редкую возможность проследить достаточно подробно картину формирования усадьбы (Tarabardina, 2001. S. 106, 107): сначала около 1079 г. вдоль ее северной границы возводятся основные жилые постройки (Ф6-59, Ф6-43), двумя годами позже, в 1081 г. рядом появляется небольшой сруб хозяйственного назначения (Ф6-36), далее сооружается хозяйственная же постройка в юго-восточной части усадьбы (Ф6-45) (1082 г.), а завершает процесс усадебного благоустройства сооружение настила (Ф6-38) (1084 г.) и дворовых вымосток. Таким образом, основные строительные работы при возведении первого усадебного комплекса занимают 5 лет. Чуть позже, в 1086 г., на Славковой улице появляется первая регулярная мостовая (**ярус Ж$_6$**), сооруженная по "классической" схеме (три продольные лаги, опирающиеся на подкладки + поперечные плахи)[7].

В конце 90-х годов XI в. – середине 30-х годов XII в. (ярусы 6$_6$/Е$_6$, 1097–1134 гг.) (рис. 4) северная и южная границы усадьбы Ж, а также ее планировка оставались неизменными. Около 1097 года на месте двух крупных срубов яруса 7$_6$ возводятся новые дома: на месте сруба Ф6-59 – постройка Ф6-44, а на месте сруба Ф6-43 – сруб Ф6-41. В новых срубах в качестве подкладок широко используется дерево из построек предыдущего яруса 7$_6$ (1079 г.). Столь быстрая смена застройки связана, вероятно, с разрушительным пожаром 1097 года, когда "погорѣ онъ полъ" (ПСРЛ, 2000. С. 202).

Сруб Ф6-44, представлявший собой меридионально ориентированную прямоугольную в плане постройку размерами 5.4 × 5 м, как и его предшественник, обладал мощной системой подкладок (местами двухъярусных) в сочетании с гатью. У южной стены постройки располагалось крыльцо. Среди находок из этого сруба следует упомянуть бронзовый амулет-топорик с обломком деревянной рукоятки (рис. 3, *4*); фрагмент бронзового ременного разделителя, вероятно, восточного происхождения; гарпунный наконечник стрелы; обломок счетной бирки; обломки амфор и стеклянных сосудов. Вдоль восточной и южной стен сруба Ф6-44 располагались дворовые вымостки Ф6-40 и Ф6-42.

Восточнее, на месте сруба Ф6-43 яруса 7$_6$ был построен сруб Ф6-41 – меридионально ориентированная подквадратная в плане постройка размерами около 5,8 × 5,8 м. Как и его предшественник, сруб Ф6-41 обладал очень мощным фундаментом под северной стеной, сочетавшим в себе вертикальные столбы – "стулья" и горизонтальные подкладки, уложенные на специальные опорные бревна. Прослежены фрагменты пола. Находки из сруба представлены традиционными бытовыми предметами.

В южной части усадьбы поблизости от Славковой улицы зафиксированы остатки трех небольших сооружений плохой сохранности. В центре этой группы находился сруб Ф6-33 – ориентированная по трассе Славковой улицы постройка размерами около 5 × 4,3 м. Находки из сруба – ординарные предметы быта. Севернее указанного сруба располагался дощатый настил Ф6-35, объединяющий между собой все три сруба южной части усадьбы. К востоку от сруба Ф6-33 размещался сруб Ф6-28 – ориентированное по трассе Славковой улицы сооружение размерами не менее 4.5 × не менее 4 м. Сооружение Ф6-34 западнее сруба Ф6-33 сохранилось фрагментарно: прослежен лишь северо-восточный угол постройки, вероятно, также ориентированной по Славковой улице.

В западной части усадьбы Ж находилась еще одна постройка, Ф6-31, от которой сохранились только фундаментные подкладки.

В центре усадьбы, на территории двора зафиксированы многочисленные остатки вымосток (Ф6-29, Ф6-30). Они соединяли между собой северную группу построек (Ф6-41 и Ф6-44) с сооружениями, располагавшимися в южной части усадьбы у Славковой улицы (Ф6-33, Ф6-34, Ф6-28).Среди находок, обнаруженных на дворовых вымостках, бронзовая чашка весов и перстень из сплава с ложной зернью.

Около 1100 г. сооружается очередная мостовая Славковой улицы (**ярус Е$_6$**).

Из находок, найденных вне сооружений усадьбы Ж на уровне яруса 6$_6$, следует упомянуть колечко из золотой проволоки, византийскую бронзовую монету (анонимный фоллис первой половины XI в.[8]) (рис. 3, *5*), обломок счетной бирки, полоз от детских или водовозных санок, а также множество обычных бытовых вещей. Следует отметить, что на уровне ярусов 6$_6$ и 7$_6$ было найдено несколько деревянных поделок, напоминающих фрагменты резных наличников ("полотенец"), а также скопление однотипных деревянных деталей трапециевидной формы, по-видимому, являвшихся декоративными наборными балясинами. Вероятно, этими балясинами и "полотенцами" были украшены постройки богатой усадьбы Ж.

[7] Сохранились лишь элементы опорной конструкции – лаги и подкладки.

[8] Определение П.Г. Гайдукова.

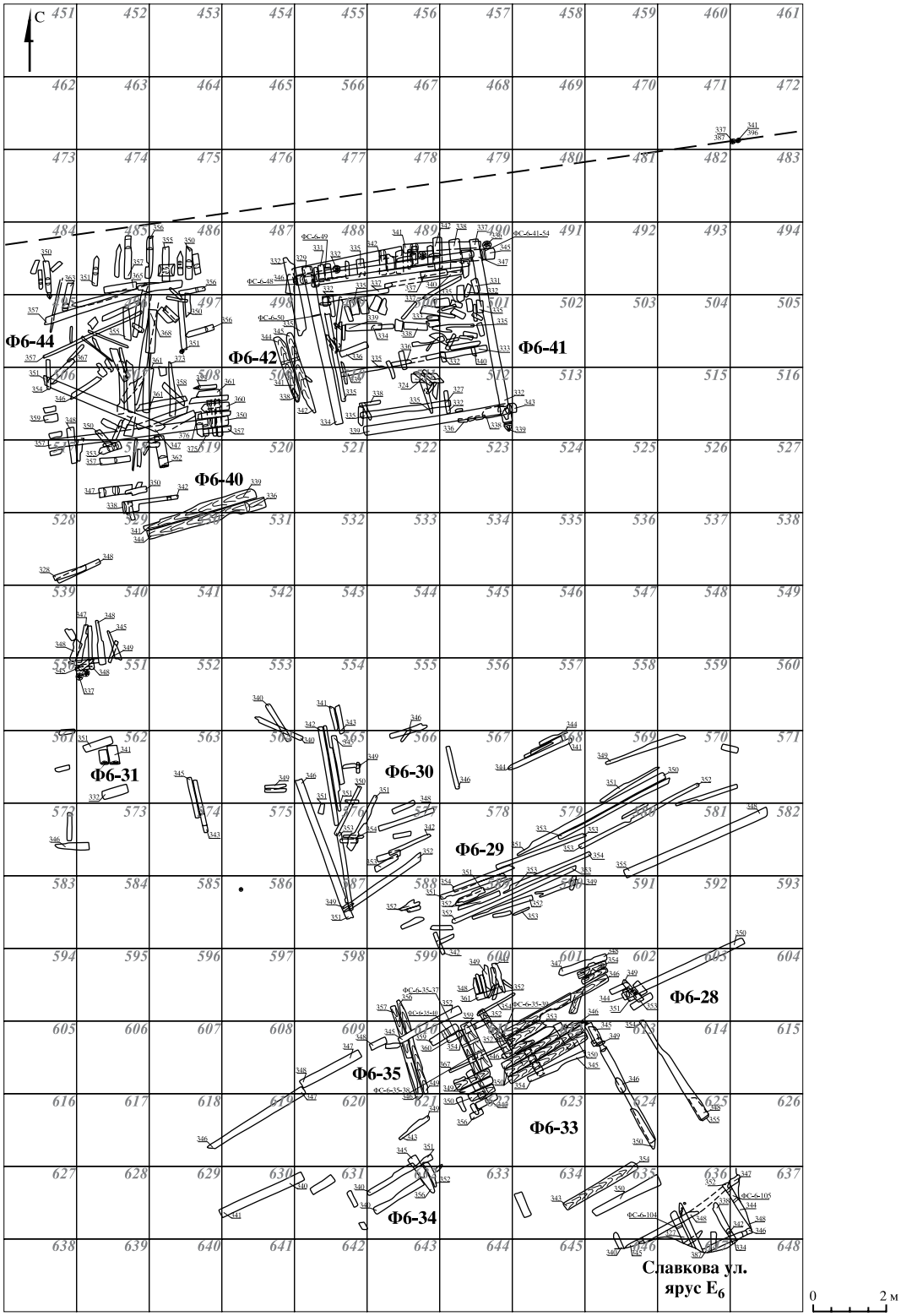


Рис. 4. Федоровский раскоп. Застройка усадьбы Ж ярусов $6_6/E_6$ (1097–1134 гг.).

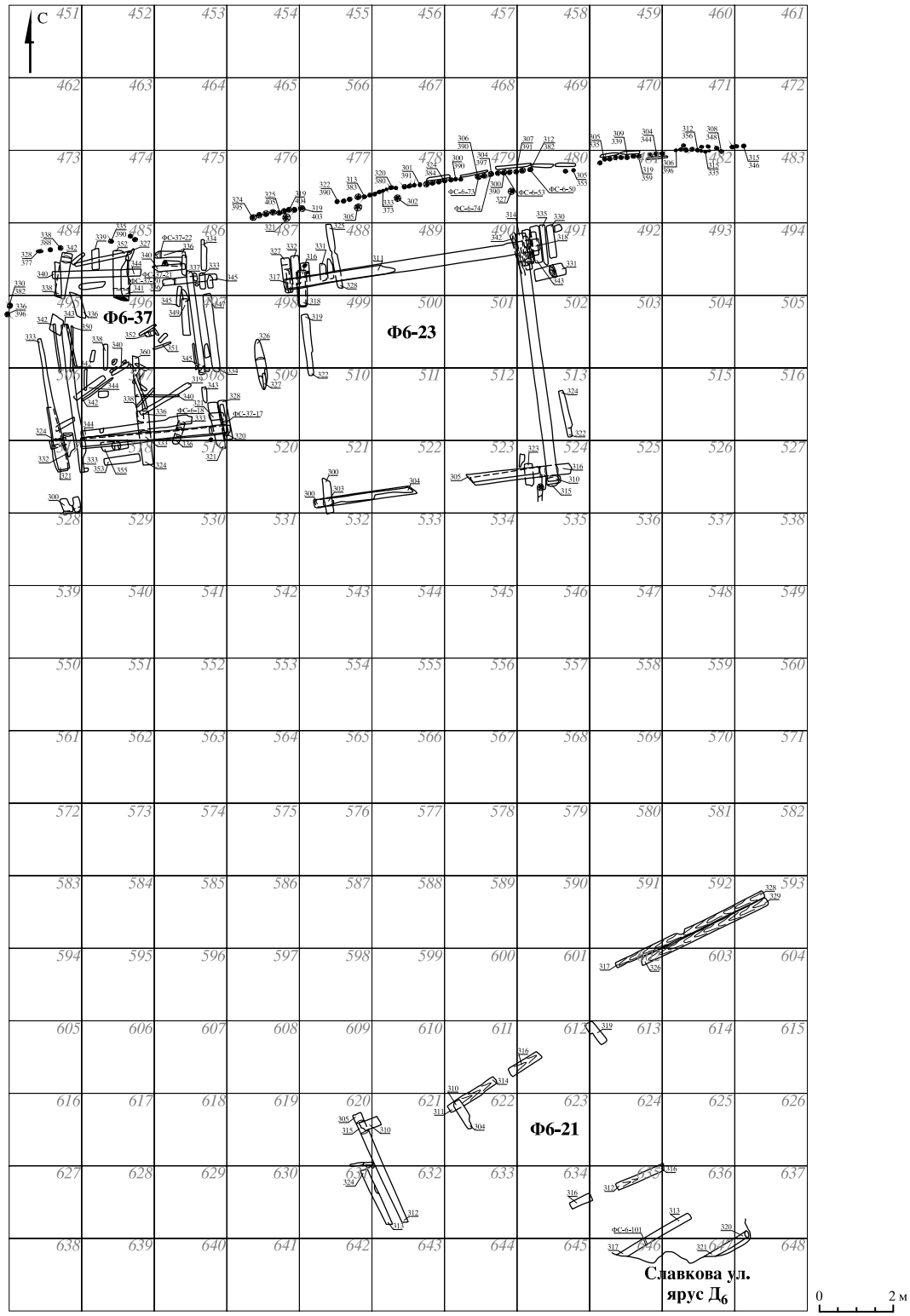


Рис. 5. Федоровский раскоп. Застройка усадьбы Ж ярусов 5_6/$Д_6$ (1134–1152 гг.).

Период середины 30 – начала 50-х годов XII в. (ярусы 5_6/$Д_6$ (1134 – 1152 гг.) (рис. 5) представляет завершающий этап ранней фазы существования усадьбы, характеризующийся единой схемой застройки и неизменностью (или родственной преемственностью) ее владельцев.

Общий принцип застройки не меняется: по-прежнему существуют две группы построек (северная и южная), разделенные усадебным двором. Остаются неизменными северная и южная границы усадьбы Ж; в ярусе 5_6 обозначается и ее западная граница. Она прослеживается по фрагменту частокола, зафиксированному западнее сруба Ф6-37 и в западном профиле Федоровского VI раскопа.

В северной части усадьбы Ж поблизости от межусадебного частокола зафиксированы остатки двух срубов – Ф6-37 и Ф6-23. Сруб Ф6-37 размерами около 6 × 5.4 м был возведен на месте сруба Ф6-44 яруса 6_6 около 1136 г. Так же, как и предшествующие ему на этом месте постройки, он был построен на капитальном основании, где использовались мощные фундаментные подкладки и гать. Среди находок, связанных с постройкой, можно выделить обломок свинцовой ампулы-эвлогия византийского происхождения с изображениями Христа и св. Дмитрия Солунского (рис. 3, *2*).

Восточнее сруба Ф6-37, на месте сооружения Ф6-41 яруса 6_6, был возведен сруб Ф6-23 – подквадратная в плане меридионально ориентированная постройка размерами около 7.2 × 7.2 м. Как и его предшественники (сооружения Ф6-41 яруса 6_6 и Ф6-43 яруса 7_6), сруб имел мощную систему подкладок под северной стеной. Вероятно, между его северной стеной и межусадебным частоколом находилась крытая пристройка, кровля которой покоилась на столбах. Среди находок из сруба фрагмент смальты и обломок стеклянного сосуда.

К сожалению, остатки южной группы построек усадьбы Ж на этом уровне сохранились очень плохо. Можно лишь судить о существовании одного сруба – Ф6-21, ориентированного на Славкову улицу и, вероятно, обладавшего полом. По-видимому, с востока к срубу подходила дощатая вымостка. О том, что здесь по-прежнему располагалась хозяйственная зона усадьбы, свидетельствуют находки грузил и чекмаря.

Около 1141 года на Славковой улице появляется новая мостовая (**ярус $Д_6$**). Среди находок, найденных вне сооружений на уровне яруса 5_6 усадьбы Ж, свинцовая пломба дрогичинского типа с двумя княжескими знаками[9], обломок шпоры, фрагменты амфор и скорлупа грецкого ореха.

Этим ярусом завершается ранняя фаза существования усадьбы Ж (ярусы 5_6–7_6), датируемая концом 70-х годов XI в. – началом 50-х годов XII в. В дальнейшем усадьба, по-видимому, сменила владельцев, что выразилось в значительной перепланировке и заметном снижении ее имущественно-социального статуса.

Таким образом, в 1079–1084 гг. на ранее не освоенной территории вне древнейших концов Новгорода практически одновременно с прокладкой первых мостовых Славковой улицы строится богатая усадьба (Ж), владельцами которой являются достаточно зажиточные люди, вероятно, имеющие отношение к сборам государственных пошлин (в том числе и на окраинах Новгородской земли – на восточной границе будущей Бежецкой пятины и в Бежецком Верхе). Высокий социальный статус насельников усадьбы Ж подтверждает и комплекс (паломнический?) находок византийского происхождения. Устойчивость планировочной структуры усадьбы, а также неизменно высокий имущественный уровень ее обитателей сохраняется вплоть до сер. XII в., т.е. около 70 лет, что может свидетельствовать о том, что на протяжении этого времени усадьбой владели представители одной семьи, обладавшие стабильными доходами.

Можно высказать предположение о возможной связи обитателей усадьбы Ж с княжеским двором. Ведь, судя по “Уставу князя Ярослава о мостех”, те же огнищане (а вместе с ними гриди и другие приближенные князя), по-видимому, жили в районе к северу от Княжего двора (Древнерусские..., 1976. С. 151; Назаров, 1984. С. 119–120; Носов, 1989. С. 44;), т.е. на территории будущего Плотницкого конца (Дубровин, 2010. С. 49).

Исторический контекст раннего периода существования усадьбы Ж можно представить следующим образом. В 1078 г. в Новгород прибывает младший сын князя Изяслава Ярославича Святополк Изяславич (ПСРЛ, 1997. Стб. 199–200; ПСРЛ, 2000. С. 18, 201; 161, 470), который княжит здесь до 1088 г., после чего на новгородском столе его сменяет внук Всеволода Ярославича Мстислав Владимирович (ПСРЛ, 1997. Стб. 207; ПСРЛ, 2000. С. 161, 470). Мстислав княжит в Новгороде пять лет, а затем, с перерывом в два года, еще 20 (ПСРЛ, 2000. С. 161, 470). В 1117 г. он уходит в Киев, а новгородский стол передает своему сыну Всеволоду-Гавриилу, который, в свою очередь, сидит в Новгороде около 20 лет до 1136 г. (ПСРЛ, 2000. С. 204, 209; 161, 470). После этого период относительной “стабильности

[9] По классификации Б.Д. Ершевского эта пломба относится к типу IV, бытовавшему в нач. XII – первой трети XIII в. и может принадлежать лицам, входившим в систему княжеской администрации Новгорода (Ершевский, 1991. С. 42).

в князьях” заканчивается и вплоть до сер. XII в. на Новгородском столе сменяют друг друга представители разных княжеских домов, причем никто из них здесь долго не задерживается (ПСРЛ, 2000. С. 161, 470).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что дата начала возведения на внекончанской территории первоначального[10] комплекса застройки усадьбы Ж (около 1079 г.) близка ко времени прибытия в Новгород (со своим двором) князя Святополка Изяславича (1078 г.). Следовательно, с определенной долей вероятности, можно предположить, что первым владельцем этой усадьбы мог быть один из людей, находящихся на службе у Святополка и прибывших в Новгород вместе с ним. В обязанности владельца усадьбы Ж (емца, мечника или вирника?), судя по археологическому материалу, входил сбор государственных пошлин[11], что, безусловно, способствовало его обогащению и укрепляло его социальный статус. Длительное новгородское княжение Святополка, продолжавшееся около 10 лет, способствовало укоренению первого владельца усадьбы и его потомков в Новгороде, где они, судя по археологическому материалу, остались и после ухода Святополка и прибытия в город Мстислава Владимировича, на службу к которому они, по-видимому, перешли[12]. После этого вплоть до 1136 г., с двухлетним перерывом, в Новгороде наблюдался длительный период “стабильности в князьях”, когда представители княжеской администрации (к каковым предположительно могут быть отнесены владельцы усадьбы Ж) могли постоянно находиться на службе сначала у Мстислава Владимировича, а затем его сына Всеволода-Гавриила.

Можно предположить, что кто-то из обитателей усадьбы Ж совершил паломничество к святым местам в г. Фессалоники (Солунь), откуда, наряду с другими византийскими предметами (фоллисом, инкрустированными стеклянными браслетами, полумайоликовым сосудом) была привезена ампула-эвлогий с изображением Христа и св. Дмитрия Солунского[13]. Следует отметить, что именно ко времени осуществления этого предполагаемого паломничества, т.е. ко второй половине XI – началу XII в., относятся первые достоверные свидетельства письменных источников (Иоанн Скилица, Анна Комнина) о мироточении мощей св. Дмитрия (Мусин, 2009. С. 240, 241). Вряд ли длительное и небезопасное паломническое путешествие из Новгорода к святым местам Византии было доступно для малообеспеченных слоев общества, что лишний раз подтверждает высокий имущественный и социальный статус владельцев усадьбы Ж на Славковой улице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976. 240 с.

Дубровин Г.Е. О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (41). М.: РФК-Имидж Лаб, 2010. С. 48–54.

Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги // Новгородские археологические чтения-2: материалы науч. конф., посвящ. 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского. Великий Новгород, 2004. С. 224–233.

Ершевский Б.Д. Характеристика свинцовых пломб из собрания Новгородского музея-заповедника //125 лет Новгородскому музею: материалы науч. конф. Великий Новгород, 1991. С. 40–45.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., Дубровин Г.Е. 2.3.17. Изделия из глины // Федоровский раскоп в Новгороде [Рукопись]. М., б/г. С. 746–755.

Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время: сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 1–16.

Мусин А. Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // Archeologica Avraamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.

[10] И сразу же весьма богатого и представительного.

[11] См.: Мусин, 2010. С. 34.

[12] Переходу на службу к новому князю, кроме обычного права, вероятно, способствовало и то, что смена князей в Новгороде в 1088 г. произошла бесконфликтно по взаимной договоренности Святополка с сидевшим в Киеве Всеволодом Ярославичем, который перевел его в Туров с правом наследования киевского стола (Кучкин, 1999. С. 14, 15).

[13] Объединение всех этих предметов в единый комплекс может вызвать некоторые сомнения, ввиду отсутствия строгой одновременности попадания их в культурный слой (стеклянные браслеты и полумайоликовый сосуд – ярус 7_6, фоллис – ярус 6_6, ампула-эвлогий – ярус 5_6) с конца 70-х годов XI в. до середины 50-х годов XII в. Однако указанное обстоятельство вовсе не исключает возможности одновременного появления этих вещей на усадьбе Ж, которое можно связать с возвращением в Новгород паломника из Солуни. Это событие могло произойти в конце 70–90-х годов XI в. (первые находки византийских вещей – ярус 7_6). В дальнейшем привезенные предметы, ввиду их сувенирной (бронзовый фоллис) и, что самое главное, сакральной ценности (ампула-эвлогий) могли долгое время храниться в семье, которая стабильно владела усадьбой Ж вплоть до середины XII в.

Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 364 с.

Назаров В.Д. О феодальном землевладении в Новгородской республике (к выходу книги В.Л. Янина "Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981") // ИС. 1984. № 2. С. 112–121.

Носов Е.Н. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 44–52.

ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.

ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.

Тарабардина О.А. Дендрохронологические шкалы средневекового Новгорода: Федоровский раскоп // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 38. Великий Новгород. С. 19–23.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2001. 151 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // ВЯ. 1998. № 3. С. 26–42.

Tarabardina Olga A. Dendrochronologische Forschungen in Novgorod // Novgorod: das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Neumunster: Wachholtz, 2001. S. 99–108.

TOWNSPLOT G AT THE FYODOROVSKIY EXCAVATION SITE AT THE END OF THE 11th – THE FIRST HALF OF THE 12th c.

Gennadii E. Dubrovin*, Olga A. Tarabardina**

* *Institute of Archaeology of RAS, Moscow (gendub@mail.ru)*
** *Novgorod Museum-Reserve, Velikiy Novgorod (o.tarabardina@mail.ru)*

The article is devoted to the townsplot G in the last third of the 11th – the middle of the 12th c. The plot G was situated in the Fyodorovskiy excavation site in the Plotnitsky "konets" (district) of medieval Novgorod, on the southern shore of the Fyodorovskiy stream. The plot arose in the late 11th century on the Slavkova street, the first paving level of which was laid simultaneously with the formation of the early building phase of the plot (1079–1086).The archaeological material from this plot indicates a consistently high economic and social status of its inhabitants. The stability of the layout during approximately 70 years indicates that the members of one family owned the plot. The finding of a birch bark document № 789 with the list of inhabitants' debts of the settlements near the eastern border of the future Bezhetsk Pyatina, as well as wooden cylindrical lock indicating the amount in five hryvnias, can attest to the fact that the owner of the plot, perhaps, was on the Prince's service as the "emets" or "mechnick" (swordsman) and was engaged in the collection of taxes on the eastern border areas of the Novgorod land. The complex of finds of Byzantine origin (the lead ampoule with the image of Christ and St. Demetrios, bronze coin – anonymous follis of the first half of the 11th century, fragments of inlaid glass bracelets and piece of semi-majolica vessel) suggests that at the end of the 11th century representative of the family, who owned the plot G, presumably, made a pilgrimage to Byzantium, to the Holy places in Thessaloniki (Solun) – the place of veneration of St. Demetrios.

Key words: Novgorod, Fyodorovskiy excavation site, Slavkova street, the estate G, constructions, dendrodata, property and social status.

REFERENCES

Drevnerusskie..., 1976. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Ancient Russian Principality Statutes of 11th – 15th cc.]. Moscow: Nauka. 240 p.

Dubrovin G.E., 2010. O boyarstve Plotnitskogo kontsa srednevekovogo Novgoroda [On boyar nobility of the Plotnistkii konets of medieval Novgorod]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Rus. Medieval Studies' Issues]*, 3(41). Moscow: RFK-Imidzh Lab, pp. 48–54.

Dubrovin G.E., Tarabardina O.A., 2004. Fedorovskiy raskop v Novgorode. Nekotorye itogi [Fiodorovskii excavation site in Novgorod. Some results]. *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya-2: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 100-letiyu so dnya rozhdeniya osnovatelya Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo [Novgorod archaeological readings-2: materials of scientific conference devoted to the 70th anniversary of archaeological studies of Novgorod and*

100th anniversary of the founder of Novgorod archaeological expedition A. V. Artsikhovskiy]. Velikiy Novgorod, pp. 224–233.

Ershevskiy B.D., 1991. Kharakteristika svintsovykh plomb iz sobraniya Novgorodskogo muzeya-zapovednika [Characteristics of the lead seals from the collection of Novgorod open-air Museum]. *125 let Novgorodskomu muzeyu: materialy nauchnoy konferentsii [125th anniversary of Novgorod Museum: materials of scientific conference]*. Velikiy Novgorod, pp. 40–45.

Koval' V.Yu., Khizhnyakov O.I., Dubrovin G.E. 2.3.17. Izdeliya iz gliny [2.3.17. Products made of clay]. *Fedorovskiy raskop v Novgorode: Rukopis' [Fiodorovskiy excavation site in Novgorod: Manuscript]*. Moscow. S. 746–755. (Unpublished).

Kuchkin V.A., 1999. Chudo sv. Panteleymona i semeynye dela Vladimira Monomakha [The miracle of the Saint Pantaleon and family matters of Vladimir Monomakh]. *Rossiya v srednie veka i novoe vremya: sbornik statey k 70-letiyu chlena-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk L.V. Milova [Russia in the Middle Ages and Modern Time: collection of articles to the 70th anniversary of associate member of Russian Academy of Sciences L.V. Milov]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 1–16.

Musin A.E., 2009. Palomnichestvo v Drevney Rusi: istoricheskie kontseptsii i arkheologicheskie realii [Pilgrimage in Ancient Rus: historical concepts and archaeological realia]. *Archeologica Avraamica: issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama [Archeologica Avraamica: studies in the field of archaeology and art traditions of Judaism, Christianity and Islam]*. L.A. Belyaev, ed., comp. Moscow: Indrik, pp. 231–272.

Musin A.E., 2010. Tserkov' i gorozhane srednevekovogo Pskova. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Church and town people of medieval Pskov. Historical and archaeological researches]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 364 p.

Nazarov V.D., 1984. O feodal'nom zemlevladenii v Novgorodskoy respublike (k vykhodu knigi V.L. Yanina "Novgorodskaya feodal'naya votchina. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie. M., 1981") [On feudal land owing in Novgorod Republic (to the publication of the book by V.L. Ianin "Novgorod feudal domain. Historical-genealogical research". M., 1981")]. *Istoriya USSR [USSR History]*, 2, pp. 112–121.

Nosov E.N., 1989. Ognishchane i problema formirovaniya novgorodskogo boyarstva [Ognishchane and the problems of Novgorod boyar nobility forming]. *Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda [History and culture of ancient Russian town]*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 44–52.

PSRL, 1997. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [Lavrentjev chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 733 p.

PSRL, 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [First Novgorod chronicle of older and younger recension]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 692 p.

Tarabardina O.A., 2006. Dendrokhronologicheskie shkaly srednevekovogo Novgoroda: Fedorovskiy raskop [Treering scales of medieval Novgorod: Fiodorovskiy excavation site]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya Gumanitarnye nauki [Vestnik of Yaroslav Mudrii Novgorod State University. Series Humanitarian Sciences]*, 38. Velikiy Novgorod, pp. 19–23.

Tarabardina Olga A., 2001. Dendrochronologische Forschungen in Novgorod. *Novgorod: das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands*. Neumunster: Wachholtz, pp. 99–108.

Yanin V.L., 2001. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of Novgorod statehood]. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet. 151 p.

Yanin V.L., Zaliznyak A.A., 1998. Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 1997 g. [Birch bark manuscripts from Novgorod excavation sites in1997]. *Voprosy yazykoznaniya [Voprosy Jazykoznanija]*, 3, pp. 26–42.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 113–122

СТЕНКА В ЮЖНОЙ АПСИДЕ СОБОРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ И АЛТАРНЫЕ ПРЕГРАДЫ ПРИДЕЛОВ НОВГОРОДСКИХ ХРАМОВ XII в.

© 2015 г. Вл.В. Седов

Институт археологии РАН, Москва (sedov1960@mail.ru)

В статье рассмотрены примеры устройства невысоких стенок-преград в южных боковых апсидах соборов Новгорода и Новгородской земли XII – начала XIII в.: Пантелеймонова монастыря, Николо-Дворищенского, Спасской церкви и церкви на р. Ладожка. Их можно интерпретировать как алтарные преграды приделов, помещенных в южных отделениях алтаря. Аналогии им находятся в пещерных храмах Каппадокии средневизантийского периода. По всей видимости, можно говорить об общем для Византийского мира способе устройства придельных алтарей, распространившемся в Новгородской земле.

Ключевые слова: Новгород, Ладога, собор Пантелеймонова монастыря, Николо-Дворищенский собор, Спасская церковь, церковь на р. Ладожке, Каппадокия, южная апсида, стенка-преграда.

В 2009 г., при раскопках собора Пантелеймонова монастыря (сооружен в 1207 г.: Новгородская первая летопись..., 1950. С. 50, 247), в западной части южной боковой апсиды обнаружилось, что эта апсида трехапсидного четырехстолпного храма новгородского типа, характерного для второй половины XII – начала XIII в., была отделена от основного пространства храма, наоса, тонкой (40 см) каменной стенкой (рис. 1), сложенной из плинфы начала XIII в. (одного размера с плинфой столбов и стен самого храма 1207 г.) на известково-цемяночном растворе. Она не перевязана ни с южной стеной храма, ни с межапсидной стенкой с севера, ни с фундаментной полосой, соединявшей торец межапсидной стенки и юго-восточный подкупольный столб. Была поставлена без фундамента прямо на слой строительного мусора, образовавшийся в процессе строительства храма 1207 г. В высоту сохранилась на 1-2 ряда плинфы (до 10 см). Очевидно, стенка не была очень высокой. В южной части нарушена валунами фундамента стены более позднего времени (валун отмечен и в северной части стенки).

Предварительно стенку можно интерпретировать как преграду, отделявшую пространство в южной апсиде собора. Представляется, что это – основание алтарной преграды придела, существовавшего в южном боковом полукружии храма. Следует отметить, что южная боковая апсида собора Пантелеймонова монастыря несколько расширена относительно северного бокового полукружия; расширение южной апсиды вызвало и расширение южного бокового нефа храма (рис. 2). Для уверенной атрибуции стенки не хватает данных об уровне пола, а также о других конструкциях южной боковой апсиды восточнее самой преграды: еще в 1372 г. она (как и северная апсида) в процессе перестройки храма была отломана, причем как раз по линии восточного обреза рассматриваемой конструкции. Пол самого храма доходит до подножия стенки в южной апсиде, а далее к востоку уровень пола и нижележащие слои утрачены.

Для правильного понимания назначения упомянутой стенки следует обратиться к аналогиям в древнерусской архитектуре, прежде всего, – в новгородской. Заметим сразу, что в зодчестве других земель Руси в домонгольское время такие приделы и отделяющие их стенки нам неизвестны. Однако в самом Новгороде и в Ладоге, входившей в состав Новгородской земли, подобные сооружения есть.

Такую конструкцию в южной апсиде Никольского собора на Дворище, заложенного в 1113 г., при археологических раскопках 1988–1989 гг. обнаружил В.А. Булкин (2002. С. 271–273). По его сообщению, стенка была сооружена несколько позже самого храма и располагалась не при входе в апсиду, как это зафиксировано в соборе Пантелеймонова монастыря, а в ее глубине (толщина стенки – 30 см, восточная сторона, как и в церкви Пантелеймона, хорошо обработана) (рис. 3). Преграда в Никольском соборе отделяла разные уровни пола в самом храме и его южной апсиде: на первоначальный пол

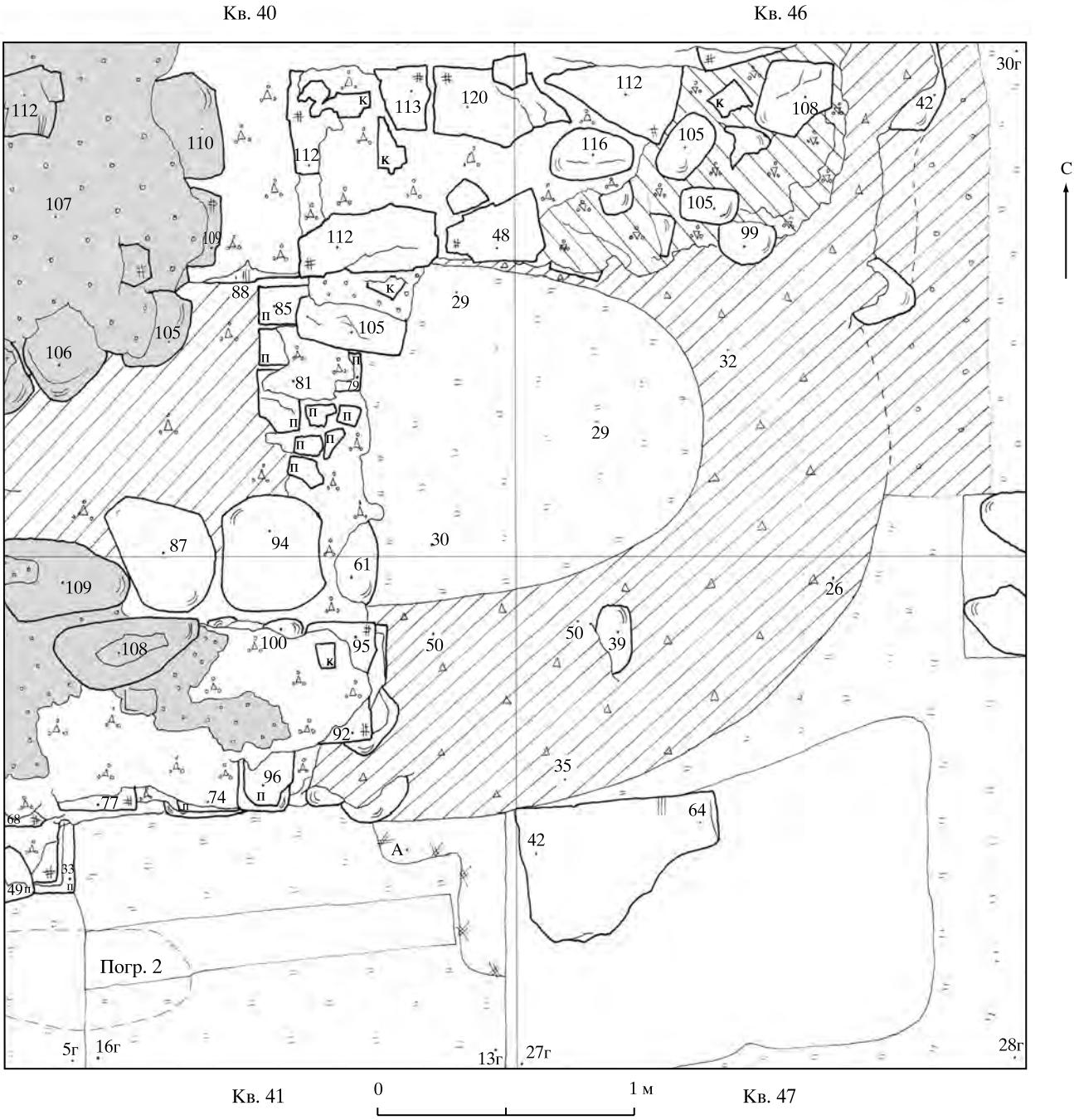


Рис. 1. Собор Пантелеймонова монастыря в Новгороде. План южной апсиды.

была поставлена плинфяная стенка, пол с запада в основном храме был поднят на 60–70 см, на востоке, за стенкой – только на 15–20, так что разница в уровнях составила 50 см. В стенке были сделаны ступени для спуска в пониженную восточную часть апсиды (рис. 4).

В.А. Булкин предположил, что помещение за стенкой предназначалось для хранения церковной утвари, а также указал на то, что поперечные стенки, отделявшие восточную часть дьяконника, существовали в Спасской церкви и церкви на Ладожке (Ладога). Он же предположил, что устройство в дьяконнике Никольского собора относится к упоминаемому летописью “голбцу”: “Смысл этого слова имеет много оттенков, но применительно к нашему случаю надо принять во внимание его употребление для обозначения нижнего помещения, подполья в крестьянской избе, в храме – подцерковья, в целом – пониженного, заглубленного помещения” (Булкин, 2002. С. 273).

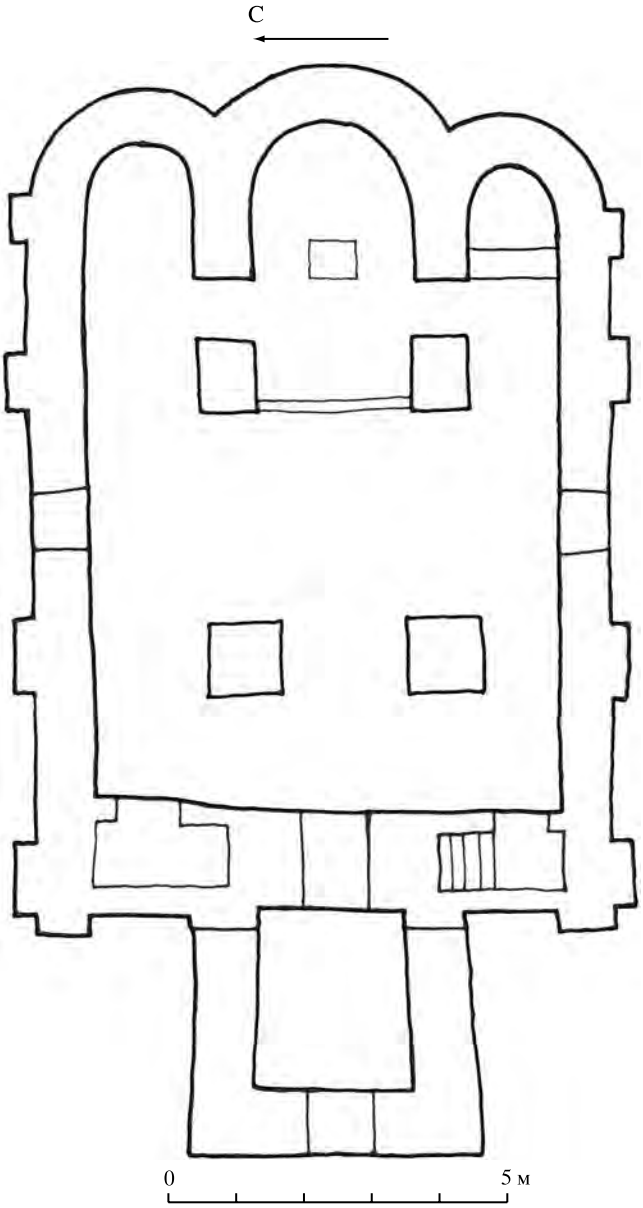


Рис. 2. Собор Пантелеймонова монастыря в Новгороде. План с обозначением стенки в южной апсиде.

В.А. Булкин в соавторстве с С.И. Сивак и Г.М. Штендером посвятил отдельную статью интерпретации термина “голбец” и его связи с углубленным помещением в восточной части Николо-Дворищенского собора (Булкин и др., 1991. С. 104–108). Авторы статьи приводят сведения о постройке в 1535 г. придела Варлаама Хутынского “на Никольском голбце” и развивают, опираясь на словари, идею о том, что “голбец” означает подцерковье, нижнюю часть церковного здания. По мысли исследователей, придел располагался в южной апсиде храма, в уровне над перекрытием подцерковья, вставленного в собор в XV в., а открытое раскопками выделенное помещение в апсиде, в уровне пола XII в., после введения перекрытия подцерковья ставшего подклетным, и было “Никольским голбцом”.

Нужно сразу сказать, что мы не согласны с предложенной интерпретацией летописного известия 1535 г. В Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского сказано следующее: “Того же лѣта здѣлали верхъ каменъ у церкви святаго чюдотворца Варлам на Дворищи, что поставленъ придѣл на Николском голбце, а преже верхъ былъ древянъ; и священъ былъ храмъ мѣсяца октября 15 день; а строилъ гость Московской Дмитрѣи Сырковъ” (2000. С. 573). Это известие прямо говорит о том, что в 1535 г. у придела Варлаама Хутынского, расположеного в Никольском соборе или рядом с ним, был устроен каменный верх, тогда как ранее верх сооружения был деревянным. Вряд ли речь идет о приделе во втором этаже дьяконника: в этом

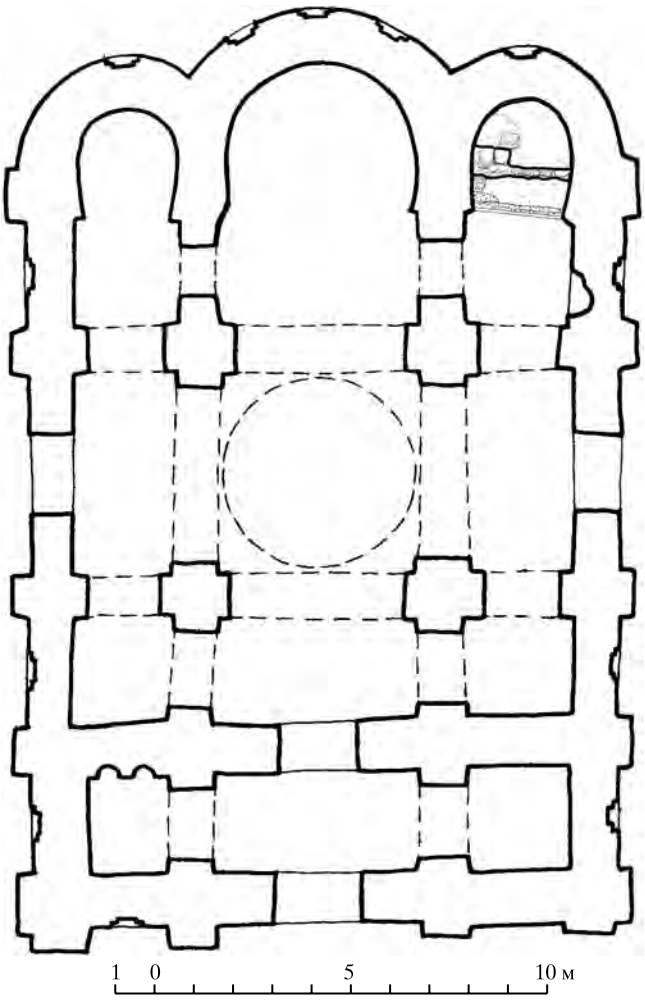


Рис. 3. Николо-Дворищенский собор в Новгороде. План с обозначением стенки в южной апсиде (по Г.М. Штендеру с изменениями, стенка в южной апсиде – по В.А. Булкину).

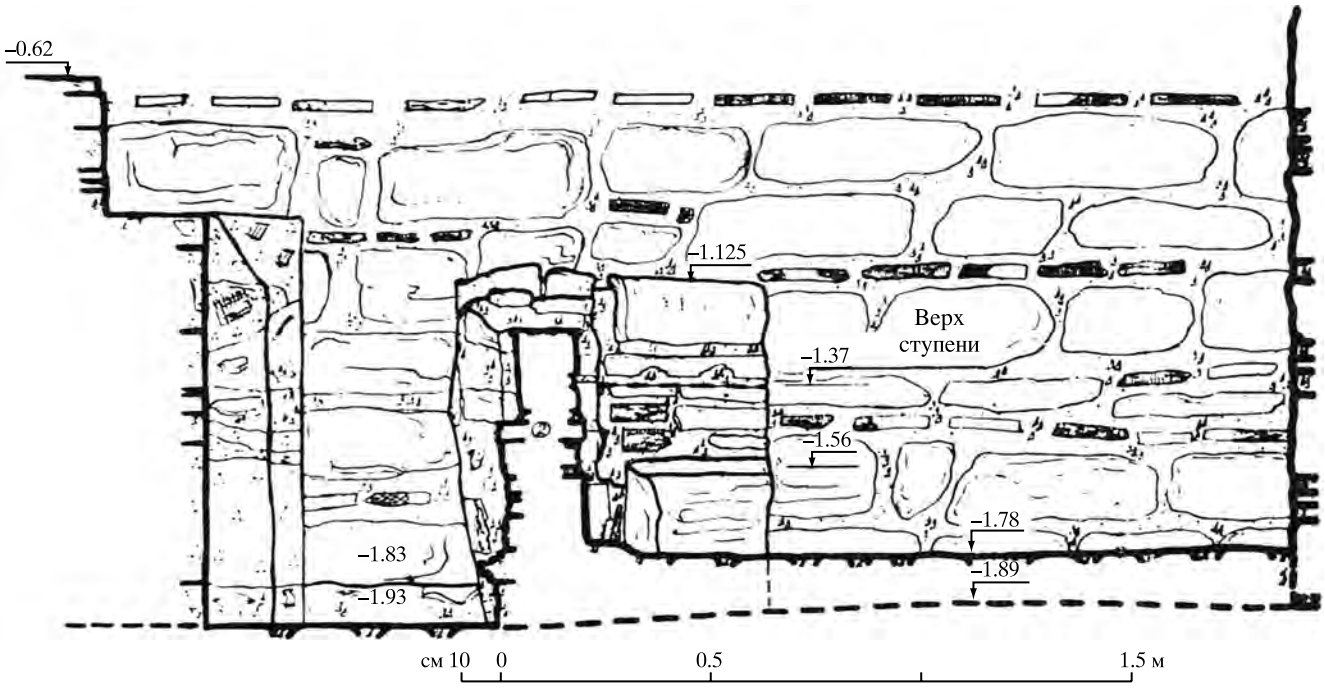


Рис. 4. Николо-Дворищенский собор в Новгороде. Продольный разрез южной боковой апсиды (по В.А. Булкину).

случае ни о каком деревянном верхе, замененном каменным, речь идти не может, поскольку своды над дьяконником относятся к XII в. Скорее всего, летопись рассказывает о завершении строительства примыкавшего к собору придела, поставленного на Никольском голбце, который нужно понимать как возвышенное место. К северу от собора в ходе раскопок Е.А. Рыбиной и Д.В. Пежемского 2007 и 2009 гг. была обнаружена стена прямоугольного в плане каменного здания, которое и было, по всей видимости, Варлаамовским приделом (позднее, в начале XIX в., его сменило нынешнее здание в стиле ампир). О расположении придела Варлаама Хутынского 1535 г. в притворе с северной стороны собора свидетельствует и архимандрит Макарий (1860. С. 261). У нас нет никаких данных о том, что придел “на голбце” располагался в южной боковой абсиде собора, а это значит, что слово “голбец” в этом летописном тексте следует понимать, скорее, в значении “выгородка” (ср. “Отгородка в избах при печах, в которой находится вход в подполье”: Словарь церковно-славянского и русского языка, 1867. Стлб. 567; “Отгородка, чулан в покое”: Словарь Академии Российской, 1790. Стлб. 176; примерно то же: Срезневский, 1893. Стлб. 541). Возможно, речь идет о выгороженной площадке или о входе в подклет собора, но все именно указывает на выгородку вне собора, хотя и рядом с ним. Отметим также, что в “Житии Евфросинии Полоцкой” тоже упоминается голбец Софийского собора в Полоцке, в котором какое-то время находилась княжна Предслава, ушедшая в монахини под именем Евфросинии. Его надо понимать именно как выгородку, чулан и не связывать с помещениями в алтаре: “И пребывши нѣколико время в монастыри, и потомъ проси у епископа суща тогда, порицаемого Илью, правящаго столъ святыя Софии и въ Полотсцѣ, дабы ей велѣлъ ту пребыти въ церкви святѣй Софии в голбцѣ каменнѣ” (Памятники старинной русской литературы, 1896. С. 174).

В интерпретации помещения в южной боковой апсиде новгородского Николо-Дворищенского собора ключевую роль играет именно стенка, отделяющая помещения в глубине апсиды от остального алтаря. Она заглублена относительно торца южной межалтарной стенки примерно на 1 м, за стенкой остается пространство длиной 1.5 и шириной более 2 м. По нашему мнению, его достаточно, чтобы поместить алтарь бокового придела; в таком случае стенку можно рассматривать как алтарную преграду этого придела. У нас нет объяснения тому, что пол западнее и восточнее стенки после перестройки оказался на разной высоте, причем за стенкой – ниже, но у нас нет и полной уверенности в том, что до поднятия уровня этой стенки не было: вполне возможно, что она была поставлена на первоначальный пол, а потом, с первым поднятием полов, пространство внутри оставили несколько пониженным – ближе к первоначальной отметке.

Положение каменных стенок в соборе Пантелеймонова монастыря и в Николо-Дворищенском не

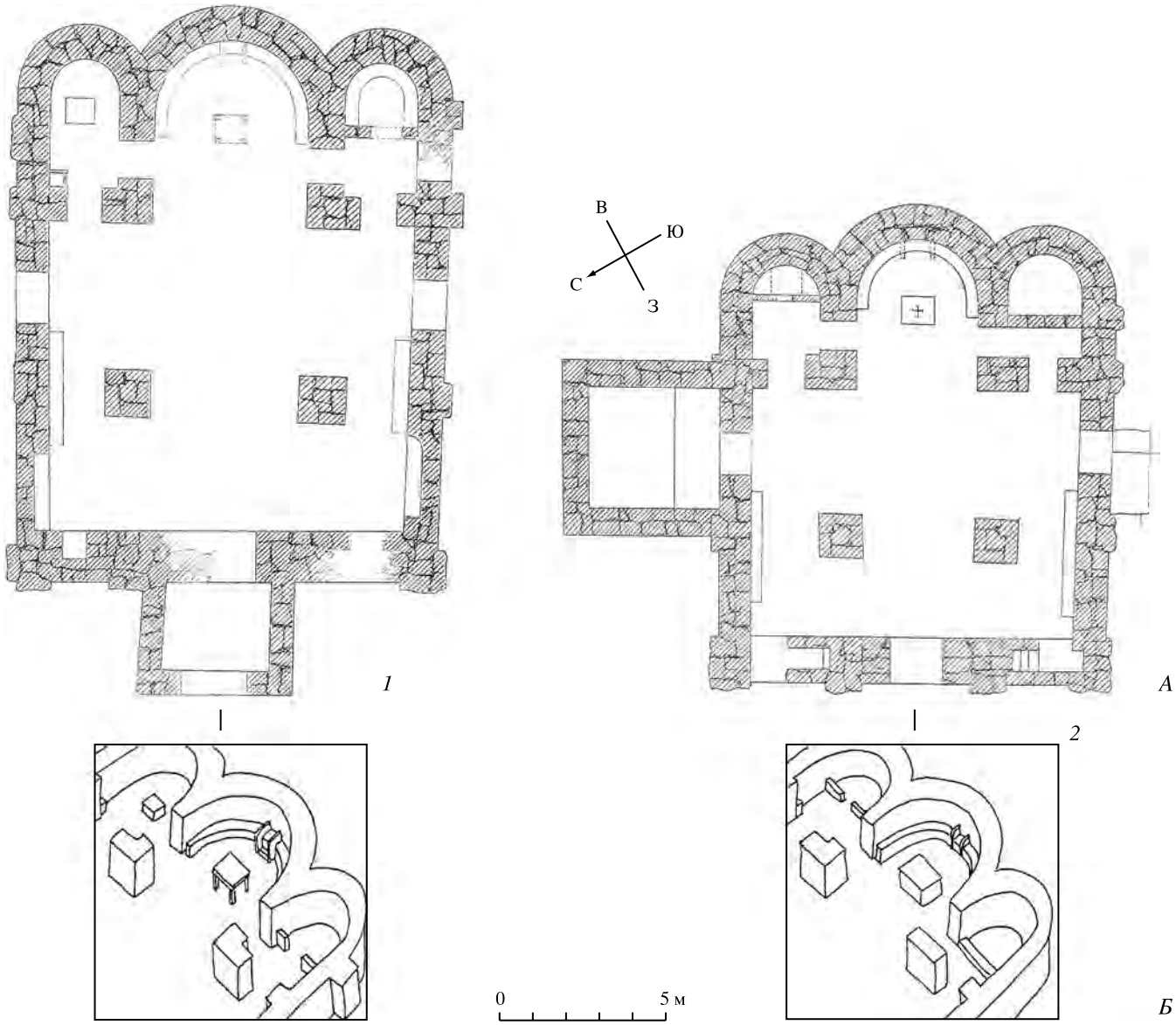


Рис. 5. Планы (*А*) (по Н.Е. Бранденбургу) и аксонометрия (*Б*) алтарных частей (по Т.А. Чуковой) ладожских церквей: *1* – Спасская церковь; *2* – церковь на Ладожке.

совсем одинаковое: если в первом стенка поставлена в западном окончании апсиды, то во втором – с сильным сдвигом к востоку и заглублена в алтарное полукружие. Возможно, что в Пантелеймоновской церкви меньшие размеры монастырского храма не позволили делить апсиду на части, как это было сделано в большом городском соборе, и разделительная стенка, бывшая, конечно, невысокой, была устроена при входе в южное полукружие алтаря.

Мы можем констатировать близость положения и особенностей стенок двух новгородских храмов XII в. – Николо-Дворищенского собора 1113 г. и собора Пантелеймонова монастыря 1207 г. Но предположение о том, что и в том, и в другом случае речь идет о южных боковых апсидах, функционально бывших не дьяконниками, а приделами, восточная часть которых выделена алтарной преградой, нуждается в дополнительной проверке и аналогиях.

Такие аналогии есть: в южных апсидах трехчастных алтарей Спасской церкви и церкви на р. Ладожка, сооруженных в середине XII в., есть похожие стенки (рис. 5), судя по раскопкам Н.Е. Бранденбурга (1896. С. 319, 320. Табл. LIX, LX).

В Спасской церкви В.В. Суслов, составлявший планы и технические описания раскопанных церквей для книги Н.Е. Бранденбурга, отметил в южной апсиде храма “часть стенки с дверью *е* и сиденье *б*,

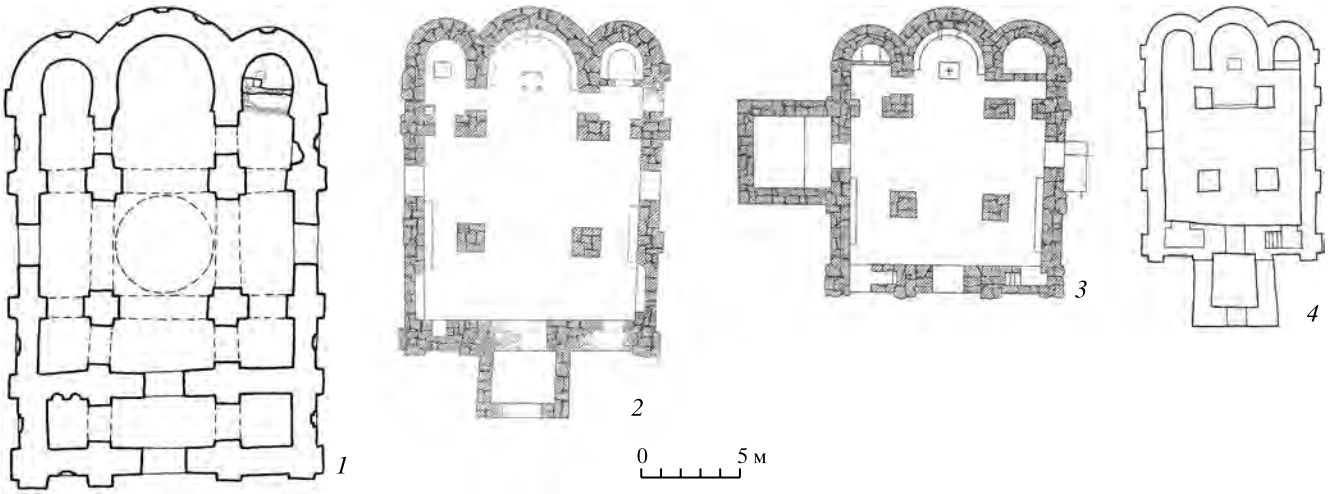


Рис. 6. Планы соборов Новгорода (*1*, *4*) и церквей Ладоги (*2*, *3*) с алтарными преградами в южных апсидах: *1* – Николо-Дворищенский собор; *2* – Спасская церковь; *3* – церковь на Ладожке; *4* – собор Пантелеймонова монастыря.

расположенное по полукруглой стене" (Бранденбург, 1896. С. 319. Табл. LIX). В специальной работе Т.А. Чуковой, посвященной устройствам в алтарях ладожских храмов, приведены данные о том, что южная апсида Спасской цекрви была отгорожена стенкой, немного вдвинутой внутрь апсиды; стенка эта, сохранившаяся на незначительную высоту, была прорезана проемом шириной 100 см, с высотой порога 20 см; престола внутри апсиды не было (2002. С. 64. Рис. 1, *А*, *Б*).

В церкви на Ладожке "дьяконник отделяется низенькою каменною стенкою *б*" (Бранденбург, 1896. С. 320. Табл. LX). Т.А. Чукова, интерпретировавшая чертежи Н.Е. Бранденбурга, говорит почему-то только о "каменной стенке с проемом в центре, располагавшейся внутри северной апсиды храма", которую считает близкой стенке в южной апсиде Спасской церкви в Старой Ладоге (2002. С. 66, 67. Рис. 2, *А*, *Б*). Здесь следует сразу же отвергнуть интерпретацию стенки с дверцей в северной апсиде этого храма как стенки придела: за ней, вдвинутой далеко вглубь полукружия бокового скругления алтаря, нет места для придела; ее можно интерпретировать только как основание придельного престола, подобного тем, которые находятся в боковых апсидах Георгиевской церкви в Старой Ладоге (Лалазаров, 2007. С. 64–68).

Нужно отметить также, что Т.А. Чукова ничего не говорит о стенке, отделяющей южную апсиду храма на Ладожке примерно по линии торца межапсидных стенок, т.е. совершенно так же, как это сделано в южной апсиде Спасской церкви в Ладоге. Исследовательница помещает основание этой стенки на плане и, в виде низкого подобия порога, – на аксонометрическом чертеже, но никак не комментирует эту конструкцию. Между тем ясно, что перед нами именно придельная стенка, как и в Спасской церкви.

Т.А. Чукова писала о том, что каменные стенки, "располагавшиеся перед боковыми апсидами в храмах, могли служить основанием преград перед придельными алтарями" (заметим, что здесь не отмечается расположение этих стенок именно в южных апсидах), а также утверждала, что Спасская церковь и церковь на Ладожке сохранили редкий для памятников домонгольской Руси и уникальный для архитектуры Новгородской земли тип алтарной преграды" (2002. С. 69).

Мы присоединяемся к предположению Т.А. Чуковой о том, что каменные стенки в некоторых случаях можно интерпретировать как алтарные преграды приделов. Рассмотренный материал показывает, что такие приделы располагались в новгородских храмах в самом Новгороде и в Ладоге в южных боковых полукружиях трехчастного алтаря. Они были невысокими, в их середине располагался проем для прохода внутрь, в случае с Никольским собором в Новгороде – это понижение уровня пола относительно уровня полов в наосе, в случае со Спасской церковью в Ладоге – устройство скамьи синтрона внутри помещения алтаря придела. Всего известны четыре примера подобных алтарных преград в южных боковых апсидах (рис. 6): в Никольском соборе Новгорода (1113 г.), ц. Спаса и церкви на Ладожке в Ладоге (обе – середина XII в.) и в ц. Пантелеймона (1207 г.) в Пантелеймоновом монастыре близ Новгорода.

В других древнерусских землях подобные алтарные преграды придельных храмов неизвестны или до сих пор не были отмечены исследователями.

На настоящий момент алтарные преграды в южных апсидах зафиксированы только в Новгородской земле. Происхождение их, скорее всего, следует связывать с византийской архитектурой. Однако в каменных и кирпичных постройках Византии подобные стенки практически не известны, возможно, из-за недостаточной изученности богослужебных устройств, а также плохого состояния многих памятников, расположенных на территории Турции. Единственный памятник, в котором известно основание невысокой перегородки (темплона) у самого начала скругления апсиды, – юго-восточная церковь-придел на втором ярусе храма константинопольского монастыря Константина Липса, сооруженного в X в. (Μαρίνης, 2006. P. 60, 61; Marinis, 2014. P. 189. Ill. XXIII, *II*). Этот памятник представляет собой хотя и отдаленную, но все же аналогию стенкам новгородских памятников XII в. Различие состоит, прежде всего, в том, что в константинопольском храме апсида отделялась мраморным темплоном на мраморном основании (сохранилось именно основание), а также в том, что в Константинополе темплоном была выделена основная (и единственная в этом приделе) апсида (т.е. перед нами преграда перед основным престолом), тогда как в Новгородской земле стенками выделялись боковые апсиды, заключавшие в себе алтари приделов.

Однако в пещерных храмах Каппадокии средневизантийского периода встречаются более близкие аналогии: ровно такие же конструкции, что и в Новгородской земле, только вытесанные из скальных пород. Поскольку пещерные храмы всеми своими формами обычно подражают церквам, сложенным из камня или кирпича, можно предположить, что и в этом случае стенки приделов являются воспроизведением конструкций в обычных, не пещерных храмах. Необходимо, прежде всего, указать на принципиальное сходство невысоких (50–70 см) стенок с проходом посередине, перегораживающих боковые апсиды по линии торцов межалтарных стенок, которые можно назвать даже не алтарными преградами, а основаниями алтарных преград (видимо, выше располагались иконы, опиравшиеся на них), встречающиеся в Каппадокии как в южных, так и в северных апсидах (Чавушин, Гёреме (капелла 27), Мескендир и Селим: Teteriatnikov, 1996. P. 50. Ill. 13, 16, 25). Н.Б. Тетерятникова, исследовавшая богослужебное устройство храмов Каппадокии, указывает на некоторые палестинские аналогии ранневизантийского времени, где, например в ц. Св. Федора в Авдате, в боковых апсидах есть низкие парапеты, подобные каппадокийским (Teteriatnikov, 1996. P. 56).

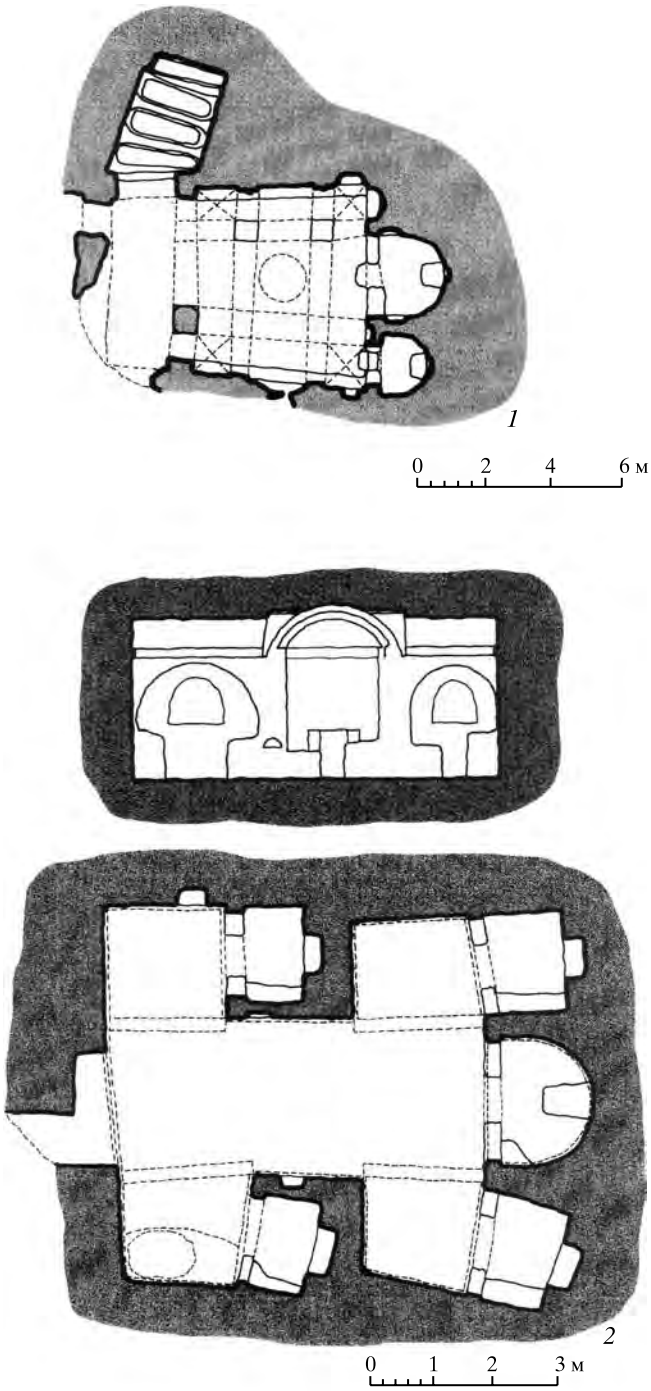


Рис. 7. Пещерные церкви Каппадокии с низкими придельными алтарными преградами, планы и поперечный разрез (по Р. Оустерхауту): *1* – церковь в районе 7 поселения Чанли Килиссе; *2* – “Церковь с Четырьмя капеллами”, Восточное поселение Чанли Килиссе.

Еще большое сходство со стенками алтарных преград новгородских храмов имеют подобные вытесанные из скалы барьеры в пещерных храмах Каппадокии средневизантийского времени, исследованных Р. Оустерхаутом (Ousterhout, 2005.

P. 161–163). В поперечно ориентированной зальной трехапсидной церкви в районе 10 подобные барьеры встречаются во всех трех апсидах (Ousterhout, 2005. P. 160. Ill. 138, 139); три барьера перед апсидами есть и в четырехстолпном (типа “вписанный крест”) храме в районе 16 (Ousterhout, 2005. P. 156, 157. Ill. 173, 174); два барьера – перед апсидой базиликальной церкви и перед апсидой примыкающего к ней с севера придела – в церкви в районе 18 (Ousterhout, 2005. P. 159. Ill. 186, 187). Барьеры с проходами посередине обозначают вход в алтарные части как самого храма, так и четырех приделов в храме (рис. 7), названном “Церковь с четырьмя капеллами” (Ousterhout, 2005. P. 124, 125. Ill. 215, 216).

Наконец, в четырехстолпной трехапсидной церкви в районе 7 есть такой же барьер как в средней апсиде, так и в южной боковой расширенной относительно северной и вмещавшей, очевидно, алтарь придела (рис. 7) (Ousterhout, 2005. P. 156. Ill. 133, 134). Такое устройство алтаря довольно близко напоминает устройство новгородских храмов с приделом с юга (за тем исключением, что подобные барьеры в средней апсиде в Новгороде никогда не устраивались).

Таким образом, алтарные преграды (барьеры) в четырех новгородских храмах XII–XIII вв. принадлежат к довольно обширной и длительной традиции византийской архитектуры. Связь между древнерусскими и византийскими памятниками просматривается, но все же довольно пунктирно. Кроме того, не совсем понятно, почему такие барьеры появились только в Новгороде и Новгородской земле? Или их распространение на Руси было более широким? Остается надеяться, что внимательное отношение к малым архитектурным формам и устройству алтарей в целом даст при дальнейших исследованиях и новые памятники, и более ясное видение распространения отдельных форм устройства алтаря в средневизантийский период развития архитектуры Византийского мира, к которой принадлежала новгородская архитектура домонгольского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архимандрит Макарий (Мролюбов Н.К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I: Древние церкви в Новгороде и его окрестностях. М.: Тип. В. Готье, 1860. 659 с.

Булкин В.А. Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век / Отв. ред. О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 270–288.

Булкин В.А., Сивак С.И., Штендер Г.М. О Никольском голбце // 125 лет Новгородскому музею: матер. науч. конф. Новгород, 1991. С. 104–108.

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. 323 с.

Лалазаров С.В. Реконструкция алтарной части церкви святого Георгия в Старой Ладоге // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007 (Тр. ГЭ; Вып. XXXIV). С. 59–73.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1 / Предисл. А.Г. Боброва, Б.М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко: в 4-х вып. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древния поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1862. 220 с.

Словарь Академии Российской: в 6 т.: 1789–1794. Ч. II: От Г. до З. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1790. XIII, [52] с., 1200 стлб.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: 4-х т. 2-е изд. Т. I. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867–1868.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Т. 1–3: 1893–1912. Т. 1: А–К. СПб.: Изд-во Отделения рус. яз. и словесн. Императорской Академии наук, 1893. 774 с.

Чукова Т.А. Архитектура алтарей ладожских храмов XII века (по материалам раскопок Н.Е. Бранденбурга) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: сб. ст. / Ред. Е.Н. Носов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 63–69.

Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople: Ninth to Fifteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 294 p.

Ousterhout R. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D.C., 2005 (Dumbarton Oaks Studies; XLII) (Dumbarton Oaks Research Library and Collection). 474 p.

Teteriatnikov N.B. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma, 1996 (Orientalia Christiana Analekta; 252). 240 p.

Μαρίνης Β. Μερικές παρατηρήσεις για την αρχιτεκτονική και λειτουργία στη Μονή του Λιβός στην Κωνσταντινούπολη // Eds E. Hatzetryphonos, F. Karayianni. Βυζαντινή αρχιτεκτονική και λατρευτική πράξη. Θεσσαλονικη, 2006. P. 57–62.

THE WALL OF THE SOUTHERN APSE OF THE PANTELEIMON MONASTERY AND THE CHOIR SCREEN OF THE SIDE-ALTAR OF NOVGOROD TEMPLES OF THE 12th c.

Vladimir V. Sedov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (sedov1960@mail.ru)

The article considers the examples of organization of low walls-barricades in southern side apse cathedrals of Novgorod and Novgorod lands of the 12th – the beginning of the 13th cc. – Panteleimon and Nikolo-Dvorishchensky Monasteries, the Church of the Saviour and the Church on the river Ladoga. They can be interpreted as the choir screens situated in the southern parts of the altar. Analogues to them are situated in the cave temples of Cappadocia of the middle Byzantine period. Apparently it could say about a common way for the Byzantine world of the organization of side altars which was spread in Novgorod land.

Key words: Novgorod, Ladoga, the Cathedral of the Panteleimon Monastery, Saint Nikolo-Dvorishchensky Cathedral, the Church of the Saviour, the Church on the river Ladoga, Cappadocia, southern apse, wall-barricade.

REFERENCES

Arkhimandrit Makariy (Mrolyubov N.K.), 1860. Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh [Archaeological description of churches' antiquities in Novgorod and its vicinities], I. Drevnie tserkvi v Novgorode i ego okrestnostyakh [Ancient churches in Novgorod and its vicinities]. Moscow: Tipografiya V. Got'e. 659 p.

Brandenburg N.E., 1896. Staraya Ladoga [Staraya Ladoga]. St. Petersburg. 323 p.

Bulkin V.A., 2002. Novgorodskoe zodchestvo nachala XII v. po novym arkheologicheskim materialam [Novgorod architecture of the beginning of the 12th century according to new archaeological data]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek [Ancient Russian art. Rus and countries of Byzantine world. 12th century]*. O.E. Etingof, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 270–288.

Bulkin V.A., Sivak S.I., Shtender G.M., 1991. O Nikol'skom golbtse [On Nikolskiy golbets]. *125 let Novgorodskomu muzeyu: materialy nauchnoy konferentsii [125 years of Novgorod Museum: theses of a scientific conference]*. Novgorod, pp. 104–108.

Chukova T.A., 2002. Arkhitektura altarey ladozhskikh khramov XII veka (po materialam raskopok N.E. Brandenburga) [Architecture of altars of Ladoga temples of the 12th century (on the materials of the excavation works of N.E. Brandenburg)]. *Staraya Ladoga i problemy arkheologii Severnoy Rusi: sbornik statey [Staraya Ladoga and the problems of archaeology of Northern Rus: collected papers]*. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 63–69.

Lalazarov S.V., 2007. Rekonstruktsiya altarnoy chasti tserkvi svyatogo Georgiya v Staroy Ladoge [Reconstruction of altar side of the Saint George Church in Staraya Ladoga]. *Izuchenie i restavratsiya pamyatnikov drevnerusskoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva [Research and restoration of the ancient Russian architecture and monumental art]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 59–73 (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XXXIV).

Marinis V., 2014. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople: Ninth to Fifteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press. 294 p.

Novgorodskaya pervaya letopis'..., 1950. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod primary chronicle of older and younger recension]. A.N. Nasonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. 642 p.

Ousterhout R., 2005. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D.C. 474 p. (Dumbarton Oaks Studies, XLII) (Dumbarton Oaks Research Library and Collection).

Pamyatniki starinnoy..., 1862. Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko [Monuments of ancient Russian literature published by the count Grigorii Kushelev-Bezborodko], 4. Povesti religioznogo soderzhaniya, drevnie poucheniya i poslaniya, izvlechennye iz rukopisey Nikolaem Kostomarovym [Chronicles of religious content, ancient sermons and messages, exfoliated from the manuscripts of Nikolai Kostomarov]. St. Petersburg: Tipografiya P.A. Kulisha. 220 p.

PSRL, 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], v. 4, p. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod fourth chronicle].

A.G. Bobrov, B.M. Kloss, eds. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 728 p.

Slovar' Akademii..., 1790. Slovar' Akademii Rossiyskoy [Dictionary of Academy of Russia], II. Ot G. do Z [From G to Z]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. XIII, 52 p., 1200 col.

Slovar' tserkovno-slavyanskogo..., 1867. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk [Dictionary of church Slavonic and Russian consisted by Second department of Emperor Academy of Sciences], I. 2th edition. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 420 p.

Sreznevskiy I.I., 1893. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of Old Russian on written sources], 1. A – K [A-K]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 774 p.

Teteriatnikov N.B., 1996. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma. 240 p. (Orientalia Christiana Analekta, 252).

Μαρίνης Β., 2006. Μερικές παρατηρήσεις για την αρχιτεκτονική και λειτουργία στη Μονή του Λιβός στην Κωνσταντινούπολη. E. Hatzetryphonos, F. Karayianni, eds. Βυζαντινή αρχιτεκτονική και λατρευτική πράξη. Θεσσαλονικη, pp. 57–62.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 123–133

РАННЯЯ ЗАСТРОЙКА ЛЮДИНА И НЕРЕВСКОГО КОНЦОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (по материалам Неревского и Троицкого раскопов)

© 2015 г. Н.Н. Фараджева

Институт археологии РАН, Москва (fnn1@yandex.ru)

Статья посвящена характеристике и сравнительному анализу ранней застройки Людина и Неревского концов средневекового Новгорода на материалах Неревского и Троицкого раскопов, в которых наиболее полно исследованы строительные горизонты X в. Прослежена выраженная дифференциация сооружений, входящих в состав ранней усадебной застройки, выявлены отличия жилых и хозяйственных построек. Хорошая сохранность ранних строительных горизонтов Троицкого раскопа предоставила возможность для нового понимания планировки и конструкций отдельных построек Неревского раскопа и детализации жилых комплексов. Тождество планировки и конструкций построек, исследованных на разных раскопах, единство приемов и технологий, используемых при строительстве жилых и хозяйственных сооружений, а также сходство приемов благоустройства дворов позволяют говорить об однородности строительной культуры первопоселенцев, заселивших территорию Неревского и Людина концов.

Ключевые слова: Новгород, Неревский и Троицкий раскопы, жилой комплекс, хозяйственные постройки, строительная техника, планировка.

Материалы по домостроительству средневекового Новгорода являются ценнейшим источником для изучения ранних форм застройки и планировки средневекового города. Древнейшие напластования, открытые в Новгороде, относятся к X в. Наиболее полно ранняя застройка раскрыта в результате широкомасштабных археологических работ на Неревском и Троицком раскопах, заложенных в пределах наиболее древних городских концов – Неревского и Людина.

Исследованиями на Неревском раскопе (1951–1962 гг.) изучена территория Неревского конца. На площади около 9 тыс. м² раскрыт значительный по протяженности участок Великой улицы и пересекающие ее поперечные Кузьмодемьянская и Холопья улицы, где располагались 17 средневековых усадеб, 6 из которых раскрыты полностью.

Исследования на Троицком раскопе (1973 г. – настоящее время) позволили изучить обширный участок Людина конца площадью около 7 тыс. м², в пределах которого раскрыты 18 средневековых усадеб, 7 из них исследованы целиком; выявить мостовые Пробойной улицы, идущей вдоль р. Волхов, и пересекающие ее улицы Ярышева и Черницына. Равнозначность масштабов исследований на указанных раскопах и наличие на обоих участках напластований, относящихся к X в., предоставляют возможность для их сравнения и сопоставления.

Приступая к характеристике строений, слагающих первоначальную застройку усадеб Людина и Неревского концов Новгорода, необходимо отметить, что сохранность ранних ярусов Троицкого и Неревского раскопов неодинакова: состояние деревянных конструкций Неревского раскопа сильно уступает Троицкому.

На Неревском раскопе исследованы 44 постройки X – начала XI в., в том числе 9 построек 28 яруса, 20 – 27 и 15 – 26. Типологически определены только восемь из них. В соответствии с датировками уличных мостовых возникновение застройки 28 яруса Неревского раскопа отнесено к 953 г., 27 – к 972 г., 26 – к 989 г. (Засурцев, 1963. С. 16).

К раннему времени на Троицком раскопе относится 80 построек[1], 48 из которых типологически определены. К древнейшим строительным горизонтам, датируемым 30–40-ми годами – серединой X в., принадлежат 14 построек, к 50–70-ым годам X в. – 43 постройки, а к последней четверти столетия – 23. Горизонт рубежа X–XI вв., связанный с пожаром, практически не содержит остатков целых сооружений[2].

[1] В работе рассматриваются материалы Троицких I—XI раскопов общей площадью около 5 тыс. м².

[2] Использованы данные по датировке А.Ф. Урьевой (1989. С. 214–227). О.А. Тарабардиной (2007. С. 272—295), П.Г. Гайдукова, Г.Е. Дубровина и О.А.Тарабардиной (2007. С. 81—87).

Деление построек в зависимости от их величины (по: Фараджева, 2000. С. 80–99)

Планировка (дома)	Размеры (м²)			
	Малые	Средние	Большие	Выдающиеся
Четырехстенные	менее 25	25 – менее 45	45–64	более 64
Пятистенные	менее 32.5	32.5 – менее 60	60–85	более 85

Характеристика построек как Троицкого, так и Неревского раскопов основывается на классификации, в соответствии с которой срубные постройки разделены на группы по горизонтальной планировке (четырехстенные, пятистенные и нестандартные). Типология дополнена делением построек в зависимости от их величины на четыре категории.

Застройка в обоих концах города изначально формировалась в качестве усадебной, границы усадеб были определены с самого начала (Засурцев, 1963. С. 83; Хорошев, 1985. С. 51; Фараджева и др., 2014. С. 137, 144). Заселению предшествовала разметка территории. Этим во многом объясняется выраженная дифференциация жилых и хозяйственных сооружений, входящих в состав ранней усадебной застройки, отличия их по планировке, конструктивным особенностям и размерам.

На ранних Неревских усадьбах X в. П.И. Засурцев выделял хозяйственные и жилые постройки (1963. С. 51–83). В состав усадебного комплекса в Людином конце города входили одна-две отапливаемые постройки: основной жилой дом и полифункциональная постройка, их дополняла холодная клеть. В хозяйственной зоне дворов располагались хозяйственные строения.

Жилые постройки. К жилым постройкам раннего времени П.И. Засурцев относит “внушительные, хорошо отделанные сооружения” с сенями разных конструкций (цельнорублеными и пристроенными), при этом сени многих из них не сохранились. Исключение составляет однокамерная постройка без сеней К28А. К жилым постройкам также отнесена тройная конструкция Е27В-Е27Д, в которой срубные изба и клеть соединены столбовыми сенями[3]. Исследователь особенно акцентирует внимание на отсутствии дифференциации жилых построек X в.: “даже на тех усадьбах, где прослеживаются не одна, а две жилых постройки, они либо почти совершенно одинаковы, либо составляют единый строительный комплекс” (Засурцев, 1963. С. 58).

В качестве основных жилых построек на усадьбах Людина конца использовались двухкамерные постройки, состоящие из основного сруба и сеней. Конструкции сеней также могли различаться. Под основаниями жилых домов прослежены фундаментные площадки, в бревнах стен выявлены уплотнительные желобки. Печи располагались в ближайшем ко входу углу основного помещения.

Приведенные выше во многом схожие характеристики жилых построек Троицкого и Неревского раскопов имеют, однако, некоторые отличия, касающиеся размеров строений и используемых строительных технологий. Относительно хорошая сохранность материалов по домостроительству Троицкого раскопа позволила по-новому понять жилые комплексы Неревского раскопа и уточнить некоторые моменты, касающиеся конструкций сооружений и используемых строительных приемов. В частности, в Людином конце города удалось обнаружить остатки фундаментных площадок под основаниями жилых домов раннего времени и идентифицировать аналогичные конструкции у построек X в. Неревского конца (Фараджева, 2009. С. 566–575)[4].

Жилые постройки Неревского раскопа охарактеризованы П.И. Засурцевым как крупные срубы “размерами от 45 до 70 м²” (т.е. средние или большие, таблица). Плохая сохранность неревских материалов и неравноценность источника сказались на характере обработки материала. В большинстве случаев постройки разных раскопов удается сравнивать только по размерам.

На Неревском раскопе к категории построек малого размера относятся 16 сооружений, к домам среднего и большого – 11[5]. Использование общих значений, объединяющих постройки средних и больших размеров, в данном случае оправданно, поскольку плохая сохранность большинства строений Неревского раскопа не позволяет установить их точную планировку и размеры (рис. 1, *2–4*).

[3] П.А. Раппопорт выразил сомнение в правомерности такого толкования планировки (1975. С.66). Данная конструкция представляет собой ограду “в заплот” (Фараджева, 2010. С. 176).

[4] Появление фундаментных площадок в Неревском конце П.И. Засурцев связывал с 70-ми годами XI в. (1963. С. 12–14).

[5] Постройки неревского раскопа определены в соответствии с нашей классификацией, поэтому приведенные цифры отличаются от указанных П.И. Засурцевым.

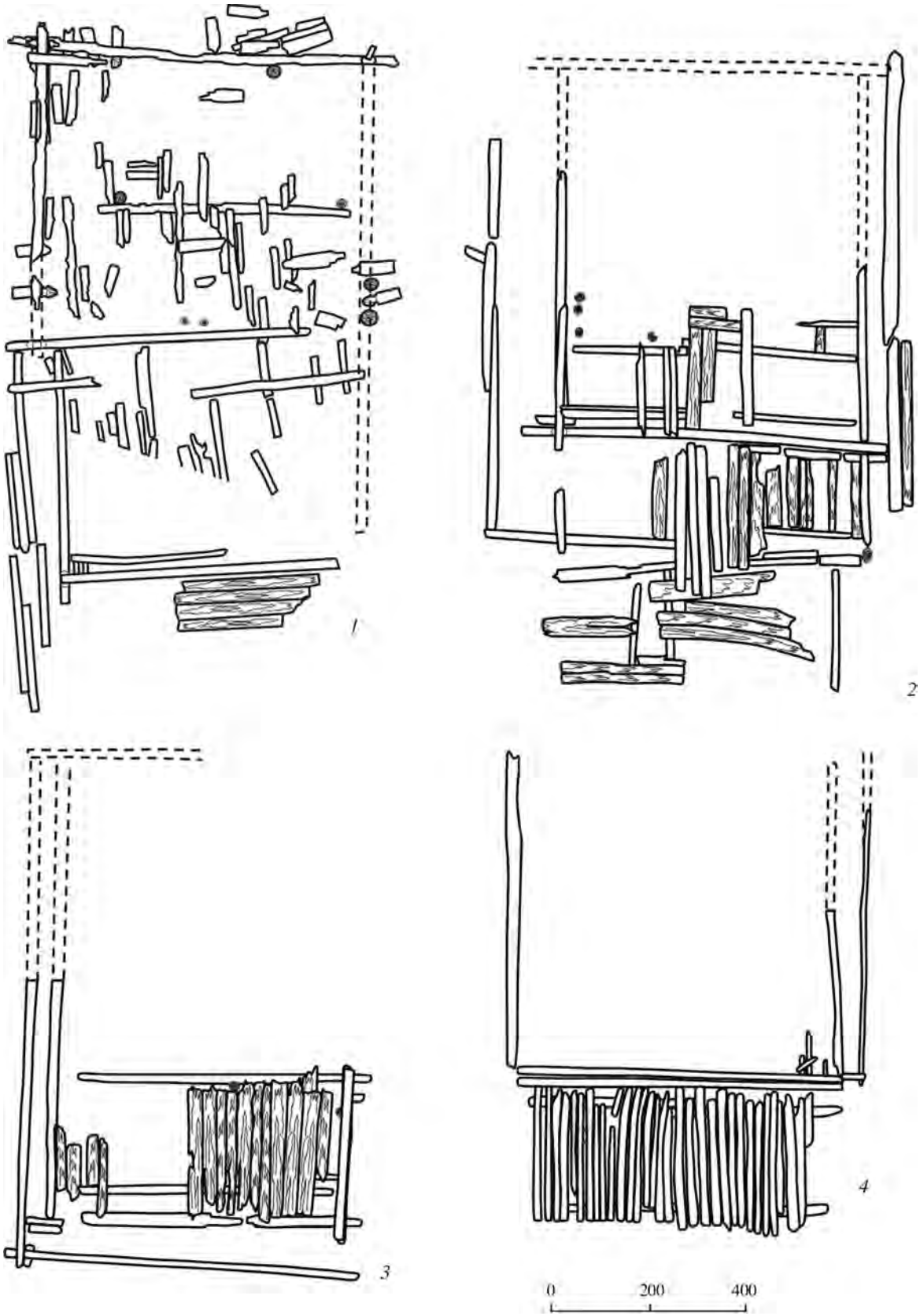


Рис. 1. Постройки средних и больших размеров X в. *1* – IV-27-65;VI-30-64, Троицкий раскоп; *2* – К27А, Неревский раскоп; *3* – К27Б, Неревский раскоп; *4* – Е27А, Неревский раскоп.

В Людином конце города из числа определимых 30 построек имеют малые размеры, 15 – средние и один сруб (VI-28-61)[6] – большие (рис. 1, *1*).

Анализ статистических данных для построек раннего времени, открытых на Троицком и Неревском раскопах, демонстрирует практически идентичную картину. На долю строений малых размеров на Неревском раскопе приходится около 60%, на Троицком – 65% домов, суммарное значение для построек средних и больших размеров также дает удивительно близкую цифру: 35% на Троицком и 40% на Неревском раскопах[7].

Двухкамерных жилые постройки Людина конца в большинстве своем имеют средние или малые размеры. Они встречаются примерно в равных пропорциях: известны 15 построек малых размеров, 13 – средних и 1 – больших.

Размеры сооружений, а также их количество определялись статусом дворовладельца и степенью освоенности участка. Малые жилые постройки, активно используемые на этапе первоначального строительства (а позднее – на рядовых усадьбах), впоследствии заменялись постройками средних размеров. Например, на усадьбе П небольшую постройку X-30-149 площадью 30 м² сменяет дом средних размеров X-29-140 площадью 40 м²; на усадьбе Г малая постройка XI-29-170 уступает место дому XI-27-160 средних размеров. В исключительных случаях в период строительства для временного жилья служат четырехстены малых размеров с печью в углу (XI-28-161) (Фараджева, 1999. С. 98).

В качестве основных жилых домов использовались разные по конструкции двухкамерные срубы, в том числе цельнорубленые пятистенные постройки. Появление пятистенов на усадьбах Людина конца связано с серединой – последней четвертью X в. К 50-ым годам X в. относится пятистенный сруб VI-28-61 средних размеров[8]. Еще одна пятистенная постройка VII-26-75 малых размеров имеет плохую сохранность, атрибуция ее ненадежна. В 70–80-ые годы X в. возводятся два жилых пятистенных сруба: VIII-26-122;X-28-139 имеет малые размеры, VII-25-71 – средние (рис. 2, *1*). Постройки не сохранили остатков печей, однако можно предположить, что в постройке VIII-26-122;X-28-139 печь располагалась в углу: данному дому предшествовали две постройки аналогичной планировки, размеров и назначения, сохранившие отопительные устройства в углу основного помещения.

Появление цельнорубленых пятистенов в Людином конце Новгорода датируется серединой X в. и не связано со временем заселения. Характерно, что и в Неревском конце Новгорода в нижнем 28 ярусе цельнорубленные пятистены также не были выявлены (Засурцев, 1963. С. 58).

К цельнорубленым пятистенам раннего времени П.И. Засурцев относит четыре постройки (1963. С. 58), однако сохранность строений не всегда позволяет предложить их однозначную интерпретацию. Например, внешние бревна постройки Е27Б могли служить не стенами строения, а остатками крепежа фундаментной площадки, ее обвязкой (рис. 2, *2*). В этом случае постройка представляла собой двухкамерный дом средних размеров с открытыми сенями, образованными выпусками боковых стен основного сруба. Аналогичная конструкция выявлена у постройки средних размеров XI-26-152, исследованной на Троицком раскопе (рис. 2, *3*). Боковые стены сруба данной постройки были выпущены за пределы входной стены и врублены в фундаментную обвязку, ограничивая привходное помещение по бокам. Дощатый настил пола в сенях опирался на две продольные лаги[9]. Постройка сохранила остатки печи, расположенной в углу основного помещения.

Еще один дом, охарактеризованный как пятистенный (А26А), имеет очень плохую сохранность. Обоснование того, что постройка Г26Ш не является цельнорубленой, приведено ниже.

С момента заселения Людина конца в качестве жилых строений использовались составные срубы: срубная камера и сени в виде трехстенного прируба. Внешние углы сеней скреплялись рубкой “в обло”, а боковые укладывались вплотную к выпускам стен основного сруба, без всякого соединения. В постройке малых размеров Людина конца VIII-28-135;X-30-147 прослежено крепление трехстенного прируба “в закрой” – способ, при котором концы бревен основного сруба и сеней, в месте их соединения, были стесаны наполовину окружности и затем совмещены (рис. 2, *6*). По роли, которую данные постройки играли на усадьбах, они ничем не отличались от цельнорубленых пятистенов. Среди построек с трехстенными прирубами встречены

[6] Здесь и далее первая цифра обозначает номер раскопа, вторая – номер полевого строительного яруса, третья – номер сруба. Состыкованные срубы, исследованные частями на смежных раскопах, даны через точку с запятой.

[7] Для Неревского раскопа учтены постройки, размеры которых установлены или реконструированы.

[8] Пятистенная постройка VI-28-61 могла иметь печь в центре, поэтому рассматривается в разделе “полифункциональные постройки”.

[9] Интерпретация постройки как дома с открытыми сенями, а не как пятистенного сруба, опирается на полевые наблюдения: доски пола в сенях перекрывали внешнюю лагу.

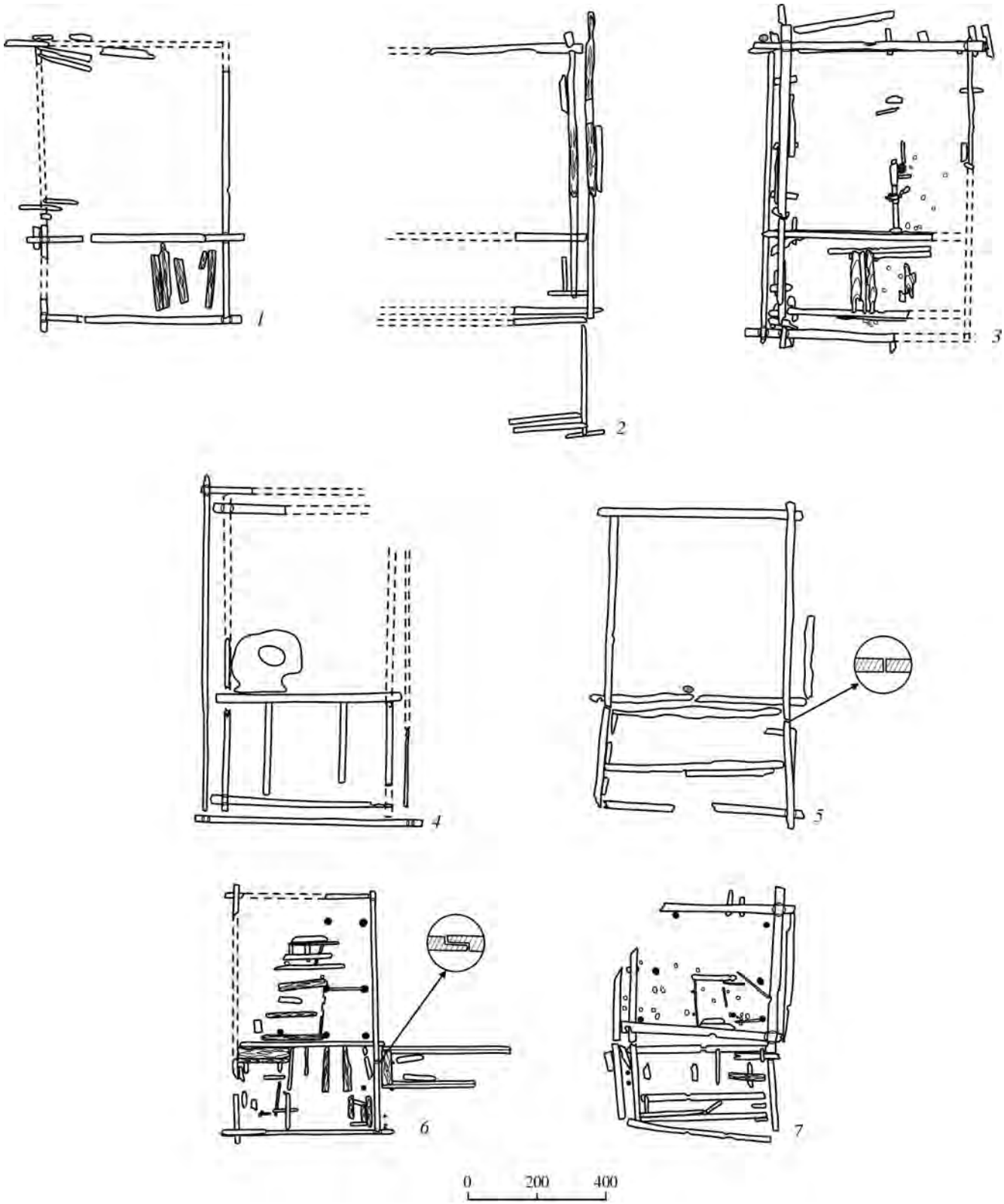


Рис. 2. Жилые постройки X в. *1* – VII-25-71, Троицкий раскоп; *2* – Е27Б, Неревский раскоп; *3* – XI-26-152, Троицкий раскоп; *4* – X-28-136, Троицкий раскоп; *5*– Г26Ш, Неревский раскоп; *6* – VIII-28-135;X-30-147, Троицкий раскоп; *7*– XI-29-170, Троицкий раскоп.

дома всех рассматриваемых категорий: постройка VIII-28-135;X-30-147 с печью в углу имела малые размеры, постройка с печью в углу X-28-136 (рис. 2, *4*) – средние, IV-27-65;VI-30-64 (рис. 1, *1*) – большие.

На Неревском раскопе к составным постройкам принадлежит сруб средних размеров Г26Ш[10]. Сени данной постройки были приложены “в стык” к основному срубу и представляли собой трехстенный прируб, что хорошо отображено на чертеже (рис. 2, *5*).

Жилые постройки малых размеров с печью в углу (XI-27-160, IX-27-194, XI-29-170), используемые в Людином конце в период заселения и позднее на рядовых усадьбах, могли иметь открытые сени или сени в виде крылец-площадок (рис. 2, *7*). Так называемые крыльца-площадки сохраняются в виде бревенчатых лаг, уложенных вдоль входной стены по всей ее протяженности, и опирающихся на них настилов. Иногда привходные конструкции ограждены с боковых сторон дополнительными бревнами, не связанными с основным срубом. Такие жилые постройки также ставились на фундаментные площадки, устроенные одновременно под всем основанием постройки. При этом фундаментные площадки могли иметь составной крепеж.

Отсутствие на Неревском раскопе жилых построек малых размеров с пристроенными сенями, скорее всего, связано с плохой сохранностью нижних ярусов (не сохранились печи, большинство некапитальных и часть капитальных конструкций). С определенной долей вероятности постройка Д27А, имевшая фундаментную площадку, от которой сохранились бревна крепежа, могла относиться к малым жилым домам с открытыми сенями.

Полифункциональные постройки. В составе жилых комплексов на усадьбах Троицкого раскопа, помимо основных жилых домов с угловым положением печи, присутствуют постройки с печью, расположенной в центре помещения (рис. 3, *5*). В случаях, когда печь не сохраняется, внутренняя планировка может быть восстановлена по расположению лаг пола, сдвинутых к входной стене, иногда – по остаткам досок, уложенных параллельно стенкам несохранившихся опечков (рис. 3, *1*, *2*, *4),* а также по характеру слоя. Постройки раннего времени с печами в центре рассматриваются нами в качестве полифункциональных, совмещающих разнообразные, в том числе жилые функции[11]. При их возведении использовались те же приемы, что и при строительстве жилых домов: как правило, они стоят на фундаментных площадках, имеют плотно пригнанные стены. В числе полифункциональных построек встречаются как двухкамерные срубы с некапитальными сенями, так и цельнорубленые пятистены. Примером последнего может служить пятистен VI-28-61 средних размеров, центральное расположение печи в котором реконструируется по расположению лаг пола (рис. 3, *1*).

Заслуживает внимание конструкция некапитальных сеней постройки VIII-26-124;X-29-б/н.; XI-26-149 Троицкого раскопа (рис. 3, *2*). Она имела открытые сени, образованные за счет выпусков боковых бревен основного сруба, ограничивающих привходное пространство. На внешних концах бревен были сделаны подпрямоугольные выемки, используемые для фиксации вертикальных столбов, являвшихся опорами навеса или каркасом наборных стен. Центральное положение печи реконструируется по расположению лаг. Постройка относится к 80–90-ым годам X в. Ей предшествуют сменившие друг друга постройки средних размеров, ранняя из которых, связанная со временем заселения, сохранила опечек в центре сруба (VIII-28-136; X-30-150;XI-28\29-162).

Аналогичную внутреннюю планировку и близкие по конструкции сени могла иметь постройка средних размеров К27А Неревского раскопа (рис. 1, *2*). Выпуск северной стены основного сруба, ограничивающий привходное пространство с боковой стороны, фиксировался “в столб”[12]. Многоярусный настил, опирающийся на продольные лаги перед входом в дом, перекрывал бревно, ограничивающее привходную часть с внешней стороны. В данном случае сени, действительно, были открытыми. Центральное положение печи в постройке К27А реконструируется по расположению лаг (одна из них уложена вплотную к входной стене, другая – на небольшом расстоянии от нее, не оставляя места для угловой печи). Постройка стояла на фундаментной площадке, подведенной под основание всего дома, включая привходное помещение.

Известны также четырехстенные полифункциональные постройки без сеней – X-27/28-133 (рис. 3, *4, 5*). Вполне возможно, что стоящая на фундаментной площадке постройка средних размеров И28А Неревского раскопа также была полифункциональной: особенности расположения коротких бревен во внутреннем пространстве сруба могут указывать на центральное положение отопительного устройства

[10] Постройка охарактеризована П.И. Засурцевым как цельнорубленая с печью в углу или без печи (1963. С 58, 99).

[11] П.И. Засурцев относил двухкамерные постройки с печью в центре к двухэтажным жилым домам с нижним производственным помещением (1963. С. 71).

[12] П.И. Засурцевым конструкция охарактеризована в качестве столбовых сеней (1963. С. 108).

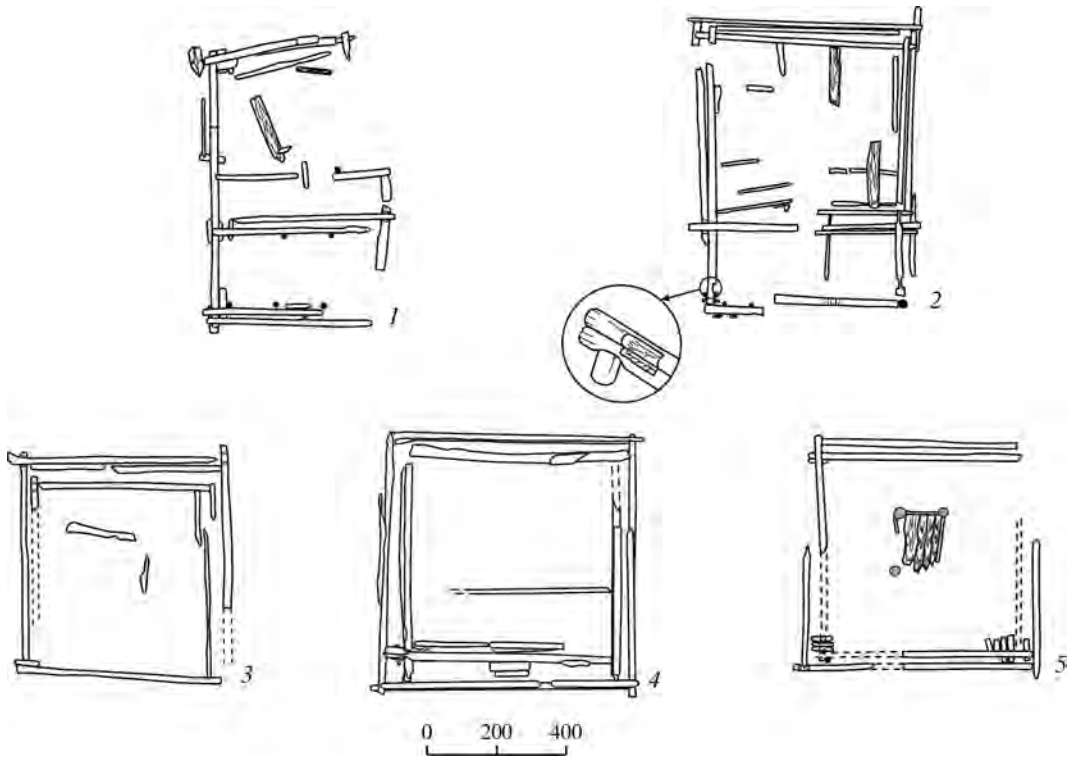


Рис. 3. Полифункциональные постройки X в. *1* – VI-28-61, Троицкий раскоп; *2* – VIII-26-124;X-26-б.н.;XI-26-149, Троицкий раскоп; *3* – И28А, Неревский раскоп; *4* – X-27/28-133, Троицкий раскоп; *5* – VII-26-76;XII-26-177, Троицкий раскоп.

(рис. 3, *3*). Остатки опечка в центре выявлены и в неревской постройке А26А средних размеров.

На основании сведений о наборе построек, входящих в жилой комплекс усадеб Людина конца, можно предположить, что “однородные” срубы, составлявшие жилые комплексы Неревских усадеб, не были одинаковы: близкие по площади дома, входившие в состав застройки одной усадьбы, отличались как по внутренней планировке, так и по особенностям их использования.

Завершая характеристику построек, входивших в жилые комплексы, отметим, что обнаружение фундаментных площадок в Людином конце города и идентификация сходных конструкций у ранних построек Неревского конца помогли не только уточнить размеры и планировку отдельных строений, но и понять способ сооружения полов в жилых помещениях раннего времени. Наличие земляных платформ под основаниями домов, приподнимавших уровень пола, обеспечивало влагоизоляцию и позволяло укладывать лаги пола непосредственно на землю. Напомним, что П.И. Засурцев, основываясь на более поздних материалах, предполагал использование в жилых постройкаах раннего времени врубленых в стены переводин (1963. С. 24, 25, 27).

Хозяйственные постройки. С самого раннего времени на новгородских усадьбах выделяются жилая и хозяйственная зоны. В качестве хозяйственных служб используются четырехстенные строения, как правило, малых размеров, выстроенные с применением определенных приемов, общих для Людина и Неревского концов. Хозяйственные постройки не отапливаются и крайне редко имеют фундаментные площадки. Отсутствие фундаментных площадок компенсируется подкладками, подведенными под стены срубов, а также способом укладки полов. На раннем этапе активно используются продольные бревенчатые подкладки, уложенные непосредственно по линии стен, что позволяло приподнимать основания построек над уровнем дневной поверхности. Данный прием практиковался в обоих концах города.

Прослежены также особенности конструкции полов хозяйственных построек. Более чем половина хозяйственных клетей Троицкого раскопа имеет повышенный уровень пола: настилы укладывались на лаги (иногда они лежат в два яруса), врубленные посредством сквозных врубок в стены домов (рис. 4, *1–4*). Скорее всего, сквозная врубка переводин имела место и в постройке И28Б Неревского раскопа, концы лаг в которой перекрывают стены (рис. 4, *6*).

Хозяйственные постройки часто имели вымостки перед входом, сохранившиеся в виде отдельных лаг.

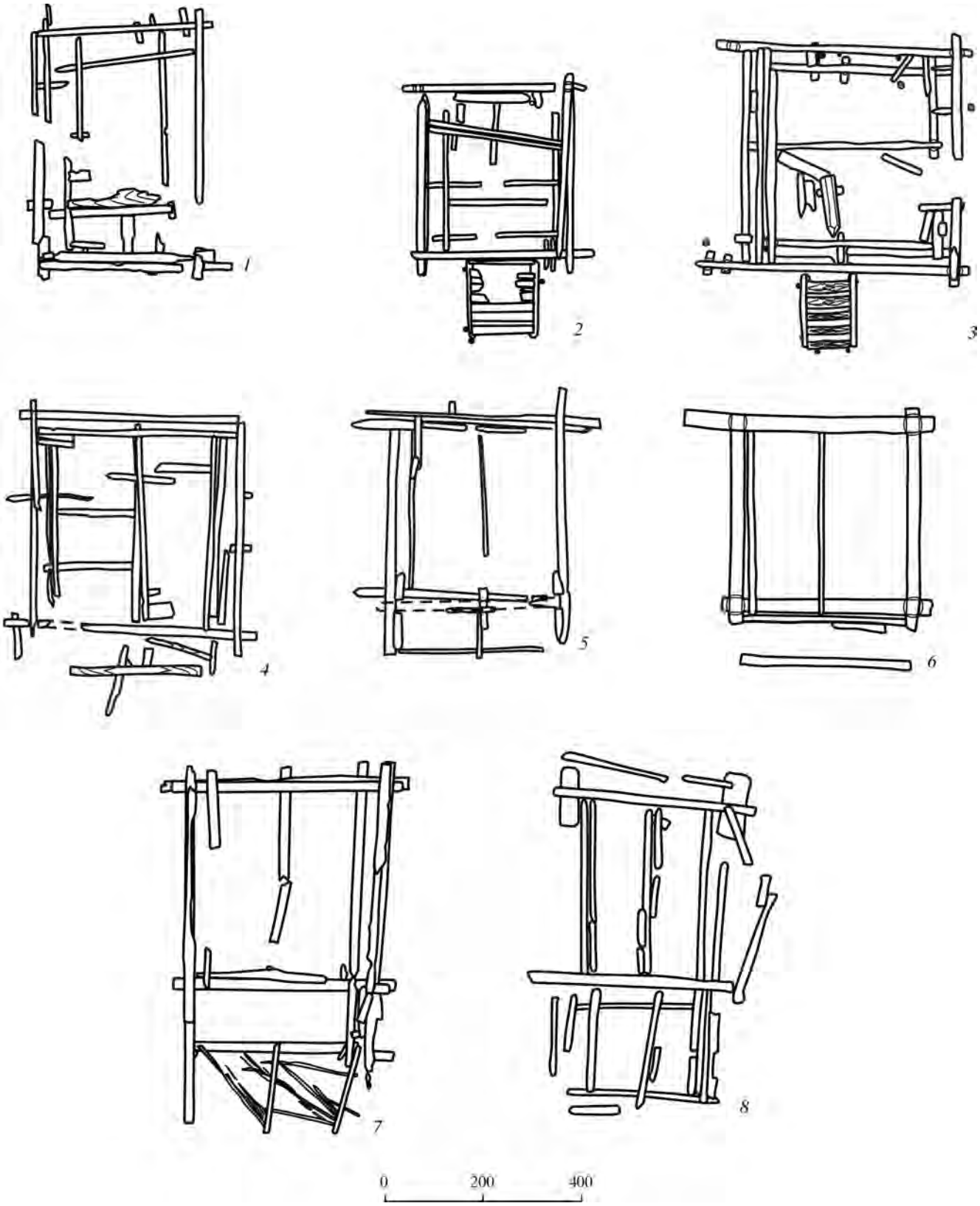


Рис. 4. Хозяйственные постройки X в. *1* – VIII-26-126;XI-26-150, Троицкий раскоп; *2* – VIII-26-125, Троицкий раскоп; *3* – VI-29-63, Троицкий раскоп; *4* – X-28/29-137, Троицкий раскоп; *5* – X-28/29-138, Троицкий раскоп; *6* – И28Б, Неревский раскоп; *7* – XI-27-155А, Троицкий раскоп; *8* – Д26В, Неревский раскоп.

Отметим сходство в размерах, способе укладки лаг и организации привходной части малых хозяйственных четырехстенов Неревского и Троицкого раскопов (рис. 4, *4–6*). Характерной особенностью хозяйственных клетей с повышенным уровнем пола являются также известные по материалам Троицкого раскопа крыльца-пандусы (рис. 4, *1–3*). Широко распространены в хозяйственных постройках привходные конструкции, ограниченные выпусками боковых стен основного сруба. Очень близки по планировке и размерам хозяйственные клети XI-27-155А Троицкого и Д26В Неревского раскопов. Обе постройки стоят на подкладках, имеют врубленные насквозь переводины, уложенные в три линии, и схожие привходные конструкции, ограниченные выпусками бревен боковых стен основного сруба (рис. 4, 7, *8*).

Сравнивая застройку Людина и Неревского концов, нельзя не упомянуть выраженное сходство приемов благоустройства территории усадеб. В ранних строительных ярусах Троицкого раскопа, так же как и на Неревских усадьбах, выявлены многочисленные вымостки различных конструкций: укладка настилов на сдвоенные лаги-направляющие, крепление поперечных настилов из жердей, досок или плах в выбранные на четверть боковые бревенчатые лаги.

Используются ограды разных конструкций. С первоначальным разграничением усадеб связаны частоколы из тонких кольев, плетни и заборы “в заплот”, набранные из горизонтальных бревен, концы которых фиксируются в вертикальных столбовых опорах. Такие ограждения встречаются как в Людином, так и в Неревском концах города (Засурцев, 1963. С. 48, 102, 103, 108; Фараджева и др., 2014. С. 144). Исследован на Неревском раскопе и забор из жердей, зажатых с боковых сторон колышками (Сорокин, 1995. С. 24, 25). Примечательно, что многообразные по конструкции изгороди уже в последние десятилетия X в. сменяются на обоих раскопах частоколами из поставленных вплотную вертикальных жердей.

Таким образом, к моменту освоения археологически исследованных участков Людина и Неревского концов первопоселенцы обладали единой строительной культурой, что подтверждается, прежде всего, тождеством планировки построек и строительных технологий: хорошо читаемой дифференциацией жилых и хозяйственных строений, использованием определенного набора строительных приемов при возведении построек разного назначения. Можно говорить также о сходстве в системе застройки: четкой усадебной планировке, постоянстве жилых и хозяйственных зон, выделяемых в пределах дворов, способах благоустройства территории.

Однородность материалов по домостроительству двух разных участков Новгорода, также как и близость керамического набора, характерного для ранних напластований Троицкого и Неревского раскопов (Плохов, 2009. С. 417–422), являются еще одним важным аргументом, позволяющим поставить под сомнение предположение о разноэтничности первоначальных поселений, расположенных на территории Людина и Неревского концов средневекового Новгорода (Янин, Алешковский, 1971. С. 42–55).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Хронология Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. Вып. 15: Великий Новгород, 23–25 января 2001 г. Великий Новгород, 2001. С. 81–87.

Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Тр. Новгородской археолог. экспед. Т. IV: Жилища древнего Новгорода. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 123). С. 5–165.

Плохов А.В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни: сб. памяти Александра Степановича Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ООО “ЛеопАрт”, 2009. С. 417–431.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. М.: Наука, 1975 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-32). 180 с.

Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода // Архив архитектуры VI. М.: Общество историков архитектуры ЦОАИ НГОМЗ, 1995 (Новгородские древности; Вып. 2). 138 с.

Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.). Рукопись: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 370 с.

Урьева А.Ф. Дендрохронология мостовых Троицкого раскопа в Новгороде // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 214–227.

Фараджева Н.Н. Древнейшие постройки Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. Вып. 13. Новгород, 26–28 января 1999 г. Новгород, 1999. С. 89–99.

Фараджева Н.Н. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология: матер. науч. конф. Вып 14. Новгород, 25–27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. С. 80–99.

Фараджева Н.Н. Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новго-

рода // Хорошие дни: сб. памяти Александра Степановича Хорошева / Ред.-сост. А.Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М.: ООО “ЛеопАрт”, 2009. С. 563–575.

Фараджева Н.Н. Постройки Людина конца средневекового Новгорода. Рукопись: дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 599 с.

Фараджева Н.Н., Тарабардина О.А., Гайдуков П.Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.

Хорошев А.С. К истории формирования городских усадеб в Новгороде (по материалам раскопок 1973–1983 гг.) // История и археология Пскова и Псковской земли: кр. тез. докл. науч.-практ. конф. Псков: Псковская обл. тип., 1985. С. 51, 52.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

EARLY CONSTRUCTION OF LIUDIN AND NEREVSKIY KONETS OF MEDIEVAL NOVGOROD (ON THE MATERIALS OF NEREVSKIY AND TROITSKIY EXCAVATION SITES)

Natalia N. Faradzheva

Institute of Archaeology RAS, Moscow (fnn1@yandex.ru)

The article is devoted to the characteristics and comparative analysis of early construction of Liudin and Nerevskiy konets of medieval Novgorod based on the materials of Nerevskiy and Troitskiy excavation sites in which the building horizons of the 10th century have been studied. Certain differentiation of constructions included in the complex of early manor construction has been traced. The differences between residential and household buildings have been defined. Good preservation of early construction horizons of the Troitskiy excavation site gave an opportunity for new understanding of the plan and constructions of separate buildings of the Nerevskiy excavation site and detalisation of residential complexes. The equality of planning and constructions of buildings studied on different sites, the unity of methods and technologies used at constructing residential and household buildings and also the similarity of the approaches of improvement of the yards allow saying about the homogeneity of the building structure of first settlers colonized the territory of the Nerevskiy and Liudin konets.

Key words: Novgorod, Nerevskiy and Troitskiy excavation sites, residential complex, household buildings, construction technique, plan.

REFERENCES

Faradzheva N.N., 1999. Drevneyshie postroyki Troitskogo XI raskopa [Ancient buildings of Troitskiy XI excavation site]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: theses of a scientific conference]*, 13. Velikiy Novgorod, pp. 89–99.

Faradzheva N.N., 2000. Tipologiya i evolyutsiya srubnykh postroek drevnego Novgoroda [Typology and evolution of wooden buildings of ancient Novgorod]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: theses of a scientific conference]*, 14. Velikiy Novgorod, pp. 80–99.

Faradzheva N.N., 2009. Fundamentnye konstruktsii derevyannykh postroek Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda [Foundation buildings of Liudin konets of medieval Novgorod]. *Khoroshie dni: sbornik pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva [Good days: collected papers to the memory of Aleksandr Stepanovich Khoroshev]*. A.E. Musin, ed., comp. Velikiy Novgorod; St. Petersburg; Moscow: LeopArt, pp. 563–575.

Faradzheva N.N., 2010. Postroyki Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda: dissertatsiya…kandidata istoricheskikh nauk: rukopis’ [Buildings of Liudin konets of medieval Novgorod: dissertation…candidate of Historical sciences: manuscript]. Moscow. 599 p.

Faradzheva N.N., Tarabardina O.A., Gaydukov P.G., 2014. Usad’by Yaryshevoy ulitsy Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda v X v. (po materialam Troitskogo raskopa) [Manors of Yaryshev street of Liudin konets of the medieval Novgorod in the 10th century (on the materials of Troitskiy excavation site)]. *Rus’ v IX–XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul’tura [Rus in the 9th – 12th cc.: society, state, culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont’ev, eds.,

I.E. Zaytseva, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 134–160.

Gaydukov P.G., Dubrovin G.E., Tarabardina O.A., 2001. Khronologiya Troitskogo XI raskopa [Chronology of Troitskiy excavation site]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology: theses of a scientific conference],* 15. Velikiy Novgorod, pp. 81–87.

Khoroshev A.S., 1985. K istorii formirovaniya gorodskikh usadeb v Novgorode (po materialam raskopok 1973–1983 gg.) [To the history of formation of city manors in Novgorod (on the materials of the excavation works of 1973–1983)]. *Istoriya i arkheologiya Pskova i Pskovskoy zemli: kratkie tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii [History and archaeology of Pskov and Pskov land: brief theses of the scientific conference]*. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya, p. 51, 52.

Plokhov A.V., 2009. Lepnaya keramika iz raskopok v Velikom Novgorode [Moulding ceramic from the excavation sites in Velikiy Novgorod]. *Khoroshie dni: sbornik pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva [Good days: collected papers to the memory of Aleksandr Stepanovich Khoroshev]*. A.E. Musin, ed., comp. Velikiy Novgorod, St. Petersburg; Moscow: LeopArt, pp. 417–431.

Rappoport P.A., 1975. Drevnerusskoe zhilishche [Ancient Russian dwelling]. Moscow: Nauka. 180 p. (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-32).

Sorokin A.N., 1995. Blagoustroystvo drevnego Novgoroda [Organization of ancient Novgorod]. *Arkhiv arkhitektury [Archive of architecture]*, VI. Moscow: Obshchestvo istorikov arkhitektury. 138 p. (Novgorodskie drevnosti, 2).

Tarabardina O.A., 2007. Dendrokhronologiya srednevekovogo Novgoroda (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1991–2005 gg.): dissertatsiya …kandidata istoricheskikh nauk: rukopis' [Dendrochronology of medieval Novgorod (on the materials of archaeological researches of 1991–2005): dissertation …candidate of Historical sciences: manuscript]. Moscow. 370 p.

Ur'eva A.F., 1989. Dendrokhronologiya mostovykh Troitskogo raskopa v Novgorode [Dendrochronology of carriage-ways of the Troitskiy excavation site in Novgorod]. *Estestvennonauchnye metody v arkheologii [Science approaches in archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 214–227.

Yanin V.L., Aleshkovskiy M.Kh., 1971. Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy) [The origin of Novgorod (problematics)]. *Istoriya USSR [History of the USSR]*, 2, pp. 32–61.

Zasurtsev P.I., 1963. Usad'by i postroyki drevnego Novgoroda [Manors and buildings of ancient Novgorod]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition], IV. Zhilishcha drevnego Novgoroda [Dwellings of ancient Novgorod]*. Moscow: Akademiya nauk USSR, pp. 5–165 (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 123).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 134–140

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ: АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА (К 70-ЛЕТИЮ А.В. ЧЕРНЕЦОВА)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

© 2015 г. В.Я. Петрухин

Институт славяноведения РАН, Москва (vladimir.petrukhin@gmail.com)

Сложность интерпретации зооантропоморфных изобразительных мотивов, присущих дохристианскому славянскому искусству, связана с тем, что эти симметричные композиции соотносятся с универсальной и абстрактной схемой мировой оси – мирового дерева. Редкая ассиметричная композиция представлена на накладке на ножны из Ольденбурга/Старигарда, где верх воплощает антропоморфная фигура, низ – отличающиеся позами антропоморфные фигурки и симметричные образы коней. Композиция соотносится с реконструируемым общеславянским мифом о противостоянии небесного громовника и “скотьего бога“, покровителя пастбищ и преисподней.

Ключевые слова: язычество, декоративное искусство, симметрия, мировое древо.

Проблема изобразительных мотивов в славянском язычестве остается одной из самых дискутируемых проблем дохристианской славянской культуры. Отсутствие археологического контекста для самых знаменитых находок, относящихся к “язычеству”, будь то монументальный Збручский идол или мелкая пластика – фигурки из Велестино (см. Werner, 1953; ср. Щеглова, 2010. С. 156, 157), вызывает закономерный скепсис – подозрение в подделке (см. Комар, Хамайко, 2011)[1]. Непосредственно с языческим нарративом связаны средневековые изображения, иллюстрирующие летописные и житийные сюжеты древнерусской литературы: ими продуктивно занимается А.В. Чернецов. Однако сама эта изобразительная традиция не имеет прямого отношения к язычеству как к дохристианской культуре: древнерусские идолы на миниатюрах Радзивиловской летописи имеют вид античных статуй, древнерусский “волхв” одет как католический священник (см. Chernetsov, 1981; Чернецов, 1994). Попытки напрямую увязать миниатюры XV в. с мотивами дохристианской мифологии безосновательны: А.В. Чернецов отверг одну из них (интерпретацию змеи у ног послов Олега, клянущихся Перуном, как воплощения Волоса – змеевидного противника Перуна в лингвистической реконструкции славянского мифа; см. ниже), обратив внимание на то, что зооморфные образы оказываются поздними – пририсованными на миниатюрах, передающих древнерусские сюжеты (ср. Петрухин, 1995. С. 140), и передают иной смысл, связанный со средневековой эмблематикой (рис. 1, *1, 2*)[2].

В этом отношении находка из Ольденбурга (балтийско-славянского Старигарда, центра вагров) в Восточном Гольштейне представляет особый интерес, ибо имеет конкретную датировку (около 1000 г.) и атрибуцию. Это бронзовая накладка на ножны ножа, несущая антропоморфные и зооморфные изображения. И. Габриэль исследовал композицию изображений (Gabriel, 1988. Abb. 33, *1*; 1991. Abb. 8, *1*) (рис. 2) и привел параллели как накладкам на ножны (в отличие от ольденбургской накладки они несут преимущественно зооморфные мотивы), так и антропоморфным образам, отличающим находку из Старигарда. Навершием накладки представляется подбоченившаяся фигура, поза которой напоминает позы известных в славянском и скандинавском мире антропоморфных мужских образов. К приведенным И. Габриэлем (Gabriel, 1988. S. 185–187. Abb. 31, *5, 6*; 33, *5, 6*) образам можно добавить знаменитые мартыновские фигурки[3], композиционно

[1] Очевидными подделками являются статуэтки, обнаруженные в конце XVII в. у местечка Приллвиц (Мекленбург), которое стало увязываться с культовым центром редариев Ретрой (см. Schmidt, 2003).

[2] В частности, змея радзивиловской миниатюры, нацелившаяся на пяту клянущегося Перуном, находит параллели в средневековом “Физиологе”, где она воплощает дьявола, побеждающего грешника (в данном случае – язычника; ср. Белова, 2000. С. 125. Рис. 36).

[3] В эпоху переселения народов подобные позы характерны для антропоморфных аланских амулетов (Ковалевская, 1995) и “варварского” искусства дунайского региона (Barbarenschmuck..., 1992. S. 192).

Рис. 1. *1* – клятва мужей Олега (Радзивиловская летопись. Л. 164; по: Чернецов, 1994); *2* – змея, преследующая человека (миниатюра из лицевого списка греческого “Физиолога”; по: Белова, 2000).

связанные с симметричными фигурками коней (рис. 3). Последнее немаловажно, ибо на накладке антропоморфные персонажи также композиционно связаны с симметричными коньками: по ее сторонам друг против друга симметрично помещены меньшие по размеру антропоморфные фигурки, одна из которых повторяет подбоченившуюся позу навершия, другой придана поза оранты/адорации (известная синхронным антропоморфным женским образам из Дании, Лейре и Польши, Кальдус; см. Chudziak, 2003. S. 123. Rys. 6*c*) (рис. 4)[4]. Низ накладки завершает маска, фланкированная конскими протомами. Правая сторона повреждена – обломана головка протомы и отсутствует верхняя фигурка лошади (рис. 2). И. Габриэль обратил внимание на то, что у верхних симметричных конских фигурок голова повернута к крупу – он усматривает в этом обращение к верховному персонажу, хотя поза отражает распространенный декоративный мотив (ср. Gabriel, 1988. Abb. 26, *1–4*). В принципе предлагать конкретную интерпретацию любой симметричной композиции, абстрагируясь от декоративного принципа ее построения, едва ли правомерно (Кокорина, Лихтер, 2007. С. 87–102). Это касается и маски с протомами: И. Габриэль приводит параллели этому мотиву и обращает внимание на три насечки, намечающие рот маски, в которых видит три зуба, обозначающих открытый рот божества плодородия. Протомы напоминают исследователю солнечную колесницу, что позволяет ему приписать маску Сварогу, солнечному божеству (Gabriel, 1988. S. 191), сравнимому русским летописцем с античным колесничим богом Гелиосом в комментарии к

Рис. 2. Бронзовая накладка на ножны ножа, Ольденбург/Старигард (по: Gabriel, 1988. Abb. 33, *1*).

[4] Впрочем, поза адорации придается и мужским фигурам в раннехристианском искусстве (включая сюжет “Даниила в львином рве”: Щеглова, 2010. С. 161—163), в том числе на приводимом И. Габриэлем реликварии (Gabriel, 1988. Abb. 20). В варварском искусстве Восточной Европы эта поза придана мужской фигурке, обнаруженной в Серпуховском р-не (Щеглова, 2010. Табл. 4, *3*; ср. рис. 3, *3* и другие: Щеглова, 2010. С. 161, 162).

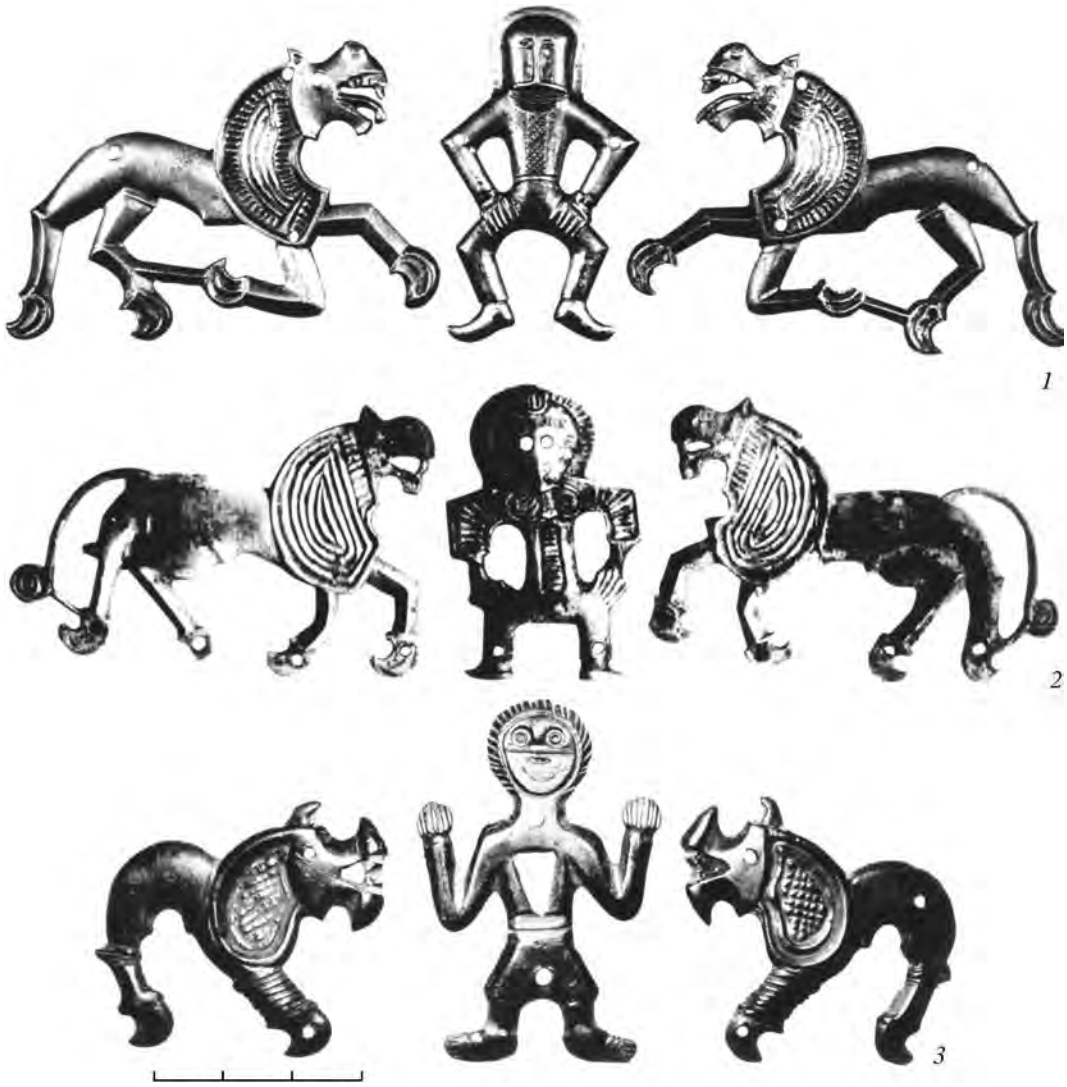


Рис. 3. Композиции фигурок из восточноевропейских кладов: *1* – Мартыновка; *2* – Черкасский р-он; *3* – Серпуховской р-он (по: Щеглова, 2010).

греческой цитате “Повести временных лет” (1996. С. 127). В композиции декоративной спинки костяного гребня с симметричными протомами коней из Старого Любека И. Габриэль видит небесную колесницу: декор (циркульный орнамент) может воспроизводить колесницу, подобную императорской, с римского брактеата (Gabriel, 1988. Abb. 34, *1*), колесничему придана поза оранты. Но сам автор приводит многочисленные параллели симметричным конским протомам, украшающим разные предметы в разных культурах Евразии (Gabriel, 1988. Abb. 34). Есть они и на гребнях, спинки которых украшены циркульным орнаментом, но лишены центральной антропоморфной фигуры (László, 1971. Abb. 56, 57). Кроме того, интерпретация маски с конскими протомами как солнечного бога вступает в противоречие со смысловым верхом композиции, воплощенным подбоченившимся персонажем: солнечному богу следовало бы оказаться наверху. Впрочем, солнечная колесница должна была спускаться и в загробный мир, так что маска с протомами может означать преисподнюю часть солнечного пути, высший персонаж – того же Сварога в небесной ипостаси (ср. Europas, 2000. S. 139). Проблема интерпретации симметричных композиций в историографии касается и масок с окаймляющими мотивами: личина между двумя птицами постоянно (со времен интерпретации Г.Ф. Корзухиной камских кресал) вызывает ассоциации со скандинавским Одином, на плечах которого сидели два мифических ворона. При этом игнорируется асимметричность самого одноглазого бога (ср. Петрухин, 2011. С. 265–269; см. о скандинавских находках одноглазых персонажей: Müklenberger, 2012). Н.Б. Крыласова (2006) справедливо подчеркнула вариативность симметричной схемы, свойственной декору

кресал, ее центр может занимать декоративная фигура, в которой лишь угадывается антропоморфный (зооантропоморфный) символ (на спинках упомянутых германских гребней композиция чисто орнаментальная). Исследовательница увязывает эту схему с универсальным мотивом мирового дерева — оси, по сторонам которой располагаются символы, характеризующие мифологическую картину мира. Пермская традиция может быть увязана с угорской мифологией, центральным (осевым) персонажем которой был культурный герой-всадник Мир-сусне-хум, связанный с божественной птицей Карс, — вариантом евразийской громовой птицы, принесшей людям огонь (объясняет связь орнитоморфного мотива с кресалами). (Сравним, впрочем, давно указанные параллели пермским мотивам в Центральной Европе (Надьсентмиклош) и даже на Сицилии: László, 1971. S. 147.)

Принципиально наблюдение И. Габриэля, касающееся изобразительной асимметрии антропоморфных фигурок по сторонам накладки: в личине подбоченившейся фигурки он видит пустые глазницы, что в мифологии соотносится с воплощением мира мертвых (Gabriel, 1988. S. 190), следовательно, накладка воплощает модель мира славянского язычества: одна ее сторона относится к загробному миру, другая – к миру живых. Для зрителя, не всматривавшегося в мелкие детали изображения, для чего накладка на ножны явно не предназначалась, демонстративней были позы антропоморфных фигурок. Ели поза оранты действительно характеризует женский персонаж, то перед нами не оппозиция мира живых и мертвых, а не менее характерная для архаических мифологических систем оппозиция мужского и женского начал. Здесь нельзя не вспомнить о Збручском идоле, срединный ярус изображений которого представлен хороводом мужских и женских фигур. Накладка, таким образом, действительно может передавать модель мира славянского язычества, где средний мир маркирован людьми и конями. В цитированном каталоге (Europas, 2000. S. 139) композиция И. Габриэлем характеризуется как космологическая (модель мира) – *Kosmologisches Bildprogramm*.

Ближайшие аналогии такой симметричной композиции накладки – более ранние, распространенные в славянском мире VII–VIII вв. зооантропоморфные фибулы, верх которых – антропоморфная фигура, фланкированная протомами коней (или менее выраженных зооморфных существ), а низ – териоморфная (?) маска (ср. Родинкова, 2006; Щеглова, 2010. Табл. 4, 5). Антропоморфная фигура, фланкируемая зооморфными символами, давно ассоциируется с образом великой матери, прародительницы и покровительницы живой природы:

Рис. 4. Фигурка оранты из Кальдус (по: Chudziak, 2003).

сходные симметрические композиции в русской вышивке XIX–XX вв. относятся к широко распространенным у разных народов мотивам парных зооморфных образов (коней, всадников, птиц) у мирового дерева (терема или у осевого антропоморфного символа) и не могут возводиться напрямую к языческой архаике (использоваться для реконструкции языческих храмов и т.п.; ср. Петрухин 2007. С. 44; László, 1971. S. 112 f)[5]. Симметричные композиции, развернутые по универсальной схеме мирового дерева, были исследованы в работах В.Н. Топорова, следовавшего М. Элиаде и возводившего архаические мифопоэтические системы к эпохе становления искусства в палеолите (2010). Схема мирового дерева традиционно усматривается и в искусстве германского звериного стиля, продолжением которого был орнамент зооантропоморфных фибул (см. Веймарн, Амброз, 1980. С. 258, 259).

Есть ли основания для попытки интерпретации композиции, представленной на накладке из Старигарда, конкретизирующей универсальную схему мирового дерева? Из всех славянских традиций именно балтийско-славянская сохранила относительно изобильный мифологический материал, в западных хрониках упоминается и культ Сварожича (но не русского Сварога), отождествлявшегося с

[5] В христианском искусстве такие композиции сохраняются, причем парадоксальным образом может симметрично удваиваться центральный персонаж: так, “по причинам декоративного порядка” дважды изображается всадник-василевс по сторонам от взятого им (?) города, воплощенного женской фигурой (см. о ларце из собора в Труа: Грабар, 2000. С. 68).

Радгостом, но почитавшегося не у вагров, а у редариев в Ретре. Правда, в современной историографии сложилась тенденция к сближению и даже отождествлению балтийско-славянских культов Святовита, Сварожича и Триглава, атрибутом которых был священный конь (ср. Иванов, Топоров, 1974; Ловмянский, 2003. С. 143 и сл.). Накладка может быть увязана с конским культом, ибо кони присутствуют на ней и как самостоятельные фигуры, фланкирующие по сторонам мужскую и женскую (?) фигурки, и как символы – в виде протом по сторонам маски (ср. о культе коней у балтийских славян: Gabriel, 1991. S. 295, 296). Скорее, однако, речь может идти о символической роли копытных, воплощающих (вместе с людьми) земной мир. Перевернутая маска с конскими протомами оказывается, в таком случае, в преисподней, противопоставленной подбоченившемуся персонажу верхнего мира. В самом общем виде эта модель соответствует реконструированному В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым праславянскому (индоевропейскому) "основному мифу" о противостоянии небесного божества противнику из преисподней, в древнерусской традиции именуемому Волосом – скотьим богом, и ассоциируется с пастбищами (1974)[6], изображенными на накладке из Старигарда.

В данной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

Веймарн Е.В., Амброз А.К. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. 1980. № 3. С. 247–262.

Грабар А. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура. Владикавказ, 1995 (Alanica III). С. 123–183.

Комар А., Хамайко Н. Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. Т. X. Київ, 2011. С. 166–216.

Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.: КомКнига, 2007. 199 с.

Крыласова Н.Б. Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как "Один и вороны" // РА. 2006. № 4. С. 64–73.

Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.

Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и ком. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; доп. М.Б. Свердлова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996 (Литературные памятники). 667 с.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск: Гнозис; Русич, 1995. 320 с.

Петрухин В.Я. Дохристианские древности: по археологическим материалам IV–X веков // История русского искусства: в 22 т. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII в. М.: Северный паломник, 2007. С. 39–79.

Петрухин В.Я. "Русь и вси языци": Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. 382 с.

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропозооморфных фибул (сложные и двупластинчатые формы) // РА. 2006. № 4. С. 50–63.

Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.

Трубачев О. К истокам Руси: народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. 154 с.

Чернецов А.В. Язычество и суеверия по древнерусским изображениям // Живая старина. 1994. № 1. С. 18–22.

Щеглова О.А. Тайна "пляшущих человечков" и "следы невиданных зверей". Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: матер. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / Ред. В. Мартыненко. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 146–171.

Barbarenschmuck und Römergold: Der Schatz von Szilágysomlyó: Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums, Wien und des Magyar Nemzeti Múzeum, Budapest / Hrgs. W. Seipel. Wien, 1999. 129 s.

[6] Связь имени Волоса/Велеса с божеством преисподней – загробного пастбища в индоевропейской традиции – реконструирована Р. Якобсоном. Реконструкция, равно как и соотнесение Перуна с верхом (горой), а Велеса с низом принимается лингвистами (ср. Трубачев, 2013. С. 172—175). Иной вариант славянского космогонического мифа восстанавливает Р. Томицки (Tomicki, 1976), основываясь не на индоевропейской реконструкции, а на дуалистических космогониях, распространившихся в средние века под влиянием богомильства. Славянская основа дуалистической космогонии усматривается в упоминании Чернобога в "Славянской хронике" Гельмольда (XII в.), однако сам теоним *Белобог* является ученой реконструкцией, предполагающей наличие дуалистической мифологии у славян, и не упоминается в источниках.

Chernetsov A.V. Medieval Russian pictorial materials on paganism and superstitions // Slavica Gandensia. 1980/1981. 7/8. P. 99–112.

Chudziak W. Wczesnośredniowieczne "importy" skandynawskie z Kałdusa pod Chełmnem na Pomorzu Wschodnim // Słowiane i ich sąsiedzi we wczenym średniowieczu. Lublin; Warszawa, 2003. P. 117–131.

Europas Mitte um 1000: Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie: 3 Bänden / Hrgs. A. Wieczorek, H.-M. Hinz. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2000. 3 Bd.

Gabriel I. Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Hadelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1988. 69. S. 103–291.

Gabriel I. Christentum und Heidentum // Starigard/Oldenburg: ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein / Hrsg. von M. Müller-Wille mit Beiträgen von V.D. Baran [u.a.]. Neumünster: Wachholtz, 1991. S. 279–297.

Hoppal M. The Birth of Myth // Studia mythologica slavica. 12. Ljubljana, 2009. P. 107–133.

László Gy. Steppenvölker und Germanen: Kunst der Völkerwanderungszeit. Berlin, 1971. 170 s.

Müklenberger K. Den Onøjede // Skalk. 2012. 6. S. 11–15.

Schmidt V. Die Prillwitzer Idole. Rethra und die Anfänge der Forschung im Lande Stargard // Inventing the Past in North Central Europe / Hrsg. von M. Hardt, D. Schorkowitz. Frankfurt am Main, 2003. S. 96–110.

Tomicki R. Słowiański mit kosmogoniczny // Etnografia Polska. 1976. T. XX. Z. 1. S. 47–97.

Werner J . Slawische Bronzfiguren aus Nordgriechenland. Berlin: Berlin Akademie-Verlag, 1953. 8 s., 6 taf.

TO THE PROBLEM OF THE PICTORIAL MOTIFS IN SLAVIC PAGANISM

Vladimir Ya. Petrukhin

Institute of Slavic Studies RAS, Moscow(vladimir.petrukhin@gmail.com)

The complexity of interpretation of zooantropomorphous pictorial motifs of the pre-Christian Slavic art stems from the fact that these symmetric compositions relate to the universal and abstract scheme of world axis – the "world tree". A rare asymmetric composition is presented on the pad on the scabbard from Oldenburg/ Starigrad, where the upper part embodies the anthropomorphous figure, and the "bottom" one presents the anthropomorphic figurines (with different postures) and symmetrical images of horses. Composition refers to the common reconstructed Slavic myth of heavenly Thunder-god and "God of cattle", the patron of pastures and the underworld.

Key words: Slavic paganism, decorative art, symmetry, the world tree.

REFERENCES

Barbarenschmuck..., 1999. Barbarenschmuck und Römergold: Der Schatz von Szilágysomlyó: Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums, Wien und des Magyar Nemzeti Múzeum, Budapest. W. Seipel, ed. Wien. 129 p.

Belova O.V., 2001. Slavyanskiy bestiariy: Slovar' nazvaniy i simvoliki [Slavic bestiary: Dictionary of notions and symbolic]. Moscow: Indrik. 320 p.

Chernetsov A.V., 1980/1981. Medieval Russian pictorial materials on paganism and superstitions. *Slavica Gandensia*, 7/8, pp. 99–112.

Chernetsov A.V., 1994. Yazychestvo i sueveriya po drevnerusskim izobrazheniyam [Paganism and superstitions on ancient Russian pictures]. *Zhivaya starina [Live Antiquity]*, 1, pp. 18–22.

Chudziak W., 2003. Wczesnośredniowieczne "importy" skandynawskie z Kałdusa pod Chełmnem na Pomorzu Wschodnim. *Słowiane i ich sąsiedzi we wczenym średniowieczu*. Lublin; Warszawa, pp. 117–131.

Europas Mitte..., 2000. Europas Mitte um 1000: Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie. A. Wieczorek, H.-M. Hinz, eds. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 3 v.

Gabriel I., 1988. Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Hadelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/ Oldenburg. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 69, pp. 103–291.

Gabriel I., 1991. Christentum und Heidentum. *Starigard/ Oldenburg: ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein*. Von M. Müller-Wille, Beiträgen von V.D. Baran, eds. Neumünster: Wachholtz, pp. 279–297.

Grabar A., 2000. Imperator v vizantiyskom iskusstve [The Emperor in Byzantine art]. Moscow: Ladomir. 328 p.

Hoppal M., 2009. The Birth of Myth. *Studia mythologica slavica*, 12, pp. 107–133.

Ivanov V.V., Toporov V.N., 1974. Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov [Researches in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological problems of reconstruction of texts]. Moscow: Nauka. 342 p.

Kokorina Yu.G., Likhter Yu.A., 2007. Morfologiya dekora [The morphology of decor]. Moscow: KomKniga. 199 p.

Komar A., Khamayko N., 2011. Zbruchskiy idol: pamyatnik epokhi romantizma? [Zbruchskiy idol: the monument of the romantic epoch?]. *Ruthenica*, X. Kiïv, pp. 166–216.

Kovalevskaya V.B., 1995. Khronologiya drevnostey severokavkazskikh alan [Chronology of the antiquities of Northern Caucasian Alans]. *Alany: Istoriya i kul'tura [Alans: history and culture]*. Vladikavkaz, pp. 123–183 (Alanica III).

Krylasova N.B., 2006. Ob interpretatsii kresal s syuzhetom, izvestnym v istoriografii kak "Odin i vorony" [On the interpretation of kresal with the plot known in historiography as "One and ravens"]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 64–73.

László Gy., 1971. Steppenvölker und Germanen: Kunst der Völkerwanderungszeit. Berlin. 170 p.

Lovmyanskiy G., 2003. Religiya slavyan i ee upadok [The religion of the Slavs and its decline]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt. 512 p.

Müklenberger K., 2012. Den Onøjede. *Skalk*, 6, pp. 11–15.

Petrukhin V.Ya., 1995. Nachalo etnokul'turnoy istorii Rusi IX–XI vv. [The beginning of ethno cultural history of Rus in 9th – 11th cc.]. Moscow; Smolensk: Gnozis; Rusich. 320 p.

Petrukhin V.Ya., 2007. Dokhristianskie drevnosti: po arkheologicheskim materialam IV–X veka [Pre Christian antiquities: based on archaeological materials in 4th – 10th cc.]. *Istoriya russkogo iskusstva [The history of Russian art], 1. Iskusstvo Kievskoy Rusi. IX – pervaya chetvert' XII v. [Art of Kyiv Rus. 9th – first half of the 12th cc.]*. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 39–79.

Petrukhin V.Ya., 2011. "Rus' i vsi yazytsi": Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arkheologicheskie ocherki ["Rus and all nations": Aspects of historical interconnections: Historical and archaeological essays]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 382 p.

Povest'..., 1996. Povest' vremennykh let [Primary Chronicle]. D.S. Likhachev, V.P. Adrianova-Peretts, eds. 2nd edition. St. Petersburg: Nauka. 667 p. (Literaturnye pamyatniki).

Rodinkova V.E., 2006. K voprosu o tipologicheskom razvitii antropozoomorfnykh fibul (slozhnye i dvuplastinchatye formy) [To the problem of typological development of anthropozoomorphic fibulas (complex and bilaminated forms)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 50–63.

Schmidt V., 2003. Die Prillwitzer Idole. Rethra und die Anfänge der Forschung im Lande Stargard. *Inventing the Past in North Central Europe*. Von M. Hardt, D. Schorkowitz, eds. Frankfurt am Main, pp. 96–110.

Shcheglova O.A., 2010. Tayna "plyashushchikh chelovechkov" i "sledy nevidannykh zverey". Antropo- i zoomorfnye izobrazheniya v ranneslavyanskoy metalloplastike [The mystery of "dancing small people" and "traces of unseen animals". Anthropo- and zoomorphic pictures in early Slavic metal-plastic]. *Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fedorovny Korzukhinoy [Slavic-Russian jewelry craft and its origins: theses of International scientific conference devoted to 100th anniversary of Gali Fiodorovna Korzukhina]*. V. Martynenko, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 146–171.

Tomicki R., 1976. Słowiański mit kosmogoniczny. *Etnografia Polska*, v. XX, № 1, pp. 47–97.

Toporov V.N., 2010. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy [World tree: Universal sign complexes], 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 448 p.

Trubachev O., 2013. K istokam Rusi: narod i yazyk [To the origins of Rus: nation and language]. Moscow: Algoritm. 154 p.

Veymarn E.V., Ambroz A.K., 1980. Bol'shaya pryazhka iz Skalistinskogo mogil'nika (sklep 288) [Big buckle from Skalistinskiy ground (vault 288)]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 3, pp. 247–262.

Werner J., 1953. Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland. Berlin: Berlin Akademie-Verlag. 8 p., 6 tabl.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 141–148

ГРАФФИТИ ХРАМА ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ НА НЕРЛИ

© 2015 г. А.А. Медынцева

Институт археологии РАН, Москва (medyntc@gmail.com)

В статье публикуется комплекс надписей и рисунков-граффити, обнаруженных на стенах знаменитого храма Покрова Богородицы на Нерли. Одни надписи публикуются впервые, другие – резные при изображениях на фасадах – были известны уже давно, но палеографический и культурологический анализ их не проводился. Кроме того, рассматриваются рисунки-граффити лошадей, являющихся большой редкостью. В целом, набор надписей и рисунков (за исключением перечисленных выше), тематически не отличаясь от граффити других белокаменных сооружений, представляет не известные ранее оригинальные факты письменной и художественной культуры, добавляя новые данные к истории знаменитого архитектурного памятника.

Ключевые слова: Владимиро-Суздальская Русь, белокаменная архитектура, храм Покрова на Нерли, надписи и рисунки-граффити, письменность, бытовые рисунки, эпиграфика.

Среди построенных Андреем Боголюбским белокаменных сооружений храм Покрова, посвященный Богородице, занимает особое место. Расположенный в 1.5 км от княжеской резиденции Боголюбово, при впадении Нерли в Клязьму, храм был построен, как следует из более позднего жития князя Андрея, в 1165 г. (Обоснование данной датировки см. Воронин, 1961. С. 506, 507.) Он и был первым на Руси храмом, посвященным новому богородичному празднику, установленному Андреем Всеволодовичем.

Храм принадлежит к обычному для Владимирской Руси типу небольших четырехстолпных построенных из белого камня одноглавых храмов, получивших распространение в строительстве Юрия Долгорукого, но воплощает новый образ, поражающий легкостью и изяществом, гармонирующими с окружающим пейзажем. Этот всемирно известный памятник архитектуры, кажется, изучен до последнего камня, деталей рельефа, выразительно и сдержанно украшающих белокаменные стены фасадов. Ясной кажется и его архитектурная история. Храм неоднократно подвергался поновлениям, едва не был уничтожен в конце XVIII в., получил новую тяжелую луковичную главу взамен исконной шлемовидной, нынешнее позакомарное перекрытие со сферической кровлей, скрывающей прямоугольный постамент и низ барабана, но сохранил тем не менее основное архитектурное ядро. Некогда он был расписан фресками, полностью сбитыми в 1877 г. Неоднократно вокруг храма проводились археологические раскопки, последние – в середине прошлого века под руководством известного исследователя архитектуры Н.Н. Воронина, – давшие неожиданные результаты, во многом меняющие уже кажущийся привычным облик храма. Выяснилось, что он был поставлен на искусственном холме, облицованном камнем, стены его до половины высоты окружали открытые галереи – гульбище (Воронин, 1961. С. 268, 269).

Несмотря на впечатляющие результаты исследований, многие вопросы, связанные с архитектурной историей Храма Покрова на Нерли, до сих пор остаются не изученными; к их числу относится наличие надписей и рисунков-граффити на его стенах. Даже в капитальном труде Н.Н. Воронина, обычно упоминающем, а иногда и публикующем зарисовки надписей, о их наличии не сказано ничего. Специальное обследование храма с целью их выявления было предпринято Институтом археологии РАН совместно с Государственным Владимиро-Суздальским музеем-заповедником (ГВСМЗ); в его ходе удалось обнаружить значительное количество рисунков-граффити и несколько надписей. Среди последних были известные, но не подвергавшиеся специальному изучению резные надписи при изображении царя Давида в трех закомарах храма (Вагнер, 1969. С. 127). Они неоднократно публиковались вместе с композициями, изображающими псалмопевца царя Давида, описывались сами композиции и резные фигуры львов, женские маски и фигуры грифонов в боковых закомарах. Сами ком-

А

Б

Рис 1. Церковь Покрова Богородицы на Нерли. Резная надпись при изображении псалмопевца Давида: *А* – южный фасад; *Б* – северный фасад. Фото.

позиции ясны и однозначны, о чем свидетельствуют и одинаковые надписи, обозначающие “царь Давыд”. Вероятно, поэтому они и не привлекали к себе внимания, хотя связаны с первоначальным резным убранством храма и точно датированы 1165 г. Визуальное обследование надписей со строительных лесов, возведенных при ремонте храма в 2008 г., выявило их различие по написанию. Удалось обследовать надписи на северном и южном фасадах. Надпись на западном фасаде осталась недоступной из-за отсутствия лесов, однако ее удалось осмотреть и сфотографировать в ракурсе с уровня земли. В момент осмотра вся поверхность южного фасада была покрыта плотной густой краской, напоминающей жидкую штукатурку, что сглаживало рельефы поверхности и затрудняло фотографирование. Тем не менее общие начертания глубоко врезанной надписи хорошо прослеживаются (рис. 1, *А*). Надпись расположена над головой царя Давида по правую и левую руки: СТ(Ѫ) ДѢД Ъ. Буквы надписи крупные, четкие, близки к квадрату, все помещаются в строке. Над обеими частями надписи проставлены титла в виде прямой черты. Конечный Ъ старательно начерчен на соседнем камне кладки, на некотором расстоянии – из-за наличия строительного шва. Это выдает руку русского (русскоязычного, а не греческого) мастера, как и использование Ы. Петли Ъ геометричны и треугольны, Ѫ написано через Ъ и соединено перемычкой, расположенной посередине буквы, Ѣ симметрична, правая ее часть образована ломаной линией. Буква Д с горизонтальной отсечкой оба раза помещается в строке вместе с короткими ножками. Хотя надпись очень кратка, ее палеографические особенности хорошо выражены. В палеографии берестяных грамот, согласно исследованиям А.А. Зализняка, перечисленные выше особенности достаточно широко датированы. Например, Ѣ с “переломом” правой части встречается от начала XI до начала XIV в., а “плосковерхие” Д – от начала XII до конца XIII. Но нужно иметь в виду, что в первом случае в палеографических таблицах не учитываются форма перелома и симметричность, а во втором – расположение буквы в строке (Зализняк, 2000. Табл. 3; 4). Общий стиль почерка, широкие редкие буквы, симметричные петли указывают на время до XIII в., а начертания Ѫ с перемычкой посередине близки надписи на потире Юрия Долгорукого, датирующейся, предположительно, до 1151 г. (Рыбаков, 1964. Табл. V, VI. № 26). Надпись при изображении царя Давида на северном фасаде (рис. 1, *Б*), как и само изображение, почти идентична по рисунку изображениям и надписи на южном. Фигура царя Давида отличается лишь некоторыми деталями: орнаментами на одежде и короне, а надпись – отсутствием конечного Ъ, несмотря на наличие свободного пространства. Но расположение надписи, начертания букв выдают руку одного мастера, засвидетельствовавшего ранее свое русское происхождение, и нет оснований относить их к иному, чем летописная дата постройки храма – 1165 г., времени. Как было сказано выше, резные рельефы западного фасада не удалось исследовать с близкого расстояния, но, вероятно, они исполнены тем же мастером, о чем свидетельствуют отчетливо читающиеся (не закрашенные на тот момент краской) формы букв и Ъ в конце имени.

Помимо резных надписей при рельефах, на стенах внутреннего пространства храма удалось обнаружить некоторое количество рисунков-граффити.

В 2011 г. сотрудник ГВСМЗ С.Н. Вахтанов опубликовал наиболее характерные и хорошо сохранившиеся рисунки-граффити на внутренних и внешних стенах храма (2011. С. 88–91). Их классификация и обоснование датировок, наряду с рисунками других белокаменных храмов, вышли в публикации 2014 г. (Вахтанов, 2014. С. 148–158). По тематике они традиционны и для других памятников Владимиро-Суздальской архитектуры, прежде всего, это изображения религиозного характера: абсолютное большинство представляют рисунки крестов в разных вариантах, строительные метки и бытовые рисунки. Их точное количество подсчитать невозможно, так как зачастую их наличие можно только предполагать из-за разрушения камня, утрат штукатурки или плотного слоя обмазки. Внутренняя поверхность стен храма, к тому же, покрыта насечками под живопись и многочисленными следами краски. В некоторых местах (на столбах и откосах порталов) изображения частично перекрывают друг друга. Все это позволяет проследить только глубоко врезанные рисунки и надписи.

Формы крестов достаточно многообразны: это и простые симметричные четырехконечные кресты с расширениями по концам, и шестиконечные кресты, и кресты на ступенчатой Голгофе. Датировка их затруднительна, но многие из них по своим начертаниям и технике нанесения на камень сближаются с изображениями крестов-граффити на Золотых воротах, датируемых по надписям XII–XIII вв. Вероятно, к средневековью относятся кресты на ступенчатой Голгофе. Но принадлежность к средневековью рисунка одноглавого храма, который С.Н. Вахтанов объясняет как символическое изображение креста (2011. С. 90; 2014. С. 156), проблематична. Прежде всего, вызывают сомнения достаточно свежие и четкие линии рисунка. Кроме того, если видеть в нем изображение храма Покрова, что следует из пропорций, одноглавого силуэта и перспективного портала, то следует обратить внимание на отсутствие галерей, выявленных археологическими раскопками, и наличие восстановленного в современности позакомарного покрытия со сферической кровлей. Скорее всего, этот рисунок, несомненно, несущий в себе профессиональные черты, выполнен в новое время уже после реставрации храма. Но датировка его, как и других изображений крестов, затруднительна, так как при них полностью отсутствуют надписи, даже самые краткие, способные дать какие-либо хронологические критерии.

Помимо этих типичных для древних белокаменных сооружений рисунков-граффити, на стенах храма Покрова обнаружена целая серия так называемых бытовых рисунков, исключительных и по своей тематике, и по наличию надписи при одном из них. Речь идет об изображениях лошадей, сохранившихся на внутренних стенах и столбах храма (местонахождение, краткое описание и авторские прориси помещены в работе С.Н. Вахтанова; 2011. С. 91. Рис. 9, 10). Рассмотрим их более подробно.

Один из рисунков начерчен на каменных блоках западного прясла северной стены под хорами на высоте около 1.35 м от уровня современного пола и представляет собой табун скачущих коней. Впереди изображен конь с маленькой головой на длинной шее с развевающимся пышным хвостом (голова изображения не сохранилась). На соседнем блоке нарисованы не менее четырех коней, скачущих следом. На переднем плане – силуэт лошади с маленькой головой на длинной шее и пышной гривой, правая передняя нога согнута в колене, как и задняя пара ног, хвост развевается по ветру. На заднем от следующей лошади плане изображена только голова и шея лошади с частью спины, еще одной линией намечен третий план – схематичное изображение головы, шеи и части спины животного. За ним – снова почти полный рисунок бегущей лошади (отсутствуют передние ноги): отчетливо видны маленькая голова, высокая шея, развевающийся хвост. Благодаря такому расположению задних планов, поднятых ног и развевающихся хвостов автор довольно умело, несмотря на несоблюдение анатомических подробностей (непропорционально маленькие головы и слишком длинные шеи), передал и движение, и перспективу, создав впечатление группы скачущих за вожаком коней. Это не единственное изображение. На восточной грани сохранилось еще одно единичное изображение лошади, сделанное в той же манере, но более тщательно: лошадь с поднятой согнутой в колене (левой?) ногой (линия груди пересекает обе ноги, что затрудняет определение) и выпрямленной правой (?). Тщательно прорисованы задние ноги и развевающийся хвост. На голове можно различить треугольный (?) глаз и торчащие уши.

Этим изображения лошадей не исчерпываются. На северную грань северо-восточного столба (второй ряд кладки от цоколя) нанесена еще одна группа лошадей, почти повторяющая рисунок на северной стене храма. Впереди – отдельное более крупное изображение лошади, за ней на переднем плане – еще одна лошадь (голова изображения плохо сохранилась), отчетливо видны грудь и задняя нога; на втором и третьем планах просматриваются

Рис. 2. Церковь Покрова Богородицы на Нерли. Прорись надписи и рисунки коней с надписью “Костяни” (по С.Н. Вахтанову, исправленный вариант).

отдельные силуэты лошадиных голов и крупов. На соседнем блоке видны остатки линий, в которых можно различить изображение задней части лошади. В целом, рисунки сохранились хуже, чем предыдущие. На свободном пространстве прочерчены дополнительно еще три глубоко врезанные изображения равноконечных крестов. Но самое интересное – это остатки надписи, судя по расположению, сопровождающей рисунки. Она находится над ними и состоит из трех строк, нанесенных небрежными глубоко врезанными буквами (рис. 2). Можно различить следующие слова КО(С)ТѦНѦ

ПОКУЗНИ---С(Ѣ)--

КО ЗУ

Отчетливо читается только первое слово. Это имя “Костяня”, производное от канонического Константин. В нем плохо сохранилась лишь вторая буква С, но она легко восстанавливается. Следующие слова прочесть труднее из-за повреждений штукатурки и нестандартности надписи. Во второй строке, предположительно, читается буква П (ее верхняя перекладина просматривается плохо), следующая – О – читается отчетливо, ясно видна и декоративная точка посередине, за ней можно рассмотреть К с изломом колена и У, обозначенное одной ижицей с отчеркиванием отрогов. Совершенно отчетливо читается З с верхней частью во всю строку и с хвостом, начинающимся посередине (по терминологии А.А Зализняка – З с развилкой; в берестяных грамотах такая форма – не редкость: Зализняк, 2000. С. 168, 169). Но как следует из таблицы 9 (Зализняк, 2000), наиболее близкие формы отмечены в группах конца XII – XIV в. Следующая буква – Н с наклонной перекладиной, при изменении освещения выглядящая как зеркальная Н из-за случайной царапины. Последнюю букву в этой строке можно восстановить как И со слегка наклонной перекладиной. Далее строка сползает вниз, и буквы становятся трудно различимыми из-за потеков обмазки, утрат штукатурки и солевых выступов. Предположительно различаются еще две буквы – С и Ѣ с правой частью, неприкасающейся к мачте, в виде зигзага. Судя по таблицам А.А. Зализняка, подобная форма хронологически большого значения не имеет, так как распространена в грамотах от XI до XIV в. (2000. С. 156, 157). Затем могут поместиться, судя по окончанию следующей строки, еще две-три буквы. Последняя строка состоит из четырех букв, разделенных изображением креста, прочерченным ранее. До надписи был сделан и рисунок коня, так как буквы его огибают. Первая из них – К, вторая – О, правый овал которой совпадает с линией, образующей изгиб шеи животного. Последние две буквы читаются отчетливо – ЗУ. Их начертания близки к облику этих же букв в третьей строке, как и глубина и размер штрихов (буквы в последней строке только несколько крупнее), так что сомнений в том, что они принадлежат той же надписи, нет. Но плохая сохранность надписи затрудняет и датировку, так как нет уверенности не только в прочтении букв, но и в их начертаниях. Буква К в первой строке лучше всего сохранилась, поэтому облик ее можно восстановить именно по первому слову. Она принадлежит к виду, который называется разомкнутым: левая часть не примыкает к правой. Буква довольно симметрична, тщательно написана, верхние и нижние части штрихов выделены отточиями. Во второй строке, как отмечалось, привлекает внимание О с точкой в середине – так называемое О очное. По наблюдениям Е.Ф. Карского, такое начертание появляется в южнославянских рукописях в отдельных словах начиная с XI в., а в восточнославянских – в “Рязанской кормчей” 1284 г. и позже: “Такое очное О тянется в рукописях через все века употребления устава и полуустава…” (1979. С. 196). Для памятников эпиграфики эта форма не характерна. Впервые похожая на О очное форма появляется на ковчеге Дионисия 1383 г., но две точки здесь проставлены не внутри, а над буквой (Рыбаков, 1964. Табл. XI, XII. № 54). В берестяных грамотах О с точкой внутри довольно распространено: впервые оно было отмечено в смоленской берестяной грамоте начала XIII в. (очное О, широкое и узкое) и стало довольно обычным (и та, и другая формы встречаются на протяжении XIV – начала XV в.). В надписи Костяни отчетливо видна узкая О с точкой внутри во второй строке, относительно двух других случаев уверенности нет из-за плохой сохранности поверхности камня. Важны наблю-

дения над начертаниями ꙋ, встреченной два раза. В обоих случаях звук обозначен не диграфом (ОУ), а лишь одной ижицей. Для датировки очень важны наблюдения А.В. Арциховского, сделанные по материалам первых берестяных грамот Неревского раскопа: обозначение этого звука через ижицу, без о, появляется в XII в. как исключение, а как обычное написание встречается лишь в более поздних грамотах (1954. С. 72). В датированных надписях обозначение этого звука через диграф встречается на всем протяжении XI–XIV вв., в то время как написание через одну ижицу редко для XII в. и обычно для более поздних надписей, в основном, XIV в. (Рыбаков, 1964. № 46, 47 и др.). К сожалению, в таблицах А.А. Зализняка не прослежен этот признак: формы ꙋ и оꙋ не разделяются. В нашем случае сочетание признаков, встречающихся, в основном, в XIII–XIV вв. и позже, в надписи, состоящей из нескольких слов, дает основание отнести ее, а, следовательно, и рисунки ко времени не ранее конца XIII – начала XV в.

Перевод надписи также затруднен как плохой сохранностью, так и нетрадиционным содержанием. Уверенно просматривается равноконечный крест в начале надписи и имя Костяня. В следующей строке читается слово “покузн(и)”, возможно, это производное от глагола “ковати, кую”, откуда – “кузнь, кузнец” и т.д. В древнерусском языке он имел много значений. Помимо современного, означал также “делать, замышлять недоброе, заковывать, подковывать лошадей” и т.д. (Словарь…, 1980. С. 213; 1981. С. 110, 111). В сочетании с рисунками естественно предположить, что речь идет о ковке лошадей. В таком случае его следует понимать как императив от глагола “покузнить”, которого, однако, в словарях нет, есть только глагол “кузнечити” (Словарь…, 1980. С. 110). Прояснить его значение мог бы контекст, но далее в надписи прослеживаются лишь несколько черточек от изображения креста(?), а затем, предположительно, – буквы СВ, и снова поврежденная штукатурка на месте, где могли бы поместиться две-три буквы, и в следующей строке читается слово КО Зꙋ (“козу” – В.п., ед.ч., ж. р.), разделенное вертикальной перекладиной креста, начерченного ранее. Помимо современного смысла, оно употреблялось в значении “рычаг для метания камней с крепостных стен”, а также обозначало вид светца; уменьшительное “козица” – “мешок из шкуры, пошлину, волынку” (Словарь…, 1980. С. 222, 223). В граффити киевского Софийского собора обнаружена надпись “дай козу мою”, где указанное слово, вероятно, обозначало какую-нибудь принадлежность певческой службы, рядом была записана непристойная рифмованная загадка про козу и беса (Рыбаков, 1947. С. 55). Если следовать сохранившемуся тексту, то его можно понять как обращение к автору рисунков: “Костяня, покузни (подкуй, отведи в кузницу) свою козу!” (рис. 2). На Руси, начиная с древнейших времен, лошадей подковывали, о чем говорит коллекция подков, найденных при археологических раскопках. В Новгороде подковы и гвозди для подков известны начиная с XI в. (Колчин, 1959. С.115; Медведев, 1959. С. 186, 187). Сомнение вызывает глагол “покузни”, не зафиксированный словарями. Но сохранившиеся остатки слов в сочетании с рисунками лошадей, наименее удачными из всех, где изображение лошади действительно напоминает козу с рожками, заставляют отдать предпочтение такому осмыслению. Вероятно, перед нами фрагменты диалога двух подростков (как можно судить по высоте расположения рисунков и надписи). Один из них (Костяня?) с упоением изображал табуны лошадей или отдельно рысящую лошадь – картины, которые он мог наблюдать на заливных лугах в окрестностях храма, другой над ним подшутил, назвав изображенную лошадь козой. Отрывочность надписи позволяет понять ее и несколько иначе: “Костяня напроказил козу”. При таком варианте следует восстановить глагол как “покꙋзни(лъ)”, где два последних знака не сохранились. И в этом случае тоже имеется в виду неудачный рисунок лошади, напоминающей козу. Но сохранившиеся буквы и цезуры заставляют предпочесть первый вариант. В чем нельзя сомневаться, так это в чтении имени (“Костяня”) и дате, хотя и достаточно широкой, но относящей рисунки и надпись к средневековью. В данном случае это важно, так как обычно датировать рисунки очень сложно. Интересна и надпись, отражающая живой диалог двух подростков.

В храме Покрова обнаружены и остатки надписей, традиционных для граффити. На той же грани северо-западного столба, где находятся изображения лошадей с надписью, несколько левее над рисунком лошади, но более тонкими и неглубокими линиями прочерчено слово ПИСА (“писал”). Выше, очевидно, было прочерчено имя, но оно нечитаемо. Не известна также форма: возможно, окончание лъ прошедшего времени не сохранилось. Почти ничего нельзя сказать и о времени написания. Можно предположить, что эта надпись сделана позже рисунков и надписи Костяни, так как в ее случае продемонстрирована другая техника; она нанесена более тонким инструментом и менее глубокими линиями и, судя по расположению, не имеет отношения к рисункам. О более позднем времени говорят и вытянутые пропорции букв. Других данных для датировки нет.

Несколько букв сохранилось и на западном пилястре южной стены, на четвертом камне от пола: ДМ(ИТ), – возможно, начало имени “Дмитрий”, но уверенности в этом нет, как и в дате. Можно предположить, что надпись относится к средневековью. Также неопределены и по чтению, и по датировке остатки надписи, находящейся на северной стене прохода в диаконнике, на пилястре (правый угловой блок, четвертый снизу, на высоте около 1.35 м). Поверхность стены сильно повреждена насечками под штукатурку, с трудом можно различить остатки букв (М)ТЄ(Р)-Б... и остатки равноконечного креста с точками по концам. Возможно, это фрагменты слов, обозначающих титул Богоматери по-гречески, записанный без полного обычного сокращения, но уверенности в этам нет. Судя по форме Є, надпись относится к средневековью. Несколько ниже и левее начерчены 12 черточек, вероятно, обозначающих счет.

Более определенно можно говорить о дате и содержании надписи, до недавнего времени находившейся на внешней стороне левого косяка западного портала на среднем пучке пилястр (второй блок от цоколя):

… (Ѥ)ИС (РАБ) …
… (Ѥ)О (Ꙗ)ѣ …
М(О) …

Остатки букв в первой строке восстанавливают надпись как традиционную для средневековья поминальную “*Преставися раб божий имярек*...”, далее должны были следовать необходимые для поминания имя и день смерти. Судя по форме ѣ с горизонтальной перекладиной, наличию юса малого и Ꙗ бокальчиком, надпись относится к средневековью, возможно, она даже была сделана до середины XIII в. На момент осмотра была покрыта чешуйками осыпавшейся плотной краски, поэтому исследование было отложено из-за проводившихся реставрационных работ. Однако реставрация или ремонт проводились такими методами, что надпись почти полностью утратилась, оказавшись покрытой толстым слоем плотной краски. После ее удаления выяснилось, что при укреплении швов между блоками поверхность блока была покрыта насечками, технически не оправданными, уничтожившими надпись. От видных прежде букв можно различить только О и ЯТЬ(?), поэтому даже предположительно о ней ничего нельзя сказать, кроме того, что когда-то она была. Больше информации дает снимок до так называемой реставрации, хотя и проводившейся под наблюдением объединения ОАО “Владимирреставрация”, но по инициативе и на средства монастыря, чьим владельцем вместе с музеем является храм Покрова. Судьба этой надписи – еще одно свидетельство в пользу того, чтобы выступить против бесконтрольной передачи выдающихся памятников истории и культуры в руки церковных властей. Далеко не каждый музей обладает персоналом, настолько профессиональным и квалифицированным, чтобы обеспечить сохранность памятника, тем более, что работающие при храме люди вообще не слышали термина “граффити” и не имеют представления об их культурной и исторической ценности. Это суждение касается не только храма Покрова, в Успенском соборе Владимира служители знают о бесценных фресках Рублева, но до недавнего времени ничего не знали о древних средневековых надписях. Уборщицы продолжают протирать стены и полы храма после каждой службы мокрыми тряпками, нисколько не заботясь о температурно-влажностном режиме, необходимом для сохранности древних фресок. В последнем случае на пользу надписям идет то обстоятельство, что большинство из них покрыто масляной краской, до некоторой степени обеспечивающей их сохранность. Наносят урон и древним стенам, и надписям также современные автографы туристов, количество которых особенно выросло за последние десятилетия.

На стенах храма Покрова обнаружено немало современных надписей и рисунков, оставленных туристами на протяжении второй половины прошлого века и начала нынешнего. О них необходимо упомянуть во избежание недоразумений в будущем. О рисунке храма речь шла выше. К новейшему времени относятся буквы ОРЕН на северном крещатом выступе прохода из центрального помещения в жертвенник. Возможно, и изображение “процветшего” древа необычной формы (Вахтанов, 2011. С. 90. Рис. 8; 2014. С. 157. Рис. 7) – тоже современное творчество, что следует из находящейся слева, почти соприкасающейся с рисунком, надписи “Ушац” и на камне справа – 1956 г. и повторение “Уша…”. Такая же надпись находится на южной грани северо-западного столба на хорах на четвертом камне от уровня пола. Эта фамилия студента Московского архитектурного института, хорошо известная реставраторам середины прошлого века, в 1950–1960-е годы она стала символом студентов этого института и одновременно – культурного невежества и варварства. Этой фамилией, процарапанной крупными буквами, в указанные годы было обезображено немало памятников архитектуры. Надписи из храма Покрова с датой 1956 г. дают ее образцы, что важно, так как происхождение подобных “автографов” сейчас уже забыто.

Таким образом, изучение сохранившихся остатков надписей-граффити дает как бесценные для истории

храма древние образцы, так и примеры варварства нового времени, не имеющие оправдания, в отличие от древности, религиозную обоснованность. Несмотря на немногочисленность средневековых граффити, их фрагментарность, можно отметить, что в них представлены обрывки надписей, типичных для средневековья: надпись-автограф (писал *имярек*), имя (Дмитр…?), остатки безвозвратно утраченной поминальной фразы. Каждая надпись – новый факт письменной культуры. Поистине драгоценны рисунки лошадей как образцы почти неизвестного бытового рисунка раннего средневековья, сопровождаемые к тому же надписью, что позволяет представить исчезнувший мир и интересы реально существовавших людей, назвать их имена. Особый интерес вызывают надписи при скульптурных изображениях на фасаде. Сам факт их существования – не только датированное письменное свидетельство, называющее сюжет, но и след присутствия грамотных древнерусских мастеров при строительстве храма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: АН СССР, 1954. 92 с.

Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси, XII в.: Владимир, Боголюбово. М.: Искусство, 1969 (Памятники древнего искусства). 480 с.

Вахтанов С.Н. Средневековые граффити XII – начала XV в. церкви Покрова на Нерли // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 17. Владимир, 2011. С. 88–91.

Вахтанов С.Н. Средневековые рисунки-граффити белокаменных памятников владимиро-суздальского зодчества // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 20. Владимир, 2014. С. 148–158.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.: в 2 т. Т. I. М.: АН СССР, 1961. 584 с.

Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 275–402.

Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 496 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Тр. Новгородской археолог. экспед. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 9–119.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгородской археолог. экспед. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 121–191.

Рибаков Б.А. Іменнні надписи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. Вып. 1. Київ, 1947. С. 53–64.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Е1-44). 48 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К–Крагуярь) / Гл. ред. В.П. Филин; ред. Г.А. Богатова / Сост. вып. В.Я. Дерягин, О.И. Смирнова, Г.П. Смолицкая, Е.М. Сморгунова, Э.Г. Шимчук. М.: Наука, 1980. 404 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 (Крада–Лящина) / Гл. ред. В.П. Филин; ред. Г.А. Богатова / Ред. вып. Г.Я. Романова; сост. Г.А. Богатова, О.В. Малкова, Г.Я. Романова, А.Н. Щаламова. М.: Наука, 1981. 352 с.

GRAFFITI FROM THE CHURCH OF THE INTERCESSION OF THE HOLY VIRGIN ON THE NERL RIVER

Albina A. Medyntseva

Institute of Archaeology RAS, Moscow (medyntc@gmail.com)

The article presents the complex of inscriptions and paintings-graffiti found on the walls of the Church of the Intercession of the Holy Virgin on the Nerl River. Some of the inscriptions are being published for the first time, others – carved on the facades – were known for a long time but their paleographical and cultural analysis has not been carried out. Apart from this, paintings-graffiti of horses, which are of great rarity, are being considered. On the whole, the set of inscriptions and paintings not being different thematically from graffiti of another white stone building (excluding the paintings mentioned above) presents unknown earlier original facts of written and artistic culture adding new facts to the history of the famous architectural monument.

Key words: Vladimir-Suzdal Rus, white stone architecture, the Church of the Intercession of the Holy Virgin on the Nerl River, inscriptions and graffiti, writing system, lifestyle paintings, epigraphic.

REFERENCES

Artsikhovskiy A.V., 1954. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 g.) [Novgorod birchbark manuscripts (from the excavation sites of 1952)]. Moscow: Akademiya nauk USSR. 92 p.

Karskiy E.F., 1979. Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya [Slavic Cyrillic paleography]. 2nd edition. Moscow: Nauka. 496 p.

Kolchin B.A., 1959. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo (Produktsiya, tekhnologiya) [Iron processing craft of Novgorod Velikiy (Products, technology)]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of Novgorod archaeological expedition]*, 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, pp. 9–119 (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, № 65).

Medvedev A.F., 1959. Oruzhie Novgoroda Velikogo [Weapon of Novgorod Velikiy]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of Novgorod archaeological expedition]*, 2. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, pp. 121–191 (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, № 65).

Ribakov B.A., 1947. Imennni nadpisi XII st. v Kiivs'komu Sofiys'komu sobori [Nominal inscriptions of the 12th century in Saint Sophia Cathedral of Kyiv]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1. Kiïv, pp. 53–64.

Rybakov B.A., 1964. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vekov [Russian dated inscriptions of the 11th–14th cc.]. Moscow: Nauka. 48 p. (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1- 44).

Slovar'..., 1980. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–14th cc.], 7. K – Kraguyar' [K – Kraguyar']. V.P. Filin, G.A. Bogatova, eds., V.Ya. Deryagin, comp. Moscow: Nauka. 404 p.

Slovar'..., 1981. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th cc.], 8. Krada – Lyashchina [Krada – Lyashchina]. V.P. Filin, G.A. Bogatova, G.Ya. Romanova, eds. Moscow: Nauka. 352 p.

Vagner G.K., 1969. Skul'ptura Drevney Rusi, XII v.: Vladimir, Bogolyubovo [Sculpture of Ancient Rus, 12th c.: Vladimir, Bogoliubovo]. Moscow: Iskusstvo. 480 p. (Pamyatniki drevnego iskusstva).

Vakhtanov S.N., 2011. Srednevekovye graffiti XII – nachala XV v. tserkvi Pokrova na Nerli [Medieval graffiti of the 13th – the beginning of the 15th c. of the Church of Intercession on the Nerl]. *Materialy issledovaniy Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [Materials of the research of the State Vladimir-Suzdal Museum Preserve]*, 17. Vladimir, pp. 88–91.

Vakhtanov S.N., 2014. Srednevekovye risunki-graffiti belokamennykh pamyatnikov vladimiro-suzdal'skogo zodchestva [Medieval paintings-graffiti of white stone monuments of Vladimir-Suzdal architecture]. *Materialy issledovaniy Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [Materials of the research of the State Vladimir-Suzdal Museum Preserve]*, 20. Vladimir, pp. 148–158.

Voronin N.N., 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. [Architecture of the North-Eastern Rus of the 12th–15th cc.], I. Moscow: Akademiya nauk USSR. 584 p.

Zaliznyak A.A., 2000. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [Paleography of birchbark manuscripts and their outer stratigraphic dating]. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.) [Novgorod birchbark manuscripts (from the excavation sites of 1990–1996)]*, X. Moscow: Russkie slovari, pp. 275–402.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 149–157

ИМПОРТНЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ РАСКОПОК ВО ВЛАДИМИРЕ В 2007 г.

© 2015 г. И.Н. Кузина

Институт археологии РАН, Москва (kuzina.i@gmail.com)

В статье рассматриваются находки стеклянных кубков с росписью эмалями и золотом, найденные во время охранных раскопок во Владимире в 2007 г. на участке богатой древнерусской усадьбы. Вероятно, они составляли комплект, как минимум, из трех предметов. Кубки сделаны в мастерских ближневосточных ремесленников, возможно, в Сирии. В декоре, состоящем из трех орнаментальных зон, использованы восьмилучевые и четырехлепестковые розетки, фигуры птицы и сидящий "по-турецки" человек, рельефные шарики белого и синего стекла, растительный орнамент. Сохранившиеся фрагменты одного из кубков содержат короткий обрывок надписи. Надпись, вероятно, украшала еще один кубок. Характерная черта декора – элементы, выполненные золотом с тонкой красной обводкой. По археологическим данным кубки из Владимира датируются временем накануне монголо-татарского нашествия. Эти данные крайне важны в связи с существующей полемикой о месте и времени возникновения художественной традиции в исламском искусстве, особенно ярко проявившейся со второй половины XIII в.

Ключевые слова: стеклянные кубки, раскопки во Владимире, датирование, Древняя Русь.

Статья посвящена стеклянным сосудам с декором восточного происхождения из раскопок объектов древнерусского времени во Владимире-на-Клязьме в 2007 г. Работы велись археологической экспедицией Института археологии РАН в историческом центре Владимира – Печернем городе, недалеко от Соборной площади, в квартале 13 по современному административному делению (рис. 1). В процессе раскопок были обнаружены остатки домонгольских деревянных жилых конструкций – преимущественно в виде тлена или отпечатков стен подполий домов. Среди вещевых находок – изделия из керамики, железа, цветных металлов, кости, стекла. Находки из цветных металлов немногочисленны из-за высокой агрессивности грунта средневекового слоя. По этой же причине плохо сохранилось стекло, однако собранные материалы составляют репрезентативную выборку и позволяют сделать определенные выводы.

Изделия из стекла в культурном слое древнерусских городов распределяются неодинаково. Как правило, бóльшую часть индивидуальных находок при раскопках составляют браслеты. Другие украшения из стекла (бусы, перстни) и сосуды – не столь многочисленны, особенно редки оконные стекла и витражи. Например, в вещевой коллекции из раскопок Владимира 2006 и 2007 гг. соотношение стеклянных браслетов и бус в среднем выглядело как 15 : 1. Только на раскопе 2 по ул. Володарского, 2 площадью около 60 м² соотношение браслетов и фрагментов сосудов составляло 1 : 1, а на отдельных объектах – даже 1 : 2. Как оказалось, здесь были исследованы остатки подполов главного жилого дома богатой городской усадьбы (Зеленцова, Кузина, 2008).

Фрагменты стеклянных сосудов, найденных на раскопе 2, делятся на две неравные группы. К первой принадлежат более 100 фр., включая мельчайшие, прозрачного стекла оливкового цвета разных оттенков. Некоторые из них позволяют реконструировать форму сосудов: расширяющиеся кверху стаканы с вертикальными и наклонными тонкими ребрами, гладкостенные сосуды с круглыми поддонами, конические лампы. Практически все они не имеют декора. Исключение составляют фрагменты с фиолетовыми круглыми и аморфными пятнами. Анализ состава стекла не проводился, но, согласно многолетним наблюдениям, цвет, форма и плохая сохранность стекла указывают на древнерусское происхождение сосудов, может быть, на мастерские Киева. Лампы, возможно, являются импортом (Кузина, 2011. Рис. 1).

Вторая группа насчитывает всего 17 фр., относящихся, как минимум, к 4 разным сосудам. Все они представляют собой бесцветное хорошей прозрачности стекло. На некоторых виден декор. В результате

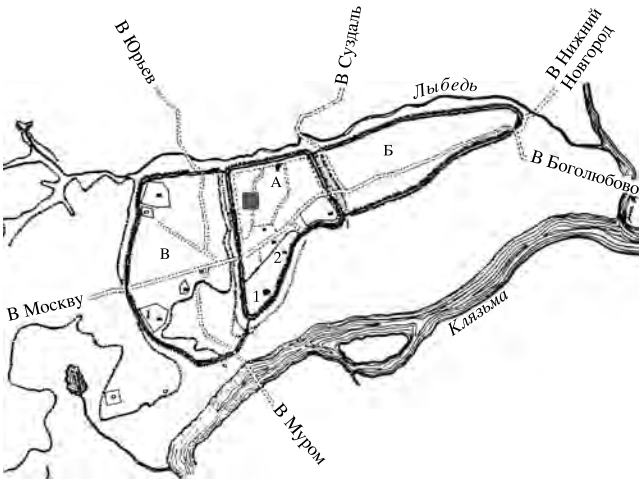


Рис. 1. План Владимира XI–XV вв. (по А.И. Бунину). Серым квадратом обозначено место проведения раскопок экспедицией ИА РАН в 2006–2008 гг. *А* – Печерний город; *Б* – Ветшаный город; *В* – Новый город. *1* – Успенский собор; *2* – Дмитровский собор.

Рис. 2. Реконструкция стеклянного кубка из раскопок во Владимире в 2007 г.

проведенной реставрации были восстановлены формы двух сосудов с декором[1]. Оба они относятся к так называемым стакановидным кубкам – с расширяющимся венчиком и конусовидным, или близким к нему по форме туловом.

Первый кубок представлен шестью фрагментами: венчиком и стенками, найденными в разных частях раскопа: № 178, 187 и 285 – в верхних слоях ямы 2 и № 121 – в яме 7 (здесь и далее номера представлены по полевой описи). Венчик с еще одним фрагментом стенки (№ 596) был обнаружен в мешаном слое у северо-восточной стенки раскопа. Несмотря на такой разброс, фрагменты хорошо подходят друг к другу и, вне всякого сомнения, являются частью одного сосуда (рис. 2). Стекло отличной сохранности – без иризации, а элементы декора – без утрат. Диаметр сосуда по венчику составлял 11 см, высота самого сосуда, предположительно, – 11–12.

Декор состоит из трех зон: центральной и двух дополнительных – сверху и снизу от нее. Основная зона, около 4 см шириной, включает розетку в виде восьмилучевой звезды, обрамленную тонкой красной линией и золотом. Верхними и нижними лучами розетка упирается в линии цветной эмали, служившие границами между орнаментальными зонами. В центре розетки сохранился фрагмент человеческой фигуры – сидящий по-турецки мужчина, носок остроносой обуви которого окрашен красным. На кубке могли располагаться две или три такие розетки. Поле вокруг них заполняли крошечные (миллиметр в диаметре) белые шарики, обрамленные одним рядом синих. Расстояние между ними – до 1.5 мм.

Нижний орнаментальный фриз представляет собой выполненный золотом декор типа арабеск, заключенный между чередующимися линиями желтой и красной эмали шириной примерно 1.5 см.

В верхней орнаментальной зоне, высотой около 2.2 см, располагалась надпись, нанесенная золотом с обводкой красным цветом. Высота букв – до 1.7 см. Прочитать ее не удалось из-за небольших размеров сохранившегося фрагмента. По мнению старшего научного сотрудника Института истории Академии наук Республики Татарстан А.А. Арслановой[2], надпись на владимирском кубке может быть стилизацией арабских букв.

Второй кубок представлен четырьмя фрагментами стенок (№ 371), склеившимися в два более крупных фрагмента стенок средней части кубка (рис. 3,

[1] Реставратор высшей категории Е.Н. Шаркова (ВНИРЦ им. И.Э. Грабаря) и реставратор А.В. Ковригина.

[2] Приношу глубокую благодарность А.А. Арслановой за живейший отклик и консультацию по этому вопросу.

Рис. 3. Фрагменты стеклянных кубков из раскопок во Владимире в 2007 г.: *1*, *2* – кубок с птицей (вид сбоку и сверху); *3* – венчик сосуда с фрагментом надписи; *4* – шарики цветного стекла на фрагменте кубка с восьмилучевой розеткой.

1, 2). Размеры сохранившихся частей – примерно 6 × 5.5 и 4.7 × 5 см. Толщина стекла в верхней части – 1.5 мм, в нижней – 3. Изменение толщины происходит плавно, без видимых переходов. Диаметр сосуда в этом месте составлял, вероятно, немногим более 5 см. Более точно установить его невозможно, так как сохранилась не вся окружность. В результате иризации прозрачное стекло сосуда немного помутнело, и часть декора осыпалась.

Композицию декора, как и в первом случае, составляют три неравных по размеру зоны: центральная и две зоны сверху и снизу от нее. Самая широкая – центральная с четырехлепестковыми розетками размером 4.5 × 4.5 см, образованными чередующимися округлыми лепестками и лепестками-фестонами. Их вершины упираются в верхний и нижний орнаментальные пояски. Внутри каждая розетка заполнена выпуклыми шариками белого и синего заглушенного стекла, идентичными шарикам на первом кубке. При этом белые образуют один внешний ряд, синие – занимают все внутреннее пространство. Часть шариков осыпалась, оставив след на месте крепления к сосуду.

Между розетками располагались изображения птиц. На одном фрагменте фигура птицы справа от розетки сохранилась практически полностью: утрачены голова (видна небольшая часть клюва) и часть хвоста. Изображение реалистично, но лишено детальной прорисовки. Сверху и снизу, между розеткой и птицей, помещены небольшие фигуры сложной формы, при смелом предположении сопо-

ставимые с листьями или зернами: одного из них касается клюв стоящей птицы.

Фигура слева от другой розетки утрачена полностью за исключением нескольких линий хвостового оперения: без сомнения, здесь также находилось изображение птицы.

Судя по размеру сосуда, на нем могли размещаться три розетки с тремя фигурами птиц между ними. Птицы двигались по кругу в одном направлении – по часовой стрелке.

Нижний орнаментальный фриз составлял один ряд декора типа арабеск, заключенный между чередующимися линиями цветной эмали и золота. Ширина фриза – 2 см.

От верхнего фриза, над розеткой, сохранился лишь небольшой фрагмент из параллельных линий цветной эмали (длиной 2.2 см) и золота, аналогичный нижнему.

Оба кубка изготовлены свободным выдуванием из хорошо обесцвеченного марганцем стекла без встречающегося временами вследствие этого розоватого оттенка. В стекле заметны редкие пузырьки воздуха шаровидной и горизонтально вытянутой формы, образовавшиеся в процессе формования венчика. За все время раскопок на объекте не было найдено ни одного фрагмента донца, соотносимого с кубками, поэтому, обращаясь к аналогиям, можно лишь предположить, что они имели невысокий поддон, не выступавший за границы донца. Дно могло быть практически ровным или с конусовидным выступом во внутренней части сосуда (Tait, 1998. P. 52. Fig. i, j. Color pl. J).

Владимирские сосуды имеют одинаковый состав стекла класса Na–Ca–Si, характерный для восточносредиземноморских стекол (таблица). Анализ проведен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А.Н. Егорьковым.

При нанесении декора соблюдалась следующая последовательность приемов: нанесение золотой краски везде, где это предусматривалось замыслом мастера, создание красного контура – местами неровные, иногда прерывающиеся линии толщиной менее 1 мм – часто не совпадающего с золотым декором (либо перекрывает его, либо, напротив, не доходит до нужной границы). Далее на сосуде появлялись полосы желтого (в первом случае) и зеленого (во втором) цветов до 2 мм толщиной, а в последнюю очередь – шарики цветного стекла. Крепление их к стеклу основы проводилось в горячем состоянии – они расплылись в местах соединения с сосудом (рис. 3, *4*).

Состав стекла, техника изготовления и форма сосудов указывают на то, что кубки из Владимира происходили из одной мастерской и были парными. Декор их отличается лишь деталями сюжета, и общее сходство очевидно. Помимо рельефных шариков белого и синего стекла, использованы цветная эмаль и золотая краска. Тонкая красная линия обрамляет все золотые элементы: розетки, фигуры птиц и человека, “зерна”, буквы, контуры верхнего и нижнего орнаментальных поясков и растительный декор в их внутренней части. Декор в обоих случаях состоит из трех орнаментальных зон, перекликающихся по композиции и имеющих сходную ширину. Орнамент первого сосуда, при всей его фрагментарности, реконструируется более полно. По фрагментам второго сосуда (с изображением птицы) можно судить только о двух декоративных зонах – центральной и нижней. Была ли надпись в его верхней части, сейчас сказать невозможно.

Различия состоят в формах розеток, месте размещения шариков и их цветовом соотношении, изображенных фигурах (птицы и человек). Сосуды незначительно отличались диаметром в средней части тулова.

Последний признак представляет особый интерес. В музейных и частных коллекциях известны сосуды, по мнению специалистов, составлявшие когда-то единые комплекты (краткий обзор см. Столярова, Энговатова, 2013). Так, в коллекции исламского стекла Нассера Д. Халили известен комплект из трех кубков середины XIII в., одинаковых по форме и декору, выполненному цветными эмалями с золотом. Различаются сосуды размерами таким образом, чтобы их можно было вставить один в другой (с целью удобства при транспортировке: Gibson, 2005. P. 278, 279. Fig. 305).

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии стекла

Шифр лаборатории	№ по полевой описи	SiO_2	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	NiO
853-56	371	осн.	16	3.6	7.8	1.7	1.0	0.7	1.6	0.10	0.01
853-55	187	осн.	17	3.8	8.7	2.4	1.2	0.8	1.6	0.09	0.01

Примечание. В таблице указаны только определимые элементы и их значения.

Рис. 4. Сюжеты росписи стеклянных кубков раккской группы (по: Lamm, 1929–1930).

Вполне вероятно, что в комплект из Владимира также входили, как минимум, три сосуда. Дело в том, что в заполнении ямы XIX в., прорезавшей остатки древнерусского подпола (откуда происходят фрагменты кубка с изображением птицы), был найден маленький осколок сосуда (№ 198) с фрагментом буквы, выполненной золотом с красной окантовкой. Рядом видны небольшие участки линий зеленой и красной эмали, подобные тем, что украшают кубок с птицей. Очертания буквы сопоставимы с буквами из надписи на реконструированном кубке (рис. 3, *3*). Стекло этого фрагмента тонкое (всего 0.7 мм), отличается и расстояние от края венчика, на котором помещаются буквы, поэтому он не мог принадлежать ни одному из описанных выше сосудов. Скорее всего, это часть третьего кубка из комплекта.

Аналогии найденным во Владимире в 2007 г. кубкам хорошо известны. К. Ламм приводит многочисленные варианты розеток, птиц, мужских фигур, декора, состоящего из рельефных шариков и растительного орнамента, надписей. Встречаются и изображения птиц, идущих по кругу в одном направлении (рис. 4). Двухтомный труд К. Ламма “Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem nahen Osten” до сих пор остается самым полным сводом средневековых стеклянных сосудов восточного происхождения (Lamm, 1929–1930). Автор разделил сосуды с золотом и цветными эмалями на три группы – по месту их производства в сирийских городах Ракка, Алеппо и Дамаске. Сосуды, подобные владимирским, относятся к наиболее ранней, раккской, группе и датируются 1170–1270-ми годами. По мнению К. Ламма, мастера-стеклоделы из Египта, переселившись в сирийский город Ракка, положили начало художественной традиции, получившей во второй половине XIII – XIV в. развитие в изделиях аллеппской и дамасской групп. Все группы имеют общие черты. Различия, позволяющие конкретизировать время и место создания этих

хрупких шедевров, проявляются в наборе и сочетании элементов, расположении, цвете эмали и форме сосудов (Lamm, 1941). Последнюю характеристику позже уточнил С. Кенессон, выделивший пять типов кубков (Kenesson, 1998. P. 45, 46, 48). Согласно его классификации, реконструированные владимирские сосуды, несмотря на неполную сохранность, можно отнести к типам А и В и датировать концом эпохи Айябидов и ранним мамлюкским периодом (1225–1250 гг.). Оба типа характеризует большой относительно высоты диаметр венчика. Он может равняться высоте кубка или составлять более двух ее третей. Тулово в форме конуса в кубках типа А расширяется сразу от донца, а в типе В переход к максимальному расширению происходит плавно в верхней трети сосуда или немного ниже. Поздние формы, по мнению С. Кенессона, отличаются более вытянутыми пропорциями, цилиндрической или близкой к ней формой тулова. Различию форм соответствуют и отличия в декоре (Kenesson, 1998. P. 47). Перечисленные характеристики двух наиболее ранних типов по С. Кенессону соответствуют описанию кубков из Владимира.

Сегодня ученые критикуют основные выводы К. Ламма, справедливо указывая на чисто искусствоведческий анализ имевшегося в его распоряжении материала. Оппоненты пишут об отсутствии новых археологически подтверждаемых доказательств, в том числе находок мастерских в указанных сирийских центрах. Очевидна ошибочная интерпретация некоторых изделий. Критике подвергается предложенная К. Ламмом датировка: наблюдается тенденция к поднятию нижней границы появления подобных кубков – до середины – второй половины XIII в. (Tait, 1998; Scanlon, 1998; Kenesson, 1998. P. 45, 46; Carboni, 2001a. P. 323–335). Однако новой классификации, как и хронологии, удовлетворяющей всех исследователей, до сих пор нет.

Кубки из Владимира вряд ли помогут выяснить их происхождение, во всяком случае, по имеющимся на сегодня данным, но обстоятельства находки позволят уточнить их датировку.

Фрагменты описываемых сосудов найдены в заполнении ям и слое небольшого по площади раскопа. Венчик и стенки кубка с надписью, как уже говорилось выше, были обнаружены в разных объектах: в ямах, не позднее XVI в. прорезавших постройки домонгольского времени, и в верхних горизонтах культурного слоя. Обстоятельства распределения фрагментов в слое сложны, поэтому, учитывая очевидную связь, особенно важным для датирования сосудов является место находки кубка с фигурой птицы[3]. Он найден в заполнении подпола сгоревшей в пожаре наземной части жилого дома. Анализ всех полученных материалов позволил датировать его гибель пожаром Батыева нашествия 1238 г. Исследования соседних участков в квартале 13 подтвердили правильность сделанных выводов. Не противоречащие этому даты получены методом радиоуглеродного анализа (подробно о доказательствах датирования сгоревшей постройки см. Зеленцова, Кузина, 2015).

Домонгольским временем можно датировать находки восточных сосудов из раскопок 2006 г. в Ярославле (Столярова, Энговатова, 2013). Фрагменты расписных стеклянных кубков найдены в культурном слое многих городских центров древней Руси: в Киеве, Турове, Новгороде, на Рюриковом городище, в Ростове Великом, Старой Рязани, Владимире и на других памятниках (см. Плохов, 2007; Полубояринова, 1963; Щапова, 1963 и др.). Ближайшие опубликованные аналогии владимирским кубкам известны по раскопкам в Новогрудке. Найденные там фрагменты содержат округлые розетки и изображения птиц, хотя и выполненные в несколько иной манере. Датируются они XII – первой половиной XIII в. (Гуревич и др., 1968. Табл. VIII, IX). Новые исследования культурного слоя древнего Новогрудка подверждают эту дату (доклад Т.С. Бубенько, прочитанный на заседании III ВАС в Старой Руссе в ноябре 2011 г.; Лавыш, 2008. С. 46–49). Исследователи этих памятников при датировании стеклянных восточных сосудов опираются как на аналогии, в том числе на классификацию К. Ламма, так и на данные стратиграфии. Главное, что все они единодушны в определении времени появления сирийских сосудов на Руси – до монголо-татарского нашествия. Можно сузить эту дату, предположив, что на Русь они начали поступать в 1230-х годах.

Анализ древнерусских материалов подтверждает даты, предложенные К. Ламмом, и полностью соответствует выводам С. Карбони (Carboni, 2001b. P. 204, 205), считающего, что особая художественная традиция росписи стеклянных сосудов сформировалась в Сирии еще в конце правления династии Фатимидов, т.е. во второй половине XII в. В ней соединился опыт византийских и египетских

[3] Бросающаяся в глаза разница в сохранности стекла двух кубков объясняется именно условиями их залегания в культурном слое: найденный в древнерусской постройке *in situ* сосуд с изображением птицы сохранился значительно хуже. Стекло другого в отличном состоянии благодаря перемещению его фрагментов в верхние горизонты при земляных работах конца XV – XVI в., в крайнем случае, немного позже. Стекло фрагмента третьего кубка, найденного в яме XIX в., также помутневшее. Эта закономерность прослеживается и в сохранности находок из металла.

мастеров, наложившийся на местную сирийскую традицию. Высшего расцвета эта художественная школа достигла во второй половине XIII – XIV в. при дворе мамлюксих правителей. Декор на изделиях того времени отличается необычайной пышностью, сами они разнообразны по форме и предназначению: лампы, бутыли, чаши и многие другие (Carboni, 2001a. 323–367; Marilyn, 1986. P. 39–45).

Безусловно, кубки из Владимира – высокохудожественные изделия, предметы роскоши, доступные только состоятельному населению Древней Руси. Но даже среди богатых людей они вряд ли были в широком обиходе. По всей вероятности, хозяева усадьбы, где были найдены фрагменты наших кубков, принадлежали к верхушке городской элиты. К сожалению, сохранность металла на этом участке раскопок не позволяет говорить о дорогих украшениях и предметах быта. Помимо импортных сосудов с золотым и эмалевым декором, к немногим статусным находкам здесь можно отнести железное писало, книжные застежки, позолоченный перстень, ожерелье из 34 одинаковых бусин, возможно, византийского производства и горсть довольно крупных кусков необработанного янтаря, лежавших рядом с первым кубком. Исследованная раскопками усадьба находилась в окружении других богатых дворов с постройками, имевшими подполы размером до 48 м² с многочисленными фрагментами амфор, находками люстровых иранских сосудов (не менее редкой и дорогой посуды в древнерусских городах!), византийской поливной керамики. В одном из таких подполов было обнаружено скопление необработанного янтаря общим весом около 200 кг (Зеленцова и др., 2011).

Все сказанное подтверждает предположение о нерядовом статусе хозяев описанных стеклянных кубков. Последние находки, сделанные на древнерусских памятниках, свидетельствуют о том, что в городах Северо-Восточной Руси в обиходе богатых горожан такие сосуды не считались исключительной редкостью, однако вряд ли были предметом специальной торговли и привозились на Русь путешественниками или торговцами в качестве подарков и сувениров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 26 с.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: матер. науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 127–136.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н., Милованов С.И. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: матер. науч. семинара. Вып. 3. М.; СПб.: ИА РАН; Нестор-История, 2011. С. 111–121.

Зеленцова О.В., Кузина И.Н. Опыт радиоуглеродного датирования археологических комплексов из раскопок в Печернем городе Владимира // Археология Владимиро-Суздальской земли: матер. науч. семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2015. С. 32–41.

Кузина И.Н. Стеклянные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки) // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. IV. М.: ИА РАН, 2011. С. 91–93.

Лавыш К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: Белорусская наука, 2008. 208 с.

Плохов А.В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.

Полубояринова М.Д. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. 1963. № 4. С. 233–238.

Столярова Е.К., Энговатова А.В. Ближневосточные расписные стеклянные сосуды из Ярославля // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 91–100.

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Тр. Новгородской археолог. экспед. Т. III: Новые методы в археологии. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 117). С. 105–163.

Lamm C.J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nähen Osten: 2 Bänden. Bd. II: Abbildungen, 1929. Bd. I: Text, 1930. Berlin: Dietrich Reimer, 1930 (Forschungen zur islamischen Kunst; 5). 566 s.

Lamm C.J. Oriental Glass of Mediaeval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting. Stockholm: Wahlstrom and Widstrand, 1941. 114 p.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. N.Y.: Thames and Hudson, 2001a. 416 p.

Carboni S. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2001b. P. 199–273.

Gibson M. Admirably ornamented glass // Goldstein S.M. Glass: From Sasanian antecedents to European imitation (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art; V. XV). L.: The Nour Foundation, 2005. P. 262–291.

Kenesson S. Summer. Islamic enamelled beakers: a new chronology // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum press, 1998. P. 45–49.

Marilyn J. Islamic Glass. A Brief History. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1986. 56 p.

Scanlon G.T. Lamm's classification and archaeology // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum press, 1998. P. 27–29.

Tait H. The Palmer Cup and related glasses exported to Europe in the Middle Ages // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum press, 1998. P. 50–55.

IMPORT GLASS VESSELS FROM THE EXCAVATION SITES IN VLADIMIR IN 2007

Inna N. Kuzina

Institute of Archaeology RAS, Moscow (kuzina.i@gmail.com)

The article considers the finds of glass goblets painted with enamel and gold found during the salvage excavations in Vladimir in 2007 on the land of very rich ancient Russian manor. Probably they made up a set of at least three objects. Goblets were made in the Middle East workshops, possibly, in Syria. In the décor consisted of three ornamental zones octactinal and quatrefoiled rosaces, birds' figures and a man sitting cross-legged, relief balls of white and blue glass and floral ornament are used. The saved fragments of one of the goblets contain a short piece of inscription. The inscription might have decorated another goblet. The typical feature of the décor were the elements made of gold with thin red inking. According to the archaeological data the goblets from Vladimir are dated to the time on the eve of Mongol-Tatar invasion. This data are extremely important in connection with the polemic about the place and the time of emerging of an artistic tradition in Islamic art which emerged intensively from the second half of the 13th c.

Key words: glass goblets, excavation works in Vladimir, dating, Ancient Rus.

REFERENCES

Carboni S., 2001a. Glass from Islamic Lands. New York: Thames and Hudson. 416 p.

Carboni S., 2001b. Painted Glass. *Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art, pp. 199–273.

Gibson M., 2005. Admirably ornamented glass. *Goldstein S.M. Glass: From Sasanian antecedents to European imitation*. London: The Nour Foundation, pp. 262–291 (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art, XV).

Gurevich F.D., Dzhanpoladyan R.M., Malevskaya M.V., 1968. Vostochnoe steklo v Drevney Rusi [Eastern glass in Ancient Rus]. Leningrad: Nauka. 26 p.

Kenesson S., 1998. Summer. Islamic enamelled beakers: a new chronology. *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. R. Ward, ed. London: British Museum press, pp. 45–49.

Kuzina I.N., 2011. Steklyannye sosudy iz raskopok vo Vladimire (novye nakhodki) [Glass vessels from the excavation sites in Vladimir (new finds)]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]*, IV. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 91–93.

Lamm C.J., 1929–1930. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nähen Osten. Berlin: Dietrich Reimer. 2 Bd. (Forschungen zur islamischen Kunst, 5).

Lamm C.J., 1941. Oriental Glass of Mediaeval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting. Stockholm: Wahlstrom and Widstrand. 114 p.

Lavysh K.A., 2008. Khudozhestvennye traditsii vostochnoy i vizantiyskoy kul'tury v iskusstve srednevekovykh gorodov Belarusi (X–XIV vv.) [Artistic traditions of Eastern and Byzantine culture in the art of medieval towns of Belarus (10th – 14th cc.)]. Minsk: Belorusskaya nauka. 208 p.

Marilyn J., 1986. Islamic Glass. A Brief History. New York: Metropolitan Museum of Art. 56 p.

Plokhov A.V., 2007. Srednevekovaya steklyannaya posuda Novgorodskogo (Ryurikova) gorodishcha [Medieval glass crockery of Novgorod (Ryurikovo) settlement]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti [At the origins of Russian nationhood]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 166–175.

Poluboyarinova M.D., 1963. Steklyannaya posuda drevnego Turova [Glass ware of ancient Turov]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 4, pp. 233–238.

Scanlon G.T., 1998. Lamm's classification and archaeology. *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. R. Ward, ed. London: British Museum press, pp. 27–29.

Shchapova Yu.L., 1963. Steklyannye izdeliya drevnego Novgoroda [Glass objects of ancient Novgorod]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of Novgorod archaeological expedition], III. Novye metody v arkheologii [New methods in archaeology]*. Moscow: Akademiya nauk USSR. S. 105–163 (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, № 117).

Stolyarova E.K., Engovatova A.V., 2013. Blizhnevostochnye raspisnye steklyannye sosudy iz Yaroslavlya [Middle East painting glass vessels from Yaroslavl]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: theses of a scientific workshop]*, 9. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 91–100.

Tait H., 1998. The Palmer Cup and related glasses exported to Europe in the Middle Ages. *Gilded and Enamelled*

Glass from the Middle East. R. Ward, ed. London: British Museum press, pp. 50–55.

Zelentsova O.V., Kuzina I.N., 2008. Nekotorye itogi raskopok v kvartale 13 goroda Vladimira v 2007 godu [Results of the excavation work in a district 13 of Vladimir in 2007]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: theses of a scientific workshop]*, 2. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 127–136.

Zelentsova O.V., Kuzina I.N., 2015. Opyt radiouglerodnogo datirovaniya arkheologicheskikh kompleksov iz raskopok v Pechernem gorode Vladimira [Radiocarbon dating of archaeological complexes from the excavation sites of town Pecherniy of Vladimir]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdalland: theses of a scientific workshop]*, 5. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 32–41.

Zelentsova O.V., Kuzina I.N., Milovanov S.I., 2011. Drevnerusskie usad'by iz raskopok v Monomakhovom gorode Vladimira v 2008 g. [Ancient Russian manors from the excavation sites in Monomakh town of Vladimir in 2008]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: theses of a scientific workshop]*, 3. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 111–121.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 158–171

РЯЗАНСКИЕ ОПОЛЬЯ: ДИНАМИКА И ХАРАКТЕР КОЛОНИЗАЦИИ В XII–XV вв.

© 2015 г. И.Ю. Стрикалов

Институт археологии РАН, Москва (igor.strikalov@gmail.com)

Цель публикации – сравнительный анализ структуры расселения в степных опольях южного рязанского пограничья в XII–XV вв., характеризуемых контрастными ландшафтами зон средневекового хозяйственного освоения. Сравнение базируется на различиях природных условий, динамики заселения и геополитическом положении микрорегионов в период существенных изменений климата, внешнеполитического и экономического положения Юго-Восточной окраины Руси. На основе анализа массового керамического материала, его хронологии и локальных гончарных традиций, а также ландшафтной приуроченности поселений определены особенности механизма русской колонизации этих территорий. В результате выявлены исходные зоны колонизации для каждого микрорегиона, а также перемены в динамике и характере этого процесса. Они выразились в смещении населения в золотоордынский период к востоку от основных территорий хозяйственного освоения домонгольского периода, в смене приоритетов в выборе мест колонизации.

Ключевые слова: Рязанская земля, ландшафтная археология, ополья, поселенческая структура, динамика и характер колонизации, традиции и инновации в гончарном производстве.

Русская колонизация Восточной Европы в период средневековья уже на заре развития российской исторической мысли была определена “как основной факт русской истории” (Ключевский, 1987. С. 49). С тех пор эта тема – одна из центральных в исследованиях отечественных медиевистов. Однако, определив основные вехи процесса, ученые столкнулись с недостатком сведений для детальной характеристики его динамики и характера. Это было обусловлено скудостью письменных источников и отсутствием четких археологических критериев для оценки как региональных различий в материальной культуре, так и экономической направленности отдельных хозяйственных единиц.

Интерес к проблеме вновь проявился в конце XX в., когда накопление археологических данных позволило приступить к ее решению на новом качественном уровне, определенном, с одной стороны, фундаментальными исследования древнерусского сельского хозяйства, в первую очередь изучением степени и характера развития земледелия, агрокультуры и агротехники (Чернецов и др., 1985), с другой – накоплением данных о структурах расселения в разных областях Восточной Европы и широким внедрение метода ландшафтной археологии. Эта совокупность позволила выработать новые подходы, в которых особое внимание было уделено связи мест поселений с разными ландшафтными зонами и урочищами. В качестве примеров можно привести исследования системы расселения XI–XIII вв. на русском Севере (Археология северно-русской деревни…, 2007–2009; Макаров, 1997; Макаров и др., 2001), в Карелии в XVI–XVIII вв. (Орфинский, Гришина, 1998), в Суздальском ополье в X–XIV вв. (Макаров и др., 2004; 2014), на территории Москвы и ее ближайших окрестностей в XII–XV вв. (Культура средневековой Москвы…, 2004; 2005а; б), на Куликовом поле в XII–XIV вв. (Гоняный, 2005; Гоняный и др., 2007), на южном Рязанском пограничье (Тропин, 2004), в Среднем Поднепровье (Узянов, 1985; Кашкин, 1985; Південноруське село…, 1997; Петрашенко, 2005; Томашевский, 2003) и др. Результаты этих многолетних научных проектов показали тесную связь хозяйственной деятельности с вмещающими ландшафтами зон природопользования.

Особую наглядность выводы, сделанные на основании корреляции поселенческих структур и природных ландшафтов, получают на участках контактов контрастных природных зон. Микрорегионами с такими характеристиками являются ополья, расположенные на границе лесной и степной зон Восточной Европы.

Одной из первых работ подобного рода стало исследование В.С. Давыдчука и И.К. Фролова по истории заселения Орловского течения Оки, где соседствуют несколько непохожих друг на друга ландшафтов, типичных для лесостепной зоны и среднерусского полесья (1976). Анализируя процесс расселения в этих зонах в разные исторические периоды, авторы пришли к выводу о тесной связи ландшафтной структуры с характером расселения, просматривающейся через хозяйственную деятельность (Давыдчук, Фролов, 1976. С. 17). Исследователи указали два типа связей взаимодействия человека и ландшафта – прямые и обратные (следствие реакции ландшафта на антропогенное воздействие), которые и определяют устойчивость расселения (Давыдчук, Фролов, 1976. С. 13).

Дальнейшее развитие этой идеи нашло отражение в исследовании Куликова поля, где на протяжении многих лет проводятся комплексные археолого-палеогеографические работы, результатом которых стало появление практически полностью изученного микрорегиона, эталонного для понимания процесса сельского расселения в конце XII – третьей четверти XIV в. (Гоняный, 2005). В ходе реализации этого проекта получены данные о сложной структуре соподчиненных поселений, предложена реконструкция исторических ландшафтов северной лесостепи и динамика климатических изменений в рассматриваемый период. Особый интерес представляют выводы о связи структуры расселения с рельефом, определяющим пространственную дифференциацию жизненно важных для человека элементов ландшафта и его многообразие; и с путями сообщения – речными и сухопутными, определившими долинный и водораздельно-балочный типы расселения. Наконец, важным заключением является вывод об эпизодичности (лишь в начале XIII в.) и сезонности освоения открытых степных пространств (Гоняный и др., 2007. С. 76–79).

Однако даже в отношении этого классического по степени изученности микрорегиона без ответов остается множество вопросов. Мы наблюдаем, по сути, взрывное заселение Куликова поля и прилегающих участков в конце XII в., изменения в структуре поселений под воздействием внешнеполитических причин в середине XIII в., новый период активности в середине и полное запустение всей территории в последней трети XIV в. (Гоняный и др., 2007. С. 50, 51). Откуда пришло сюда это население и куда в итоге ушло, только ли татарская угроза стала тому причиной – на эти вопросы ответов пока нет. По-видимому, для их решения требуется выйти за пределы микрорегиональных исследований.

Такая возможность появляется при обращении к соседним землям. Восточнее, в пределах рязанского течения Оки, известны еще четыре подобных региона, четыре степных ополья, окруженных лесными клиньями: летописное Михайлово поле, расположенное на левобережье правого притока Оки – Прони, в ее среднем течении; Пронско-Рановское – в междуречье Прони и ее притока Рановы; Пара-Пожвинское – на левобережном участке среднего течения правого притока Оки – р. Пара и Цнинское, находящееся на левобережье Нижней Мокши и ее левого притока Цны (рис. 1).

Эти рязанские ополья уже становились предметами исследований (Русаков, 2005; Иванов и др., 2005; Стрикалов, 2010; 2012), задача данной статьи – сравнительный анализ результатов проведенных работ.

Хотя рязанские ополья исследованы на порядок хуже Куликова поля и других микрорегионов, в определенной степени они обладают более выгодными для изучения чертами: во-первых, весьма контрастными ландшафтными характеристиками, во-вторых, различиями в геополитическом положении относительно центров Рязанской земли, следовательно, – и во времени их освоения русским населением.

В целом их освоение падает на вторую половину XII – начало XVI в. – на эпоху политической независимости Рязанской земли, время существенных изменений во внешнеполитической ситуации – от довольно спокойного периода на границе со степью накануне Батыева нашествия до монгольского погрома и изменений векторов и характера татарских набегов во время Великой замятни в Орде и ее последующего распада, пришедшегося на период изменений климата на Восточноевропейской равнине от средневекового оптимума X–XII вв. к “малому ледниковому периоду” конца XIV–XIX вв.

Количество известных памятников на этих территориях недостаточно для сколько-нибудь полного изучения структуры расселения, но они позволяют наметить основные тенденции в динамике, направлениях и характере колонизации. Залогом успеха в этом служат следующие соображения. Во-первых, при сравнительно неполной археологической изученности названных микрорегионов в каждом из них выделяются участки, достаточно тщательно исследованные для того, чтобы определить этапы их освоения. Для Михайлова поля – это окрестности Жокинского, Лубянского и Ижеславльского городищ древнерусского времени, компактно расположенных в южной части ополья в долине Прони. В междуречье Прони и Рановы сплошные разведки

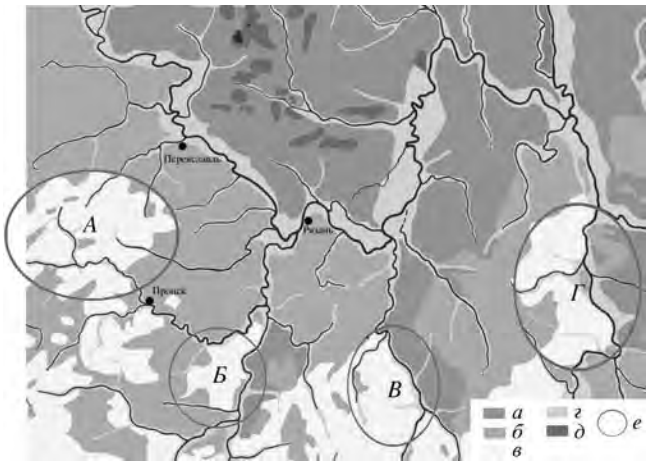


Рис. 1. Степные ополья южного Рязанского пограничья. *А* – Михайлово поле; *Б* – Пронско-Рановское ополье; *В* – Пара-Пожвинское ополье; *Г* – Цнинское ополье. Условные обозначения: *а* – подзолистые лесные почвы; *б* – серые лесные почвы; *в* – черноземы; *г* – пойменно-луговые почвы; *д* – болотные почвы; *е* – опольня.

проводились в долинах двух малых рек – Молвы и Моши, ограничивающих зону черноземов с запада и юга, хорошо исследованы и берега Рановы – южной и восточной границы этого ополья. В течение нескольких лет проводились поиски памятников археологии по берегам Пары в ее среднем течении. В Цнинском ополье исследования носили фрагментарный характер, но окрестности древнерусского Темгеневского городища, расположенного по берегам Цны и ее правых притоков, исследовались неоднократно.

Таким образом, для каждого из четырех микрорегионов в распоряжении исследователей имеются участки, которые можно использовать как образцовые для получения достоверной информации об их освоении в период средневековья. Остальные территории могут быть охарактеризованы как представленные “случайными выборками памятников”, что также позволяет составить вполне объективную картину динамики их освоения в обобщенном виде. Наконец, наличие “эталонных” по степени исследованности микрорегионов в ближайшем соседстве с изучаемыми территориями, прежде всего, Куликова поля, служит надежным основанием для проверки выводов данного исследования.

Большая часть памятников, известных на описанных территориях, исследована разведками, сопровождавшимися сбором подъемного материала и шурфовкой, но на некоторых проводились и более масштабные работы: на Жокинском, Лубянском и Ижеславльском городищах в 1953 и 1959 гг. небольшие раскопки проводил А.Л. Монгайт (1961. С. 216–228). П.Е. Русаков исследовал селище Жокино 1, посад одноименного городища (2012). Небольшие раскопки проводились и на комплексе Толпинского городища, расположенного на южном правом берегу Прони в северной части Пронско-Рановского ополья, а также на селище Подвислово 8, где был исследован гончарный горн XIV в. (Челяпов и др., 2012).

Всего в настоящее время на 4 названных участках известны 165 памятников периода средневековья, в том числе 8 городищ (без учета позднесредневековых памятников конца XVI – XVIII в. – времени активного освоения этих пространств после строительства засечных линий). Их пространственное расположение и хронологическое распределение представлены в таблице.

Во-вторых, хотя наши представления о материальной культуре этих памятников весьма скудны и в большинстве случаев опираются лишь на небольшие коллекции керамики, для Средней и Нижней Оки (Рязанской земли и сопредельных территорий) в настоящее время разработаны и многократно апробированы классификации средневековой керамики (Коваль, 1996; Грибов, 2006; Стрикалов, 2006). Они позволяют не только дать довольно дробную периодизацию памятников, но и выявить региональные особенности гончарных традиций таких

Пространственное расположение и хронологическое распределение памятников средневековья на четырех рязанских опольях

Опольня	Хронологические периоды			Всего
	XII–XIII вв.	XIII–XIV вв.	XIV–XV вв.	
Михайлово поле	36	39	0	55
Пронско-Рановское	39	42	10	56
Пара-Пожвинское	4	19	28	34
Цнинское	3	9	16	21
Всего	84	109	54	167

Примечание. Суммарные данные числа поселений трех хронологических групп не соответствуют общему числу памятников из-за того, что некоторые поселения существовали на протяжении двух-трех периодов.

крупных городских центров, как Старая Рязань, Переяславль, Ростиславль, Нижний Новгород.

Здесь уместно несколько строк посвятить традициям и инновациям в гончарном деле Рязанской земли. Традиции и инновации представляют собой две противоположные тенденции в производстве вещи. Инновации носят целенаправленный характер и мотивированы стремлением наилучшим образом отразить функциональное назначение предмета, сократив затраты на его производство, развитием технологий, модой. Культурная традиция выражается в существовании устойчивой модели производственного процесса и образа вещи. Инновации выражены в хронологических отличиях, традиции – в различиях синхронных однофункциональных изделий.

Последнее определило процедуру анализа и позволило выделить в рязанском гончарстве несколько основных традиций, характерных для рассматриваемого периода, и типичные хронологические черты. В этой статье, к сожалению, нет места для подробного анализа всего их разнообразия, остановимся лишь на реперных признаках, необходимых для поиска хронологических и региональных различий анализируемых коллекций.

Для Среднего Поочья в настоящее время выработан довольно устойчивый набор хронологических маркеров керамических комплексов разных этапов в пределах XII–XV вв. Для рубежа XII–XIII вв. при абсолютном преобладании керамики с венчиком, оформленным в виде валика – с заворотом чернового края внутрь (тип 8 – здесь и далее по классификации керамики Рязанской земли: Стрикалов, 2006), – это переход на формовочные массы на основе беложгущихся глин и постепенное исчезновение искусственных примесей песка. На протяжении XIII в. происходит, кроме того, смена некоторых приемов формообразования края – появляются типы 9 и 11, исчезает такая своеобразная форма, как горшки-кринки (венчики вертикальной постановки); XIV в. отмечен широким распространением волнистого орнамента, доминированием тонких формовочных масс на основе тощих белых глин. К его концу исчезает волна, увеличивается доля неорнаментированных сосудов, появляются ребро при переходе плеча в венчик и новые формы с характерной миниатюризацией оформления края и его упрощением вплоть до его полного исчезновения его при вторичной обработке.

Указанные черты довольно отчетливо проявляются на целых сериях сосудов из комплексов кратковременного накопления, подобных исследованному горну на селище Подвислово 8, а также некоторых иных поселений (рис. 2), свидетельствующих

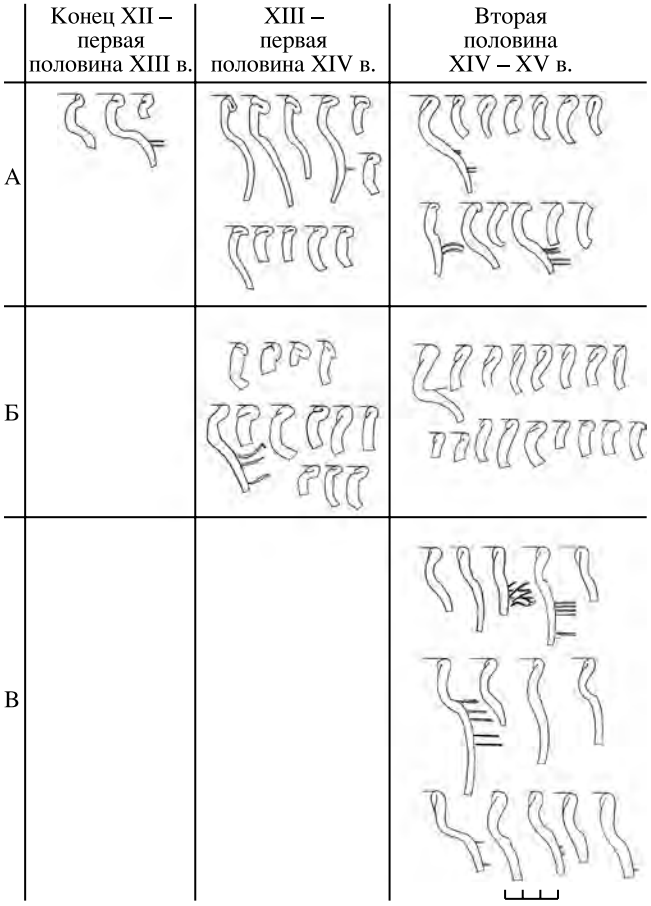


Рис. 2. Комплексы керамики длительного (*А*, *Б*) и кратковременного (*В*) накопления. *А* – селище Благодатный 4, конец XII – XV в. (р. Пожва, Пара-Пожвинское ополье); *Б* – селище Гавриловское 1, XIII–XV вв. (Цнинское ополье); *В* – селище Подвислово 8, вторая половина XIV в. (р. Ранова, Пронско-Рановское ополье).

о высокой стандартизации процесса производства посуды. Это позволяет применить методику датировки памятников по реперным признакам: наличие описанных выше характеристик даже в небольшой выборке керамики служит основанием для отнесения памятника к одной или нескольким условным хронологическим группам, определяемым по совокупности признаков: конец XII – первая половина XIII в.; XIII – первая половина XIV в.; вторая половина XIV – XV в. (таблица).

Сравнение ополий по этому показателю дает разную динамику их освоения. В Михайловом поле (по крайней мере, в южной его части) население появилось во второй половине XII в., затем, как и на Верхнем Дону, продолжало осваивать территорию до середины XIV в. и покинуло эти земли во второй половине столетия. При этом в окрестностях Жокинского, Лубянского и Ижеславльского городищ число поселений на 1 и 2 этапах практически

не изменилось (22 и 21 соответственно): на смену некоторым заброшенным пришли новые. Правда, изменения заметны в размещении поселений: их число на левом берегу Прони, в бассейне р. Жраки, сократилось с 18 до 10 (исчезли 14 и появились 6 новых), на правом, под кромкой леса, – увеличилось с 4 до 11 (Русаков, 2005. С. 404). Памятники последнего периода на территории этого ополья, как и в соседних микрорегионах (Верхней Прони, исследованной О.Н. Заидовым, Куликовом поле), неизвестны. Косвенным доказательством запустения территории вплоть до эпохи Московского царства служит упоминание в актах обширных владений бояр Измайловых, расположенных в западной половине ополья "по реке Проне и до колодезе Чюрлюкове" (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 347. С. 373; № 184. С. 508), которые были "даны прародителю его (Ивану Шаину) великим князем Олегом резанским пустыми полями" (Свод письменных источников…, 2005. № 189. С. 513). По жалованной грамоте 1556 г. "на тех землях поселены вотчины – деревня Стафурлова да деревня Зикеева" (Свод письменных источников…, 2005. № 189. С. 513). Отметим, что два упомянутых пункта (всего лишь два!) разделены 20-км отрезком, проходящим от южной до северной границы Михайлова поля.

Схожая ситуация сложилась и в Пронско-Рановском ополье (Челяпов и др., 2005). Первые поселения здесь возникли в долине Прони во второй половине XII в. (Толпинское городище и селища), а максимума число памятников достигает в XIII–XIV вв. На втором этапе расселение сохраняет стабильную структуру. Число памятников даже увеличивается – с 39 до 42: хотя Княжовская и Мошинская группы в восточной части ополья пустеют, возникают новые гнезда и отдельные поселения. Существенное сокращение числа поселений наблюдается на третьем этапе, но в отличие от Михайлова поля здесь есть материалы конца XIV – XV в. О продолжении освоения этой территории в указанный период также имеются сведения в актах. На западной границе ополья, "на Кишне под Чижевским лесом" (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 356; Свод письменных источников…, 2005. № 99. С. 410) в этот период формируется вотчина бояр Вердеревских "жалованья великого князя резанского Олга" (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 363; Свод письменных источников…, 2005. № 110. С. 421). К сожалению, археологически территория этого владения вообще не исследована, но упоминаемые в документах населенные пункты (два сельца, деревня, четыре селища – на момент составления межевой грамоты 1522 г.) и гидронимы локализуются довольно точно.

Восточная половина южного рязанского пограничья показывает противоположную тенденцию: в начале XIII в. Пара-Пожвинское ополье только начало осваиваться, а максимума колонизация достигла к концу XIV – XV в. (Стрикалов, 2012). С этим периодом связано упоминание нескольких владений по р. Пара: Бовыкиной пустоши, владений по р. Ширне "от верха до низа" окольничего великого князя Ивана Федоровича Семена Глебовича и Покоптяевых детей, упомянутых в некоторых актах и выписке о древних вкладах и вкладных грамотах из вкладной книги Солотчинского монастыря 1691 г. (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 341а. С. 367, 368; Свод письменных источников…, 2005. № 56. С. 181–185), надежно увязывающиеся с некоторыми открытыми селищами. Близка ситуация и в Цнинском ополье. Здесь появление первых поселений относится также к XIII в., а основная часть известных памятников, преимущественно, содержит керамику XIV–XV вв. Вероятно, именно об этих поселениях шла речь в докончании рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей 1496 г., где упоминаются принадлежащие им "наши села в Мордве во Цне" (Духовные и договорные грамоты…, 1950. № 84. С. 332–341; Свод письменных источников…, 2005. № 32. С. 254).

Помимо единых для всей территории Среднего Поочья инноваций, позволяющих разделить известные памятники на хронологические группы, в их материалах отмечены и региональные различия. Они по-разному проявляются в разное время, но в определенные периоды выражены достаточно ярко (Стрикалов, 2006; 2010), здесь же отметим две из них, характерные для XIII–XIV вв.

Во-первых, это абсолютное господство тонких формовочных масс на основе беложгущихся глин в поокской традиции гончарства. В северо-восточных русских землях этот процесс в XIII–XIV вв. лишь начинался, так что районы Москворечья и Волго-Клязьминского междуречья тогда оставались зоной с совершенно иными традициями составления формовочных масс.

Зональные различия оказались настолько ярко выраженными, что позволили интерпретировать присутствие нетипичной посуды в каждой из зон как результат переселений или импорта. Так, красноглиняная с примесями дресвы керамика Ростиславля, составляющая в разных комплексах XIV в. долю в 1–15% отнесена В.Ю. Ковалем к импорту с левобережья Оки. Присутствует эта традиция на селищах XII–XIV вв. долины р. Вожи (Коваль, 2003. С. 162), в материалах XIII–XIV вв. – на Южном городище Старой Рязани (около 7–8%). В другой зоне, в частности во Владимире, где нетипичной

является посуда из беложгущихся глин, ее появление связывают с приходом после Батыева нашествия населения, переселившегося из рязанских земель (Кадиева, 2003. С. 333). В нижегородской округе такие же инновационные группы керамики связывают с Поочьем (Грибов, 2006. С.73).

Ситуация в южных рязанских опольях тоже довольно показательна. Два из них – Михайлово поле и Пронско-Рановское ополье – оказываются в зоне господства поокской традиции. Иная ситуация прослежена на восточной окраине Рязанского порубежья в Цнинском ополье. Здесь, начиная с XIII в., основную часть (80–90%) составляет именно красножгущаяся и белоглиняная с грубыми примесями посуда. Поокские сосуды немногочисленны, их доля становится заметной только в самых поздних комплексах – конца XIV – начала XVI в.

В Пара-Пожвинском междуречье керамика всех хронологических периодов изготовлена преимущественно из тонких формовочных масс на основе беложгущейся или светложгущейся глины, однако на некоторых селищах правого берега Пары, т.е. на восточной окраине ополья, в небольшом количестве встречены образцы северной традиции. В частности, в коллекции керамики поселения XIV–XV вв. близ бывшего Бовыкинского монастыря красножгущаяся керамика составляет более трети.

Таким образом, истоки колонизационных потоков в южные рязанские ополья берут начало в разных зонах. Среднее Поочье стало исходной зоной для колонизации западных районов (в том числе и Куликова поля, где также господствует белоглиняная керамика: Гоняный, 2005), а импульс освоения долины Цны имел иное происхождение. Вероятно, сюда основной поток переселенцев шел вниз по Мокше и Цне из района Нижнего Поочья. Тем не менее в политическом и фискальном отношении Цна на протяжении всего этого времени, несомненно, оставалась в рязанской зоне влияния, о чем свидетельствует уже упомянутое докончание рязанских князей 1496 г. с упоминанием “мордвы деленной с водчинами во Цне” и “наших сел в Мордве во Цне”.

На вопрос, насколько широко распространялся северный импульс колонизации на восточных окраинах Рязанского княжества, ответить однозначно нельзя: слишком отрывочны наши сведения о поселениях этого времени. Первые штрихи к абрису этой особой зоны колонизации дают находки сходной посуды в долине Пары: возможно, какая-то часть населения из поценских земель достигла и этого ополья.

Вторая локальная гончарная традиция XIII в. связана с распространением весьма своеобразного способа формовки края сосуда в типе 9 и его дальнейшего развития в типах 10 и 12 (загиб чернового края внутрь и отгиб наружу до образования сложной складки). Наиболее представительные материалы этой традиции происходят из комплексов Старой Рязани всего XIII и начала XIV в., где ее доля составляет 23–52%. Это и дало основание называть ее рязанской.

Значительную долю (от 14 до 56%), помимо Старой Рязани, тип 9 составляет лишь в коллекциях керамики поселений Нижней Прони и ее правых притоков, т.е. на территории Пронско-Рановского ополья (Стрикалов, 2006). Далее на запад этот показатель уменьшается: в материалах Пронска такая керамика составляет около 10%, в Переяславле Рязанском, Зарайске, Ростиславле, на памятниках Михайлова поля – не более 5. На Куликом поле подобные находки единичны. Памятники Пожвы, Пары и Цны – восточных окраин Рязанской земли – содержат такую керамику, но выборки материалов XIII в. очень малочисленны. Тем не менее наиболее ранние и близкие территориально к Старой Рязани памятники этой части рязанского порубежья, расположенные в долине Пожвы, дают образцы, абсолютно идентичные старорязанским.

Таким образом, столичный микрорегион стал исходной зоной для колонизации двух ближайших к нему ополий – Пронско-Рановского и Пара-Пожвинского. Михайлово поле, как и Куликово, имели иные источники переселенцев, связанные, вероятно, с западными районами Среднего Поочья, ограниченными на востоке районом Пронска и Переяславля. Возможно, определенную роль в колонизации этих участков сыграло население Верхнеочья: восточная граница зоны курганов с семилопастными кольцами проходит по линии Переяславль–Пронск, но здесь такие курганные группы малочисленны, так что носители традиции семилопастных колец могли быть лишь частью переселенцев

В историографии сложилось устойчивое мнение, что бурный рост населения на Северо-Востоке Руси в конце XII – начале XIII в. в большой степени связан с массовой колонизацией этих областей южнорусским населением. Материальная культура Старой Рязани периода расцвета служит ярким подтверждением этого факта. Полученные выводы позволяют охарактеризовать механизм такого переселения. Тесная связь сельского населения ополий с конкретными зонами Поочья, по крайней мере, на уровне устойчивых гончарных традиций, свидетельствует о том, что путь южнорусской колонизации был опосредован долиной Оки (рис. 3).

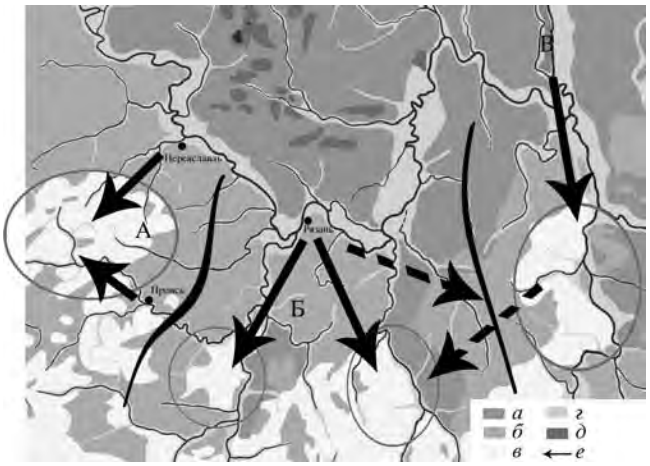


Рис. 3. Локальные зоны гончарных традиций. *А* – поокская; *Б* – рязанская; *В* – клязьминская. Условные обозначения: *а* – подзолистые лесные почвы; *б* – серые лесные почвы; *в* – черноземы; *г* – пойменно-луговые почвы; *д* – болотные почвы; *е* – реконструируемые направления связей ополий с региональными гончарными центрами.

Итак, анализ керамики приводит нас к двум основным выводам. Движение населения на юг Рязанской земли шло несколькими потоками от долины Оки вдоль ее крупных правых притоков начиная с конца XII в. В течение XIV в. процесс колонизации южного порубежья смещался к востоку, в результате к концу столетия западные к тому времени уже староосвоенные земли оказались в значительной части заброшеными (рис. 4).

Батыево нашествие не привело к запустению этих территорий, но освоение степной границы стало носить иной характер, особенно ярко проявившийся во второй половине XIV – XV в. К такому выводу приводит анализ ландшафтного расположения памятников.

В конце XII – XIII в. колонизация носила преимущественно земледельческий характер. Об этом свидетельствует выбор мест под поселения: в зоне легких в обработке серых лесных почв, на участках расширения поймы больших и малых рек, удобных для выпасов и покосов. Именно в таких урочищах отмечено появление целых гнезд поселений, подобных Амановской группе на р. Молве, Приянковской и Княжевской групп на Ранове, Толпинской группе на Проне в Пронско-Рановском ополье, памятникам окрестностей Жокинского и Лубянского городищ на р. Жрака на юге Михайлова поля. Даже единичные памятники, такие как первые поселения в Пара-Пожвинском ополье, на реках Пожва и Вёрда, тяготеют к небольшим островкам серых почв, окруженных черноземами.

При стабильности ситуации в западных опольях и росте числа поселений в восточных после Батыева нашествия во второй половине XIII – первой половине XIV в. изменения проявились в размещении населения. Оно сокращается на открытых участках и растет под защитой леса – на правом берегу Прони на Михайловом поле, по границам Пронско-Рановского ополья “под Чижевским лесом” в вотчине Вердеревских, на правобережье Рановы, где располагались Рановский лес и Великий лес, на правобережье Пары и Цны. В последующий период, во время кризиса расселения в западных опольях (включая Куликово поле), красочно описанного в известном “Хождении митрополита Пимена в Царьград”, помещенном в летописи под 1389 г. и рисующем на пути по верхнему Дону “пустыню зело всюду” (Летописный сборник, именуемый…, 1897. С. 95, 96), смена ландшафтных предпочтений видна еще более отчетливо.

Ограничимся сравнением двух наиболее близких по географическим характеристикам Пронско-Рановского и Пара-Пожвинского ополий, которые отмечены наиболее контрастными ландшафтами (соседство степных черноземов с лесными подзолами) и осваивались хотя и разными темпами, но из одних центров.

К концу XIV в. в первом из них число известных памятников сократилось до 10 (без учета “верхдеревской вотчины”, пожалованной князем Олегом зятю Салахмирю именно в эти годы); все они расположены на лесной стороне Рановы. В долине Пары прирост числа поселков также наблюдается исключительно на подзолах правого берега. Далее к востоку, за Парой, “за Глебовским лесом” в долине Тырницы в этот же период появляются вотчины Солотчинского монастыря, которые князь Иван Федорович придал “по деду своем в. кн. Олге Ивановиче и по бабе своей в. кнг. Евпраксеи” (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 341а. С. 367, 368; Свод письменных источников…, 2005. № 56. С.181–185).

Итак, в конце XIV в. население южных рязанских ополий покидает плодородные земли и уходит в леса. Такую картину рисуют картографирование археологических памятников и актовые материалы: упомянутые в этой зоне вотчины расположены “под лесом”, “в лесу”, “за лесом”.

Несомненно, одним из факторов движения была внешняя опасность. Если местное население пережило Батыев погром и последующие “рати”, направленные в первую очередь на крупные городские центры, то с началом Великой Замятни в середине XIV в. объектом нападений небольших татарских отрядов становятся именно окраинные территории. С этого времени отмечаются регулярные набеги татар на рязанские “украины” вплоть до Переяславля

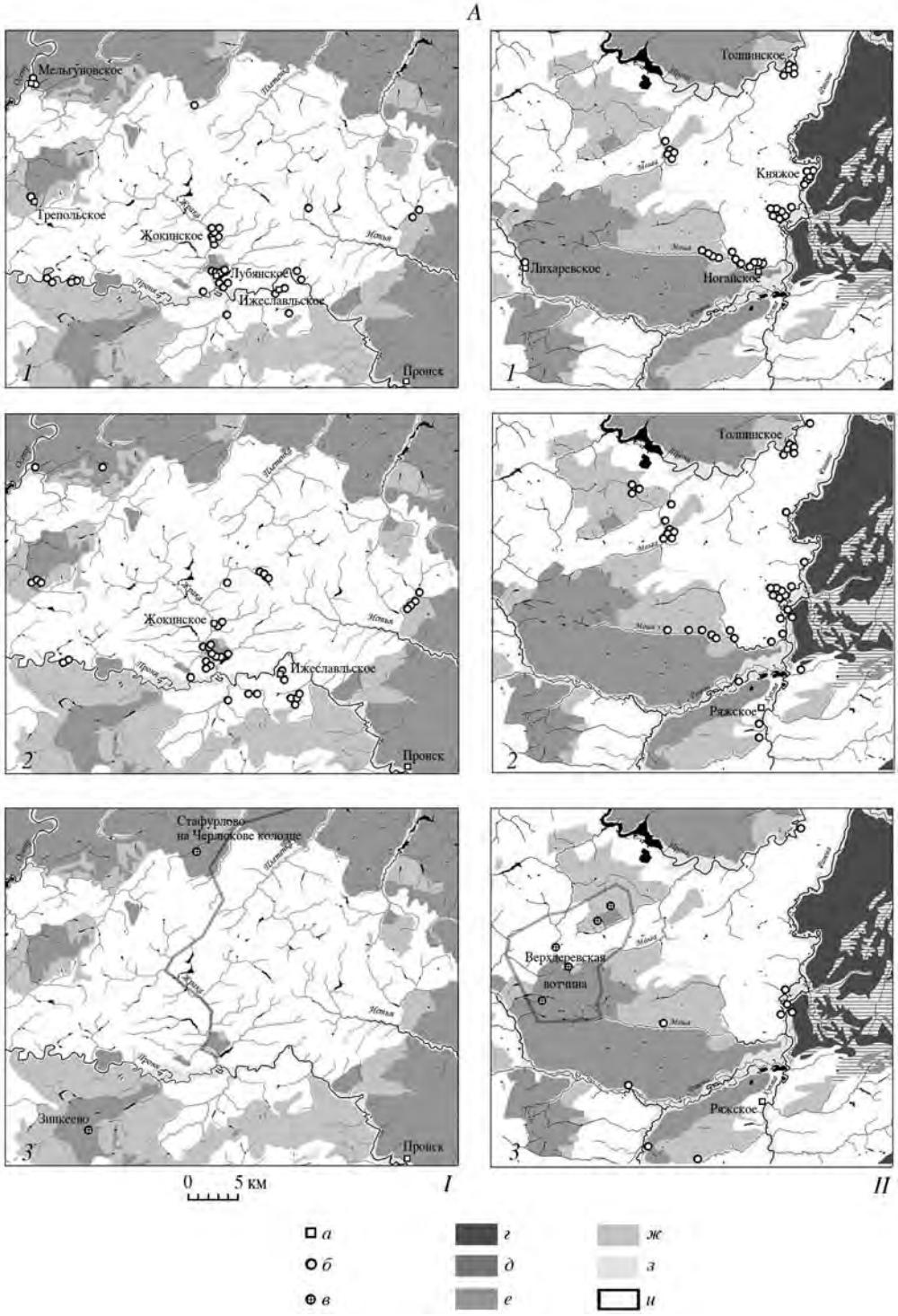


Рис. 4. Динамика структуры поселений южных рязанских ополий западной (*А*) и восточной (*Б*) зон. *А*: *I* – Михайлово поле; *II* – Пронско-Рановское ополье. *Б*: *III* – Пара-Пожвинское ополье; *IV* – Цнинское ополье. *1* – конец XII – первая половина XIII в.; *2* – XIII – первая половина XIV в.; *3* – вторая половина XIV – XV в. Условные обозначения: *а* – городища; *б* – селища; *в* – поселения, известные по документам, *г* – подзолистые почвы; *д* – светло-серые лесные; *е* – серые лесные почвы; *ж* – темно-серые лесные почвы; *з* – аллювиальные почвы речных долин; *и* – черноземные почвы.

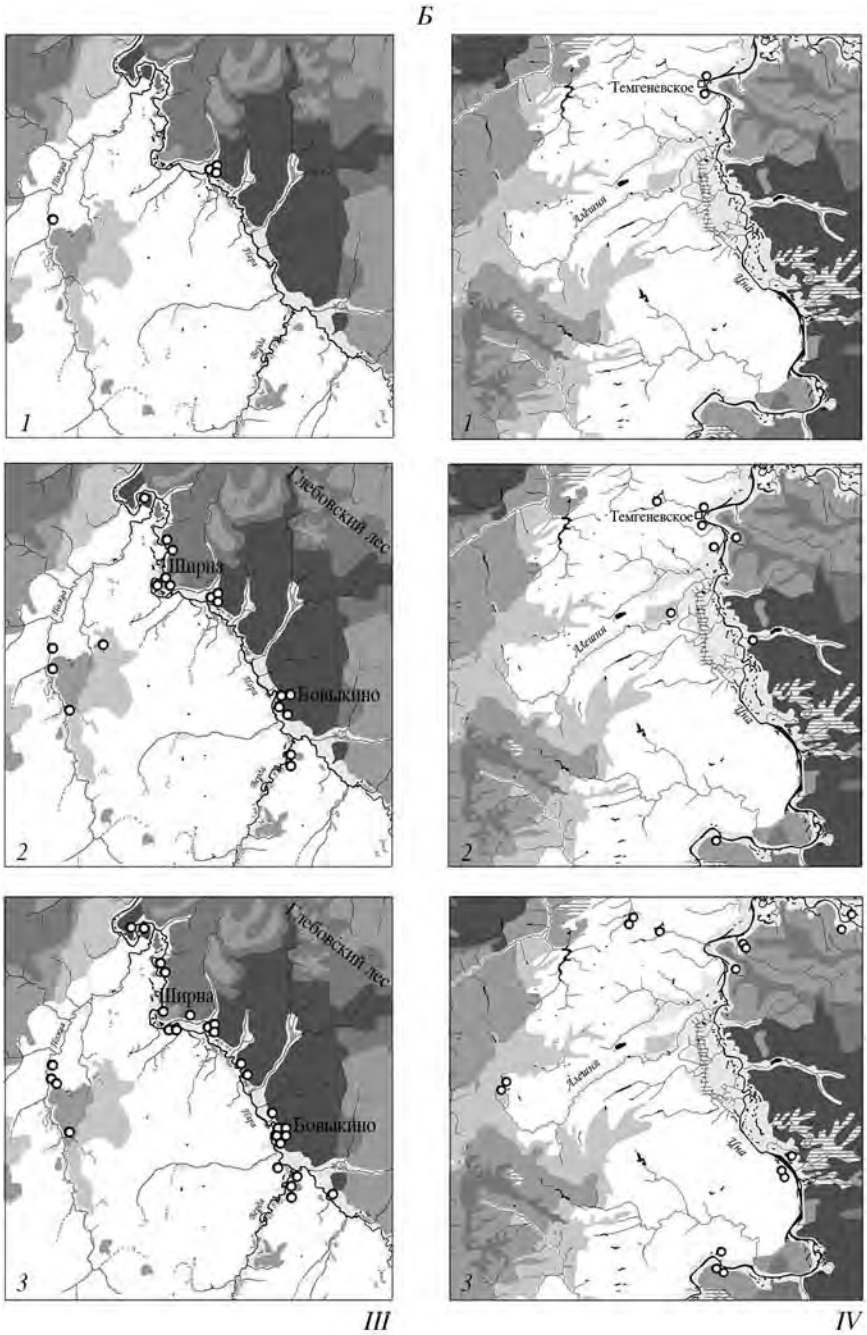


Рис. 4 (Окончание).

(1356, 1365, 1373, 1377 гг.; Летописный сборник, именуемый…, 1885. С. 230; 1897. С. 5, 6, 19, 28, 29). Продолжались набеги на рязанские земли и после Куликовской битвы 1380 г. Летописи отмечают набеги 1387, 1388, 1391 (два раза), 1393, 1400, 1402, 1405, 1408, 1411, 1425, 1437, 1438, 1442–1444, 1460, 1468 гг. (см. Летописный сборник, именуемый…, 1897). Именно в эти годы активно начинает использоваться дорога на Русь вдоль правого берега Дона. Впервые летописи отмечают появление татарских отрядов на этом направлении в 1348 г., когда был сожжен Алексин (Летописный сборник, именуемый…, 1885. С. 220), тем же путем шли на Русь Тохтамыш в 1382 г., Тимур в 1395 и татары в 1414 г. Активизация степняков на этом направлении со второй половины XIV в. стала причиной запустения Михайлова и Куликова полей, различий в ситуации на территории двух сравниваемых выше ополий: запустение Пронско-Рановского междуречья и стабильный рост населения по р. Пара, которая, вероятно, оказалась на периферии татарских набегов.

Но анализ ландшафтного положения памятников позволяет предположить и другие причины ухода в леса. На период 1360–1460 гг. падает наиболее сухой и холодный этап "малого ледникового периода" (Гоняный и др., 2007. С. 46). Хотя, по мнению исследователей, смены типов растительности и, соответственно, почв довольно инерционны, повышение аридности сказалось на состоянии малых водотоков лесостепной зоны. Это, вероятно, отразилось и на уровне паводков более крупных рек: именно в этот период на берегах Прони (Симеон 3 – "Костино болото"), Рановы (Подвислово 8, 11; Александровка 1), Пары (Собчаково 5, 6; Можары 2, 3) и Цны (Сасово 3; Раково) появляются памятники, расположенные в пойме, на небольших всхолмлениях, которые в настоящее время часто затапливаются весной. Пока преждевременно говорить о степени засушливости климата этого периода: для этого необходимы планомерные палеопочвенные исследования на данных участках. Но сам факт таких климатических изменений не вызывает сомнений. Вероятно, он стал одной из причин запустения наиболее хрупких зон хозяйственного освоения лесостепной экосистемы.

Другая причина, как кажется, кроется в экономической конъюнктуре момента. Рост лесного хозяйства с бобровыми и бортными "ухожьями", рыбными ловлями именно в этот период фиксируется как письменными, так и археологическими свидетельствами. Актовый материал эпохи Рязанского княжества конца XIV – начала XVI в. пестрит упоминаниями такого рода, в том числе и в отношении тех территорий, которые являются предметом данной статьи. В частности, в докончании 1496 г. земли по Цне, Паре и Тырнице ("и в Корабугинском уезде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Бовыкине…"), как и другие окраинные "ухожья", рассматриваются особо, "по записем". В этот же период начинается активное освоение Мещерских лесов к северу от Оки. В списках владений Солотчинского монастыря называются приданные княгиней Евпраксеей и Иваном Федоровичем в XV в. "Жваловская бортная земля" по реке Пре от Солотчи от Ласковского рубежа, "земля бортная бортина с озеры, что ходил ту землю Федорко Шишков меж реки При и речки Кади и урочища Мшарных болот" (Акты социально-экономической истории…, 1964. № 341а. С. 367, 368; Свод писменных источников…, 2005. № 56. С. 181–185).

Ярким археологическим примером может служить исследование С.З. Чернова на верхней Пехорке, в зоне мещерских ландшафтов, где были открыты бортные деревни второй половины XIII – XIV в., бывшие источником "ощутимого пополнения в казну первого московского князя" (2004. С. 186; 2005а). Именно потребности казны, необходимость выплаты "выхода" в Орду, возможно, стали одной из причин такой смены расселения и в Рязанском княжестве.

Проведенный анализ структуры расселения и ее изменений на южном рязанском пограничье выявил лишь тенденции в динамике и характере этого процесса. Изменения, выраженные в смещении населения в золотоордынский период к востоку от основных и староосвоенных территорий домонгольского периода, в смене приоритетов в выборе мест колонизации определялись разными факторами, среди которых можно наметить ведущие – внешнеполитическая опасность, изменения климата, новые потребности власти. Этот эскиз еще только предстоит перевести в окончательный рисунок, но выявленный механизм колонизации позволяет наметить пути дальнейшего применения такого подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в 3 т. Т. III: Акты мелких владельцев. М.: АН СССР, 1964. 688 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 1: Поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. 374 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. тома С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура / Сост. И.Е. Зайцева. М.: Наука, 2009. 230 с.

Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.: Изд-во ГИМ, 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 150). 352 с.

Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы / Отв. ред. Д.А. Тимофеев, А.К. Зайцев. М.: Изд-во ГИМ, 2007. 208 с.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. тр.: ежегодник / Отв. ред. А.Е. Молев. Вып. 10. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 62–91.

Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения Орловского течения Оки в I тыс. н.э. // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 11–17.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин, подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л.: АН СССР, 1950. 587 с.

Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П. Поселенческая структура XII–XV вв. междуречья Прони и Рановы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 336–360.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII в. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени: сб. ст. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. М.: Наука, 2003. С. 315–339.

Кашкин А.В. Динамика освоения поймы в одном из микрорегионов Посеймья // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 37–49.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1 // Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996. С. 103–133.

Коваль В.Ю. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна: сб. науч. тр. Рязань, 2003. С. 155–169.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. М.: Наука, 2004. 447 с.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 2: Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы / Авт. С.З. Чернов. М.: Наука, 2005а. 651 с.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 3: Ментальный ландшафт. Московские села и слободы / Под ред. С.З. Чернова. М.: Наука, 2005б. 571 с.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. X. СПб.: Тип. МВД, 1885. 244 с.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 262 с.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Науч.-изд. центр “Скрипторий”, 1997. 368 с.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. 2004. № 1. С. 19–34.

Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В. Средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 108–133.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: АН СССР, 1961. 400 с.

Орфинский В.П., Гришина И.Е. Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество: межвузовский сб. / Отв. ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1998. С. 13–37.

Петрашенко В.А. Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. Киев: ИА НАНУ, 2005. 130 с.

Південноруське село IX–XIII ст.: Нові пам'ятки матеріальної культури: навч.-метод. посібник / За ред. О.П. Моць. Київ, 1997. 180 с.

Русаков П.Е. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 397–412.

Русаков П.Е. Исследования керамики селища Жокино 1 // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 321–332.

Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.: в 4 т. / А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2005 (Источники истории).

Стрикалов И.Ю. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. М.: Наука, 2003. С. 372–381.

Стрикалов И.Ю. Керамика Рязанской земли XI–XV вв.: Автореф. дис. …. канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2006. 30 с.

Стрикалов И.Ю. Русская колонизация нижней Цны в XIII–XIV вв. в свете гончарных традиций Северо-восточной и Юго-восточной Руси // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 297–328.

Стрикалов И.Ю. Русская колонизация долины среднего течения реки Пары в средневековье // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 107–124.

Томашевський А.П. Регіональна (територіальна) спеціализація селянського господарства // Село Київськькоі Руси (за матеріалами південноруських земель). Київ: Шлях, 2003. С. 63–69.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. 264 с.

Узянов А.А. Динамика заселения долины реки Тускарь (диахронный анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 77–83.

Челяпов В.П., Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю. Гончарный горн XIV века на поселении Подвислово 8 // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2012. С. 162–171.

Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова П.А. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 219–242.

Чернов С.З. Сельское расселение и ландшафты на Пехорке: загадка хозяйственного подъема в Мещере при первых московских князьях // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты: в 3 т. Т. 1: Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. М.: Наука, 2004. С. 126–188.

Чернов С.З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2 / Отв. ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. М.: Наука, 2005. 651 с.

RYAZAN HIGH PLAINS: DYNAMICS AND THE CHARACTER OF COLONIZATION IN 12–15 cc.

Igor Yu. Strikalov

Institute of Archaeology RAS, Moscow (igor.strikalov@gmail.com)

The aim of the publication is a comparative analysis of the structure of the colonization in the Steppe high plains of the southern Ryazan frontier in the 12th – 15th cc., characterized by contrast landscapes of zones of the medieval development. The comparison is based on the differences of the natural conditions, the dynamics of the colonization and geopolitical position of micro regions in the period of significant climate changes, foreign affairs and economic situation of the Southern-Eastern suburbs of Rus. Based on the analysis of mass ceramic material, its chronology and local pottery traditions and also the landscape confinedness of the settlements the features of the mechanism of Russian colonization of these territories have been defined. It has been showed in the movement of the population from the main territories of the development of the Pre-Mongol period to the East in the Golden Horde period, in the change of priorities in choosing the places of colonization.

Key words: Ryazan land, landscape archaeology, high plains, settlement structure, dynamics and character of colonization, traditions and innovations in pottery production.

REFERENCES

Akty..., 1964. Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. [Acts of social-economic history of the Northern-Eastern Rus in the end of 14th – the beginning of 16th c.], III. Akty melkikh vladel'tsev [Acts of small owners]. Moscow: Akademiya nauk USSR. 688 p.

Arkheologiya..., 2007. Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov. Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of Northern Russian village of the 10th – 13th cc. Medieval settlements and burial grounds on the lake Kubenskoye], 1. Poseleniya i mogil'niki [Settlements and burial grounds]. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka. 374 p.

Arkheologiya..., 2008. Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov. Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Russian village of the 10th – 13th cc. Medieval settlements and burial grounds on the lake Kubenskoye], 2. Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]. S.D. Zakharov, ed. Moscow: Nauka. 365 p.

Arkheologiya..., 2009. Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov. Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of the Northern Russian village of the 10th – 13th cc. Medieval settlements and burial grounds on the lake Kubenskoye], 3. Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Paleoecological conditions, society and culture]. I.E. Zaytseva, comp. Moscow: Nauka. 230 p.

Chelyapov V.P., Ivanov D.A., Strikalov I.Yu., 2012. Goncharnyy gorn XIV veka na poselenii Podvislovo 8 [Potter's furnace of the 14th century on the settllement Podvislovo 8]. *Vostochnoevropeyskiy srednevekovyy gorod v kontekste etnokul'turnykh, politicheskikh i poselencheskikh struktur [Eastern European medieval city in the context of ethno-cultural, political and settlement structures]*. Ryazan': Izdatel'stvo Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika, pp. 162–171.

Chernetsov A.V., Kuza A.V., Kir'yanova P.A., 1985. Zemledelie i promysly [Farming and trades]. *Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo [Ancient Rus. City. Castle. Village]*. Moscow: Nauka, pp. 219–242 (Arkheologiya USSR).

Chernov S.Z., 2004. Sel'skoe rasselenie i landshafty na Pekhorke: zagadka khozyaystvennogo pod"ema v Meshchere pri pervykh moskovskikh knyaz'yakh [Village colonization and landscapes on Pekhorka: the mystery of economic growth in Meshchera at first Moscow Princes]. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landshafty [Culture of medieval Moscow: Historical landscapes], 1. Rasselenie, osvoenie zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Colonization, land development and natural environment in the vicinity of Moscow in the 12th–13th cc.]*. N.A. Krenke, S.Z. Chernov, eds. Moscow: Nauka, pp. 126–188.

Chernov S.Z., 2005a. Domen moskovskikh knyazey v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody (Akty Moskovskoy Rusi. Mikroregional'nye issledovaniya) [Domen of Moscow Princes in city camps. 1271–1505 (Acts of Moscow Rus. Micro regional researches)]. V.L. Yanin, V.D. Nazarov, eds. Moscow: Nauka. 651 p. (Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty, 2).

Davydchuk V.S., Frolov I.K., 1976. K istorii zaseleniya Orlovskogo techeniya Oki v I tys. n.e. [To the history of population of Orlovskiy tides of Oka in the 1st millennium AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 146, pp. 11–17.

Dukhovnye..., 1950. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Testament and contract charters of the Great and appanaged Princes of the 14th – 16th cc.]. S.V. Bakhrushin, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk USSR. 587 p.

Gonyanyy M.I., 2005. Arkheologicheskie pamyatniki rayona Kulikova polya (konets XII – tret'ya chetvert' XIV v.) [Archaeological sites of Kulikovo field (the end of the 12th c. – third quarter of the 14th c.)]. Kulikovo pole i Donskoe poboishche 1380 goda [Kulikovo field and Don slaughter of 1380]. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 352 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya,150).

Gonyanyy M.I., Aleksandrovskiy A.L., Glasko M.P., 2007. Severnaya lesostep' basseyna Verkhnego Dona vremeni Kulikovskoy bitvy [Northern forest steppe of the Upper Don basin of the Kulikovo battle time]. D.A. Timofeev, A.K. Zaytsev, eds. Moscow: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 208 p.

Gribov N.N., 2006. Khronologiya keramicheskikh kompleksov russkikh poseleniy epokhi Zolotoy Ordy (po materialam pamyatnikov rayona ust'ya r. Oki) [Chronology of the ceramic complexes of Russian settlements of the Golden Horde time (on the materials of the sites of the mouth of the river Oka)]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii: sbornik nauchnykh i metodicheskikh trudov: ezhegodnik [Nizhniy Novgorod researches in local studies and archaeology: collected scientific and methodological works: annual]*, 10. A.E. Molev, ed. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 62–91.

Ivanov D.A., Strikalov I.Yu., Chelyapov V.P., 2005. Poselencheskaya struktura XII–XV vv. mezhdurech'ya Proni i Ranovy [Settlement structure of the 12th–15th cc. in the interfluves of Pronia and Ranovy]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Great Province of Ryazan: historical and archaeological researches and materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 336–360.

Kadieva E.K., 2003. Keramika iz usad'by g. Vladimira kontsa XII – XIII v. (po materialam raskopok 1993–1998 gg. v kvartale 22) [Ceramics from the manor of Vladimir in the end of the 12th–13th c. (on the materials of the excavation works of 1993–1998 in district 22)]. *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni: sbornik statey [Rus in 13th century: Antiquities of Darkness time: collected papers]*. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds., V.Yu. Koval', I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 315–339.

Kashkin A.V., 1985. Dinamika osvoeniya poymy v odnom iz mikroregionov Poseym'ya [Dynamics of the development of the flood-lands in one of the micro regions of Poseimie]. *Arkheologicheskie pamyatniki Evropeyskoy chasti RSFSR [Archaeological sites of European part of USSR]*. Moscow, pp. 37–49.

Klyuchevskiy V.O., 1987. Kurs russkoy istorii [The course on Russian history], 1. Moscow: Mysl'. 432 s. (Sochineniya v 9 tomakh, 1).

Koval' V.Yu., 1996. Keramika Rostislavlya Ryazanskogo: voprosy khronologii [Ceramics of Rostislavl Ryazanskiy: problems of chronology]. *Trudy Muzeya istorii goroda Moskvy [Transactions of the Museum of history of Moscow]*, 9. Moscow, pp. 103–133.

Koval' V.Yu., 2003. Novye dannye o drevnerusskoy keramike Ryazanskoy zemli [New data about ancient ceramics of Ryazan land]. *Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Okskogo basseyna: sbornik nauchnykh trudov [Problems of ancient and medieval archaeology of Okskiy basin: collected papers]*. Ryazan', pp. 155–169.

Kul'tura..., 2004. Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landshafty [Culture of medieval Moscow: Historical landscapes], 1. Rasselenie, osvoenie zemel' i prirodnaya sreda v okruge Moskvy XII–XIII vv. [Colonization, development of lands and natural environment in the vicinity of Moscow of the 12th–13th cc.]. N.A. Krenke, S.Z. Chernov, ed. Moscow: Nauka. 447 p.

Kul'tura..., 2005a. Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landshafty [Culture of medieval Moscow: Historical landscapes], 2. Domen moskovskikh knyazey v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody [Domen of Moscow Princes in city camps. 1271–1505]. S.Z. Chernov, author. Moscow: Nauka. 651 p.

Kul'tura..., 2005б. Kul'tura srednevekovoy Moskvy: Istoricheskie landshafty [Culture of medieval Moscow: Historical landscapes], 3. Mental'nyy landshaft. Moskovskie sela i slobody [Mental landscape. Moscow villages and slobodas]. S.Z. Chernov, ed. Moscow: Nauka. 571 p.

Makarov N.A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozer'ya i

Poonezh'ya [Colonization of Northern suburbs of Ancient Rus in the 11th – 13th c.: On the materials of archaeological sites of Beloozero and Onega region]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Skriptoriy". 368 p.

Makarov N.A., Fedorina A.N., Shpolyanskiy S.V., 2014. Srednevekovye selishcha v okruge Vladimira-na-Klyaz'me [Medieval settlement in the vicinity of Vladimir-upon-Klyazma]. *Rus' v IX–XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th cc.: society, state, culture]*. N.A. Makarov, A.E. Leont'ev, eds. I.E. Zaytseva, comp. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 108–133.

Makarov N.A., Leont'ev A.E. Shpolyanskiy S.V., 2004. Srednevekovoe rasselenie v Suzdal'skom Opol'e [Medieval colonization in Suzdal Opolje]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1, pp. 19–34.

Makarov N.A., Zakharov S.D., Buzhilova A.P., 2001. Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere [Medieval colonization on the lake Beloye]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 496 p.

Mongayt A.L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: Akademiya nauk USSR. 400 p.

Orfinskiy V.P., Grishina I.E., 1998. Nekotorye zakonomernosti formirovaniya traditsionnykh sistem sel'skogo rasseleniya na territorii Karelii [Some regularities of formation of traditional system of village colonization on the territory of Karelia]. *Narodnoe zodchestvo: mezhvuzovskiy sbornik [Popular architecture: inter college collected papers]*. V.P. Orfinskiy, ed. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 13–37.

Petrashenko V.A., 2005. Drevnerusskoe selo po materialam poseleniy u s. Grigorovka [Ancient Russian village on the materials of settlements at the village Grigorovka]. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 130 p.

Pivdennorus'ke selo..., 1997. Pivdennorus'ke selo IX–XIII st.: Novi pam'yatki material'noï kul'turi: navchal'no-metodichniy posibnik [Ancient Russian village of the 9th–13th cc.: New sites of material culture: scientific-methodological manual]. O.P. Motsya, ed. Kiiv. 180 p.

PSRL, 1885. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], X. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection named as Patriarch or Nikon chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 244 p.

PSRL, 1897. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles]. T. XI: Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection named as Patriarch or Nikon chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. 262 p.

Rusakov P.E., 2005. Pamyatniki drevnerusskogo vremeni na territorii Mikhaylovskogo polya [Sites of ancient Russian time on the territory of Mikhailovo field]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Great Province of Ryazan: historical and archaeological research and materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 397–412.

Rusakov P.E., 2012. Issledovaniya keramiki selishcha Zhokino 1 [Research of the ceramics of the settlement Zhokino 1]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: theses of a scientific workshop]*, 8. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 321–332.

Strikalov I.Yu., 2003. Drevnerusskaya keramika XIII veka Staroy Ryazani i ee okrugi [Ancient Russian ceramics of the 13th century of Staraya Ryazan and its vicinity]. *Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni: sbornik statey [Rus in the 13th century: Antiquities of Darkness time: collected papers]*. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov, eds., V.Yu. Koval', I.N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 372–381.

Strikalov I.Yu., 2006. Keramika Ryazanskoy zemli XI–XV vv.: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Ceramics of Ryazan land of the 11th–15th cc.: author's abstract … candidate of Historical sciences]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 30 p.

Strikalov I.Yu., 2010. Russkaya kolonizatsiya nizhney Tsny v XIII–XIV vv. v svete goncharnykh traditsiy Severo-vostochnoy i Yugo-vostochnoy Rusi [Russian colonization of lower Tsna in the 13th–14th cc. in the light of pottery traditions of the North-Eastern and South-Eastern Rus]. *Materialy po istorii i arkheologii Rossii [Materials on the history and archaeology of Russia]*, 1. Ryazan': Aleksandriya, pp. 297–328.

Strikalov I.Yu., 2012. Russkaya kolonizatsiya doliny srednego techeniya reki Pary v srednevekov'e [Russian colonization of the valley of middle flow of the river Pary in Middle Ages]. *Vostochnoevropeyskiy srednevekovyy gorod v kontekste etnokul'turnykh, politicheskikh i poselencheskikh struktur [Eastern European city in the context of ethno cultural, political and settlement structures]*. Ryazan': Izdatel'stvo Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika, pp. 107–124.

Svod..., 2005. Svod pis'mennykh istochnikov po istorii Ryazanskogo kraya XIV–XVII vv. [The Code of written sources on the history of Ryazan territory of the 14th–17th cc.]. A.I. Tsepkov, ed. Ryazan': Aleksandriya. 4 v. (Istochniki istorii).

Tomashevs'kiy A.P., 2003. Regional'na (teritorial'na) spetsializatsiya selyans'kogo gospodarstva [Regional (territorial) specialization of settlement statement]. *Selo Kiivsk'koi Rusi (za materialami pivdennorus'kikh zemel') [Village of Kyiv Rus (on the materials of ancient Russian lands)]*. Kiïv: Shlyakh, pp. 63–69.

Tropin N.A., 2004. Sel'skie poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli [Villages of the 12th – 15th cc. of South territories of Ryazan lands]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 264 p.

Uzyanov A.A., 1985. Dinamika zaseleniya doliny reki Tuskar' (diakhronnyy analiz priurochennosti poseleniy k razlichnym tipam prirodnykh geosistem) [Dynamics of colonization of the valley of the river Tuskar (diachronic analysis of the attribution of settlements to different types of natural geosystems)]. *Chelovek i okruzhayushchaya sreda v drevnosti i srednevekov'e [Man and the environment in Antiquity and Middle Ages]*. Moscow, pp. 77–83.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 172–178

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ВРЕМЕН НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ

© 2015 г. Л.И. Иванченко, А.П. Моця

Институт археологии НАН Украины, Киев (katerina83@ukr.net)

В последние десятилетия в научной деятельности А.В. Чернецова выделяется старорязанская тематика, в которой достигнут новый уровень исследований и получены современные практические результаты. В частности, это касается трагических событий 1237 г., когда первой жертвой войск хана Батыя стали Старая Рязань и Рязанское княжество. Следующими после Северо-Восточной Руси на пути монголов стали южнорусские земли, в том числе небольшой город Возвягль на р. Случь. События 1256−1257 гг., связанные с его гибелью и отразившиеся в ярких археологических свидетельствах, определяют заключительный этап становления новой власти на юге восточнославянского мира.

Ключевые слова: Древняя Русь, нашествие Батыя, клады, р. Случь, городище Возвягля.

На протяжении своей научной деятельности А.В. Чернецов обращался к разным проблемам истории восточных славян: сельского хозяйства и религиозных верований, феодальной эмблематики и взаимодействия “севера и юга” в “империи Рюриковичей” (1985. С. 23−25; 1987; 1988. С. 143−152; 1993. С. 73−75; 2002. С. 12−15; 2010. С. 426−430 и др.).

Основной объект его исследований последних двух десятилетий – Старая Рязань – остатки столицы древнерусского княжества, первым разоренного монголами (Чернецов, 2005. С. 7–73). Выразительное свидетельство этой трагедии – многочисленные клады ювелирных изделий, сокрытые в момент нашествия. Одной из последних находок стал клад 2005 г., зарытый, вероятнее всего, именно в 1237 г. в юго-восточной части Южного городища. Он состоял из шейных и головных украшений, фрагментов изделий из войлока, кожи, тесьмы и шнура. Полная публикация находки (Старая Рязань. Клад 2005 года) под редакцией А.В. Чернецова увидела свет в 2014 г.

Сходные свидетельства заключительного этапа становления Батыевой державы на восточноевропейской территории открыты в последние годы на другом конце Руси – на берегах р. Случи. В 1256–1257 гг., когда на сторону завоевателей перешло население Болоховской земли, расположенной между Киевским и Галицким княжествами, здесь случилось не менее трагичное, хотя иное по сути, разорение летописного города Возвягля и иных местных градов. “Оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницу и проса, – записал летописец. – Данилъ же на ня болшоу вражду держа, яко отъ татаръ [болшоую] надежоу имѣаху” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 792). Речь идет о Данииле Галицком, который тогда являлся реальным лидером всей южнорусской территории. Во время его карательных акций в отношении “изменников” – перебежчиков на татарскую сторону, город на Случи и был разорен: “Наутріа же пріиде Данилъ, съ многым множством полкомъ, съ братомъ си, и со сыномъ Лвомъ, видѣвше же гражане, [и] ужасъ бысть в нихъ, и не стръпѣша и вдашася, и город зажьже: люди же изведе… Романови же пришедши къ граду, не видѣша ничто же, токмо [и] головнѣ, ти псы тѣчющє по городищю” (Ипатьевская летопись, 1962. Стлб. 839).

Позже, как и на Средней Оке, на Случи новые поселенческие структуры формируются уже на новых, расположенных невдалеке территориях: так, Возвягль уступил место новому городу на противоположном берегу упомянутой реки под названием Звягль (сейчас известный как Новоград-Волынский). В этом прослеживается определенная аналогия в судьбах двух центров (правда, с разным “удельным весом” в отношении размеров, исторического значения и роли в иерархии поселенческих структур первых веков II тыс. н.э.). Еще одна общая черта – то, что в обоих случаях городища в дальнейшем практически не использовались под застройку, что случается достаточно редко, особенно для центров городского типа.

Южное городище Возвягля размещено на мысу правого берега Случи и с двух сторон ограничено двумя древними оврагами, по которым протекают ручьи. Укрепленная площадка в пределах 1 га имеет

в плане форму близкую трапеции. Поверхность достаточно ровная и только западная часть плавно понижается в направлении реки. Полевые стационарные работы здесь (кроме разведочных) проводились на протяжении 90-х годов XX в.

Северное городище размещено на 250–300 м ниже по течению. Оно, как и Южное, занимает мыс правого коренного берега и состоит из трех частей, отделенных друг от друга природными оврагами. Площадь восточной части детинца равняется 0.11 га, западной – 0.4, а укрепленного посада – приблизительно 2 га. Общая площадь в пределах укреплений достигает 2.5 га.

Между двумя городищами размещался неукрепленный посад, культурный слой которого фиксировался не сплошной линией (из-за значительных перепадов рельефа), а спорадически – с напольной стороны обеих городищ и на площадках древних оврагов. Площадь неукрепленной части города составляла около 6–7 га (рис. 1; 2) (Звіздецький, 2009. С. 89). Таким образом, общая площадь данного комплекса, состоявшего из укрепленных и неукрепленных частей, близка 10 га.

В ходе исследований летописного Возвягля были зафиксированы следы крупных пожарищ, многочисленные артефакты и объекты времен Батыя. Их полная характеристика достойна монографического исследования. Остановимся лишь на одном, но наиболее ярком свидетельстве событий той эпохи, – Возвягилевском кладе 1993 г.

Впрочем, этот комплекс лишь условно относится к категории кладов: в одном из жилищ под завалом частично расчлененных человеческих скелетов (видимо, изрубленных во время штурма местных жителей) в одном из углов подклета в неглубокой яме под полом обнаружены высококачественные ювелирные изделия, возможно, изготовленные киевскими мастерами, переселившимися на Случь с берегов Среднего Днепра после взятия Киева монголами 19 ноября (по другой версии – 6 декабря) 1240 г. (Звіздецький, 2009. С. 14, 15).

Можно предполагать, что ценные вещи были спрятаны в последний момент, а один из убитых, находившийся в жилище, своим телом просто прикрыл их от нападавших. Сейчас находки в количестве 87 экз. хранятся в фондах Археологического музея Института археологии НАН Украины. На них следует остановиться более подробно.

Рясны (52 экз. колодочек, из которых 11 – повреждены). Представляют собой пустотелые серебряные с позолотой изделия, изготовленные из двух половинок: верхней, вытесненной в форме сегмента с шестью перемычками, и нижней, гладкой, пря-

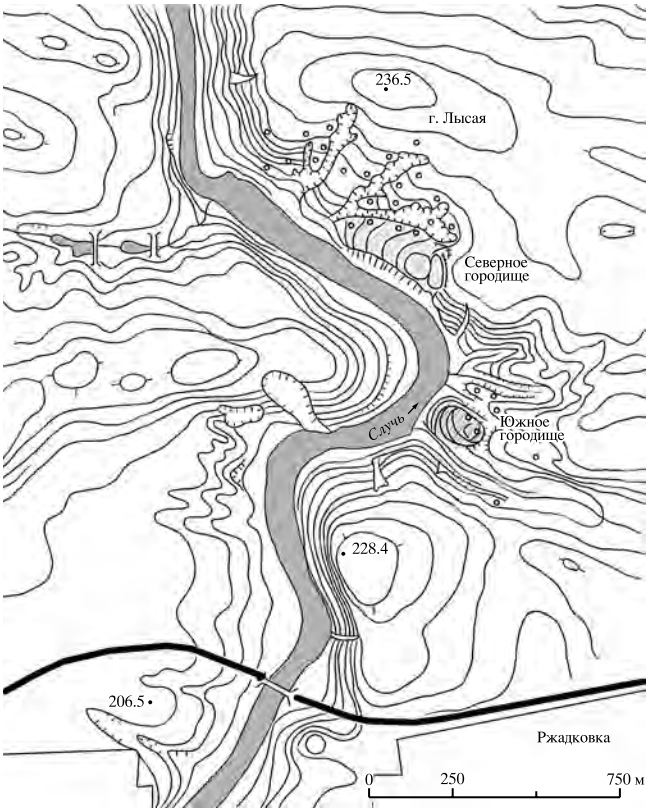
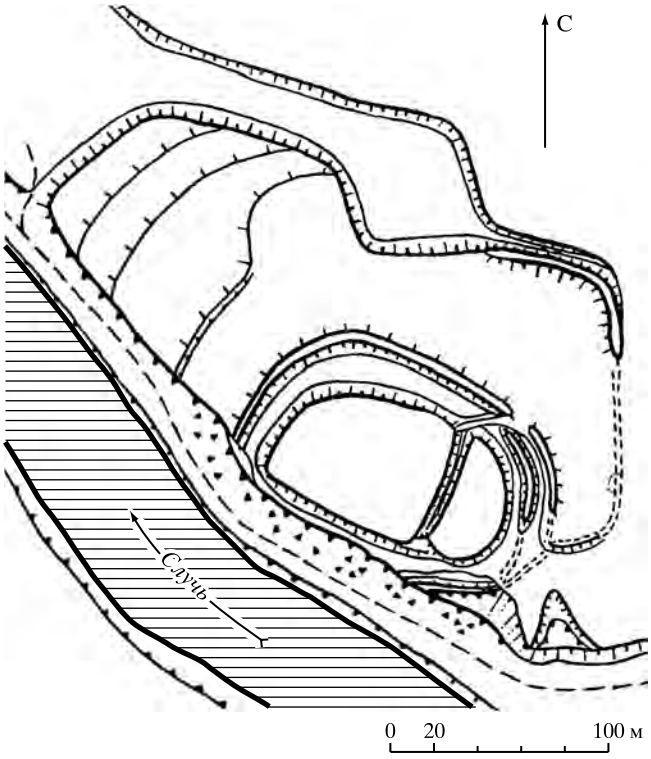


Рис 1. Общий план размещения городищ и открытого посада летописного Возвягля (по Б.А. Звиздецкому).

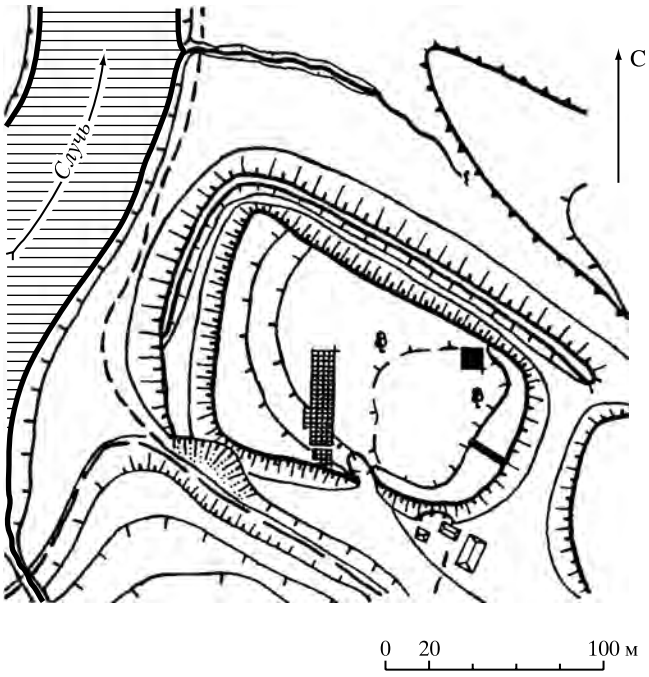
моугольной. В месте их скрипления имеются четыре сквозные створки для соединения украшений в ленту, служившую для подвешивания колтов к диадеме. Подобные изделия встречаются на разных памятниках домонгольской эпохи – в Киеве, Чернигове, Поросье, Старой Рязани и др. Производились методом тиснения по матрице из металла (рис. 3).

Колты. Большие парные изготовленные из серебра. В верхней части имелись дужки для крепления к ряснам. Сами щитки имеют выпуклую центральную часть и достаточно широкую плоскую вокруг нее, которая отделяется от центральной пояском из напаянной витой проволоки. С двух сторон на щитках помещены изображения сказочного зверя, стоящего на четырех лапах. Передняя правая и задняя левая лапы подняты, в пасти зверь держит цветок; длинный хвост проходит между задними лапами и поднят вверх, он заканчивается также изображением цветка. Контур изображения и фон, заполненный точками, – черненный. Изготовлены в технике тиснения по металлической матрице и глубокой гравировки (рис. 4, *1*).

Парные серебряные колты средних размеров. Полые в середине, состоят из двух круглых щитков, соединенных перемычкой, на которую напаяны



А



Б

Рис. 2. Планы городищ Возвягля (по М.П. Кучере): *А* – Южного; *Б* – Северного.

14 пустотелых шариков. В верхней части каждого также находится дужка для подвешивания к ленте или ряснам. Изображения на них разные: с одной стороны – шагающий четырехлапый зверь с поднятым вверх крылом и процветшим хвостом. Верхняя часть хвоста проходит через круг и представляет собой крест в круге (солярный знак). В пасти зверь также держит цветок. С другой стороны имеется изображение шагающего двухлапого зверя. Хвост согнут в петлю и поднят вверх, где он превращается в плетенку и очень напоминает крыло прямоугольной формы. Из пасти зверя вырывается огонь (или же он держит ветвь?). Техника изготовления – тиснение по матрице из металла, гравировка и чернение по контуру рисунка (рис. 4, *2*).

Колты парные малые серебряные. Состоят, как обычно, из двух выпуклых щитков, украшены чернью. Щитки соединены по контуру проволочными ажурными петлями; в их верхней части имеются выемки с обоймами, в которые вставлены полукруглые дужки. С двух сторон просматриваются изображения очень плохой сохранности: контуры какого-то зверя и плетенки. Техника изготовления – тиснение.

Височные перстневидные подвески (17 экз.). Изготовлены из гладкой круглого сечения серебряной проволоки, свернутой в кольцо в полтора оборота. Различия прослежены в оформлении концов: у 11 экз. они направлены в одну сторону с закручиванием, у остальных – один конец направлен в противоположную сторону от закручивания, а другой – дополнительно свернут в трубочку (рис. 5).

Трехбусинные (8 экз.) и *двухбусинные* (4 экз.) украшения головного убора – очелья. Основой для них служат круглопроволочные дужки-каркасы, на которые и нанизывались металлические шарики-бусины, закрепленные на каркасе с помощью спиралей. Кончики дужек расклепаны и завернуты в кольца. Поверхность бусин украшена орнаментом в виде четырехлепесткового цветка и фигурой, созданной шестью сканными лучами. Сердцевина каждой бусины обозначена большой зернью, а цветок и шестилучевая фигура по кругу оконтурены сканным орнаментом. Техника изготовления – пайка.

Перстень серебряный. Шестигранный щиток, в центре которого находится позолоченное шестиугольное поле с выгравированным изображением хищной птицы (вероятнее всего, сокола) с массивным клювом и широко раскинутыми крыльями. По контуру поля проходят две полосы гравировки насечками. Внутренняя полоса заполнена чернью, внешняя позолочена. На верхней грани шестиугольного щитка выгравирован четырехлепестковый цветок.

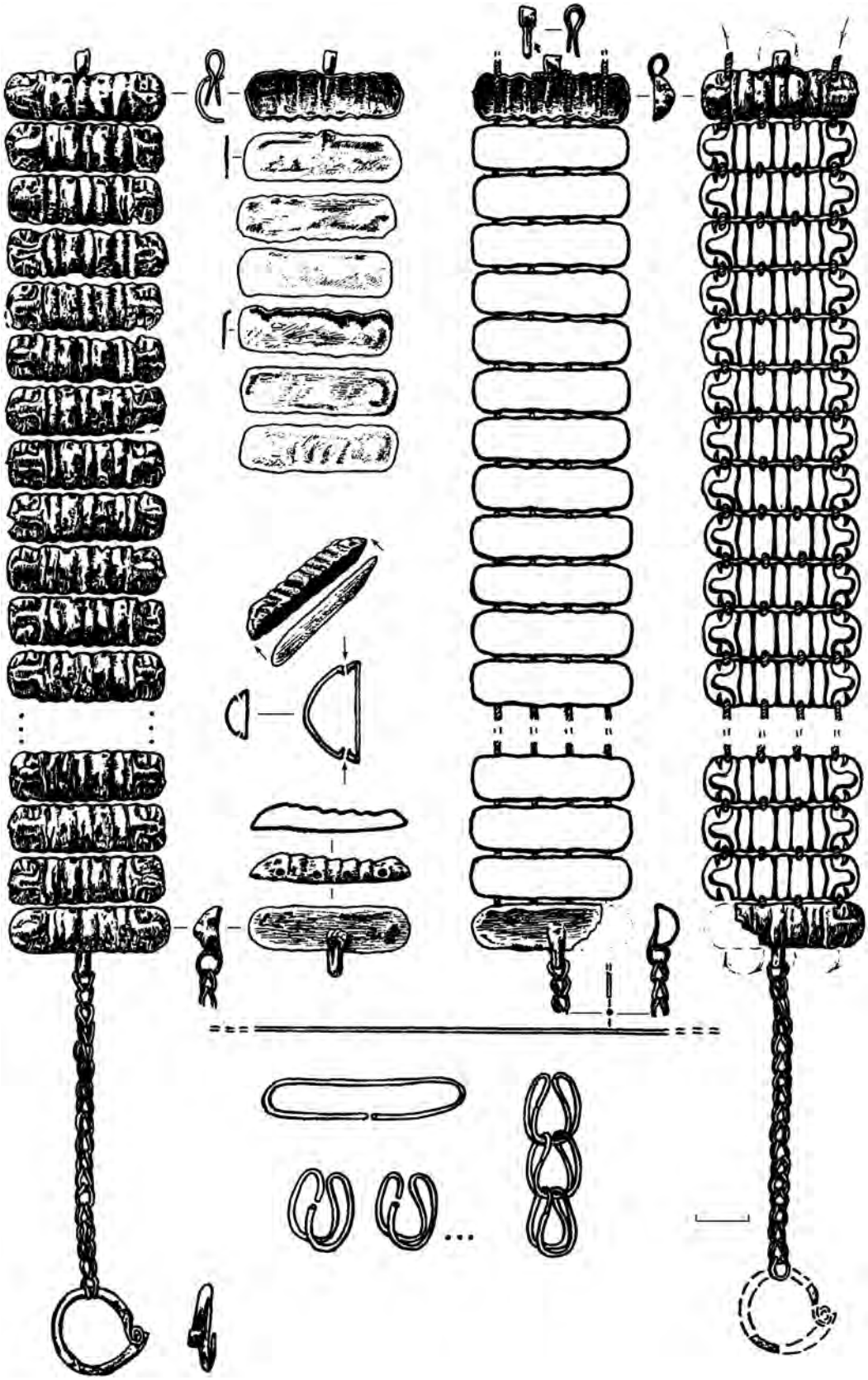


Рис. 3. Серебрянные позолоченные рясны в составе клада 1993 г. из Возвягля.

Рис. 4. Колты в составе клада 1993 г. из Возвягля: *1* – большие; *2* – средние.

Две грани, с двух сторон, постепенно сужаются и переходят к ободку перстня. Верхняя плоская часть щитка крепится к основе пайкой по углам. Изготовлен с использованием разных техник – литья, тиснения, ковки, чернения, золочения, гравировки (рис. 5).

Большинство изделий из данного клада относятся к женскому костюму рассматриваемой эпохи, кроме перстня с изображением хищной птицы, который находит определенные аналогии, в частности, в изображении птицы на перстне из Московского клада 1988 г. (Наследие варягов..., 1966. С. 119).

Не рассматривая здесь углубленно происхождение сюжетов с реальными или фантастическими животными, процитируем А.В. Чернецова как признанного специалиста по этой теме: “Исторический мир зооморфных образов древнерусского искусства и по набору образов, и по их символическому

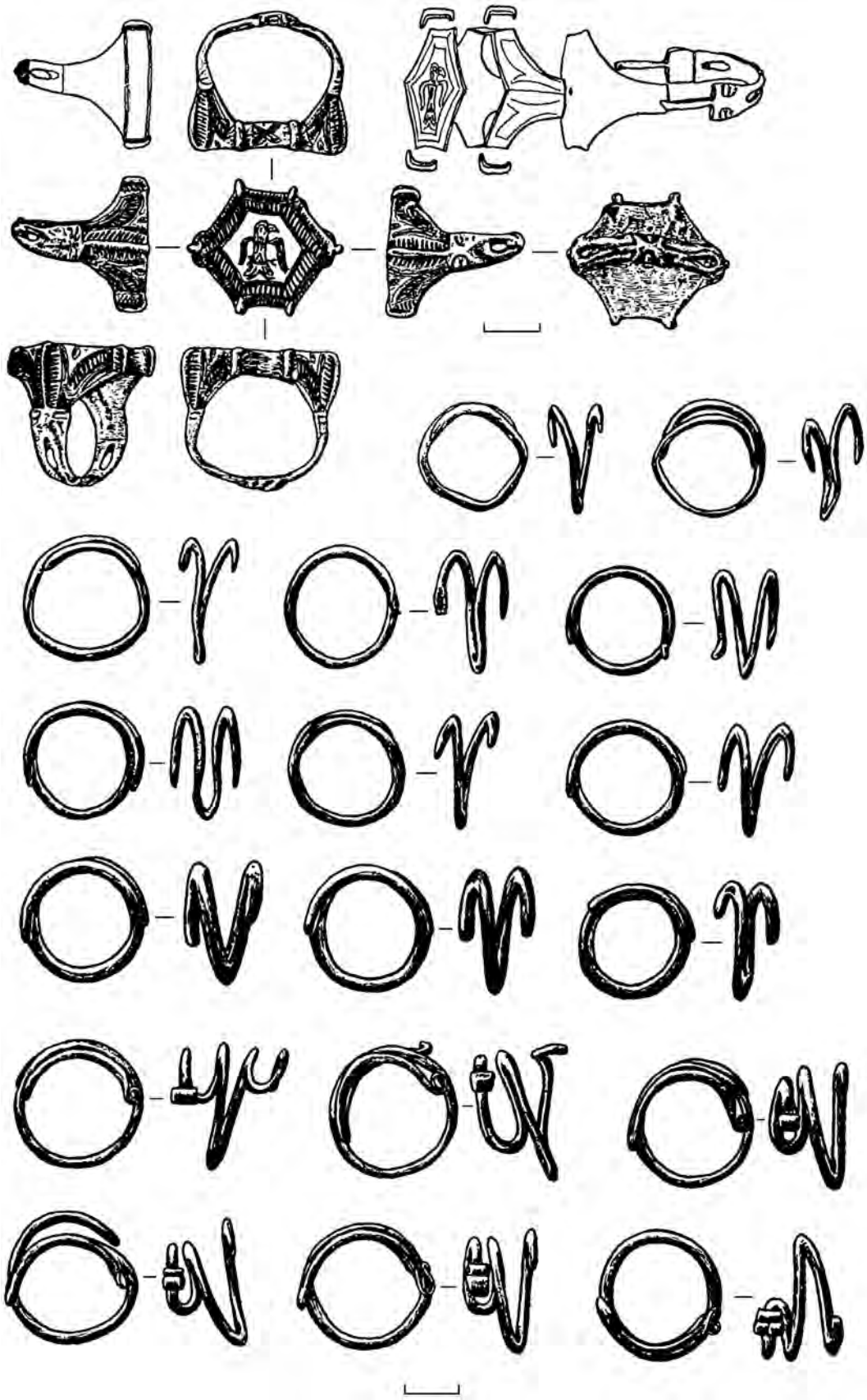


Рис. 5. Серебряные перстень и височные кольца в составе клада 1993 г. из Возвягля.

значению во многом уходит корнями во времена язычества. Во времена господства языческой религии образы зверей в искусстве могли отражать отзвуки древнейших тотемических верований и более поздние представления об оборотничестве (метаморфозах перевоплощения) божеств и чародеев. Черты тотемизма обычно считаются нехарактерными для языческой религии славян в исторический период. Отметим, однако, что одна из особенностей тотемических представлений на Руси очень живуча – это вера в тотемов. Как известно, сущность тотемизма заключается в том, что какое-то зооморфное (иногда даже неодушевленный предмет) существо является физическим предком данной родовой группы. Соответственно, все легендарные персонажи, родившееся от зверей и чудовищ, генетически восходят к героям тотемистических мифов. Между тем в восточнославянском фольклоре подобные персонажи весьма многочисленны" (1997. С. 208).

Не менее важно и другое: в сходстве мотивов и технологий проявилось единство в материальной культуре древнерусского Юга и Северо-Востока, что было зафиксировано и в политических решениях, в частности, в решении Любечского княжеского съезда 1097 г., когда Переяславльская и Ростово-Суздальские земли были закреплены за Владимиром Мономахом и его наследниками (Толочко, 1997. С. 11). Конечно, контакты были и до того, и после, об этом свидетельствуют многочисленные данные письменных и археологических материалов. И приведенные выше факты не выпадают из этого контекста, но обогащают его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Звіздецький Б.А. Південне городище літописного Возвягля: дослідження 1988–1998 рр. // Літописний Возвягль (дослідження 1988–2007 рр.) / Гл. ред. О.П. Моця. Київ: Ін-т археології Нац. акад. наук України, 2008. С. 7–44.

Наследие варягов – диалог культур. М.: ГИМ, 1996. 120 с.

Ипатьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова // ПСРЛ. Т. II. 2-е изд. М.: Тип. Эдуарда Праца, 1962. 938 с.

Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. 104 с.

Толочко П.П. Любецький з'їзд князів // Любецький з' їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: матер. Міжнар. наук. конф., присвяч. 900-літтю з' їзду князів Київ. Русі у Любечі / Відповідальний ред. П.П. Толочко, відповідальний секретар В.П. Коваленко, О.Б. Коваленко, О.П. Моця. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. С. 11–13.

Чернецов А.В. Родословная плуга // Знание-сила. Февраль. М.: Наука, 1985. С. 23–25.

Чернецов А.В. Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв. // Тр. Пятого Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 2б. Секция VI: Архитектура, искусство, духовная культура. М.: ИА АН СССР, 1987. С. 144–153.

Чернецов А.В. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: сб. ст. / П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1988. С. 143–152.

Чернецов А.В. Двоеверие. Значение проблемы, перспективы изучения // Конференция "Истоки русской культуры (археология и лингвистика)". 7–9 декабря 1993 г., Москва: тез. докл. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 1993. С. 72–75.

Чернецов А.В. Зооморфные мотивы в орнаменте // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997 (Археология СССР). С. 209–216.

Чернецов А.В. Взаимодействие Севера и Юга Древней Руси: к постановке проблемы // Український історичний журнал. 2002. 3. С. 12–15.

Чернецов А.В. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 7–32.

Чернецов А.В. Перстень-печать с библейской цитатой // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. С. 426–430.

SOME ARCHAEOLOGICAL FACTS FROM THE TIME OF BATY-KHAN INVASION

Liudmila I. Ivanchenko, Aleksandr P. Motsia

Institute of Archaeology NAS Ukraine, Kyiv (katerina83@ukr.net)

Last decades the subject of Staraya Ryazan distinguishes in the scientific work of A.V. Chernetsov in which new level of research and modern practical results are received. In particular, it deals with tragic events of 1237 when the first victim of the troops of Baty-Khan became Staraya Ryazan and Ryazan Province. Southern Russian lands became the next after Northern-Eastern Rus on the way of the Mongols which include small town Vozvyagl on the river Sluch. The events of 1256–1257 connected with his death and resulted in bright archaeological evidences identify the last stage of becoming a new power on the South of the Eastern Slavic world.

Key words: Ancient Rus, Baty-Khan invasion, hoards, river Sluch, the fortified settlement Vozvyaglya.

REFERENCES

Chernetsov A.V., 1985. Rodoslovnaya pluga [Genealogy of a plough]. *Znanie – sila [Knowledge is power]*, Fevral', pp. 23–25.

Chernetsov A.V., 1987. Feodal'naya emblematika v chekane russkikh gorodov XIV– XV vv. [Feudal emblem in a strike of Russian towns of the 14th – 15th cc.]. *Trudy Pyatogo Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii. [Transactions of the 5th International Congress of Slavic archaeology], v. III, № 2b, section VI. Arkhitektura, iskusstvo, dukhovnaya kul'tura [Architecture, art, spiritual culture]*. Moscow: Institut arkheologii Akademii nauk USSR, pp. 144–153.

Chernetsov A.V., 1988. O yazycheskoy druzhinnoy kul'ture Chernigovshchiny [On pagan detachment of armed workers culture of Chernigovshchina]. *Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv.: sbornik statey [Chernigov and its vicinity in 9th – 13th cc.: collected papers]*. P.P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 143–152.

Chernetsov A.V., 1993. Dvoeverie. Znachenie problemy, perspektivy izucheniya [Duabelief. The meaning of problem, study's perspective]. *Konferentsiya "Istoki russkoy kul'tury (arkheologiya i lingvistika)": tezisy dokladov [Conference "The origins of Russian culture (archaeology and linguistics)": theses]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 72–75.

Chernetsov A.V., 1997. Zoomorfnye motivy v ornamente [Zoomorphic motifs in the ornament]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Lifestyle and culture]*. Moscow: Nauka, pp. 209–216 (Arkheologiya USSR).

Chernetsov A.V., 2002. Vzaimodeystvie Severa i Yuga Drevney Rusi: k postanovke problemy [Interaction between North and South of Ancient Rus: problematic]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal [Ukranian historical journal]*, 3, pp. 12–15.

Chernetsov A.V., 2005. Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Ryazanskoy zemli: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Historical and archaeological studies of Ryazan land: modern situation and perspectives]. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [Great Province of Ryazan: historical and archaeological research and materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 7–32.

Chernetsov A.V., 2010. Persten'-pechat' s bibleyskoy tsitatoy [Seal-ring with a Biblical quotation]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and ancient history of Ukraine], 1. Problemi davn'orus'koï ta seredn'ovichnoï arkheologiï [Question of ancient Russian and medieval archaeology]*. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni, pp. 426–430.

Nasledie varyagov..., 1996. Nasledie varyagov – dialog kul'tur [The heritage of the Varangians – dialog of cultures]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 120 p.

PSRL, 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian manuscripts]. T. II: Ipat'evskaya letopis' [Ipatian manuscript]. A.A. Shakhmatov, ed. 2th edition. Moscow: Tipografiya Eduarda Pratsa. 938 p.

Staraya Ryazan'..., 2014. Staraya Ryazan'. Klad 2005 goda [Staraya Ryazan. The hoard of 2005]. A.V. Chernetsov, ed. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya. 104 p.

Tolochko P.P., 1997. Lyubets'kiy z'ïzd knyaziv [Liubetskiy congress of Princes]. *Lyubets'kiy z'ïzd knyaziv 1097 roku v istorichniy doli Kiïvs'koï Rusi: materiali Mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï, prisvyachenoï 900-littyu z'ïzdu knyaziv Kiïvs'koï Rusi u Lyubechi [Liubetskiy congress of Princes in 1097 in historical part of Kyiv Rus: theses of International scientific conference devoted to the 900th congress of Princes of Kyiv Rus and Liubechi]*. P.P. Tolochko, ed. Chernigiv: Siveryans'ka dumka, pp. 11–13.

Zvizdets'kiy B.A., 2008. Pivdenne gorodishche litopisnogo Vozvyaglya: doslidzhennya 1988–1998 rr. [Fortified settlement of chronicle Vozvyagl: researches of 1988–1998]. *Litopisniy Vozvyagl' (doslidzhennya 1988–2007 rr.) [Chronicle Vozvyagl (researches of 1988–2007)]*. O.P. Motsya, ed. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni, pp. 7–44.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 180–184

КТО БЫЛ ВЛАДЕЛЬЦЕМ СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШИ ИЗ МИКУЛИНА ГОРОДИЩА – “КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ ГЕОРГИЙ” ИЛИ “КНЕЗ ВЛЬКЬ ГЕОРГИЙ”?

© 2015 г. А.А. Турилов

Институт славяноведения РАН, Москва (aaturilov@gmail.com)

В статье предпринята попытка заново прочесть надпись на серебряной чаше с изображением на дне “Чуда Георгия о змие”, обнаруженной в XIX в. в осыпи валов Микулина Городища, и переосмыслить ее содержание. Владельцем или заказчиком драгоценного сосуда был не московский “князь великий Георгий”, а сербский или далматинский “кнез Вук (Влькь) Георгий”. Хотя имя нового собственника чаши не отыскивается пока в письменных источниках, можно предположить два почти равноправных варианта: он был либо высшим должностным лицом одного из далматинских городов-коммун, либо значительным военачальником-землевладельцем на османской или австрийской службе.

Ключевые слова: серебряная чаша, Микулино Городище, Далмация, атрибуция и датировка, титул, сербское народное имя.

Серебряная чаша с изображением на дне “Чуда Георгия о змие” (Экспозиция ГИМ. Инв. № 57474) (рисунок), найденная в XIX в., как принято считать, в осыпи валов подмосковного Микулина Городища, если не с момента обнаружения, то, по крайней мере, с выхода в свет статей А.В. Орешникова (1926) и Н. Протасова (1926) в научной литературе связывалась со вторым сыном Дмитрия Донского князем Юрием Дмитриевичем Звенигородским. Основанием для этого служила надпись кнз влк гиорги], выполненная отдельными буквами с внешней стороны чаши около голов дельфинов, расположенных между сюжетными (символы евангелистов) и орнаментальными клеймами (Николаева, 1971. С. 53. № 32. Табл. 22, *1*)[1]. С учетом места находки сосуда надпись однозначно расшифровывалась всеми исследователями как “Князя великого Георгия” и датировалась, соответственно, 1433–1434 гг.[2] Развивая атрибуцию, А.В. Орешников высказал предположение, что чаша могла быть потеряна старшим сыном Юрия Дмитриевича князем Василием Косым во время странствий по Тверскому княжеству в период борьбы за московский престол с великим князем Василием Васильевичем (1926. С. 9, 10). Предложенные атрибуция и датировка до начала 1970-х годов не вызывали возражений ни у историков, ни у искусствоведов[3], несмотря на то, что развитые ренессансные мотивы (в частности, дельфины), обрамляющие центральное изображение, должны были исходно порождать сильное сомнение в подобной датировке. Лишь в 1971 г. (одновременно с выходом в свет выпуска “Свода археологических источников”, подготовленного Т.В. Николаевой) М.М. Постникова-Лосева, не касаясь вопроса о надписи, убедительно атрибутировала чашу как произведение далматинских (вероятнее всего, дубровницких) ювелиров XV–XVI вв. (1971. С. 76–78, 102–104), однако в поле зрения отечественных исследователей ее выводы попали только после переиздания статьи в Москве (Постникова-Лосева, 1975. С. 181, 182, 207–209). Сам по себе этот факт не исключал, в сущности, возможности изготовления чаши и за пределами Далмации, так как, согласно известию Амброджио Контарини, посетившего Москву в 1476–1477 гг.,

[1] Начерки букв как владельческой надписи, так и обозначения персонажей на внутренней стороне чаши (Георгий, символы евангелистов) не включены, в отличие от большинства других памятников, в сводные палеографические таблицы, приложенные к труду (Николаева, 1971. С. 171–173. Табл. 70, 71; С. 182,183. Табл. 76; С. 184, 185. Табл. 77).

[2] В реальности великокняжеский титул, как показывает запись писца Устава церковного (РГБ. Собр. Н.П. Румянцева. № 445. Л. 312об., 313об.), переписанного в 1428 г. в Саввино-Сторожевском монастыре (Востоков, 1842. С. 710. № 445; Вздорнов, 1980. С. 8. Кат. 83), употреблялся Юрием Дмитриевичем внутри галицко-звенигородского удела, вероятно, уже с 1425 г. При этом, правда, писец рукописи дипломатично именует племянника и соперника Юрия – Василия II Васильевича (будущего Темного) царем.

[3] По сути, к этому времени она была канонизирована фактом включения в Свод археологических источников (Николаева, 1971. С. 53).

в то время здесь работал мастер Трифон из Котора, и "изготовил ... много сосудов и других изделий для великого князя" (Барбаро и Контарини, 1971. С. 271; Алпатов, 1973. С. 221). Однако персона заказчика/владельца при традиционном прочтении надписи стала совершенной загадкой из-за отсутствия в это время на Руси великих князей по имени Георгий. Наблюдения и выводы М.М. Постниковой-Лосевой были безоговорочно приняты отечественными исследователями разных специальностей – чаша лишь упоминается в монографии Т.Н. Николаевой, посвященной русскому ювелирно-прикладному искусству XIII–XVI вв., со ссылкой на новую атрибуцию (1976. С. 214, 230. Прим. 421), и вообще не фигурирует в книге А.А. Зимина о московской феодальной войне второй четверти XV в. (1991). Исследование увидело свет в 1991 г., но было написано в 1979–1980 гг. (Кобрин и др., 1991. С. 213). Лишь Г.В. Попов, с учетом новой датировки чаши, выдвинул гипотезу о том, что речь идет о дмитровском князе Юрии Васильевиче, который мог претендовать на великокняжеский стол в 1533 г. после смерти Василия III (1979. С. 219. Прим. 37). Версия вполне приемлема хронологически, но не согласуется с реальной исторической ситуацией. При подобном допущении надпись на чаше следовало бы датировать концом 1533 г., точнее – коротким (менее трех недель) промежутком времени между возвращением в Москву великого князя Василия Ивановича с богомолья в Иосифов Волоколамский монастырь, когда он убедился в неизлечимости своей болезни (23 ноября), и "поиманьем" его брата 11 декабря (Зимин, 1972. С. 392–395; Летописный сборник, именуемый…, 1904. С. 77, 78). Разумеется, срок в 18 дней более чем достаточен для нанесения на чашу 12 букв. В этом случае надпись, безусловно, могла бы служить свидетельством серьезности намерений князя Юрия Ивановича оттеснить от верховной власти малолетнего племянника Ивана и косвенно объяснить (и даже в какой-то мере оправдать) решительные меры правительства Елены Глинской по нейтрализации дмитровского князя, оставшегося старшим в роду. Трудно, однако, представить, чтобы в России XVI в. начальные претензии на престол могли выражаться столь несерьезным образом (надпись уместнее было бы сделать если не после победы, то хотя бы в ходе борьбы за власть), где отсутствует даже несколько театральный пафос (что-то вроде "иду на вы!") византийских претендентов на престол, демонстративно обувавшихся в красные, точнее, пурпурные, императорские сандалии.

Зарубежное происхождение предмета (или мастера), обоснованное М.М. Постниковой-Лосевой, позволяет предложить и иное, не столь интригующее, толкование надписи, вообще не связанное с Великим княжеством Московским. Чаша, созданная в Далмации, до того как попасть в Россию, вполне могла иметь владельца уже на Балканах или в Центральной Европе.

Решение вопроса видится в новом прочтении надписи. Надписи на лицевой стороне и поддоне чаш определяются в литературе как "русские" (Николаева, 1971. С. 53). Это не вполне точно, хотя вполне логично, учитывая место находки памятника; речь должна идти о славянских кириллических надписях, языковой извод которых не определяется из-за недостатка материала. Второе слово надписи (группа букв ВЛК) может быть в равной мере прочитано не как часть титула ("великий"), а как широко распространенное у южных славян (и, прежде всего, у сербов) некалендарное имя Волк – "Вук" в современной огласовке, "Влькь" – в средневековой орфографии (Даничић, 1863. С. 52, 71, 72, 136, 138, 139, 140, 266). Полностью надпись в этом случае будет читаться/расшифровываться как "Кнеза (т.е. князя) Влька Георгия". Речь идет, таким образом, о человеке с двойным (народным и христианским) именем.

Отождествление владельца микулинской чаши с конкретным историческим персонажем целиком зависит от стилистической датировки памятника, поскольку сколь-либо узкая палеографическая датировка в пределах XV–XVI вв., по сути, невозможна из-за отсутствия в надписи (точнее, во всей совокупности надписей на микулинской чаше) букв, имеющих датирующее значение[4]. В более ранней работе мною допускалось, исходя из широкой датировки чаши, предложенной М.М. Постниковой (XV–XVI вв.), что речь может идти об одном из отпрысков сербской династии Бранковичей до получения ими от венгерского короля более высокого деспотского титула – прославленном в героическом эпосе своей борьбой с турками Вуке Огненном Змее (деспот с 1465 г.) или его двоюродном брате Георгии (деспот с 1485–1486 г.)[5] (Турилов, 2013. С. 60, 61). Версия была привлекательна еще и тем,

[4] В рамках истории развития русского письма надписи на чаше могут быть датированы не ранее первой четверти XV в., в качестве верхней границы можно весьма условно указать вторую половину XVI в. Для сербской письменности разлет будет еще более широким: приблизительно от третьей четверти XIV до первой четверти XVII в.

[5] Здесь нужно заметить, что использование княжеского титула совершенно не характерно для династии Бранковичей (во всяком случае, другие примеры неизвестны), однако формальное право они на него имели как потомки Св. князя-мученика Лазаря по женской линии, с одной стороны, и наследники Стефана Лазаревича, носившего титул князя ("кнез") до пожалования ему в 1402 г. деспотского византийским императором, с другой.

Серебряная чаша из Микулина Городища (ГИМ. Инв. № 57474). Вид изнутри.

что объясняла появление чаши на Руси (хотя и не в Микулине). Деспот Георгий был наследником Вука Огненного Змея, ему в свою очередь наследовал (после того как Георгий около 1497 г. принял монашество) младший брат Иоанн, женатый на представительнице знатного сербского рода Якшичей. Как известно, из этой семьи происходила и мать княжны Елены Глинской Анна (Тихомиров, 1969. С. 83–94).

Однако в настоящее время историки искусства датируют чашу XVI в., причем не самым ранним (первой четвертью или третью столетия)[6]. Поэтому с версией связи чаши с Бранковичами и Глинскими приходится проститься. В отношении личности владельца чаши могут быть выдвинуты две основные версии, причем слово “кнез” (князь) в любой из них означает не титул, а должность или чин. “Кнез Влькь Георгий” может быть нобилем одной из далматинских коммун, пользовавшихся (хотя бы частично) кириллической письменностью (Дубровник, Котор, Полица, Сплит и др.). “Кнез” в этих городах был высшей выборной должностью (Даничић, 1863. С. 451–457; Михаљчић 2001. С. 205–239). Не менее вероятно, однако, что речь идет о неизвестном пока по другим источникам крупном служилом землевладельце, православном военачальнике на венгерской (или по времени, скорее, австрийской) либо турецкой службе[7]. В любом случае персона владельца чаши не привлекла пока внимания сербских, хорватских и черногорских исследователей. Возможно, в будущем сочетание его имен обнаружится в одном из сербских синодиков XVI в., до сих пор изученных недостаточно. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что владелец чаши и его надпись не имеют отношения к русской истории. Обстоятельства, при которых чаша оказалась в Московской Руси, могли быть разными. Вероятнее всего, она была дана вкладом по владельцу в какой-то сербский монастырь и позднее доставлена в Москву одним из многочисленных монастырских посольств XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.

Барбаро и Контарини о России / Вступ. статья, подг. текста, перевод и ком. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 274 с.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М.: Искусство, 1980. 552 с.

Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1842. 902 с.

Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. У Биограду, 1863. Дио 1. 521 с.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Кобрин В.Б., Лурье Я.С., Хорошкевич А.Л. Послесловие // Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 212–218.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С.В. Платонова при участии С.А. Адрианова // ПСРЛ Т. 13. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

Михаљчић Р. Владарске титуле обласних господара (Прилог владарској идеологији у старијој српској прошлости). Београд: Српска школска књига; Knowledge, 2001. 315 с.

Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI вв. М.: Наука, 1971 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-49). 194 с.

[6] Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить И.А. Стерлигову и Л.И. Лифшица за консультацию по данному вопросу.

[7] Примеры употребления термина в сербской письменности XVI в. и более позднего времени достаточно многочисленны (Стојановић, 1905. С. 359).

Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 287 с.

Орешников А.В. Серебряная чашка из Микулина Городища // Отчет ГИМ за 1921−1925 гг.: Прил. 3. М.: Изд-во “Работник просвещения”, 1926. С. 1−13.

Попов Г.В. Иконопись // Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М.: Наука, 1979. С. 7–365.

Постникова-Лосева М.М. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XV–XVIII вв. в музеях Москвы и Ленинграда // Зборник Музеја применене уметности / Отг. ур. П. Марјановић. Зб. 15. Београд: Музеј применене уметности, 1971. С. 67−109.

Постникова-Лосева М.М. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. Т. 9 / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1975. С. 172−214.

Протасов Н. Орнаментика на чашке из Микулина Городища // Отчет ГИМ за 1921−1925 гг.: Прил. 4. М.: Изд-во “Работник просвещения”, 1926. С. 1−5.

Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Књ. 3. Београд, 1905 (Репринт 1984). 487 с.

Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. 374 с.

Турилов А.А. Кто был владельцем/заказчиком серебряной чаши из Микулина городища – “князь великий Георгий” или “кнезь Влькь Георгий”? // “Древнерусское искусство” 1963−2013: Итоги и перспективы: тез. Междунар. конф. М., 2013. С. 59−61.

WHO WAS THE OWNER OF THE SILVER BOWL FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT MIKULINO, “THE PRINCE GEORGE THE GREAT” OR “KNIAZ VELIKII GEORGII”?

Anatoliy A. Turilov

Institute of Slavic Studies RAS, Moscow (aaturilov@gmail.com)

In the article there is an attempt made to reread the inscription on the silver bowl with the depiction of the “St. Genus and the Dragon” on the bottom found in the 19th c. in the rockslide of the earthworks of Mikulino fortified settlement and rethink its content. The owner or the client of the precious vessel was not the “Moscow Prince George the Great” but Serbian or Dalmatian “Knez Vyk (Vlk) Georgii”. Although the name of a new owner of the bowl cannot be found in written sources and two almost equal variants could be suggested. He was either a highest official of one of the Dalmatian cities-communes or a significant commander-landowner on the Ottoman or Austrian service.

Key words: silver bowl, Mikulino settlement, Dalmatia, attribution and dating, title, Serbian popular name.

REFERENCES

Alpatov M.A., 1973. Russkaya istoricheskaya mysl’ i Zapadnaya Evropa. XII–XVII vv. [Russian historical thought and Western Europe. 12th – 17th cc.]. Moscow: Nauka. 476 p.

Barbaro..., 1971. Barbaro i Kontarini o Rossii [Barbaro and Contarini about Russia]. E.Ch. Skrzhinskaya, ed. Leningrad: Nauka. 274 p.

Danichiħ Đ., 1863. Rjechnik iz kњizhevnikh starina srpskikh, 1. Beograd. 521 p.

Kobrin V.B., Lur’e Ya.S., Khoroshkevich A.L., 1991. Posleslovie [Afterword]. *Zimin A.A. Vityaz’ na rasput’e: Feodal’naya voyna v Rossii XV v. [Champion on the cross-road: Feudal war in Russia in the 15th century]*. Moscow, pp. 212–218.

Mikhaљchiħ R., 2001. Vladarske titule oblasnikh gospodara (Prilog vladarskoj ideologiji u starijoj srpskoj proshlosti). Beograd: Srpska shkolska kњiga; Knowledge. 315 p.

Nikolaeva T.V., 1971. Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoy chetverti XVI v. [Pieces of Russian applied art with inscriptions of the 15th – first quarter of the 16th cc.]. Moscow: Nauka. 194 p. (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-49).

Nikolaeva T.V., 1976. Prikladnoe iskusstvo Moskovskoy Rusi [Applied art of Moscow Rus]. Moscow: Nauka. 287 p.

Oreshnikov A.V., 1926. Serebryanaya chashka iz Mikulina Gorodishcha [Silver cup from Mikulino fortified settlement]. *Otchet Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya za 1921−1925 gg. Prilozhenie 3 [Report of the State His-*

torical Museum for 1921–1925. Appendix 3]. Moscow: Izdatel'stvo "Rabotnik prosveshcheniya", pp. 1–13.

Popov G.V., 1979. Ikonopis' [Iconographics]. *Popov G.V., Ryndina A.V. Zhivopis' i prikladnoe iskusstvo Tveri XIV–XVI vv. [Painting and applied art of Tver in the 14th – 16th cc.]*. Moscow: Nauka, pp. 7–365.

Postnikova-Loseva M.M., 1971. Serebryanye izdeliya yuvelirov Serbii i Dubrovnika XV–XVIII vv. v muzeyakh Moskvy i Leningrada [Silver pieces of jewelers of Serbia and Dubrovniki of the 15th – 18th cc. in museums of Moscow and Leningrad]. *Zbornik Muzeja primenene umetnosti*, 15. P. Marjanoviħ, ed. Beograd: Muzej primenene umetnosti, pp. 67–109.

Postnikova-Loseva M.M., 1975. Serebryanye izdeliya yuvelirov Serbii i Dubrovnika [Silver pieces of jewelers of Serbia and Dubrovniki]. *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi [Ancient Russian art. Foreign relations]*, 9. O.I. Podobedova, ed. Moscow: Nauka, pp. 172–214.

Protasov N., 1926. Ornamentika na chashke iz Mikulina Gorodishcha [Ornaments on the cup from Mikulino fortified settlement]. *Otchet Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya za 1921–1925 gg. Prilozhenie 4 [Report of the State historical museum for 1921–1925. Appendix 4]*. Moscow: Izdatel'stvo "Rabotnik prosveshcheniya", pp. 1–5.

PRSL, 1904. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], 13. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection named as Patriarch or Nikon chronicle]. S.V. Platonov, ed. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. 302 p.

Stojanoviħ Љ., 1905. Stari srpski zapisi i natpisi, 3. Beograd. 487 p. (Reprint 1984 g.).

Tikhomirov M.N., 1969. Istoricheskie svyazi Rossii so slavyanskimi stranami i Vizantiey [Historical connections between Russia and Slavic countries with Byzantium]. Moscow: Nauka. 374 p.

Turilov A.A., 2013. Kto byl vladel'tsem/ zakazchikom serebryanoy chashi iz Mikulina gorodishcha – "knyaz' velikiy Georgiy" ili "knez' Vl'k' Georgiy"? [Who was the owner/customer of silver bowl from Mikulino fortified settlement – "Prince George the Great" or "knez' Vlk Georgii"?]. *"Drevnerusskoe iskusstvo" 1963–2013: Itogi i perspektivy: tezisy Mezhdunarodnoy konferentsii ["Ancient Russian Art" 1963–2013: Results and perspectives: theses of International conference]*. Moscow, pp. 59–61.

Vostokov A.Kh., 1842. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisey Rumyantsevskogo muzeuma [Description of Russian and Slovenic manuscripts of Rumyantsevskiy Museum]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 902 p.

Vzdornov G.I., 1980. Iskusstvo knigi v Drevney Rusi: Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoy Rusi XII – nachala XV vv. [The art of book in Ancient Rus: Manuscript book of the North-Eastern Rus of the 12th – the beginning of the 15th cc.]. Moscow: Iskusstvo. 552 p.

Zimin A.A., 1972. Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.) [Russia on the verge of New Times (Essays of political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Moscow: Mysl'. 452 p.

Zimin A.A., 1991. Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV v. [*Champion on the cross-road: Feudal war in Russia in the 15th century*]. Moscow: Mysl'. 286 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 185–195

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

© 2015 г. В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва (kovaloka@mail.ru)

Христианские древности городища Ростиславль (остатки города XII–XVI вв. в составе Рязанской земли) включают площадку деревянного храма, окруженную элитным некрополем XII–XIV вв. с остатками каменных надгробий, предметы личного благочестия (тельные и наперсные кресты из камня, рога, цветных металлов, металлические иконки-привески). К этой же категории древностей относятся керамические глазурованные чашечки, использовавшиеся в погребальной обрядности (елейницы), и детали книжных застежек из цветных металлов. По количеству и разнообразию находок таких предметов Ростиславль домонгольской эпохи заметно уступал столице Рязанского княжества Старой Рязани, что полностью соответствует его относительно низкому статусу в тот период времени.

Ключевые слова: христианские древности, храм, некрополь, кресты, книжная культура.

Городище Ростиславль (Озерский р-он Московской обл.) исследуется экспедицией Института археологии РАН уже 20 лет, причем отдельные этапы работ проводились в составе программ и проектов по изучению городов Рязанской земли, руководство которыми осуществлял А.В. Чернецов. Интерес исследователя столицы Рязанской земли к этому малому городу не случаен, поскольку именно на сравнении столичного центра и рядового пригорода можно гораздо лучше проследить разные аспекты урбанизационных процессов, проходивших в Юго-Восточной Руси.

Христианские древности Ростиславля Рязанского уже становились объектом научных штудий. Впервые они получили известность после публикации обломка белокаменного креста с надписью второй половины XII в., в которой упоминалось ранее не известное славянское имя Комлята (Коваль, Медведь, 2000). Затем А.А. Остапенко опубликовал корпус находок (41 предмет)[1], включивший наперсные (в том числе энколпионы) и тельные кресты, крестовключенные подвески, иконки, а также провел их сравнение с материалами Старой Рязани (2013). Публикация результатов раскопок средневекового (XII–XVII вв.) кладбища, сформировавшегося вокруг единственного на Ростиславле храма, основанного не позднее середины XII в., впервые ввела в научный оборот эти важнейшие объекты городской структуры (Русаков и др., 2014).

Многолетние исследования Ростиславля Рязанского позволяют с уверенностью утверждать, что на его площади (включая детинец и все неукрепленные посады) существовал только один христианский храм, исследованный в северной части площадки детинца (рис. 1). Он был возведен в момент основания города и сложения первоначальной планировочной структуры в том месте, где главная городская улица упиралась в мысовой узел фортификации, занявший площадку городища дьяковской культуры и выполнявший в начальную фазу жизни Ростиславля роль цитадели (рис. 1). Храм был деревянным с момента его основания и на протяжении всей последующей жизни города, для его строительства была возведена платформа из материкового суглинка, перекрывшая культурный слой позднедьяковской (IV–V вв. н.э.) и раннеславянской (конца X в.) эпох (Русаков и др., 2014. Рис. 3–6). Отсутствие под ней каких-либо материалов XII–XIII вв. позволяет сделать вывод о строительстве храма именно в то время, когда площадка новооснованного города еще только начала заселяться. Благодаря этим объективным археологическим данным можно с доверием отнестись к сведениям Никоновской летописи, сохранившей сообщение об основании города князем Ростиславом Ярославичем под 6661 (1153) г. (1862. С. 197). Таким образом, храм мог быть построен в 1150-х годах, причем одновременно с возведением цитадели на оконечности мысовой площадки. Только ее крайне ограниченная площадь не позволила

[1] Все находки из раскопок Ростиславля хранятся в отделе археологии Музея Москвы.

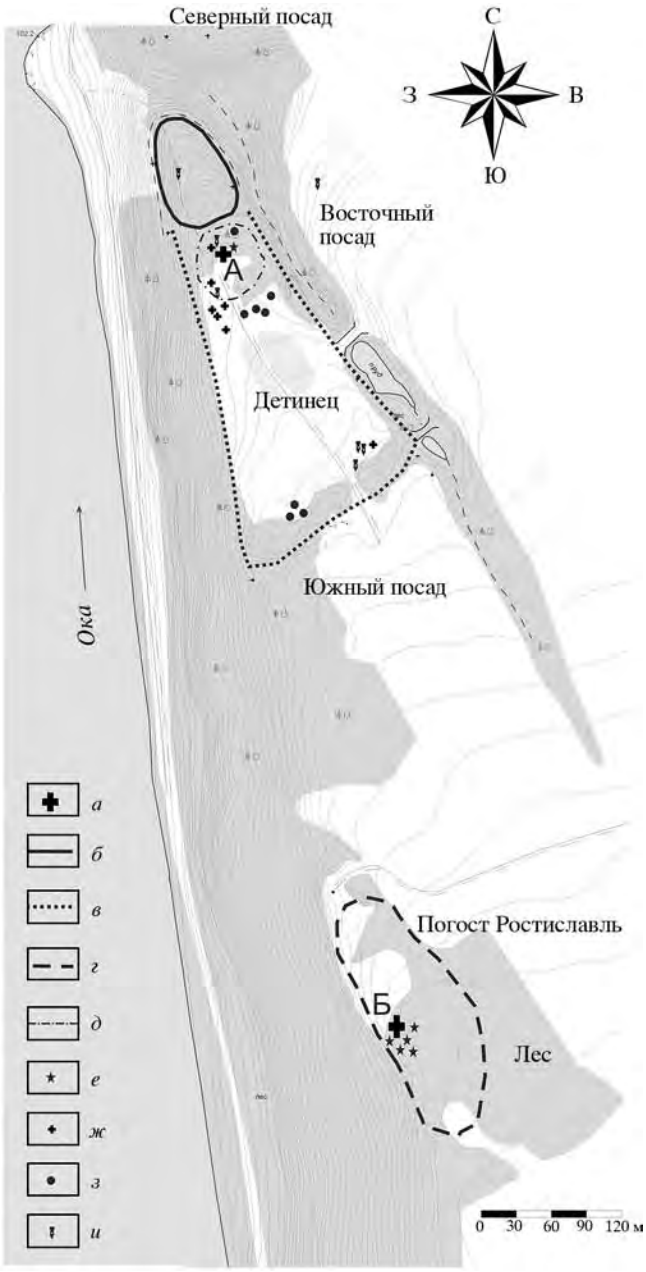


Рис. 1. Ростиславль Рязанский. План и культовые объекты. *А* – площадка городища; *Б* – погост Ростиславль. Условные обозначения: *а* – места расположения церквей; *б* – граница цитадели Ростиславля; *в* – граница основной площадки городища; *г* – граница кладбища на погосте Ростиславль; *д* – граница кладбища на площадке городища в период максимального расширения; *е* – места фиксации каменных надгробий; *ж* – находки крестов-тельников домонгольской эпохи; *з* – находки обломков поливных елейниц; *и* – находки деталей книжных застежек.

разместить его внутри первоначально защищенной территории, однако здание храма располагалось вплотную к замку. Размеры храма были невелики; исходя из площади насыпной платформы под ним, они могут быть реконструированы в пределах 12 × 8 м, однако, несомненно, это было одно из самых крупных зданий строившегося Ростиславля, служившего и высотной доминантой. Следует подчеркнуть, что от деревянных конструкций храма не сохранилось даже следов, но место его нахождения хорошо вычисляется по зоне разреженного размещения погребений в окружении плотно расположенных и прорезавших друг друга многоярусных захоронений, а также по частокольной канавке, ограничивавшей фундаментную платформу и имевшей четкий прямоугольный контур. На поверхности этой платформы зафиксированы пятна прокала от воздействия высоких температур (следы пожаров?).

Фундаментная платформа и частокольные канавки (а значит и храм) были сориентированы по линии ЗСЗ–ВСВ, а это позволяет предполагать, что, в отличие от церквей, возводившихся внутри уже существовавших городов, храм, строившийся на свободной территории, был ориентирован не на уличную сеть (ее, вероятно, в тот момент еще просто не существовало), а на пространственный (астрономический) ориентир – точку восхода солнца. Поэтому идея о совпадении ориентировки здания церкви с направлением на точку восхода солнца в день ее закладки, справедливо отвергнутая для подавляющего большинства церквей, построенных в средневековых городах Руси (Гаряев, 1978), в данном случае может как раз оказаться верной, тем более что имеется все же немало примеров подобных совпадений (Шевелев, 1968; Раппопорт, 1974. С. 46). Для того чтобы очертить период, когда такое событие было возможно, приходится пользоваться столь зыбкой базой, как ориентировка частокольных канавок, ограничивавших насыпь, служившую фундаментом храма. Они вытянуты по азимуту около 65° (Русаков и др., 2014. Рис. 6). Однако надо учитывать также и то, что площадка, на которой возводился храм, находится на 2–4 м ниже уровня окружающей равнины, что затрудняло прямое восприятие горизонта и приводило к тому, что восход солнца фиксировался наблюдателем не в момент его появления над горизонтом, а несколько позже. Нет также никакой уверенности, что направление на восход было отмечено строителями с абсолютной точностью. Поэтому расчет возможного периода закладки храма надо вести в более широком интервале азимутов – от 60 до 70°. На широте Ростиславля солнце восходит над линией горизонта в этом секторе либо в середине весны (вторая половина апреля – начало мая), либо в конце лета (август). Поэтому допустимо указать лишь приблизительный набор тех праздников, в честь которых могла совершаться закладка церкви. Из действительно значимых церковных событий на указанный весенний период не приходится ни один, зато на летний – сразу два: Преображение Господне (19 августа) и

Успение Богородицы (29 августа). Учитывая, что единственный в городе и расположенный в самом его центре храм неизбежно должен был исполнять функцию городского собора, нельзя не вспомнить о Спасо-Преображенском соборе Чернигова – города, находившегося в недолгом (1123–1127 гг.) владении отца князя Ростислава – Ярослава Святославича. Но и в случае посвящения в память Успения имелся не менее значимый образец для подражания – Успенский собор в Киево-Печерском монастыре. В пользу второго варианта посвящения говорит и тот факт, что самой ранней (1676 г.) из зафиксированных письменными источниками церквей Ростиславля была именно Успенская (Книги окладные…, 2004. С. 118). Поэтому, понимая всю зыбкость логических построений, представляется все же допустимым рассматривать Успенскую атрибуцию Ростиславльского храма как наиболее вероятную.

Разумеется, предложенная гипотеза не может претендовать на однозначность. Ведь в городе, основанном "во имя" князя, храм мог быть заложен в честь того святого, имя которого Ростислав Ярославич получил при крещении. Однако летописи его не сохранили, равно как и день рождения Ростислава, что исключает возможность любых предположений на этот счет.

Вокруг храма, на относительно небольшом пространстве, свободном от застройки, сразу же стал формироваться элитный некрополь, в котором могли хоронить священнослужителей Ростиславльского собора, а также наиболее знатных горожан. К числу этих избранных, вероятно, принадлежала и мать некого Комляты, поставившего в память о ней каменный крест, обломок которого был найден в 30 м к северо-востоку от храма (Коваль, Медведь, 2000). Размеры свободного места вокруг храма (с радиусом не более 10 м) и размещение к югу от него центральной городской площади не позволяют предположить, что на этом ограниченном пространстве могли совершаться захоронения всех жителей города. В поисках такого места приходится обратиться к погосту Ростиславль, расположенному в 300 м к югу от городища и зафиксированному документально с начала XVIII в. (существовал вплоть до 1937 г., когда был ликвидирован Советской властью).

Погост включал приходскую церковь, окруженную обширным кладбищем (рис. 1). К сожалению, долгие десятилетия (по рассказам местных жителей, с 1950-х годов) оно являлось объектом варварских разрытий кладоискателей, коллекционеров черепов и прочих вандалов, трудами которых практически вся кладбищенская территория оказалась полностью перекопана, а погребения на ней – уничтожены. Научные раскопки тут никогда не проводились, но в ходе мониторинга памятника Ростиславльской экспедицией ИА РАН (в том числе засыпки наиболее крупных разрытий) было установлено, что кроме захоронений Нового и Новейшего времени, здесь когда-то имелись и средневековые погребения. Особый интерес представляют выявленные во многих местах бесформенные и разномерные (но, как правило, не более 1 м в поперечнике) плиты известняка (рис. 1; 2, *1*), напоминающие "валунные надгробия", распространенные в Центральной России в XIV–XV вв. Никаких надписей или орнамента, равно как и следов обработки для придания формы на них не замечено, однако их присутствие в могильном перекопе нельзя считать случайным. Не исключено, что в XII–XIV вв. именно здесь размещалось городское кладбище Ростиславля, на котором могла находиться часовня, обслуживавшая заупокойные культовые действия. В XV–XVI вв., когда площадь Ростиславля резко сократилась, а кладбище внутри города, наоборот, стало расширяться, занимая участки, освободившиеся от жилой застройки, загородный некрополь стал больше не нужен и, вероятно, оказался заброшен. Однако ситуация изменилась в XVII в., когда город фактически перестал существовать, несмотря на то, что на протяжении первой половины столетия в нем еще собирались некоторые налоги (Медведь, 2004. С. 22, 23). Не совсем понятно, что послужило причиной переноса церкви на старое заброшенное кладбище (будущий погост Ростиславль), ведь на площадке городища было еще достаточно места для дальнейшего расширения некрополя (рис. 1), однако факт остается фактом: в конце XVII или начале XVIII в. дислокация церкви изменилась. Изучение уникального плана окрестностей Ростиславля, созданного в первой четверти XVIII в. (между 1711 и 1721 гг.), где на погосте Ростиславль показана недостроенная двуглавая церковь (но крест венчает только одну из глав), позволяет предполагать ее строительство (или перестройку?) именно в это время (Медведь, 2014. С. 201, 203). Но поскольку известно, что в первой половине XIX в. на погосте Ростиславль размещалась именно Успенская (тогда еще деревянная) церковь (Добролюбов, 1884. С. 196), весьма вероятно, что ее престол был перенесен из старого городского храма, переставшего существовать где-то в конце XVII в.

На площади городища Ростиславль не было найдено целых каменных надгробий, однако, судя по некоторым признакам, они там когда-то все же имелись. Одним из них могла служить разбитая на куски (при отрытии более поздней могилы) подпрямоугольная белокаменная плита размерами 70 × 40 см при толщине 10–15 см (рис. 2, *2*), лежавшая

Рис. 2. Ростиславль Рязанский. Известняковые надгробные плиты. *1* – в кладоискательской яме на погосте Ростиславль; *2* – в раскопе у алтарной части храма на Ростиславле.

в 4–6 м от места предполагаемого алтаря храма. Если она когда-то исполняла функции надгробия, то могла быть связана только с находившимся непосредственно под ней погр. 192, принадлежавшим женщине 35–45 лет[2] без всякого сопутствующего инвентаря. Оно перекрывало более ранние захоронения 183 (содержало остатки бронзового украшения неясного типа) и 197, датировка которых возможна в пределах второй половины XII – начала XIV в. (Русаков и др., 2014. С. 191. Рис. 7). Таким образом, погр. 192 может относиться к XIV–XV вв., а установленное над ним каменное надгробие – к одним из древнейших подобных памятников на Ростиславле.

С более поздним временем связана находка обломка надгробия толщиной 8 см с разметочной линией и декором (в оформлении круглого клейма), выполненным треугольно-выемчатой резьбой (рис. 3, *1*). Толщина плиты более характерна для надгробий XIV–XV вв., но особенности резьбы позволяют датировать его XVI в. (Беляев, 1996. Табл. XLI, *1, 2*. Фото 28, 29, 46, 55). Обломок найден в 2004 г. на площадке городища в 50 м к юго-востоку от храма. Обе указанные находки свидетельствуют о том, что в прошлом на Ростиславльском некрополе имелись белокаменные надгробия, хотя, вероятно, в небольшом количестве.

Кроме храма и некрополей, к числу культовых памятников средневекового Ростиславля, безусловно, принадлежали и предметы личного благочестия – тельные крестики и образки, а также такие прокламативные предметы, как наперсные кресты (в том числе энколпионы). По состоянию на конец 2013 г. таких вещей на Ростиславле учтено 56, среди них – 4 энколпиона, 3 наперсных креста иных типов и 2 отдельно найденных оглавия от крестов. Шесть находок были опубликованы А.А. Остапенко (2013. Рис. 2, *4, 5*; 3, *1–4*), поэтому здесь отметим только две новые находки. Обломок нижней ветви одной створки креста-энколпиона из медного сплава (2012-V-72)[3] с крестчатым расширением и нечетким поясным изображением неизвестного святого в нимбе (рис. 3, *2*) находит аналогии среди группы энколпионов и реликвариев XIV – начала XV в. с подобным оформлением лопастей (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 99, *4, 5*; Гнутова, Зотова, 2000. Кат. № 14, 15). Находка происходит из переотложенного слоя на площадке мысовой цитадели, однако именно с того участка, где размещались сразу несколько крупных подпольных ям от сменявших друг друга наземных построек XIV в. Обломок наперсного креста (2012-I-19) принадлежал изделию из твердого камня серого цвета (рис. 3, *3*). Одна боковая и часть верхней лопасти обломаны, лопасти имеют круглое сечение. Длина вертикальных и горизонтальных лопастей различалась незначительно, первоначальные размеры предмета составляли 5.5–6 × 5 см. Хотя на сломе верхней лопасти сохранились следы просверленного отверстия, трудно сомневаться в том, что концы креста были когда-то снабжены металлическими оковками, а объемность предмета и довольно крупные его размеры позволяют допускать, что он использовался как наперсный. Находка происходит из заполнения надворной печи (соор. 46), датированной второй половиной XIII в., однако плохая сохранность предмета позволяет допускать, что он попал сюда из более раннего слоя домонгольской эпохи.

[2] Определение – канд. ист. наук Д.В. Пежемского (Музей и НИИ антропологии при МГУ).

[3] Здесь и далее шифры находок состоят из трех цифр: год раскопок – номер раскопа (римскими цифрами) – номер предмета по описи.

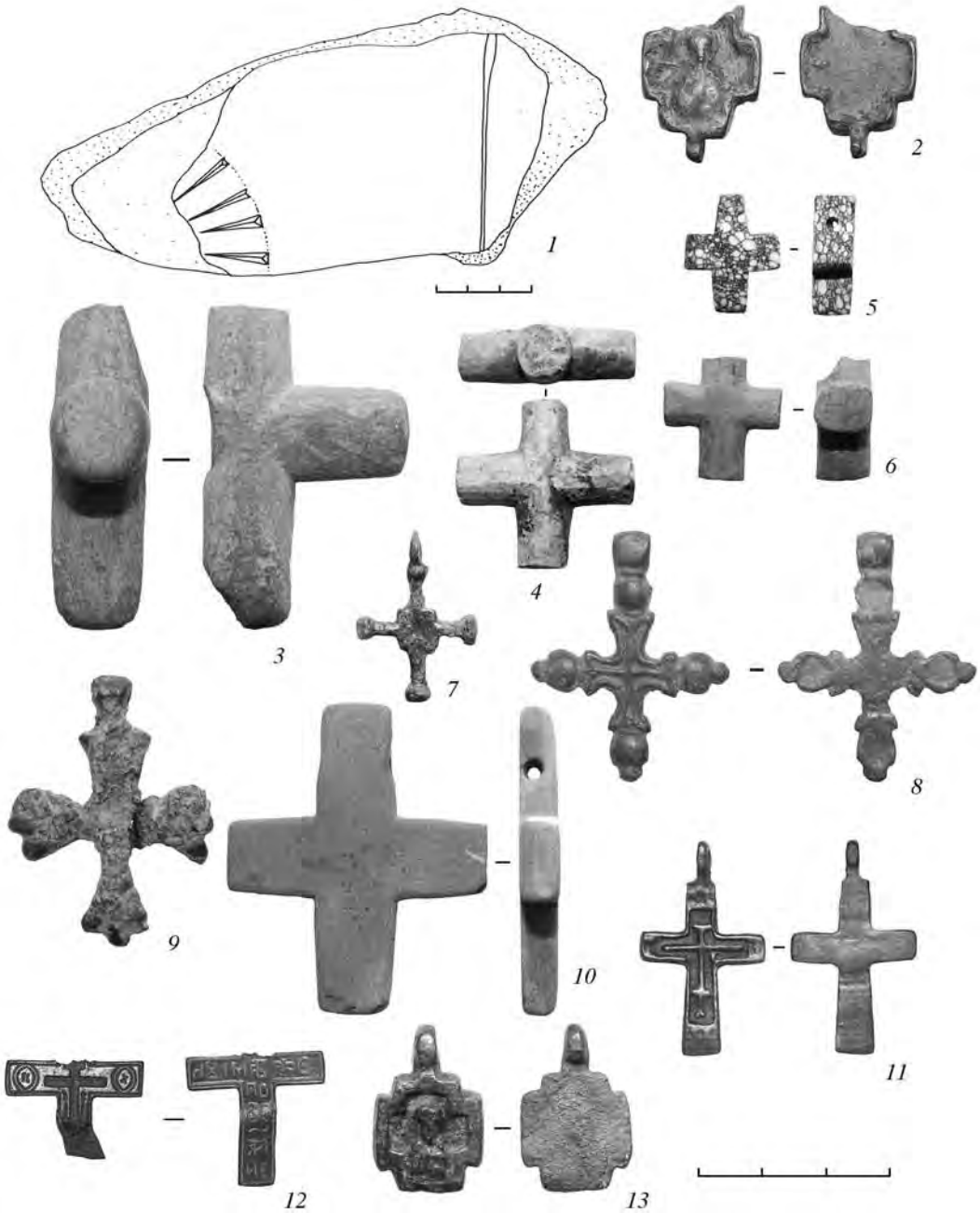


Рис. 3. Ростиславль Рязанский. *1* – обломок надгробия с резным декором; *2*, *3* – наперсные кресты; *4–12* – тельные кресты; *13* – иконка. *1* – известняк; *2*, *7–9*, *11–13* – медные сплавы; *3–5, 10* – камень; *6* – керамика.

Кресты-тельники представлены в ростиславльской коллекции 42 экз., среди них 3 каменных, 2 керамических и 37 изготовленных из разных сплавов. К домонгольской эпохе относятся 13 экз., причем 7 из них ранее не публиковались (они и рассмотрены ниже). Равноконечный (2.7 × 2.7 см) стеатитовый (?) крест с лопастями круглого сечения, поверхность которого несет следы обстругивания ножом (2011-II-75), был найден в комплексе второй половины XII в. Верхняя лопасть креста обломана по месту прохождения просверленного отверстия для гайтана (рис. 3, *4*). Второй каменный крест-тельник (2011-II-166) был зафиксирован в слое, отложившемся в первой половине XIII в. в верхней части более ранней ямы 560, в котором были собраны обломки горшка с древнерусской надписью, прочерченной по сырой глине (Коваль и др., 2013). Его высота (1.8 см) несколько больше ширины (1.4 см), но в целом его можно назвать равносторонним. Изготовлен он из серо-белой

осадочной породы[4], утрат нет (рис. 3, *5*). Подобные крестики часто называют “мраморными” или, согласно давней гипотезе Н.П. Кондакова (1896. С. 43), “корсунчиками”. Оба определения неверны и имеют только историографическое значение, поскольку подавляющее их большинство было изготовлено не из мрамора, а из разных осадочных и кристаллических пород, причем происходили они не из Корсуня (Херсонеса), а с основной территории Византии и других стран христианского Востока. В самом Херсонесе подобные крестики встречаются реже, чем на Руси, и, видимо, также привозились туда с южных берегов Черного моря.

Из этого же комплекса происходил близкий по размерам (реконструируемая высота – 2.2 см, ширина − 1.8 см) и округлому сечению лопастей керамический крестик с обломанной верхней лопастью (2011-II-179), явно имитировавший импортные каменные кресты-тельники (рис. 3, *6*). Он изготовлен из сильноожелезненной (красножгущейся) глины без видимых примесей. Подобные крестики встречаются нечасто, причем практически только в комплексах домонгольской эпохи, происходящих из городов Северо-Восточной Руси. В частности, они известны во Владимире и Белоозере (Жарнов, 2003. Рис. 6, *9−12*; Захаров, 2004. С. 226. Рис. 344, *5−12*). Правда, большинство известных керамических крестов имеет прямоугольное сечение лопастей, но иногда среди них встречаются и морфологически близкие публикуемому экземпляру (Захаров, 2004. Рис. 344, *11, 12*).

Четвертый тельник (из медного сплава), надежно относимый к домонгольской эпохе, был зафиксирован в погр. 257, в составе ожерелья, включавшего стеклянные бусы и криновидную привеску (2011-II-215). Он относится к довольно распространенному типу крестов с квадратным средокрестием и деформированными шариками на концах (рис. 3, *7*), известному на всей территории Руси (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103, 28; Муравьева, 1999. № 34; Захаров, 2004. С. 163, 164. Рис. 41, *32−35*; Остапенко, 2013. С. 130).

Еще три креста-тельника домонгольской эпохи, изготовленные из разных сплавов, найдены в переотложенном пахотном слое городища и в заполнении подпольной ямы XIV в. (2010-VII-295). Последний относился к тому же типу, что и найденный в переотложенном слое (2013-I-7), – к крестам с дугами в средокрестии и крупными шариками на концах (рис. 3, *8*). Третий (2011-II-16) имел расширяющиеся лопасти с трехчастными окончаниями (рис. 3, *9*), вероятно, наследовавшими крестам “скандинавского” типа XI–XII вв. (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103, *12−15*; Муравьева, 1999. № 42).

К золотоордынской эпохе (вторая половина XIII – XV в.) относятся 20 крестиков, большинство целых экземпляров которых опубликованы ранее (Остапенко, 2013. Рис. 1, *10−20*). К ним следует добавить только один каменный крест, найденный в погр. 248 (2011-II-221), причем его положение (под нижней челюстью) не оставляет сомнений в том, что он носился как тельник − на шее (рис. 3, *10*). Крест довольно крупный (4.8 × 4 см), но тонкий (0.6 см), поэтому вряд ли когда-либо имел оковки концов. Подобные кресты обычно датируют домонгольской эпохой (Жарнов, 2003. Рис. 6, *4, 5*; Муравьева, 1999. № 62−64, 67−70, 83, 87, 91), однако некоторые из них относят к золотоордынскому периоду − XIII−XV вв. (Муравьева, 1999. № 65, 66)[5]. Погребение 248, откуда происходил крест (без четкого полового определения), принадлежало к ранней группе погребений (Русаков и др., 2014. С. 191), однако в его заполнении был найден обломок керамики золотоордынской эпохи (правда, остальные 19 относились к домонгольской и дославянской эпохам). Таким образом, датировка погребения остается не вполне ясной, возможно его следует датировать в пределах XIII – начала XIV в.

К концу XV – XVII в. в материалах Ростиславля относятся не менее 10 крестиков, из них не публиковались ранее 2 прямоконечных, связанных с частично переотложенным слоем XVI в. (2013-I-130, -135), – одно- и двусторонний (рис. 3, *11, 12*).

К четырем опубликованным иконкам-подвескам из цветных металлов добавилась еще одна, крестчатой формы, с погрудным изображением неизвестного святого (рис. 3, *13*), найденная на площадке мысовой цитадели неподалеку от места находки аналогичной по форме иконки с изображением св. Николая, имеющей аналогии XIII в. (Остапенко, 2013. С. 135. Рис. 4, *1*). Может быть, данный экземпляр является более поздней упрощенной копией такой иконки, так что допустимо датировать его в пределах XIV−XV вв.

Подводя итог этой части свода, следует заметить, что из 56 предметов личного благочестия, найденных на Ростиславле, не менее 14 относятся к домонгольской эпохе (хотя только 4 из них обнаружены в синхронных контекстах, остальные – в более поздних комплексах или переотложенных слоях), а это четверть всей коллекции. Таким

[4] Определения породы камней, из которых изготовлены кресты, специалистами-минералогами не проводились.

[5] Датировка крестов из каталога А.М. Муравьевой проводилась д-ом ист. наук М.В. Седовой, научным консультантом издания.

образом, доля древностей этой эпохи несколько повысилась по сравнению с данными, полученными ранее (Остапенко, 2013. С. 138). Однако это повышение произошло только потому, что на протяжении нескольких сезонов исследовалась зона размещения наиболее ранних и богатых усадеб города, вытянутая вдоль края площадки, обращенной к Оке. Поэтому суммарная средняя доля домонгольских христианских древностей на Ростиславле, видимо, все-таки была ниже. Основную же часть этого корпуса составляют материалы второй половины XIII – XV в., что отражает процесс усиления урбанизации Ростиславля в это время. Поэтому следует согласиться с выводом А.А. Остапенко о том, что Ростиславль существенно уступал Старой Рязани по количеству и качеству христианских древностей домонгольской эпохи (2013. С. 137, 138). Да и по размерам (=численности населения), и по своему статусу этот пограничный городок Рязанской земли в домонгольскую эпоху был на порядок ниже столичного центра.

В дополнение к предметам личного благочестия хотелось бы кратко рассмотреть еще две группы изделий, связанных со средневековой культовой практикой. Прежде всего, это обломки елейниц, называемых также погребальными чашечками. Большинство из них представляет собой небольшие усеченно-конические сосудики с рифлеными стенками, изготовленные из красножгущейся, беложгущейся или кремовой (слабоожелезненной) глины, часто облицованные белым ангобом и всегда целиком покрытые зеленой прозрачной глазурью (нередко она расстеклована и покрыта толстым слоем непрозрачной желтой патины). Подобные сосуды изготавливались в Москве в конце XIV – XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 49. Табл.17, *3–5, 9, 14, 16*; Авдусина и др., 1984. С. 206, 207. Рис. 3, *1–9*; Беляев, 1995. С. 117. Табл. 90), откуда расходились по ближайшим окрестностям.

На Ростиславле обнаружены 12 обломков от не менее чем 7 сосудов этого типа (рис. 4, *1–4*), найденные как в переотложенном верхнем слое городища (1997-IV-106; 2012-VIII-274, -275; 2013-VIII-275), так и в комплексах из заполнения подпольных частей построек XV (2000-I-30, -31; 2003-I-146, -147; 2006-I-146, -147; 2011-VIII-239) и XVI в. (2013-VIII-303). По всем признакам они были привезены в Ростиславль из Москвы. Интересно, что большинство находок происходит из заполнения подполий под жилыми постройками, и лишь один обломок елейницы был найден на территории кладбища, но не в погребении, а в переотложенном верхнем слое. Пять обломков (от не менее чем трех елейниц) найдены в южной части городища, там, где нет никаких следов кладбища, но существовала застройка XV–XVI вв. (рис. 1). Очевидно, что московские елейницы использовались на Ростиславле не только в погребальном культе, но само их прямое отношение к христианскому культу вряд ли должно вызывать сомнения. Например, они могли служить масляными лампадками у икон в частных домах. То, что большинство находок датируется XV в., также не случайно, поскольку именно в это время Рязанское княжество имело тесные связи с Москвой, а Ростиславль еще оставался значительным городским центром. В XVI в., с присоединением к Москве и по ряду внешнеполитических факторов, значение Ростиславля резко упало (Коваль, 2004. С. 17–19).

К московским поливным елейницам следует добавить еще один редкий экземпляр близкой по форме красноглиняной чашечки с росписью вертикальными полосами белого ангоба по внешней поверхности (2003-I-54), найденный в комплексе обширного погреба под крупной жилой постройкой первой половины XVI в. (Коваль, 2005. Рис. 2, *3*). И особенности профилировки этой чашечки, и линейная роспись белым ангобом исключают московское происхождение, но позволяют предполагать ее изготовление в Коломне.

К числу деталей книжных застежек обычно относят предметы в виде “кинжальчиков” с отверстиями в “лезвии” (рис. 4, *5–7*), а также ажурные пластинки характерной формы (рис. 4, *8*), изготовленные из медных сплавов. На Ростиславле встречены в основном детали первой разновидности (шесть экз., в том числе один – на территории посада (2001–260)), тогда как вторая представлена всего одной находкой. Три детали застежек происходили из надежно датируемых комплексов второй половины XIV – начала XV в. (2008-II-109; 2012-VII-257, -258), одна – из комплекса XV в. (2010-VII-408), остальные – из пахотного слоя (2004-V-241; 2011-II-209; отмеченная выше находка с посада). Распределение находок по площадке городища указывает на то, что хотя они концентрировались вокруг храма, но встречены и на иных участках (рис. 1). Следовательно, книги присутствовали на многих усадьбах, что соответствует выводу о широком распространении грамотности в Ростиславле начиная с домонгольской эпохи, сделанном на ином материале (Коваль и др., 2013).

Последняя находка, на которую хотелось бы обратить внимание, – обломок железного предмета, найденного в верхнем переотложенном слое городища, в 50 м к востоку от церкви (1996-III-20). Искусная ковка с многочисленными декоративными отверстиями и приспособление для подвешивания

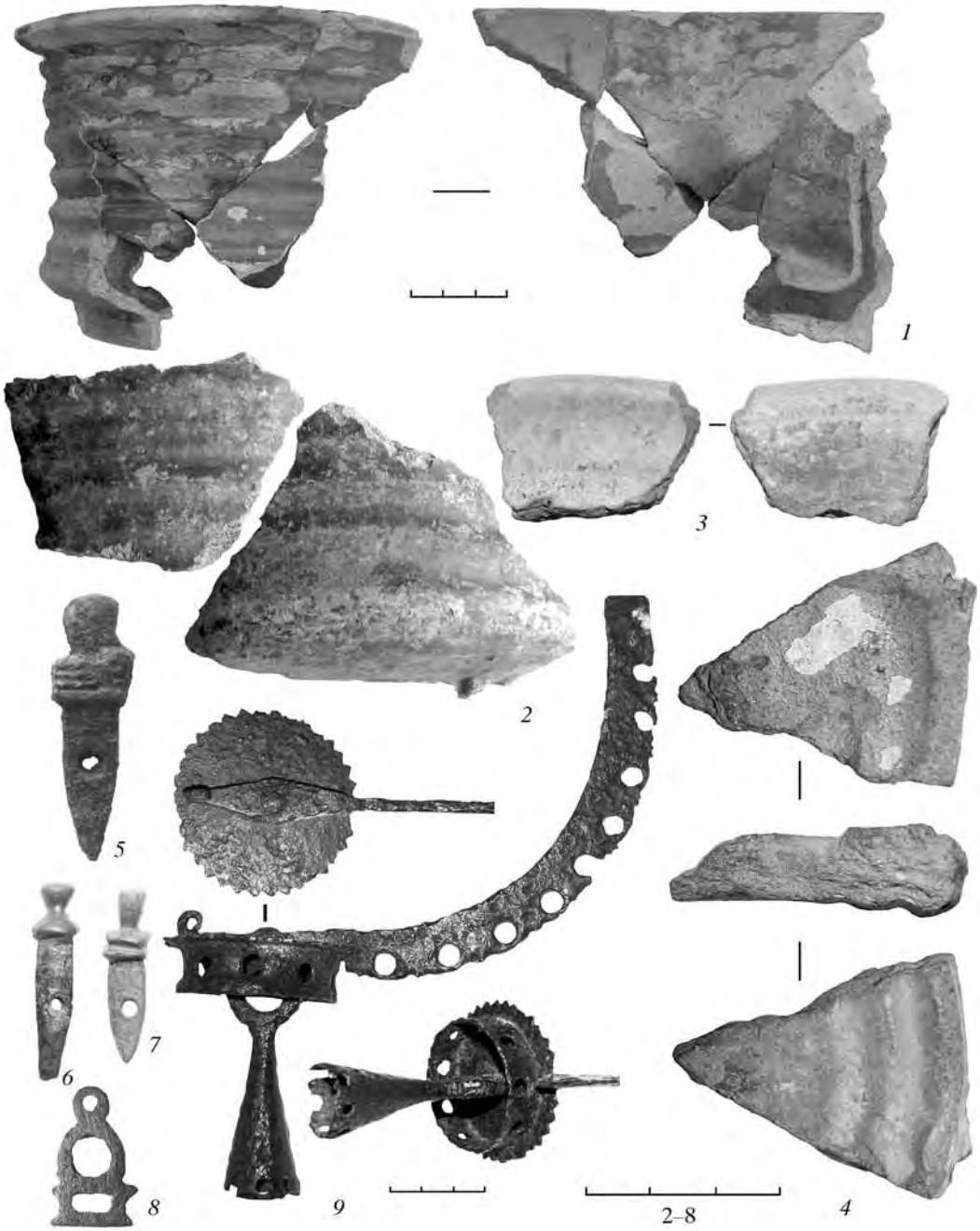


Рис. 4. Ростиславль Рязанский. *1–4* – обломки поливных елейниц; *5–8* – детали книжных застежек; *9* – обломок светильника. *1–4* – керамика; *5–8* – цветной металл; *9* – железо.

(лампады?) позволяет предполагать в нем часть светильника, который мог быть использован в одном из сменявших друг друга деревянных храмов города (рис. 4, *9*).

Завершая этот краткий обзор культовых памятников Ростиславля, необходимо обратить внимание на то, что пока они встречены только на территории детинца Ростиславля (площадке, ограниченной валами – руинами древо-земляных стен города) и той части посада, которая примыкала к нему с востока. На последнем найдены 12 крестов-тельников, из которых 1 – домонгольский (Остапенко, 2013. Рис. 1, *2*), обломок борисоглебского креста-энколпиона (Остапенко, 2013. Рис. 3, *1*), иконка с желтой эмалью (2009-267)[6] и арочная свинцово-оловянная

[6] В публикации А.А. Остапенко ошибочно названа найденной на площадке городища, у подножия вала (2013. С. 135).

иконка (2000-166) (Остапенко, 2013. Рис. 4, *2, 3*). Таким образом, на этой части посада обнаружены 15 предметов личного благочестия, что составляет 1/4 всех подобных находок на Ростиславле. При этом на других частях посада христианские древности не встречены вовсе. В особенности это замечание касается северного посада, на котором количество находок сопоставимо с коллекцией восточного. Вероятно, это различие частично объясняется тем, что в золотоордынскую эпоху северный посад запустел. Правда, неясно, почему на нем не встречены христианские древности домонгольской эпохи, когда эта часть посада была плотно застроена.

Таким образом, несмотря на 20-летние исследования Ростиславля, изучение его культовых памятников далеко не завершено и обещает в будущем немало новых открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. 1984. № 2. С. 201–211.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М.: Мейкер, 1995. 310 с.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с.

Гаряев Р.М. К вопросу об ориентации русских церквей // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 40–44.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: альбом. М.: Интербук-Бизнес, 2000. 136 с.

Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 1. Зарайск, 1884. 363 с.

Жарнов Ю.Э. Археологические исследования во Владимире и “проблема 1238 года” // Русь в XIII в.: древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 48−58.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 392 с.

Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском в 1676 году. Кн. 1 / Изд. А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2004. 447 с.

Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 12–21.

Коваль В.Ю. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: Инфра, 2005. С. 251–265.

Коваль В.Ю., Медведь А.Н. Новый памятник средневековой русской письменности Рязанской земли // РА. 2000. № 1. С. 194−206.

Коваль В.Ю., Медынцева А.А., Еремеев А.А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. № 3. С. 134−145.

Кондаков Н.П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. Том первый (единственный). СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. С. 42, 43.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. IX. 1-е изд. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 286 с.

Медведь А.Н. Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII веке // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. М.: ИА РАН, 2004. С. 22, 23.

Медведь А.Н. Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII вв. // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 199–205.

Муравьева А.Н. Энколпионы и кресты-тельники XI − начала XVI вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника: Каталог. Владимир, 1999. 27 с.

Николаева Т.В., Недошивина Н.Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 166–178.

Остапенко А.А. Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991−2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 130−140.

Раппопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 43–48.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-39). 99 с.

Русаков П.Е., Андрианов И.М., Коваль В.Ю. Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского // Археология Подмосковья: матер. науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 179−198.

Шевелев И.Ш. Строительная метрология и построение формы храмов древнего Новгорода конца XII в. // СА. 1968. № 1. С. 73–88.

CULT SITES OF ROSTISLAVL RYAZANSKIY IN THE CONTEXT OF CHRISTIAN ANTIQUITIES OF RYAZAN LAND

Vladimir Yu. Koval

Institute of Archaeology RAS, Moscow (kovaloka@mail.ru)

Christian antiquities of the fortified settlement Rostislavl (the remains of the town of the 12th – 16th cc. as a part of Ryazan land) including the square of the wooden temple surrounded by elite necropolis of the 12th – 14th cc. with the remains of stone grave monuments, the objects of private devotion (baptismal and pectoral crosses from a stone, horns, non-ferrous metals and small metal icons-appendices). Ceramic glazed cups used for funeral rites and details of books' clasps from non-ferrous metals are related to the same category of antiquities. Rostislavl of Pre-Mongol period significantly gave in on the amount and variety of such finds to the capital of Ryazan Province Staraya Ryazan which matches precisely its comparatively low status of that time.

Key words: Christian antiquities, temple, necropolis, crosses, book culture.

REFERENCES

Avdusina T.D., Vladimirskaya N.S., Panova T.D., 1984. Russkaya polivnaya keramika iz raskopok Moskovskogo Kremlya [Russian glazed ceramics from the excavation sites of Moscow Kremlin]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 2, pp. 201–211.

Belyaev L.A., 1995. Drevnie monastyri Moskvy (konets XIII – nachalo XV vv.) po dannym arkheologii [Ancient monasteries of Moscow (the end of the 13th – the beginning of the 15th cc.) according to archaeological data]. Moscow: Meyker. 310 p.

Belyaev L.A., 1996. Russkoe srednevekovoe nadgrobie [Russian medieval tomb stone]. Moscow: Modus-Graffiti. 563 p.

Dobrolyubov I.V., 1884. Istoriko-statisticheskoe opisanie tserkvey i monastyrey Ryazanskoy eparkhii [Historical-statistic description of churches and monasteries of Ryazan eparchy], 1. Zaraysk. 363 p.

Garyaev R.M., 1978. K voprosu ob orientatsii russkikh tserkvey [To the question of orientation of Russian churches]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 155, pp. 40–44.

Gnutova S.V., Zotova E.Ya., 2000. Kresty, ikony, skladni. Mednoe khudozhestvennoe lit'e XI – nachala XX veka. Iz sobraniya Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andreya Rubleva: al'bom [Crosses, icons, folding icons. Copper artistic cast of 11th – the beginning of the 20th c. From the collection of Andrei Rublyev Central Museum of Ancient Russian Culture and Art: the album]. Moscow: Interbuk-Biznes. 136 p.

Knigi okladnye..., 2004. Knigi okladnye monastyryam, tserkvam i chasovnyam Ryazanskoy eparkhii, uchinennye pri preosvyashchennom Iosife, mitropolite Ryazanskom i Muromskom v 1676 godu [Books setting frames to monasteries, churches and chapels of Ryazan eparchy, appeared at the time of the eminent Iosif, metropolitan of Ryazan and Murom in 1676], 1. A.I. Tsepkov, ed. Ryazan': Aleksandriya. 447 p.

Kondakov N.P., 1896. Russkie klady: Issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda [Russian hoards: Research of antiquities of the Great Princes period], 1. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya udelov. 214 p.

Koval' V.Yu., 2004. Istoriya Rostislavlya Ryazanskogo (po dannym pis'mennykh istochnikov) [The history of Rostislavl Ryazanskiy (on the written sources data)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: materials of a scientific workshop]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 12–21.

Koval' V.Yu., 2005. Pozdnesrednevekovaya keramika kolomenskogo tipa [Late medieval ceramic of Kolomeskoye type]. *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vekakh [Kulikovo field and the South-Eastern Rus in 12th –14th cc.]*. Tula: Infra, pp. 251–265.

Koval' V.Yu., Medved' A.N., 2000. Novyy pamyatnik srednevekovoy russkoy pis'mennosti Ryazanskoy zemli [New site of medieval Russian writing system of the Ryazan land]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1, pp. 194–206.

Koval' V.Yu., Medyntseva A.A., Eremeev A.A., 2013. Gorshok s nadpis'yu iz Rostislavlya Ryazanskogo [Pot with the inscription from Rostislavl Ryazanskiy]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 3, pp. 134–145.

Medved' A.N., 2004. Novye dannye o Rostislavle Ryazanskom v XVII veke [New data about Rostislavl Ryazanskiy in the 17th century]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: theses of a scientific conference]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, p. 22, 23.

Medved' A.N., 2014. Rostislavl' i okrestnosti v XVII–XVIII vv. [Rostislavl and its vicinities in the 17th – 18th cc.]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: theses of a scientific conference]*, 10. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 199–205.

Murav'eva A.N., 1999. Enkolpiony i kresty-tel'niki XI – nachala XVI vv. iz arkheologicheskikh kollektsiy Vladimro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika: katalog [Encolpions and body crosses of the 11th – the beginning of the 16th cc. from the archaeological collections of Vladimir-Suzdal Museum Preserve: the catalogue]. Vladimir. 27 p.

Nikolaeva T.V., Nedoshivina N.G., 1997. Predmety khristianskogo kul'ta [Objects of a Christian cult]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Lifestyle and Culture]*. Moscow: Nauka, pp. 166–178 (Arkheologiya).

Ostapenko A.A., 2013. Khristianskie drevnosti Rostislavlya Ryazanskogo (iz raskopok 1991–2010 gg.) [Christian antiquities of Rostislavl Ryazanskiy (from the excavation sites of 1991–2010)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1, pp. 130–140.

PSRL, 1862. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], IX. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicles collection, named as Patriarch or Nikon chronicle]. 1th edition. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa. 286 p.

Rappoport P.A., 1974. Orientatsiya drevnerusskikh tserkvey [Orientation of ancient Russian churches]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [*BCIA*]*, 139, pp. 43–48.

Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow ceramic production of the 12th – 18th cc.]. Moscow: Nauka. 99 p. (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-39).

Rusakov P.E., Andrianov I.M., Koval' V.Yu., 2014. Srednevekovoe kladbishche Rostislavlya Ryazanskogo [Medieval cemetery of Rostislavl Ryazanskiy]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: theses of a scientific conference]*, 10. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 179–198.

Shevelev I.Sh., 1968. Stroitel'naya metrologiya i postroenie formy khramov drevnego Novgoroda kontsa XII v. [Building metrology and the construction of temples' shape of ancient Novgorod in the end of the 12th century]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 1, pp. 73–88.

Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [Ancient Russian town Beloozero]. Moscow: Indrik. 392 p.

Zharnov Yu.E., 2003. Arkheologicheskie issledovaniya vo Vladimire i "problema 1238 goda" [Archaeological researches in Vladimir and the "problem of 1238"]. *Rus' v XIII v.: drevnosti temnogo vremeni [Rus in 13th c.: antiquities of Darkness time]*. Moscow: Nauka, pp. 48–58.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 196–202

ПЕЧАТЬ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА АФАНАСИЯ ИЗ ПЕРЕСЛАВСКОГО СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА

© 2015 г. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков, Вл.В. Седов, В.В. Бейлекчи

Институт археологии РАН, Москва
(nmakarov10@yandex.ru, russianchange@yandex.ru, sedov1960@ mail.ru)

В июле 2014 г. экспедицией ИА РАН в ходе исследования Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского в шурфе, заложенном внутри храма, была обнаружена свинцовая подвесная печать с изображением Богоматери, сидящей на престоле (вариант типа Никопея), и греческой надписью, в переводе означающей: Афанасий, милостью Божьей архиепископ Константинополя, Нового Рима и вселенский патриарх. По мнению авторов статьи, это патриарх Афанасий I, занимавший патриарщий престол в 1289–1293 и 1303–1309 гг. и сыгравший важную роль в истории русской церкви и межкняжеском противостоянии на Руси в XIV в.

Ключевые слова: Переславль-Залесский, Спасо-Преображенский собор, печать, константинопольский патриарх Афанасий.

В июле 2014 г. Институт археологии РАН провел археологические исследования Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском – одного из древнейших белокаменных храмов Северо-Восточной Руси, возведенного в середине XII в. в княжение Юрия Долгорукого. Работы были связаны с подготовкой проекта реставрации собора. Для исследования стратиграфии отложений и состояния фундаментов храма были заложены восемь шурфов общей площадью около 32 м^2, семь – у стен постройки с внешней стороны, один (шурф 8) – внутри храма, в южной боковой части, дьяконнике, на участке, где ранее уже проводились частичные вскрытия пола и строительных напластований (вероятнее всего, – в первой половине XX в.; позднее он был засыпан, при вскрытии 2014 г. обнаружилось, что стенки шурфа сохранили стратиграфическую колонку). Отсюда происходит уникальная находка – свинцовая подвесная печать с изображением Богоматери и греческой надписью (рисунок).

В шурфе 8 выявлены средневековые строительные отложения, в том числе проливки извести и прослойки белокаменной крошки, перекрывающие лежавшую на материке прослойку черного гумуса и древесного тлена, – горизонт начала строительства. В центре шурфа в материке расчищена яма от строительных лесов, а с востока и запада обнаружены валунные фундаменты на известковом растворе: с востока – фундамент платформы под южную апсиду, с запада – ленточный фундамент, соединяющий лопатку на стене и юго-восточный подкупольный столб собора. Вдоль южной стены в шурфе открыты основания и часть стенок белокаменного саркофага прямоугольной формы с практически полностью сохранившимся изголовьем, где уцелела даже часть крышки. Печать обнаружена в юго-западном углу шурфа, в переотложенном слое серого песка с известью и мелким камнем, на глубине 44 см от уровня современного пола, в целом совпадающего с уровнем пола первоначального. Печать (индивидуальная находка № 6) найдена ниже изголовья расколотого саркофага, вероятно, она попала сюда в результате ранее проводившихся земляных работ (отметка –187 см).

Первоначальный визуальный осмотр показал, что поверхность находки была сильно загрязнена. Верхняя часть фигуры Богоматери и правая треть надписи оказались покрыты желтоватым строительным известковым раствором, скрывавшим детали изображения и буквы. В октябре 2014 г. печать подверглась расчистке, реставрации и консервации во Всероссийском научно-исследовательском институте реставрации (ВНИИР, работы проведены М.П. Гайдуковым), открывшим высокую художественность в ее облике. В целом она имеет хорошую сохранность, но выступающие части рельефа фигур (лики, руки, одежды), а также буквы в трех нижних строках надписи и окружающем их ободке оказались слегка расплющенными. Не исключено, что в древности печать была плотно зажата между какими-то твердыми поверхностями, благодаря чему на мягком и пластичном свинце появились эти повреждения.

Моливдовул заметно выделяется в кругу подобных древностей своей массивностью. Оттиск матриц буллотирия сделан на круглой свинцовой пластине размерами 43–47 мм, толщиной 4–5 мм и весом 63.3 г. Заготовка печати значительно превышает размеры матриц. Диаметр оттиска по внешнему ободку на лицевой стороне составляет 33 мм, на оборотной – 34–35. Гурт печати уплощенный, на нем хорошо виден канал для шнура или ленты шириной 9 мм и высотой 1–1.5 мм. Он проходит сквозь пластину насквозь вертикально с небольшим отклонением влево относительно головы Богоматери.

На лицевой стороне печати в точечно-линейном ободке помещено изображение сидящей на престоле Богоматери (вариант типа Никопея), державшей перед собой младенца. Младенец Иисус расположен на ее коленях, но он почти стоит, и ноги его теряются в складках мафория. Довольно четко обозначены складки одежд. Богоматерь восседает на подушке, уложенной на широкий трон с высокой решетчатой спинкой. По сторонам головы Богоматери над спинкой трона под титлами – надпись – MP–ΘV.

На оборотной стороне печати находится восьмистрочная греческая надпись, окруженная точечно-линейным (?) ободком. Характер расположения букв позволяет заключить, что первоначально на поверхности матрицы изготавливались именно они, а ободок был лишь слегка намечен. Вырезая зеркально надпись, мастер несколько не рассчитал пространство внутри круга, и три последние буквы, составляющие восьмую строку, оказались на линии ободка. При этом они видны полностью, а ободок в этом месте прерывается. Это свидетельствует об его изготовлении на завершающей стадии работы над матрицей.

Надпись читается без труда:

+AΘĀNA CIOCEΛEWΘV PXIEΠISKOΠOC KWNTANTINOV ΠOΛEWCNEACPW MHCKAIOIKYME NIKOCΠPIAP XHC	+ Αθανά- σιος ελέω Θ(εο)υ αρχιεπίσκοπος Κωνσταντινου- πόλεως Νέας Ρώ- μης καί οίκ(ο)υμε- νικός π(ατ)ριάρ- χης

Перевод: Афанасий, милостью Божьей архиепископ Константинополя, Нового Рима и вселенский патриарх.

Тип печатей с изображением Богоматери и многострочной надписью хорошо известен в византийской и русской средневековой сфрагистике. Так оформлялись буллы высших церковных иерархов: патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов. Благодаря сохранившейся надписи персональная атрибуция печати может быть надежно установлена. Известны четыре константинопольских патриарха, носивших имя Афанасий. Два из них занимали престол в период существования Византийской империи: на рубеже XIII–XIV вв. и в середине XV в. Два других – в период Константинополя под властью Османской империи: в 1634 и 1679 гг. Найденную печать с большой долей уверенности можно связывать с деятельностью лишь Афанасия I, поскольку существование Афанасия II, последнего патриарха Византийской империи (1450–1453), подвергается историками сомнению. Относить печать к патриархам XVII в. невозможно: во-первых, из-за того, что на поздних патриарших печатях помещалось поясное изображение Богоматери (вариант типа Одигитрии), во-вторых, – из-за непродолжительности их служения. У Афанасия III оно длилось лишь с конца февраля по начало апреля 1634 г., а у Афанасия IV – вообще всего неделю в 1679 г. Таким образом, в атрибуции печати мы склоняемся к патриарху Афанасию I, хорошо известному по письменным источникам. Он занимал патриарший престол дважды: в 1289–1293 и 1303–1309 гг.

На территории средневековой Руси к началу XXI в. зарегистрировано более 100 византийских печатей (Bulgakova, 2004. S. 30, 31). Из них лишь одна относится к константинопольским патриархам. Моливдовул Евстратия Гарида (1081–1084) был обнаружен в 1935 г. при раскопках под руководством М.К. Каргера в северо-западной башне Софийского собора в Киеве (Каргер, 1945; Самойловскиі, 1973; Bulgakova, 2004. S. 81–84).

Позже стало известно о находках еще четырех моливдовулов высших церковных иерархов Византийской империи, два из которых опубликованы. В 2002 г. на средневековом поселении близ с. Алешня Рыбновского р-на Рязанской обл. была обнаружена печать патриарха Матфея I (1397–1410) (Янин, Гайдуков, 2003; Janin, Gaidukov, 2006. S. 203–206). Откуда-то с территории Украины происходит печать патриарха Сергия II Студита (1001–1019), опубликованная в 2013 г. (Алфьоров, 2013. С. 55. № 22). Еще две печати константинопольских патриархов зарегистрированы в 2009 и 2013 гг. и пока неопубликованы. Одна из них принадлежит Николаю III Грамматику (1084–1111). Она была обнаружена на одном из средневековых селищ в окрестностях г. Седнев Черниговского р-на Черниговской обл. (округа летописного Сновска). Другая – относится

к одному из четырех патриархов Михаилов, деятельность которых простирается от 1043 до 1212 г. Она происходит из окрестностей д. Жолобова Слобода Спасского р-на Рязанской обл.

Таким образом, к настоящему времени зарегистрированы уже шесть печатей константинопольских патриархов XI–XV вв., найденных на территории средневековой Руси. Две из них обнаружены внутри соборов, что лишний раз свидетельствует об использовании их в качестве архивохранилищ.

Печать патриарха Афанасия по иконографии изображения Богоматери является развитием печатей константинопольских патриархов более раннего времени; отличия состоят лишь в несколько разнящихся поворотах фигур и деталировке. Важной деталью представляется широкий трон с решетчатой спинкой, для средневизантийских патриарших печатей нехарактерный. Он есть на печати патриарха Германа II (1222–1240), которую можно рассматривать как один из образцов для печати патриарха Афанасия, причем образец, который в издаваемом моливдовуле сильно развит и даже облагорожен (Лихачев, 1899. С. 52, 53. Т. III, *3*). Не исключено, что образцом для патриарших печатей XIII в. послужила какая-то известная в Константинополе икона с изображением Богоматери Никопеи. Интересно, что на печати патриарха Матфея I (1397–1410) трон уже не имеет спинки (Лихачев, 1899. С. 51. Рис. 7; 1991. С. 170. Табл. LXIX, *11*; Янин, Гайдуков, 2003. С. 417. Рис. 1) – это говорит о том, что патриаршие печати имели подобную деталь только сравнительно короткое время.

Печать константинопольского патриарха Афанасия I: *1* – фото П.Г. Гайдукова; *2* – прорись И.В. Волкова.

Печати константинопольских патриархов известны по сфрагистическим коллекциям многих стран. Среди опубликованных моливдовулов выявлены пока два, относящихся к патриарху Афанасию. Одна печать происходит из берлинских музеев (Laurent, 1963. P. 30, 31. № 37. Pl. 6, 37), вторая, известная по выставке в Вене 1997 г., – из частной коллекции (Seibt, Zarnitz, 1997. S. 185, 186). Обе они, судя по фотографиям в изданиях, оттиснуты теми же матрицами, что и публикуемая печать из Переславля-Залесского.

Афанасий I, в миру Алексий, родившийся около 1235 г. в Адрианополе и умерший в глубокой старости (около 1315 г.) в константинопольском монастыре Ксиролоф, – одна из ярких фигур в истории палеологовской Византии. Монах, долгое время подвизавшийся в монастырях на Афоне и во Фракии, известный своим аскетизмом и отшельнической жизнью, был приглашен на патриарший престол по инициативе императора Андроника II Палеолога (1282–1328) и оказывал большое влияние на василевса и политику империи. Известно, что Афанасий был убежденным противником сближения Византии с латинским Западом, сторонником усиления императорской власти как имеющей божественное происхождение, идеологом очищения нравов византийского общества, часто вмешивавшимся в дела светского управления. Его общественные и религиозно-философские взгляды получили отражение в обширном эпистолярном наследии, в том числе – в переписке с императором. Патриарх дважды был вынужден оставлять константинопольский престол под давлением своих противников среди епископата и аристократии. Почитание Афанасия как святого началось вскоре после его смерти (Барабанов, 1981. С. 141–156; 1983. С. 52–64; Лобова, 1997. С. 34–48). Дьякон Игнатий Смолянин, сопровождавший митрополита Пимена в его поездке в Царьград в 1389–1393 гг., в своем “Хождении”

упоминает о посещении монастыря Ксиролоф, где находились мощи Афанасия: “и идохом в манастырь святаго Афонасия патриарха, емуже вдала посох на патриарьшество святая Богородица, и целовахом мощи его в теле” (Летописный сборник, именуемый…, 1897. С. 100).

Патриарх Афанасий сыграл заметную роль в истории русской церкви. В 1308 г. он поставил на русскую киевскую митрополию Петра, игумена Спасо-Преображенского монастыря на реке Рате, притоке Буга, прибывшего в Константинополь по инициативе галицко-волынского князя Юрия Львовича в качестве кандидата на поставление в галицкие митрополиты. Афанасий, поступив таким образом, отказался от разделения единой Русской митрополии, из состава которой в 1302 г. им была выделена Галицкая. Возведя Петра на святительскую кафедру, патриарх отказал в поставлении другому претенденту, тверскому игумену Геронтию, отправившемуся в Константинополь вместе с символами святительского сана, полученными им после смерти митрополита Максима: святительскими ризами, посохом и иконой Богоматери, ранее написанной для Максима игуменом Ратского монастыря. Колоритные подробности этих событий изложены в “Житии митрополита Петра”, первая редакция которого была составлена вскоре после его смерти в 1327 г. ростовским епископом Прохором, а вторая – спустя несколько десятилетий митрополитом Киприаном (Кучкин, 1962. С. 59–79; Седова, 1993. С. 21–47). Икона Богоматери, явившаяся Геронтию при отплытии в Константинополь, предрекла, что он не получит святительского сана. Корабль Геронтия “заблудися… в мори и бысть блудяи многы дни”, корабль же, на котором плыл Петр, “въскоре прииде в Костянтинъград”. Патриарх Афанасий, “испытав” Петра, “яко достоинъ пути святительскому, и святи его, и бысть митрополит”... “По времени же прииде Геронтей. Патриархъ же Афонасей испытав, и не освяти его, но весь санъ вземь и дасть Петру митрополиту, и ону икону святую Богородицу, е юже бе написалъ” (Седова, 1993. С. 24).

Но участие патриарха Афанасия в делах русской церкви и в судьбе митрополита Петра этим не ограничилось. Получив жалобу на митрополита от тверского епископа Андрея, Афанасий направил к Петру “от клирик своих единого мужа разумна, мудра и хитра”, с предложением рассмотреть выдвинутые против святителя обвинения на церковном соборе: “Се бо приидоша от вашего языка словеса тяжка и велика на твою святыню, подтщався буди пред святым соборомъ и дай ответъ симь словомь (Седова, 1993. С. 24). Собор состоялся в Переяславле (Залесском), ныне – Переславле-Залесском.

Сообщение о Переяславском церковном соборе сохранилось лишь в “Житии митрополита Петра”. Согласно его первоначальной редакции, в соборе участвовали ростовский епископ Семион, ярославский архимандрит Прохор, тверской епископ Андрей, “клирик от Костянтинаграда”, сыновья князя Михаила Тверского Дмитрий и Александр (сам князь Михаил находился в Орде) “и ины князи многы, и вельможи, и воеводы и множество преподобных игумень, и иереи”. Среди участников собора не было общего мнения по вопросам, вынесенным на обсуждение: “и бысть пря велика между ими”. В конечном счете, собор оправдал Петра, “и абие посрамлен бысть Андрей, епископ Тферской” (Седова, 1993. С. 25). Более подробный рассказ о Переяславском соборе присутствует в киприановской редакции жития. Здесь, в частности, сообщается, что Афанасий направил к Петру своего представителя “с писанием”, содержание которого было оглашено на соборе. “Тогда посланный патриархом клирик писаниа и словеса преподобному святителю Петру перед всеми являет”. Столкновение сторон было настолько острым, что Петр был готов оставить митрополичью кафедру (Седова, 1993. С. 81, 82). Неизвестные подробности Переяславского собора приведены в “Российской истории” В.Н. Татищева, где указано, что митрополита Петра на соборе поддерживал князь Юрий Данилович, “заступление” которого имело решающее значение (1965. С. 72).

Житие ничего не говорит о сути обвинений, выдвигавшихся против Петра Андреем Тверским и его единомышленниками. Согласно В.Н. Татищеву, предметом обсуждения на сборе были еретические воззрения новгородского протопопа, отрицавшего существование земного рая и выступавшего против института монашества (1965. С. 72). Однако большинство исследователей полагает, что главным вопросом, вынесенным на обсуждение, была допустимость поставления на церковные должности за деньги, противником чего выступал епископ Андрей и поддерживавший его Михаил Тверской (Седова, 1993. С. 13–15; Клюг, 1994. С. 102). Эта позиция изложена в послании тверского монаха Акиндина князю Михаилу Ярославичу (Написание Акиндина, мниха лавры святой Богородицы…, 1880). Об обвинении Петра в симонии идет речь в послании константинопольского патриарха Нифонта I (1310–1314) князю Михаилу Ярославичу, предписывающем митрополиту явиться в Константинополь для ответа на эти обвинения (Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому…, 1880).

Житие митрополита Петра не содержит однозначных указаний на время проведения Переяславского собора. У В.Н. Татищева известие о нем помещено под 1313 г., на ошибочность этой датировки указывает Р.А. Седова. В.А. Кучкин датировал собор 1311 г. (1962. С. 68), Р.А. Седова – 1310 (1993. С. 14), Э. Клюг – 1309, ссылаясь на то, что в этом году закончилось патриаршество Афанасия (1994. С. 102, 135). Авторы Православной энциклопедии относят проведение собора к 1309 или началу 1310 г. (http://www.pravenc.ru/text/164459.html).

Церковный собор 1309/1310 г. – один из острых моментов московско-тверского противостояния и столь же важная веха в истории русской митрополичьей кафедры. Выбор Переяславля в качестве места проведения собора соответствовал интересам московских князей: этот город, находившийся в центре борьбы между князьями в 1290-ые годы, отошел к Московскому княжеству в 1302 г. по завещанию бездетного переяславского князя Ивана Дмитриевича. Решения собора укрепили положение Петра на русской митрополии и позиции московских князей, выступавших в его поддержку. Однако противники Петра из среды тверского клира сохранили свое высокое положение в церковной иерархии (епископ Андрей, “самоделатель всем тогдашним молвам” (Седова, 1993. С. 82), занимал тверскую кафедру до 1316 г.) и не оставили попытки добиться низложения митрополита (Клюг, 1994. С. 102–105).

Логично предположить, что печать патриарха Афанасия, найденная в Переславле, скрепляла послание патриарха (упомянутые в Житии “писаниа”), адресованное Петру и участникам собора 1309/1310 г. Вполне вероятно, что церковный собор проводился в городском каменном соборе Переславля, где “писание” могло быть зачитано. Этот документ, оглашенный константинопольским клириком, представителем патриарха Афанасия, впоследствии мог храниться в дьяконнике Переяславского Спаса. Таким образом, моливдовул вселенского патриарха Афанасия I – не только яркое материальное отражение византийско-русских церковных связей в начале XIV в., но и археологическое свидетельство одного из самых драматичных событий церковной истории и межкняжеской борьбы, Переяславского собора, известного нам лишь по “Житию митрополита Петра” и сообщениям В.Н. Татищева.

Пользуемся возможностью высказать признательность Е.В. Степановой (Санкт-Петербург) и А.А. Алфёрову (Киев), оказавшим содействие в поисках аналогий публикуемой печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алфьоров О. Витоки: сфрагістична традиція Київськоі Русі // Тисяча років українськоі печатки: каталог виставки. Київ: Інститут історіі Украіни, 2013. С. 21–97.

Барабанов Н.Д. Борьба внутри византийской церкви на рубеже XIII–XIV вв. // Античная древность и средние века. Вып. 18: Античный и средневековый город. Свердловск: Уральский университет, 1981. С. 141–156.

Барабанов Н.Д. Отношения церкви и государства в Византии на рубеже XIII–XIV вв. (патриарх Афанасий I и император Андроник II Палеолог) // Античная древность и средние века. Вып. 20 (Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе). Свердловск: Уральский университет, 1983. С. 52–63.

Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина о поставлении по мзде (против митрополита Петра) // РИБ. 1880. Т. VI. Стлб. 147–150.

Каргер М.К. К истории византийской сфрагистики // Византийский сборник / Под ред. М.В. Левченко. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 260–264.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь: РИФ ЛТД, 1994. 431 с.

Кучкин В.А. Сказание о смерти митрополита Петра // ТОДРЛ. Т. XVIII. 1962. С. 59–79.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. XI. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 261 с.

Лихачев Н.П. Печати патриархов константинопольских // Тр. Московского нумизматического общества. Т. II. Вып. 1. Табл. III. М., 1899. С. 43–66.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор ком. В.С. Шандровская / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский; вступ. ст. В.С. Шандровской, В.Л. Янина. М.: Наука, 1991 (Научное наследство; Т. 19). 360 с.

Лобова Л.Ю. Состояние византийской церкви конца XIII – начала XIV в. в восприятии патриарха Афанасия I // Античная древность и средние века. Вып. 28. Екатеринбург: Уральский университет, 1997. С. 34–48.

Написание Акиндина, мниха лавры святой Богородицы, к великому князю Михаилу Ярославичу о поставлении мзды ради // РИБ. 1880. Т. VI. Стлб. 150–158.

Самойловскиі І.М. З археологічного літопису Київськоі Софіі // Середні віки на Украіні. Вип. 2. Київ, 1973. С. 101–104.

Седова Р.А. Святитель Петр, митрополит московский. М.: Русский мир, 1993. 200 с.

Татищев В.Н. История российская. Т. 4. М.; Л., 1965.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новая печать константинопольского патриарха Матфея I // Scripta Gregoriana:

сб. в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. М.: Изд. фирма “Восточная литература” РАН, 2003. С. 416–418.

Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. 349 s.

Janin V.L., Gaidukov P.G. Die Erforschung der altrussischen Urkundensiegel im 20. Jahrhundert: Forschungsstand und Besonderheiten der Zusammenstellung russischer Siegelsammlungen im letzten Jahrzehnt // Studies in Byzantine Sigillography. Bd. 9. München; Leipzig, 2006. S. 201–206.

Laurent V. Le corpus des sceaux de l’Empire Byzantin. T. V: L’Église, I: L’Église de Constantinople, A: Hiérarchie. Paris, 1963.

Seibt W., Zarnitz M.L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk: Katalog zur Ausstellung. Wien: Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1997. 231 s.

THE SEAL OF PATRIARCH ATHANASIUS OF CONSTANTINOPLE FROM THE CATHEDRAL OF TRANSFIGURATION OF THE SAVIOUR IN PERESLAVL-ZALESKIY

Nikolai A. Makarov, Piotr G. Gaidukov, Vladimir V. Sedov, Valentin V. Bejlekchi

Institute of Archaeology RAS, Moscow
(nmakarov10@yandex.ru, russianchange@yandex.ru, sedov1960@ mail.ru)

In July 2014 during the research of the Cathedral of Transfiguration of the Saviour in Pereslavl-Zaleskiy in a sounding trench made inside the temple a lead seal with the depiction of the Holy Mother sitting on the throne (similar to Nikopeia) and the Greek inscription which means “Athanasius, by the grace of God the archbishop of Constantinople, New Rome and Patriarch of Constantinople” was found by the expedition of IA RAS. In authors’ opinions, this is Patriarch Athanasius I who occupied the Patriarch throne in 1289–1293 and 1303–1309 and played an important role in the history of Russian Church and between the Princes’ opposition in Rus in the 14th c.

Key words: Pereslavl-Zaleskiy, the Cathedral of Transfiguration of the Saviour, seal, Patriarch of Constantinople Athanasius.

REFERENCES

Alf’orov O., 2013. Vitoki: sfragistichna traditsiya Kiivs’koi Rusi [Origins: sphragistic traditioon of Kyiv Rus]. *Tisyacha rokiv ukrains’koi pechatki: katalog vistavki [1000 years of Ukranian printing: the catalogue of the exhibition]*. Kiïv: Institut istorii Ukraini, pp. 21–97.

Barabanov N.D., 1981. Bor’ba vnutri vizantiyskoy tserkvi na rubezhe XIII–XIV vv. [Struggle in Byzantine Church at the turn of the 13th – 14th cc.]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka [Antiquity and Middle Ages], 18. Antichnyy i srednevekovyy gorod [Antique and medieval city]*. Sverdlovsk: Ural’skiy universitet, pp. 141–156.

Barabanov N.D., 1983. Otnosheniya tserkvi i gosudarstva v Vizantii na rubezhe XIII–XIV vv. (patriarkh Afanasiy I i imperator Andronik II Paleolog) [Relations between the Church and the government in Byzantium at the turn of the 13th – 14th cc. (Patriarch Athanasius I and the Emperor Andronikos II Palaiologos)]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka [Antiquity and Middle Ages], 20. Razvitie feodalizma v Tsentral’noy i Yugo-Vostochnoy Evrope [The development of feudalism in the Central and South-Eastern Europe]*. Sverdlovsk: Ural’skiy universitet, pp. 52–63.

Bulgakova V., 2004. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa: Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 349 p.

Dva poslaniya..., 1880. Dva poslaniya k velikomu knyazyu Mikhailu Yaroslavichu Tverskomu: konstantinopol’skogo patriarkha Nifonta I i russkogo inoka Akindina o postavlenii po mzde (protiv mitropolita Petra) [Two epistles to the Great Prince Mikhail Yaroslavich Tverskoy: Constantinople Patriarch Niphon I and Russian monk Akindin on the supplying bribe (against metropolitan Peter)]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiey [Russian historical library, published by Emperor Archaeological Committee]*, VI, col. 147–150.

Janin V.L., Gaidukov P.G., 2006. Die Erforschung der altrussischen Urkundensiegel im 20. Jahrhundert: Forschungsstand und Besonderheiten der Zusammenstellung russischer Siegelsammlungen im letzten Jahrzehnt. *Studies in Byzantine Sigillography*, 9. München; Leipzig, pp. 201–206.

Karger M.K., 1945. K istorii vizantiyskoy sfragistiki [To the history of Byzantine sphragistic]. *Vizantiyskiy sbornik [Byzantine collection]*. M.V. Levchenko, ed. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk USSR, pp. 260–264.

Klyug E., 1994. Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.) [The Province of Tver (1247–1485)]. Tver': RIF LTD. 431 p.

Kuchkin V.A., 1962. Skazanie o smerti mitropolita Petra [Legend on death of metropolitan Peter]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Ancient Russian literature department]*, XVIII, pp. 59–79.

Laurent V., 1963. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, V. L'Église, I. L'Église de Constantinople, A. Hiérarchie. Paris.

Likhachev N.P., 1899. Pechati patriarkhov konstantinopol'skikh [Seals of Patriarchs of Constantinople]. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshchestva [Transactions of Moscow Numismatic society]*, v. II, № 1, tabl. III. Moscow, pp. 43–66.

Likhachev N.P., 1991. Molivdovuly grecheskogo Vostoka [Lead seals of the Greek East]. V.S. Shandrovskaya, comp., B.B. Piotrovskiy, ed. Moscow: Nauka. 360 p. (Nauchnoe nasledstvo, 19).

Lobova L.Yu., 1997. Sostoyanie vizantiyskoy tserkvi kontsa XIII – nachala XIV v. v vospriyatii patriarkha Afanasiya I [The condition of the Byzantine Church in the 13th – the beginning of the 14th cc. in the perception of Patriarch Athanasius I]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and Middle Ages]*, 28. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet, pp. 34–48.

Napisanie Akindina..., 1880. Napisanie Akindina, mnikha lavry svyatoy Bogoroditsy, k velikomu knyazyu Mikhailu Yaroslavichu o postavlenii mzdy radi [Writing of Akindin, the conventual of lavra of the Holy Mother, to the Great Prince Mikhail Yaroslavich on the supplying bribe]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiey [Russian historical library, published by Emperor Archaeological Committee]*, VI, col. 150–158.

PSRL, 1897. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian chronicles], XI. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection, named as Patriarch or Nikon chronicle]*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. 261 p.

Samoylovskii I.M., 1973. Z arkheologichnogo litopisu Kiivs'koi Sofii [From the archaeological chronicle of Kyiv Sophia]. *Seredni viki na Ukraini [Middle Ages in the Ukraine]*, 2. Kiïv, pp. 101–104.

Sedova R.A., 1993. Svyatitel' Petr, mitropolit moskovskiy [Sanctifier Peter, metropolitan of Moscow]. Moscow: Russkiy mir. 200 p.

Seibt W., Zarnitz M.L., 1997. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk: Katalog zur Ausstellung. Wien: Österreichischen Akad. der Wissenschaften. 231 p.

Tatishchev V.N., 1965. Istoriya rossiyskaya [History of Russia], 4. Moscow; Leningrad.

Yanin V.L., Gaydukov P.G., 2003. Novaya pechat' konstantinopol'skogo patriarkha Matfeya I [New seal of Patriarch of Constantinople Mathew I]. *Scripta Gregoriana: sbornik v chest' 70-letiya akademika G.M. Bongard-Levina [Scripta Gregoriana: collection in honor of 70th anniversary of academician G.M. Bongard-Levin]*. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" Rossiyskoy akademii nauk, pp. 416–418.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2015, № 4, с. 203–207

ХРОНИКА

К ЮБИЛЕЮ ЕКАТЕРИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ ДЭВЛЕТ

В этом году Екатерина Георгиевна Дэвлет, ученый секретарь Института археологии РАН, руководитель Центра палеоискусства, отмечает свой юбилей. Она родилась 16 августа 1965 г. в Москве. В 1990 г. закончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре археологии, а в 1994 г. – аспирантуру Института археологии РАН. Одно из направлений ее научных интересов связано с древним искусством Америки. В 1995 г. под руководством В.И. Гуляева защищена кандидатская диссертация на тему “Искусство Нижней Центральной Америки в доколумбову эпоху (художественные изделия из камня)”, а в 2000 г. издана монография “Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки”. Параллельно с этой темой Екатерина Георгиевна разрабатывает обширный круг проблем, связанных с изучением наскального искусства. Это неудивительно, поскольку ее мать – Марианна Арташировна Дэвлет – крупнейший специалист нашей страны в области наскального искусства; свою любовь к древнему искусству, равно как и к науке в целом, а также удивительную работоспособность она передала дочери. Екатерина Георгиевна внесла большой научный вклад в разработку таких направлений в изучении наскального искусства, как история изучения, методы документирования, особенности техники и стиля, семантика, вопросы сохранения памятников. Результаты исследований обобщены в книге “Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование” (М.: Научный мир, 2002) и в докторской диссертации на ту же тему, защищенной в 2003 г.

С 1986 г. Е.Г. Дэвлет участвует в экспедиционных исследованиях на памятниках наскального искусства в Абхазии, Киргизии, Сибири и на Дальнем Востоке, в других регионах. Четыре полевых сезона (2005–2008 гг.) под ее руководством продолжалась экспедиция по изучению самого северного местонахождения петроглифов в нашей стране – на р. Пегтымель (Чукотка). Организация полевых работ в далеком регионе на труднодоступном памятнике требовала неимоверных усилий, в результате данное местонахождение петроглифов (открытое в год рождения Екатерины Георгиевны и впервые исследованное Н.Н. Диковым в 1967 г.) всесторонне обследовано и документировано, сейчас на нем известно порядка 350 плоскостей с наскальными изображениями; начата публикация материалов, полученных в ходе междисциплинарных исследований. В настоящее время осуществляет полевые работы на дальневосточных местонахождениях по рекам Амур и Уссури. Возглавив Центр палеоискусства, особое внимание Е.Г. Дэвлет уделяет технологическим аспектам исследования петроглифов и росписей, на практике реализуя междисциплинарный подход в изучении наскального искусства, вовлекая специалистов разного профиля: трасологов, химиков, физиков и т.д.

Екатерина Георгиевна интегрирована в международное научное сообщество, побывала на многих памятниках наскального искусства Европы, Азии и Америки, свободно ориентируется в мировой литературе по вопросам, связанным с изучением и сохранением древнего искусства. Список научных и научно-популярных трудов Е.Г. Дэвлет составляет более 200 наименований, среди них многочисленные работы на разных языках, 8 монографий и книг просветительского характера. Многие работы написаны в соавторстве с М.А. Дэвлет, среди них и уже ставшая библиографической редкостью книга “Мифы в камне. Мир наскального искусства России” (М.: Алетейа, 2005), суммирующая данные о разновременных региональных традициях, за которую в 2012 г. авторы были награждены премией Президиума РАН имени И.Е. Забелина.

Большое внимание Е.Г. Дэвлет уделяет популяризации наскального искусства не только через статьи и книги, но и с помощью современных технологий. По ее инициативе и под ее руководством созданы электронно-информационные интернет-ресурсы, в числе которых “Петроглифы Северной Евразии” (http://rockart-studies.ru), выпущен диск “Петроглифы Пегтымеля”. Изготовлена серия факсимильных копий петроглифов Пегтымеля, которые экспонируются в ряде музеев и привлекают внимание посетителей на многочисленных выставках, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге, Анадыре, Анкоридже (США), Шпицбергене (Норвегия) и др.

Не может не вызывать восхищения, что при всей своей занятости научной деятельностью Екатерина Георгиевна справляется еще и с огромным объемом организационной работы, общественной нагрузкой и учебными делами. С 1997 г. она является ученым секретарем диссертационного совета Института археологии. Член редколлегии журналов “Российская археология”, “Уфимский археологический вестник” и редакционного совета журналов “Археология, этнография и антропология

Евразии", "Теория и практика археологических исследований". Член Международного комитета по наскальному искусству ИКОМОС, совета при Президенте Башкирской Республики по сохранению пещеры Шульган-Таш (Каповой). Профессор Российского государственного гуманитарного университета, где читает лекции, руководит практикой и научной работой студентов, работает на факультете истории, политологии и права. Екатерина Георгиевна принимает активное участие в деятельности Межрегиональной общественной организации "Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства" как один из вице-президентов (в 2005–2008 гг. – президент), состоит членом международных профессиональных организаций. В 2005 г. в Москве ею была организована представительная международная конференция "Мир наскального искусства", вызвавшая резонанс среди исследователей наскального искусства многих стран.

В заключение добавим, что в Институте археологии Екатерина Георгиевна работает с 1985 г., т.е. в этом году исполняется и еще одна круглая дата – 30-летие работы в родном учреждении. Поздравляя Екатерину Георгиевну с юбилеем, от имени всех коллег и соратников, друзей пожелаем ей дальнейших научных успехов, новых книг, открытий, путешествий, проектов и, конечно же, здоровья и сил свершить все задуманное!

Кемеровский государственный университет

Е.А. Миклашевич

Редакция журнала «Российская археология»

К 60-летию ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГАЙДУКОВА

12 июля 2015 года исполнилось 60 лет Петру Григорьевичу Гайдукову.

Известный ученый, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук и автор многих книг, крупнейший сегодня в России специалист по русской нумизматике допетровского времени и древнерусской сфрагистике, П.Г. Гайдуков родился 12.07.1955 г. в станице Ладожской Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. По окончании исторического факультета Московского государственного университета по кафедре археологии (1977) он в том же году начал работать в Институте археологии (тогда – Академии наук СССР), где и трудится по настоящее время (с 2005 г. – на посту заместителя директора Института археологии РАН).

Одно из основных свойств юбиляра – устойчивость, упорство в движении по избранному научному пути – проявилось уже в студенческие годы, когда определились основные направления его интересов как ученого: русская средневековая нумизматика и сфрагистика, археология древнерусских городов (в первую очередь Новгорода) и история этих областей науки.

Петр Григорьевич очень рано сложился как ученый, в чем большую роль сыграло руководство его учителей, академиков В.В. Седова и В.Л. Янина. Уже кандидатская диссертация "Медные русские монеты конца XIV–XVI в." (защищена в 1985 г. под руководством В.Л. Янина) стала фундаментальным и, после публикации в качестве монографии (М.: Наука, 1993), широко используемым исследованием. В этой работе впервые был собран корпус рассыпанных по музейным и частным собраниям мелких медных монет (пул), и на этой основе сделаны важные выводы о денежном обращении в раннемосковский период истории Руси.

Логическим продолжением этого первого собранного нумизматического корпуса стала столь же тщательная работа по сбору материалов о мелких серебряных монетах, многие виды которых не становились ранее объектом исчерпывающего обзора. Итогом этих исследований стала докторская диссертация на тему "Младшие монетные номиналы средневековой Руси (Четверетцы, полушки и пула конца XIV–XVII в.)" (1999) и монография "Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв." (М.: Палеограф, 2006).

Для П.Г. Гайдукова как ученика В.Л. Янина закономерным явилось обращение к смежной исторической дисциплине – сфрагистике. Как соавторы, они подготовили к изданию новый том свода "Актовые печати Древней Руси. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг." (М.: Интрада, 1998) и серию ежегодных обзоров печатей в сборниках "Новгород и Новгородская земля. История и археология", продолжающую этот корпус.

Параллельно Петр Григорьевич занимался анализом собственно археологических материалов, аналитически проработав

и издав материалы одного из самых известных раскопов Новгорода Великого, Нутного (“Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп”. М., 1992). Эта работа стала образцовой для введения в оборот данных, получаемых при полевых исследованиях участков городского культурного слоя.

Перу П.Г. Гайдукова принадлежат также многочисленные статьи, общим числом более 400, тематика которых чрезвычайно широка – от публикации отдельных монет и печатей до анализа керамических коллекций и поселенческих структур.

П.Г. Гайдуков – поистине неутомимый собиратель и издатель самых разных видов исторических материалов. Помимо анализа и фундаментальной публикации нумизматических, сфрагистических и иных археологических источников, он очень много времени отдает работе в области систематизации знаний по истории интересующих его направлений в науке и введению в оборот новых историографических (и просто исторических) источников.

Трудной и особо ответственной работой стали биобиблиографические исследования – подготовка к изданию хранившихся в архивах рукописей выдающихся исследователей прошлого – нумизматов, историков, археологов – как не предназначавшихся для издания, но чрезвычайно ценных для истории и культуры (дневники нумизмата Алексея Васильевича Орешникова: Орешников А.В. Дневник. 1915–1933. В 2-х кн. М.: Наука, 2010, 2011), так и не напечатанных в силу трагических социальных обстоятельств в России XX века (книга Николая Павловича Бауера “История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г.” М.: Русское слово, 2014). Эти труды создателей современной нумизматики заняли совершенно особое место в российской науке. За работу над первым из них Государственный Исторический музей по праву удостоил Петра Григорьевича премии И.Е. Забелина.

П.Г. Гайдуков всегда выполнял большой объем “черновой” работы, не считая ее второстепенной. Здесь следует вспомнить организацию архива паспортов на памятники археологии в секторе археологических сводов ИА под руководством В.В. Седова еще в 1980-е годы, а также подготовку серии выпусков библиографического указателя “Археология Новгорода”. 1917–1980 гг. (1983), 1981–1990 гг. (1992), 1991–1995 гг. (1996), 1996–2000 гг. (2007) и библиографических списков ряда ученых, прежде всего справочника “Валентин Лаврентьевич Янин / сост. П.Г. Гайдуков, Л.А. Калашникова; авт. вступ. ст. П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров. 2-е изд., доп. М., 2014 (Материалы к биобиблиографии ученых: история; вып. 37)”.

П.Г.Гайдуков принимает участие в редколлегиях целого ряда знаковых периодических и продолжающихся изданий по археологии и истории, таких как “Российская археология”, “Российская история”, “Новгород и Новгородская земля. История и археология”, “Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара имени академика В.В. Седова”, “Методика полевых археологических исследований”, “Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Каталог отчетов” и др. Он входит в оргкомитеты Всероссийских археологических съездов и многих других заметных научных форумов по истории и археологии, активно работает там.

За плечами юбиляра многие полевые сезоны, в том числе – археологические разведки по программе паспортизации памятников археологии (Курская и Смоленская области), и, главное, раскопки в древнерусских городах. В 1978–1984 гг. он был заместителем начальника Изборской экспедиции ИА АН СССР В.В. Седова, а с 1984 г. – заместителем начальника Новгородской экспедиции В.Л. Янина. Здесь в 1985–1998 гг. он руководил крупными раскопами (Троицкий VIII, X и XI). На этом поприще в полной мере проявились неистощимая энергия и организационный талант Петра Григорьевича, умеющего наилучшим образом настроить работу такого сложного организма, как археологическая экспедиция – от создания необходимых бытовых и рабочих условий до научных раскопок и их документирования. Чрезвычайно тщательный и опытный полевой исследователь, П.Г. Гайдуков смог внести много нового в традиционную методику работ в Новгороде, способствовал усовершенствованию полевых исследований.

В последнее годы П.Г. Гайдуков возглавляет полевые работы, осуществляемые в Новгороде Отрядом Института археологии РАН. Для всех, кому посчастливилось работать в поле под началом Гайдукова, это время остается незабываемым, благодаря исключительно деловой обстановке и неповторимой дружеской атмосфере. Многие, работавшие под его началом (и не только его собственные аспиранты), с гордостью считают Петра Григорьевича своим учителем как в непростом ремесле “полевика”, так и в большой науке.

Как уже сказано, важное достоинство П.Г. Гайдукова – его универсальность как работника, умение видеть в организационных обязанностях важный инструмент развития исследований. В 2000–2005 гг. он возглавлял отдел истории Российского гуманитарного научного фонда, приложив немало усилий к делу поддержки гуманитарной науки в России. Заслуги юбиляра на научном поприще и в организационной работе оценены Российской академией наук, избравшей в 2006 г. П.Г. Гайдукова членом-корреспондентом по отделению историко-филологических наук. В настоящее время П.Г. Гайдуков ведет большую работу на посту заместителя директора ИА РАН, входит в ученый совет и диссертационный совет института.

П.Г. Гайдукова выделяют в нашем коллективе не только высокие заслуги ученого и руководителя. Петр Григорьевич в полной мере обладает рядом редких качеств: он человек, мало сказать серьезный, он внимателен и сосредоточен до крайности, но в то же время наделен внутренней живостью, веселостью, чувством юмора.

Не менее важны такие качества, как взвешенный и спокойный подход к непростым деловым вопросам, доброта, доброжелательность, понимание проблем окружающих, такт и готовность вникнуть в них, прийти на помощь, увлечь и заинтересовать той или иной научной темой. Не мудрено, что П.Г. Гайдуков заслуженно уважаем и ценим в археологическом сообществе.

Мы сердечно поздравляем Петра Григорьевича с юбилеем. Желаем ему творческих успехов, новых открытий и книг, неиссякаемого научного азарта, бодрости, радости и здоровья!

Коллектив Института археологии РАН,
Редакция журнала “Российская археология”

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНЕЦОВА

1 марта 2015 г. исполнилось 70 лет Алексею Владимировичу Чернецову, известному археологу, специалисту по русской средневековой культуре, профессору РГГУ.

А.В. Чернецов представляет собой тип ученого-энциклопедиста, сумевшего реализовать себя в разных областях исторического знания, а также в преподавательской деятельности и организации науки.

Увлекшись археологией в ранней юности, Алексей Владимирович закончил кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1968 г. и сразу поступил на работу в ИА АН СССР. При этом он никогда не воспринимал избранную научную область как науку исключительно о материальной культуре. Уже в кандидатской диссертации, защищенной по теме “Пахотные орудия Древней Руси” (1973), А.В. Чернецов сумел связать археологические реалии с проблемами реконструкции традиционной культуры землепользования. В его докторской диссертации на тему “Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв.” (1988) возрождалось практически забытое за годы советской власти направление в археологии. Ему посвящены и такие монографии А.В. Чернецова, как “Резные посохи XV в.” (1987), “Золоченые двери XVI в.” (1992), статьи о сюжетике древнерусских миниатюр и другие работы, в которых внимание автора было направлено на проблему связей средневекового декора не только с книжностью, но и с фольклором. Особое место среди этих работ занимают “Древнерусские амулеты-змеевики”, опубликованные совместно с Т.В. Николаевой (1991).

Как археолог-практик А.В. Чернецов, начиная с 1962 г., принимал участие в самых разных экспедициях, однако русские средневековые древности всегда занимали центральное место в его полевых исследованиях. В особенности это относится к работе на уникальном памятнике русского средневековья – городище Старая Рязань. Впервые оказавшись здесь в 1970-е годы, Алексей Владимирович возглавил Старорязанскую экспедицию ИА РАН в 1994 г. (после длительного перерыва в ее работе) – в один из самых сложных для российской науки и для страны в целом периодов. Ему удалось не только возродить экспедицию, но и превратить ее в один из передовых научных центров. Новая стратегия изучения памятника, привлечение специалистов из разных научных областей – все это привело к тому, что сейчас Старая Рязань – один из эталонных древнерусских объектов археологического изучения. Благодаря проводящимся здесь исследованиям наши представления о генезисе древнерусского города, его культурных связях, роли в развитии крупных регионов Восточной Европы и формировании древнерусской народности стали намного шире.

В 1991 г. А.В. Чернецов возглавил отдел славяно-русской археологии ИА РАН, также сумев проявить себя опытным руководителем и организатором научной деятельности. В 1990-е и 2000-е годы отдел плодотворно работал в разных направлениях, однако особое внимание А.В. Чернецов уделял проблематике древнерусского города. В этот период он, базируясь на итогах полевых исследований Старой Рязани, опубликовал целый блок статей, имеющих концептуальное значение для понимания генезиса и места города и городской культуры в развитии древнерусской культуры и государственности в целом. Итоги археологического изучения восточноевропейского города и городской средневековой культуры нашли отражение в организованных по инициативе А.В. Чернецова конференциях и полевых семинарах, изданных сборниках научных статей (“Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы”, 2006; “Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур”, 2012).

А.В. Чернецов активно способствовал возрождению в отечественной науке церковной археологии: учебно-методическое пособие по курсу “Русские церковные древности” было подготовлено им в 1996 г. совместно с Л.А. Беляевым.

Ученик Б.А. Рыбакова, А.В. Чернецов всегда интересовался и дохристианскими истоками русской культуры, но отошел от прямолинейных конструкций “исторической школы”, уделяя внимание изобразительному или текстологическому контексту исследуемых реалий. Особое значение при исследовании языческих верований и суеверий – феномена двоеверия – придавалось им книжным истокам. Исследование рукописной традиции представляет особое направление научной деятельности А.В. Чернецова, где он сотрудничает с А.А. Туриловым (см. программную работу: Турилов А.А., Чернецов А.В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. 1986. № 1. С. 95–103). Важным итогом этого сотрудничества стало, в частности, открытие нового рукописного источника в области русской отреченной книжности – книги “Рафли” (Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга “Рафли” // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. LX / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1985. С. 260–

344). А.В. Чернецов продолжает интенсивное исследование отреченного чтения с ориентацией на археологические источники (см. Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 584 с.).

Обращение к языческому наследию, равно как и к средневековой духовной культуре, предопределило интерес А.В. Чернецова к фольклору, что привело к тесному сотрудничеству юбиляра с отделом этнолингвистики Института славяноведения РАН. Уже в качестве заведующего отделом славяно-русской археологии ИА РАН, А.В. Чернецов инициировал проект комплексного изучения истоков русской культуры. В 1993 г. состоялась конференция “Истоки русской культуры (археология и лингвистика)”, посвященная этой проблеме. А.В. Чернецов был также приглашен Н.И. Толстым в первый состав редколлегии воссозданного в 1994 г. журнала “Живая старина”.

По инициативе и при непосредственном участии А.В. Чернецова (как ответственного редактора, комментатора и, частично, переводчика) вышел в свет русский перевод классического труда В.Ф. Райана “Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России” (М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.). В последние годы в центре научных интересов юбиляра оказался уникальный памятник русской легендарной историографии XVII в. “Кроник Псковский”, в котором многие личные имена и топонимы сопровождаются геомантическими знаками, известными по книге “Рафли”. Текст, почти целиком забытый в историографии, содержит, в частности, наиболее пространную (и легендарную) версию жития княгини Ольги и подробное описание освоения русского Севера в ее время. Наиболее детальный разбор содержания “Кроника” дан А.В. Чернецовым в статье «“Кроник Псковский” 1689 г.: Легендарная историография и астрологическая доктрина» (Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 114–182).

С 1996 г. А.В. Чернецов преподает в РГГУ (читает базовый общий курс “Археология” для нескольких специальностей), в 2004 г. ему присвоено звание профессора. Программа курса, написанная им совместно с Л.В. Коньковой, публиковалась в 2000 и 2002 гг. Он также является руководителем полевой производственной археологической практики студентов кафедры музеологии, проводимой на базе Старорязанской археологической экспедиции ИА РАН. А.В. Чернецов – член диссертационного совета РГГУ по культурологии. Для кафедры музеологии им подготовлен курс “Русские церковные древности”, а также спецкурс “Магия и гадания в древнерусских письменных источниках” (см. Алексей Владимирович Чернецов: биобиблиогр. указ. / Сост. Л.Н. Простоволосова. М.: РГГУ, 2006).

Профессор А.В. Чернецов подготовил большую группу молодых ученых – историков и археологов, которые под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации. Но круг его учеников невозможно ограничить только этим формальным списком. Опыт и знания выдающегося исследователя отразились в работе научного коллектива Старорязанской экспедиции, оказывая влияние на все научное сообщество историков и археологов, близких тематике древнерусского города, материальной и духовной культуры средневековой Руси.

Юбиляр продолжает плодотворно работать. Все мы, его коллеги, ученики, друзья, желаем ему новых свершений, творческого и физического долголетия и сердечно поздравляем со славным юбилеем.

Институт славяноведения РАН, Москва *В.Я. Петрухин, А.А. Турилов*

Институт археологии РАН, Москва *И.Ю. Стрикалов*

Сдано в набор 22.07.2015 г. Подписано к печати 16.09.2015 г. Дата выхода в свет 27.10.2015 г. Формат 60 × 80 $^1/_8$
Цифровая печать Усл. печ. л. 26.0 Усл.кр.-отт. 9.2 тыс. Уч.-изд.л. 26.0 Бум.л. 13.0
Тираж 349 экз. Зак. 614 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул. 90
Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6